Я ★
ЭЛТОН
ДЖОН
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга, написанная самим сэром Элтоном, – не просто биография скромного парня в очках, ставшего звездой. Это исповедь человека, который, пройдя испытание славой и множеством искушений, не изменил себе и не свернул со своего пути. Максимально честно и искренне Элтон Джон пишет о своей музыке, отношениях, наркотической зависимости и, наконец, обретении семьи и детей, являя читателю человечный образ «живой легенды» британской музыки.

- Элтон Джон
  -
  -
  -
  - пролог
  - один
  - два
  - три
  - четыре
  - пять
  - шесть
  - семь
  - восемь
  - девять
  - десять
  - одиннадцать
  - двенадцать
  - тринадцать
  - четырнадцать
  - пятнадцать
  - шестнадцать
  - семнадцать
  - эпилог
  - благодарности
  - список иллюстраций
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93

- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137

- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181

- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225

- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230

Элтон Джон
Я – Элтон Джон. Вечеринка длиной в жизнь

Элтон Джон
Я – Элтон Джон. Вечеринка длиной в жизнь
Elton John
ME
Copyright © 2019, Elton John
All rights reserved
© Мария Литвинова, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Самое интересное в книге – даже не моменты триумфа, а периоды борьбы с внутренними демонами на рубеже 80–90-х. Честная автобиография, без нарочитой драматургии и виньеток».
Николай Овчинников, редактор раздела «Музыка»
Афиша Daily

* * *

Посвящается моему мужу Дэвиду и нашим чудесным сыновьям – Закари и Элайдже.

Особая благодарность Алексису Петридису: без него этой книги бы не

было.

пролог

Стоя на сцене клуба «Латино» в Южном Шилдсе, я вдруг отчетливо понял: все, с меня хватит.

Таких «клубов для ужина» в шестидесятые-семидесятые по всей Великобритании было пруд пруди. И все примерно одинаковые, вроде этого «Латино». Праздные посетители в костюмах и платьях сидят за столиками, едят жареных цыплят из картонных ведерок, запивая вином в оплетенных бутылках; везде абажуры с бахромой, на стенах – тканевые обои; на эстраде идет программа в духе кабаре с конферансье в галстуке-бабочке. Будто из замшелого прошлого. А на дворе зима 1967 года, и звезды рок-музыки загораются так стремительно, что голова идет кругом: «Битлз» с их *Magical Mystery Tour*[1], The Mothers of Invention[2], группа The Who с альбомом *Sell Out*[3], Джими Хендрикс и его *Axis: Bold As Love*[4], Доктор Джон[5] и *John Wesley Harding*[6] Боба Дилана. Здесь же, в «Латино», единственная примета «свингующих шестидесятых» – разве что мой кафтан да цепь с колокольчиками на шее. И все это мне категорически не идет: я выгляжу как финалист конкурса на самого нелепого из британских «детей цветов».

Кафтан и колокольчики – это была идея Джона Болдри[7], иначе Долговязого Джона. Я тогда играл на клавишных в его бэк-группе под названием «Блюзология». Джон недавно обнаружил, что все остальные команды стиля ритм-энд-блюз внезапно ударились в психоделику – на прошлой неделе Zoot Money's Big Roll Band[8] еще выступала с репертуаром Джеймса Брауна[9], а теперь они вдруг называют себя «Колесница Данталиана[10]», выходят на сцену в белых хламидах и жалобно поют о том, что «вот придет Третья мировая и уничтожит на корню все цветочки». Джон решил, что мы должны следовать примеру коллег, хотя бы в отношении моды, вот нас и нарядили соответствующим образом. Музыкантов и бэк-вокал – в дешевые кафтаны, самому же Джону сшили эксклюзивные одеяния в Take Six на Карнаби-стрит. По крайней мере, он так *думал*. Но однажды, прямо во время выступления, заметил среди публики кого-то точно в таком же кафтане. Тогда он оборвал песню прямо посередине и начал орать: «Ты где взял эту рубаху? Это же моя рубаха, блин!» Такой выпад несколько противоречил образу человека, чей кафтан призван символизировать мир, любовь и всеобщее братство.

Но я обожал Долговязого Джона. Забавный, шумный и эксцентричный гей, выдающийся музыкант – возможно,

величайший мастер игры на двенадцатиструнной гитаре во всей Британии. В начале шестидесятых он был звездой британского блюза, играл с Алексисом Корнером, Сирилом Дэвисом и «Роллинг Стоунз» и знал о стиле блюз абсолютно все. Стоять рядом с ним – уже значило получать образование: лично мне он открыл огромный мир музыки, которой раньше я не слышал.

Джон был невероятно добрым, великодушным человеком и обладал редким чутьем на таланты – умел увидеть в музыканте то, о чем никто пока не догадывался. Так было со мной, а еще раньше с Родом Стюартом, выступавшим в предыдущей группе Джона, Steampacket. Кроме Джона и Рода, в нее входили Джули Дрисколл[11] и Брайан Огер[12]. Блестящая команда, увы, распалась. Как мне рассказывали, однажды вечером после выступления в Сен Тропе Род и Джули поссорились, и Джули выплеснула на белый костюм Рода бокал красного вина. Уверен, вы представляете, что произошло дальше. В любом случае это был конец Steampacket. Тогда Джон нанял нашу группу «Блюзология», которая теперь и наяривала вместе с ним хип-соул и блюз в клубах и блюзовых подвалах по всей стране и дальше.

И это было здорово, несмотря на несколько странные представления Джона о подборе песен. Наши музыкальные сеты в своей оригинальности порой доходили до безумия. Допустим, начинали мы с настоящей блюзовой классики: Times Getting Tougher Than Tough[13], Hoochie Coochie Man[14] – и публика, считай, была уже в доску наша. Но тут Джон внезапно менял концепцию и решал спеть «Молотилку», новинку из Уэст-Кантри фривольного содержания – вроде тех, что горланят пьяные регбисты: «Корабль «Венера», например, или «Эскимосочка Нелл». Джон даже имитировал характерный юго-западный акцент. Потом, по его плану, мы исполняли что-то из «Великого Американского песенника»[15] – It Was a Very Good Year или Every Time We Say Goodbye, и он изображал американскую джазовую певицу Деллу Риз. Не знаю, с чего он взял, что публика ждет от него «Молотилки» или подражания Делле Риз, но, к счастью, он был абсолютно в этом убежден, и явные свидетельства обратного нисколько его не смущали. «Моды»[16], сидящие в первом ряду, пришли послушать легенду блюза Долговязого Джона Болдри – и вот теперь, не переставая жевать жвачку, глазели на сцену с нескрываемым ужасом: «Что, черт возьми, вытворяет этот мужик?» Это было забавно, хотя мне самому приходил в голову тот же вопрос.

Потом разразилась катастрофа: Джон выпустил сингл, который стал хитом. Очевидно, в таком случае следует радоваться, но Let the Heartaches Begin была сладенькой, весьма

посредственной балладой в духе «Выбора домохозяек»[17]. Ничего похожего на ту музыку, которую должен создавать звезда блюза Долговязый Джон. Новый хит неделями занимал первые строчки чартов, и его постоянно крутили на радио. Я мог бы сказать, что понятия не имею, почему Джон так поступил. Но на самом деле я знаю причину и нисколько его не осуждаю: он вкалывал на музыкальном поприще долгие годы, и лишь теперь ему удалось заработать хоть какие-то деньги. Блюзовые подвалы перестали нас приглашать, и мы начали играть в «клубах для ужина», где платили больше. Иногда отыгрывали по две программы за вечер. И никого здесь не интересовали ни роль Джона в развитии британского блюза, ни его виртуозное мастерство игры на двенадцатиструнной гитаре. Народ просто приходил попялиться на человека, которого показывают по телевизору. Временами у меня возникало ощущение, что публику вообще не волнует музыка как таковая. В некоторых клубах, если мы играли дольше отпущенного, администрация просто опускала занавес посреди песни. Но был и плюс: здешним зрителям «Молотилка» нравилась куда больше, чем «модам».

С балладой Let the Heartaches Begin имелась проблема: «Блюзология» не могла ее играть. Я не имею в виду «не хотела». Мы *не могли играть* в буквальном смысле слова. Предполагалось, что в исполнении участвуют оркестр и женский хор – звучание в духе Мантовани[18]. Мы же, ритм-энд-блюз-команда из восьми музыкантов, включая духовиков, воспроизвести такой звук никак не могли.

Тогда Джон решил записать минусовку на пленку. И вот наступил великий момент. Он втащил огромный магнитофон «Ревокс» на сцену, нажал кнопку и запел под записанное заранее сопровождение. Нам же оставалось тупо стоять и ничего не делать – в кафтанах, с колокольчиками на шее, пока публика поглощала жареную курицу и картошку. В общем, мука мученическая.

Единственным развлечением во время этого «живого» выступления было то, что, где бы Джон ни заводил свою балладу, женщины начинали визжать от восторга. Переполняемые страстью, они забывали про курицу с картошкой, бросались к сцене и хватались за шнур микрофона в надежде подтащить Джона к себе поближе. Уверен, с Томом Джонсом они проделывали то же самое каждый вечер, и ему это наверняка льстило, но Долговязый Джон Болдри был из другого теста. Вместо того чтобы наслаждаться любовью поклонниц, он приходил в дикую ярость, переставал петь и угрожающе кричал: «Если вы сломаете мне микрофон, заплатите пятьдесят фунтов!»

Однажды вечером дамы проигнорировали его предупреждение и продолжили упорно тянуть шнур на себя. Рука Джона взметнулась, и ужасный грохот раздался из динамиков. Холодея, я осознал, что Джон, похоже, врезал похотливой фанатке микрофоном по голове. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: чудо, что его тогда не арестовали и не предъявили иск за нападение на зрительницу. С тех пор главным развлечением нашей группы во время исполнения баллады стали размышления на тему того, стукнет Джон очередную оголтелую поклонницу микрофоном по голове или нет.

Именно эта песня звучала в Южном Шилдсе, когда на меня сошло озарение. С самого детства я мечтал стать музыкантом. Мечта принимала разные формы: иногда я представлял себя Литл Ричардом[19], иногда Джерри Ли Льюисом[20], иногда Рэем Чарльзом[21]. Но ни разу не воображал, что буду стоять на сцене «клуба для ужинов» в пригороде Ньюкасла, даже не прикасаясь к электрооргану «Вокс Континентал», пока Джон распевает свой хит под фанеру или в ярости требует у прекрасной половины публики пятьдесят фунтов за микрофон.

Но вот я стою здесь и ничего не делаю. Как бы я ни любил Джона, мне стало ясно: надо двигаться дальше.

Другое дело, что я не особо представлял, куда двигаться. Сам не знал, чем хочу заниматься, а главное – на что способен. Да, я играл на клавишных и пел, но на поп-звезду явно не тянул. Во-первых, выглядел неподходяще, о чем свидетельствовал нелепый вид в кафтане. Во-вторых, меня звали Редж Дуайт. Ну никак не звездное имя. «А сегодня в программе «Вершина популярности» новый сингл… Реджа Дуайта!» Нет, невозможно. У других участников «Блюзологии» имена и фамилии были вполне себе звучные: Стюарт Браун, Пит Гевин, Элтон Дин. Элтон Дин! Даже имя саксофониста больше подходит для поп-звезды, а ведь у него нет ни малейшего желания становиться таковой: Дин занимался серьезным джазом, а в «Блюзологии» просто убивал время, поджидая, пока на горизонте замаячит возможность присоединиться к какому-нибудь независимому квинтету, играющему джазовые импровизации.

Конечно, можно поменять имя, но смысл? Не только я сам считал, что не тяну на поп-звезду, такой приговор мне вынесли профессионалы. Несколько месяцев назад я ходил на прослушивание в «Либерти Рекордз»[22]. Компания разместила рекламу в газете «Мьюзикал Экспресс»: «Либерти Рекордз» ищет таланты!» Как выяснилось, мой талант их не устроил. Я встретился с парнем по имени Рэй Уильямс, поиграл для него, даже записал пару песен в их маленькой студии. Рэй решил, что у

меня есть потенциал, но все остальные в «Либерти» думали иначе: «Большое спасибо, но нет».

Вот такие дела.

И все же один вариант имелся. Во время прослушивания в «Либерти» я сказал Рэю, что мог бы писать песни – по крайней мере, наполовину… то есть сочинять музыку, но не тексты. Я пробовал вымучивать стихотворные строки для «Блюзологии» и до сих пор обливаюсь холодным потом, когда они приходят мне на ум: *«Мы будем вместе, да-да-да, клянусь, за это все отдам»*. Рэй, будто припомнив что-то в последний момент – или, возможно, в качестве утешительного приза, – протянул мне конверт. Какой-то парень, откликнувшись на призыв талантов, прислал свои стихи.

По-моему, сам Рэй их даже не читал.

Юноша, приславший тексты, жил в Линкольншире, в деревне Оумби-бай-Спитал, которую никак не назовешь рок-н-ролльной столицей мира. И работал на птицеферме – развозил в тачке тушки мертвых куриц. Но стихи оказались очень приличные. С некоторым влиянием Толкина, налетом эзотерики и не без сходства с A Whiter Shade of Pale группы «Прокол Харум»[23]. Но главное, ни один из текстов не вызвал у меня желания сгореть со стыда – а это значило, что стихи в конверте на порядок лучше моих собственных упражнений в стихосложении.

Вдобавок выяснилось, что я могу писать музыку на эти тексты, причем очень быстро. Что-то в них задело меня за живое – как и сам автор. Он приехал в Лондон, мы встретились и за кофе обо всем сразу договорились. Оказалось, Берни Топин никакой не деревенщина, для семнадцатилетнего парня он был весьма продвинутым: длинноволосый, привлекательный внешне, очень начитанный, большой поклонник Боба Дилана. Мы начали писать вместе – точнее, вместе, но по отдельности: он присылал тексты из Линкольншира, а я сочинял к ним музыку дома, в квартире матери и отчима в Нортвуд Хиллз. Вскоре у нас набралось около десятка песен. Понятно, что мы ни разу не продали ни одно свое творение никому из исполнителей. То есть, если бросить работу и посвятить все время созданию песен, мы точно вылетим в трубу. Но с другой стороны – что мы теряем, кроме денег? Тачку с мертвыми курами и Let the Heartaches Begin дважды в неделю?

Я сказал Джону и «Блюзологии», что ухожу в декабре, сразу после выступлений в Шотландии. Заявление приняли спокойно, без обид: как я уже говорил, Джон был человек великодушный. Во время полета домой я твердо решил, что должен наконец поменять имя. Не знаю почему, но я чувствовал – с этим надо поторопиться. Наверное, для меня такая перемена

символизировала старт новой жизни и отсечение всего старого: больше никакой «Блюзологии», никакого Реджа Дуайта. На скорую руку я придумал составной псевдоним: Элтон – от Элтона Дина, Джон – от Долговязого Джона Болдри. Элтон Джон. Элтон Джон и Берни Топин. *Авторский дуэт: Элтон Джон и Берни Топин.* Мне показалось, звучит круто. Необычно. Интригующе. По дороге из аэропорта Хитроу в автобусе я поделился планами с теперь уже бывшими коллегами. Они долго хохотали, а потом искренне пожелали мне удачи.

один

Элвиса Пресли я открыл для себя благодаря матери. Каждую пятницу после работы она получала недельную зарплату, по дороге домой заходила в «Сиверс», магазин электротоваров, где продавали еще и диски, и всегда покупала новую пластинку на семьдесят восемь оборотов. Для меня это был самый любимый день недели, и я с нетерпением ждал, что же она принесет на этот раз. Мама любила танцевать, ей нравились оркестры Билли Мэя и Теда Хита, а еще американские певцы: Джонни Рэй, Фрэнки Лейн, Нэт Кинг Коул и Гай Митчелл с его хитом «На ней папуасская юбка и ярко-красные перья». Но однажды мама принесла нечто совсем особенное. Сказала, что никогда прежде не слышала ничего похожего, но это так необычно, что не купить диск она не могла. Как только она произнесла имя – Элвис Пресли, – я вспомнил этого человека. В прошлые выходные, сидя в местной парикмахерской в ожидании своей очереди, я листал журналы и вдруг увидел фото самого феерического парня из всех, что попадались мне на глаза. Все в нем поражало: одежда, прическа, даже поза. В сравнении с народом, шагающим по улице лондонского пригорода Пиннер, он казался инопланетянином – с таким же успехом он мог быть зеленокожим и с антеннами на голове. Я был настолько ошарашен его видом, что не удосужился прочитать статью, и к возвращению домой имя напрочь вылетело у меня из памяти. Теперь я услышал его снова: Элвис Пресли.

Мама поставила пластинку, и сразу стало ясно: поет Элвис так же, как и выглядит, – инопланетно. Если сравнивать с тем, что обычно слушали мои родители, его Heartbreak Hotel вообще не следовало считать музыкой – такое мнение высказал мой отец и придерживался его долгие годы. Я уже успел открыть для себя рок-н-ролл – Rock Around the Clock стала хитом в 1956 году, но Heartbreak Hotel оказалась совсем из другой оперы. Грубоватая, с замедлениями, даже слегка жутковатая. И это странное эхо… Трудно было разобрать слова – я понял только, что его оставила любимая девушка, а дальше смысл ускользнул. Кто такой *dess clurk*? И что это за *Bidder Sir Lonely?*[24]

Хотя не важно, что именно он произносил. Главное, когда он пел, с тобой происходило что-то непонятное почти на физическом уровне. Ты словно напитывался удивительной энергетикой его голоса, заражался ею, как будто бациллы из динамика проигрывателя проникают прямиком в твое тело. Я тогда уже считал себя помешанным на музыке, и у меня даже была собственная небольшая коллекция пластинок, оплаченная

талонами и сертификатами, подаренными на дни рождения и Рождество. Прежде моим кумиром была Уинифред Атвелл, большая и невероятно жизнерадостная дама из Тринидада. Она выступала с двумя инструментами – маленьким изящным роялем, на котором играла легкие классические мелодии, и старым видавшим виды пианино для исполнения «ресторанных» песен и композиций в стиле рэгтайм. Мне нравилось ее искрометное веселье и театрально-восторженная манера, с которой она объявляла залу: «А теперь я иду к моему *другому* инструменту»; я обожал смотреть, как она подается вперед, к зрителям, с сияющей улыбкой на лице, и играет с таким упоением, будто в этот миг она счастлива как никогда. Я считал Уинифред Атвелл грандиозной певицей, но под ее музыку никогда не испытывал такого, как сейчас, когда слушал Heartbreak Hotel. Да и вообще никогда в жизни я ничего подобного не испытывал. Казалось, что-то бесповоротно меняется, и мир уже никогда не будет прежним. Время показало, что именно так и вышло: мир изменился.

И слава богу, потому что мир жаждал перемен. Я вырос в Великобритании пятидесятых годов, и до Элвиса, до рок-н-ролла, наша страна была довольно унылым местечком. Жизнь в Пиннере меня не раздражала – я не из тех звезд, чьей мотивацией было жгучее желание сбежать из пригорода. Если честно, мне даже нравилось там жить. А вот страна в целом производила удручающее впечатление. Все что-то скрывали, чего-то страшились, кого-то осуждали или, напротив, боялись осуждения. Я рос в мире, чьи обитатели с мрачным выражением лица подглядывали за соседями из-за оконных штор, где девушек отсылали в деревню, потому что они «попали в беду». Думая о Британии пятидесятых, я часто вспоминаю, как сидел на крыльце нашего дома и слушал разглагольствования маминого брата, дядюшки Реджа, который уговаривал ее не разводиться с моим отцом: «Развод – это же немыслимо! Что подумают люди?» Помнится, он еще произнес фразу: «И что скажут соседи?» Я ни в чем не виню дядю Реджа. В то время считалось, что гораздо важнее создавать видимость благополучного брака, чем просто быть счастливым.

Впрочем, совместную жизнь моих родителей сложно назвать браком. Я родился в 1947 году, но был из тех, кого называют «дитя войны». По всей видимости, меня зачали, когда отец демобилизовался из Королевских Военно-воздушных сил. В армию он вступил в 1942-м, в самый разгар Второй мировой войны, а после ее окончания ему предложили остаться в войсках. Родители были парой военного времени, их история на первый взгляд кажется романтичной. Познакомились они в день

поступления отца в армию – ему было тогда семнадцать, он работал в Риксмансворте на верфи, которая специализировалась на строительстве узких лодок для прохождения каналов. Шестнадцатилетняя мама, в девичестве Харрис, возила молоко в «Юнайтед Дэйрис» на телеге, запряженной лошадью, – такую работу до войны женщины никогда не выполняли. Отец увлекался игрой на трубе и однажды в увольнительной, выступая с группой в отеле «Норт Харроу», заметил среди зрителей маму.

Но на самом деле в браке Стэнли и Шейлы Дуайт ничего романтичного не было. Совместная жизнь сразу не задалась. Оба упрямые и вспыльчивые – эти качества мне «повезло» получить по наследству. Не уверен, что когда-то родители любили друг друга по-настоящему. В военное время люди торопились вступить в брак: никто не знал, что будет завтра, и даже в январе 1945-го, когда они поженились, эта неуверенность в собственном будущем сохранялась, так что приходилось ловить момент. Возможно, именно так сошлись мои мать и отец. Наверное, в самом начале они любили друг друга или, по крайней мере, им так казалось. Но со временем им все труднее стало общаться, и они постоянно скандалили.

Затишье наступало, когда отец уезжал – а это случалось часто. Его повысили до лейтенанта и постоянно отправляли за границу, в Ирак или Аден, так что я рос в доме, где, казалось, обитают одни женщины. Мы жили с моей бабушкой по материнской линии, Айви, в доме 55 по Пиннер Хилл Роуд – там же, где я родился, в одном из муниципальных домиков, заполонивших всю Британию в двадцатые и тридцатые годы: на две квартиры, с тремя спальнями, первый этаж – из красного кирпича, второй в белой штукатурке. На самом деле с нами жил еще один представитель мужского пола, но его присутствие было почти незаметно. Мой дед умер молодым от рака, и бабуля снова вышла замуж за парня, потерявшего ногу во время Первой мировой. Его звали Хорэс Сьюэлл, и он был человек с золотым сердцем, но компании не любил и почти все время проводил вне дома. Работал он в местном цветочном рассаднике «Вудманс», а на досуге копался в саду, выращивая для нас овощи и цветы.

Должно быть, в саду он прятался от моей матери – за что я его нисколько не осуждаю. У мамы был ужасный характер, и даже отсутствие отца в доме не исправляло положение. Вспоминаю резкие перепады ее настроения. Жуткое, мрачное, гнетущее молчание внезапно обрушивалось на дом, и тогда приходилось ходить на цыпочках и тщательно подбирать слова, чтобы, боже упаси, не вывести ее из себя и не получить тумака. В хорошем расположении духа она бывала ласковой, жизнерадостной и

обаятельной, но все равно почему-то постоянно искала поводы для раздражения и скандалов, и последнее слово всегда оставалось за ней. Помню знаменитую фразу дяди Реджа: «Шейла способна затеять склоку даже в пустой комнате». Долгие годы я считал, что все это по моей вине, что она, возможно, никогда по-настоящему не хотела становиться матерью. Она родила меня рано, в двадцать один год, увязла по уши в браке, который явно не удался, и вынуждена была жить с матерью из-за нехватки денег. Но потом сестра мамы, моя тетя Уин, рассказала, что она всегда была такой – уже в ранние годы с появлением Шейлы Харрис вокруг словно сгущались тучи. Другие дети боялись ее, и казалось, что ей это даже нравилось.

У мамы были чрезвычайно странные представления о воспитании. В те времена детей муштровали, в ходу были физические наказания, и, по общему мнению, непослушному сорванцу полагалось наподдать так, чтоб искры полетели из глаз. Этой философии моя мать следовала со всей страстью, что меня пугало и унижало, особенно если она распускала руки в людном месте. Ни с чем не сравнимое ощущение – бегать от нее по местному универмагу «Сэйнсбери» на глазах явно заинтригованных зевак и чувствовать, как твоя самооценка стремительно приближается к нулю.

Некоторые мамины методы воспитания казались чудовищными даже для той эпохи. Многие годы спустя я узнал, что она специфическим способом приучала меня ходить на горшок: била проволочной посудной мочалкой, пока не начинала идти кровь. Обнаружив это, бабуля, естественно, пришла в ярость, и в итоге несколько недель они не разговаривали. Еще один приступ бешенства случился у бабушки, когда она увидела, как мать лечит меня от запора: укладывает на сушильную доску на кухне и засовывает в задний проход кусочек карболового мыла. В общем, если мама и впрямь любила пугать людей, то в случае со мной она полностью удовлетворила эту свою страсть: я боялся ее до чертиков. Конечно, я все равно любил ее, ведь она была моей матерью. Но все детство провел в состоянии тревожного напряжения, отчаянно стараясь не вывести ее из себя. Если она была спокойна и весела, я тоже был счастлив, пусть и временно.

С бабулей таких проблем не возникало, ей я доверял всецело. Душа семьи, она единственная не ходила на службу; мама уже не развозила молоко, как во время войны, но работала продавщицей то в одном, то в другом магазине. Бабушка была настоящим матриархом, одной из легендарных представительниц старого рабочего класса: умная, но без причуд, привыкшая к тяжелому труду, добросердечная и жизнерадостная. Я ее обожал. Она

потрясающе готовила, умело выращивала цветы, овощи и зелень, любила иногда пропустить стаканчик спиртного и перекинуться в карты. Судьба не баловала ее с пеленок – отец оставил ее мать беременной, так что бабуля появилась на свет в приюте. Она никогда не говорила об этом, но, похоже, тяжкая жизнь привила ей спокойное и терпеливое отношение ко всему. Однажды я, малыш, завывая, спустился к ней со второго этажа за помощью – прищемил кожицу на своих мужских причиндалах молнией от штанов. Она вздохнула и принялась за дело так, будто всю жизнь занималась вызволением маленьких пенисов из капканов молний.

В доме у бабули пахло вкусной едой и дымком угольной печи. И всегда кто-то заходил в гости: тетя Уин или дядя Редж, мой двоюродный брат Джон или кузина Кэтрин, арендодатель или работник местной прачечной «Уотфорд Стрим», или человек, доставлявший уголь для печи. И еще в доме постоянно звучала музыка. Радиоприемник играл музыкальные программы: *Two-Way Family Favourites, Housewives' Choice, Music While You Work, The Billy Cotton Band Show*. А если радио молчало, тогда включали проигрыватель – в основном джаз, иногда классику.

Я часами рассматривал эти пластинки, изучал названия и логотипы звукозаписывающих лейблов. Синий Deccas, красный Parlophones, ярко-желтые MGMs, HMVs и RCAs – на двух последних по непонятной причине изобразили собаку, глазеющую на граммофон. Мне все это казалось волшебным: иголка опускается на пластинку, и рождается звук – разве не чудо? Помню, как однажды спустился вниз и обнаружил, что меня ждет подарок – большая коробка в обертке. Развернул – и какое же разочарование! Мне подарили конструктор «Мекано»!

Правда, у нас было пианино – бабушкино; на нем играла тетя Уин, а иногда упражнялся я. Существует множество семейных легенд о моем рано раскрывшемся великом таланте пианиста – чаще всего повторяется рассказ о том, как тетя усадила себе на колени трехлетнего меня, и я немедленно подобрал по слуху мелодию «Вальса конькобежцев»[25]. Понятия не имею, правда это или нет, но играть на пианино я начал очень рано, наверное, когда поступил в свою первую школу – Реддифорд. Подбирал мелодию «Все яркое, красивое» и другие религиозные гимны, которые пели на собраниях в церкви. Я родился с абсолютным слухом, как другие рождаются, например, с фотографической памятью, – услышав мелодию, садился за пианино и повторял ее более-менее точно. В семь лет я начал заниматься музыкой с дамой, которую звали миссис Джонс. Вскоре родители стали водить меня с собой на семейные сборы, праздники и свадьбы, чтобы я там играл My Old Man Said Follow the Van или Roll Out the

Barrel. Старые английские песни моя семья любила больше всего.

Пианино оказывалось очень кстати, когда отец приезжал на побывку. Он был типичный англичанин образца пятидесятых годов, обычно не выказывающий никаких эмоций, кроме гнева, – свидетельство неизбывной слабости характера. Он никогда не обнимал меня, не говорил, что любит. Но музыка ему нравилась, и в награду за игру я получал сдержанное «неплохо» или даже короткое одобрительное пожатие плеча в знак того, что он горд моими достижениями. На время я становился для него «хорошим парнем». Отца я не боялся так панически, как мать, но, наверное, лишь потому, что он редко бывал дома. Однажды, когда мне было шесть, мать решила покинуть Пиннер, оставить все свое семейство и отправиться с отцом в Уилтшир – его перевели в Линхем, неподалеку от Суиндона. Мало что помню о тамошней жизни. Вроде бы мне нравилось играть во дворе, но из-за смены обстановки я постоянно чувствовал себя не в своей тарелке и в итоге начал отставать в учебе. Мы пробыли там недолго – мама быстро поняла, что совершила ошибку. После возвращения в Пиннер стало окончательно ясно, что отец скорее наносит визиты, чем живет с нами.

Но когда эти визиты случались, все менялось. Внезапно появлялись новые правила. Я получал нагоняй не только за то, что, играя в мяч на лужайке, случайно попал в клумбу, но и за то, например, что *неправильно* ел сельдерей. А есть его *правильно*, если вас интересует, значит, не хрустеть, откусывая стебель. Однажды отец дал мне затрещину из-за того, что я *неправильно* снимал школьный пиджак; к сожалению, теперь я уже не помню, какой способ снятия пиджака он считал *правильным*, хотя в ту пору это знание казалось мне жизненно важным. Эпизод с пиджаком страшно расстроил мою тетю Уин, и она в слезах помчалась жаловаться бабуле. Очевидно, наученная горьким опытом приучения меня к горшку и маминой борьбой с моими запорами, бабушка велела тете не вмешиваться.

Почему это все происходило? Честно, я не знаю. Представления не имею, почему так вел себя отец, почему так поступала мать. Возможно, в случае с отцом сыграла роль служба в BBC, где вся жизнь была подчинена определенным правилам. Может быть, он немного ревновал, чувствовал, что из-за постоянных отъездов будто отрезан от семьи, и желание ввести свои правила было для него своеобразным способом утвердить свое место главы семейства. Возможно, дело и в воспитании, хотя его родители – мой дедушка Эдвин и бабушка Эллен – не казались слишком уж суровыми людьми. А может, и моя мать, и отец попросту не знали, как вести себя с ребенком? Ведь у них

совсем не было такого опыта. Не знаю. Знаю только, что отец вспыхивал как спичка и, похоже, слабо представлял, как надо пользоваться словами. Никаких разговоров по душам или даже предложений вроде: «А теперь иди сюда, давай это обсудим», – нет, он просто взрывался как бомба. Знаменитый семейный темперамент Дуайтов, проклятие моего детства, а затем и всей жизни, – эту «взрывоопасность» я получил в наследство. Я или генетически предрасположен к бесконтрольным вспышкам гнева, или же пример отца прочно укоренился где-то в подсознании. В любом случае в детские годы мне это обеспечило постоянную жгучую боль в ягодицах, а позже – и для меня самого, и для моего окружения – стало вечной занозой в заднице.

Если бы не мать с отцом, все было бы вполне нормально, несмотря на скучные детские развлечения пятидесятых годов: «Мул Маффин»[26] по телевизору, утренники по субботам в мэрии в Северном Харроу; Goons[27] по радио, чай с бутербродами воскресными вечерами. Вне дома я вообще чувствовал себя совершенно счастливым. В одиннадцать я перешел в среднюю школу округа Пиннер и стал совершенно обычным среднестатистическим учеником. Надо мной не издевались, и я никого не обижал, я не был ни зубрилой, ни, в отличие от моего друга Джона Гейтса, отъявленным хулиганом. Джон был из тех, кого всегда оставляют после уроков или заставляют просиживать часами в предбаннике кабинета директора – впрочем, никакие наказания никоим образом не влияли на его поведение. Я был полноват, но хорошо показывал себя на уроках физкультуры, не рискуя при этом превратиться в школьную звезду спорта. Играл в теннис, футбол – да во все что угодно, кроме регби: из-за моих объемов, меня бы обязательно выпускали на поле во время схватки, и там я бы постоянно получал промеж ног от «столбов»[28] противника. Нет уж, спасибо.

Моего лучшего друга звали Кит Фрэнсис, но вообще круг друзей у меня был широкий – и мальчики, и девочки. С ними я встречаюсь до сих пор, а иногда устраиваю встречи выпускников у себя дома. Перед первой такой встречей сильно волновался: прошло пятьдесят лет, я знаменитость, что они обо мне подумают? Но их это не волновало. Мы провели время так, будто на дворе 1959 год. Никто особенно сильно не изменился, у Джона Гейтса по-прежнему был огонек в глазах, из чего следовало, что он так и остался бедовым парнем.

Годами я жил жизнью, в которой ничего особенного не происходило. Самым ярким впечатлением стала поездка со школой в Аннеси – там мы встретились с французскими друзьями по переписке и, затаив дыхание, смотрели на «Ситроены 2CV» –

такой машины я никогда не видел, сиденья в ней выглядели прямо как шезлонги! Вспоминаю еще пасхальные каникулы – по причинам, теперь уже покрытым мраком забвения, мы с Барри Уолденом и Китом решили совершить велосипедную прогулку из Пиннера в Борнмут. Идея начала казаться мне сомнительной, когда я осознал, что на их велосипедах стоят переключатели скоростей, а на моем – нет. Стараясь не отстать от друзей, я ужасно мучился, крутя педали на подъемах.

Никаких рискованных ситуаций в моей жизни не случалось. Единственная опасность, которая меня подстерегала, – что кто-то из моих друзей умрет со скуки во время моих разглагольствований на тему пластинок. Коллекционированием их я не ограничивался. Каждый раз, покупая новый диск, я делал записи в блокноте: перечислял все композиции на стороне А, потом на стороне Б и переписывал всю остальную информацию: кто сочинил музыку и слова, какой лейбл, кто был продюсером. Память у меня тогда была отличная, так что я превратился в ходячую музыкальную энциклопедию. Невинный вопрос вроде: «А почему на песне Little Darlin группы The Diamonds игла перескакивает?» – приводил к длиннейшей тираде с моей стороны. Я объяснял, что Little Darlin записывала «Меркьюри Рекордз», чей дистрибьютор на территории Великобритании – компания «Пай Рекордз», единственный лейбл, который выпускает пластинки из новомодного винила, а не старого шеллака. А иглы из шеллака на виниле иногда ведут себя непредсказуемо.

Но я вовсе не жалуюсь на скучную жизнь в Пиннере, мне она правда нравилась. Дома порой происходили такие потрясения, что размеренное существование за его дверью казалось манной небесной: особенно когда родители снова попытались постоянно жить вместе – это было после того, как я перешел в среднюю школу. Отца перевели в подразделение BBC Медменхэм в Бекингемшире, и мы все переехали в Нортвуд, минутах в десяти езды от Пиннера, в дом 111 по Поттер-стрит. Прожили там три года, и этого хватило, чтобы понять: супружеской жизни не получается. Боже, это был сущий ад: постоянные скандалы, редко прерываемые ледяным молчанием. Невозможно вздохнуть спокойно. Когда твои дни проходят в ожидании очередной вспышки материнского гнева, а отец при этом беспрерывно попрекает нарушением бесконечных правил, ты в итоге теряешься и не знаешь, что делать. Непонятно, чего ожидать, и эта неопределенность переполняет страхом. Я как будто все время ходил по краю обрыва и боялся собственной тени. В довершение ко всему, я считал себя ответственным за крах родительского

брака, ведь большинство скандалов происходило именно из-за меня. Отец чего-то требовал, мать вмешивалась, и мгновенно вспыхивала грандиозная перебранка на тему моего воспитания. Все это явно не шло на пользу моей самооценке и привело к неуверенности в себе, от которой я долго не мог избавиться уже будучи взрослым. Мне даже не хотелось смотреть на себя в зеркало. Ненавидел свое отражение: толстый коротышка, лицо нелепое, волосы непослушные, распадаются прямо в процессе укладки. И еще я всячески избегал конфликтов, пугаясь их до смерти. И это тоже продолжалось десятилетиями. Деловые отношения, как и личные, у меня складывались со скрипом, потому что я всегда старался уйти от любого противостояния.

Не в силах терпеть родительские крики и скандалы, я обычно взбегал по лестнице наверх в свою комнату и запирал дверь. Там у меня царил идеальный порядок. Я собирал не только пластинки, но еще комиксы, книги, журналы, и был страшно дотошным: информацию о своих новых пластинках заносил в блокнот, выписывал детальные сведения о всех синглах и чартах из журналов «Мелоди Мейкер», «Нью Мьюзикал Экспресс», «Рекорд Миррор» и «Диск», потом сравнивал рейтинги и составлял из журнальных чартов собственный чарт. Я всегда был помешан на статистике. Даже сейчас мне каждый день присылают полные выкладки по всем чартам не только по стране, но и с американских радиостанций, рейтинги кинофильмов и бродвейских спектаклей. Многие артисты не следят за своими рейтингами, им просто не интересно. Во время наших разговоров иногда выясняется, что я знаю о том, как дела у их нового сингла, лучше, чем они сами. Безумие! Официальная причина такова: я хочу быть в курсе всего, что происходит, потому что сейчас мне принадлежит компания, которая снимает кино и ведет дела разных актеров. Но на самом деле я просто не могу иначе; статистику я собираю с дотошностью банковского работника. Это что-то вроде одержимости.

Наверное, психолог бы объяснил, что, будучи ребенком, я пытался внести ощущение упорядоченности в окружающий меня хаос – приезды и отъезды отца, бесконечные ссоры родителей. Их я не мог контролировать, как и перепады материнского настроения. Но я полностью контролировал все, что происходит в моей комнате. Находящиеся там предметы не могли причинить мне вреда – наоборот, они успокаивали. Я разговаривал с ними, обращался так, будто у них есть чувства. Если что-то ломалось, я страшно переживал, словно убил живое существо. Как-то во время особенно яростной склоки мать бросила в отца пластинку, и та разлетелась на бог знает сколько кусков. Это была The Robin’s

Return Долорес Вентуры, австралийской пианистки, работающей в стиле регтайм. Помню, я тогда ужасался молча: «Как же ты могла? Как ты могла уничтожить эту прекрасную вещь?»

С появлением рок-н-ролла моя коллекция засияла новыми гранями. Вокруг происходили и другие волнующие события, говорящие о том, что серый послевоенный мир меняется и жизнь движется вперед даже здесь, в северо-западном пригороде Лондона. Например, у нас в доме появились телевизор и стиральная машина, на Пиннер Хай-стрит открыли кофе-бар, казавшийся чем-то невероятно экзотическим до тех пор, пока неподалеку от Харроу не начал работать китайский ресторан. Но эти новшества приходили к нам медленно, постепенно, с перерывами в несколько лет. С рок-н-роллом было иначе. Он явился как будто ниоткуда, так стремительно и внезапно, что сложно было осознать, какой переворот он совершил буквально во всем. Вчера еще все слушали старого доброго Гая Митчелла с его Where Will the Dimple Be? и Макса Байгрейвса[29], распевающего про зубные щетки. Легкая, сладенькая музыка, рассчитанная на родителей, которые не хотят слышать ничего шокирующего или слишком волнующего: потрясений им хватило во время войны. Как вдруг появляются Джерри Ли Льюис и Литл Ричард, которые поют так неразборчиво, будто у них во рту пена. И родители их ненавидят. Даже моя мама, страстная поклонница Элвиса, терпеть не могла Литл Ричарда, и Tutti Frutti казалась ей невыносимой какофонией.

Рок-н-ролл был как бомба с продолженным действием: серия взрывов, грохочущих, мощных, быстрых, неостановимых – никто толком не понимал, что происходит. Фантастические композиции выходили одна за другой: Hound Dog, Blue Suede Shoes, Whole Lotta Shakin' Goin' On, Long Tall Sally, That'll Be the Day, Roll Over Beethoven, Reet Petite. Чтобы покупать пластинки, мне пришлось задуматься о субботней подработке. На счастье, мистер Мегсон, хозяин магазина «Виктория Уайн», как раз подыскивал помощника для работы на заднем дворе – собирать пустые бутылки в ящики, а ящики складывать в штабеля. Я решил, что это отличная идея, но не отдавал себе отчета, что она изначально обречена на провал: «Виктория Уайн» находился точно по соседству с магазином пластинок «Сиверс». Десять фунтов моей платы мистер Мегсон мог прямиком отдавать в кассу «Сиверса», минуя мои руки. Это раннее проявление того, что позже станет моим извечным отношением к покупкам: деньги не задерживаются у меня в кармане, особенно если очень хочется что-то купить.

Сегодня, шестьдесят лет спустя, сложно объяснить, какой

грандиозный эффект произвело появление рок-н-ролла. Это был глобальный переворот, мировая революция. Не только в музыке – в культуре в целом: в моде, кинематографе, общем мировоззрении. Казалось, что-то впервые принадлежит только нам, тинейджерам, что-то придумано исключительно для нас. Это дало нам возможность чувствовать себя другими, не похожими на родителей, и заставляло верить в то, что мы способны чего-то достичь. Очень трудно рассказать и о том, насколько сильно старшее поколение противостояло рок-н-роллу. Представьте себе приступы паники, вызванные появлением панков и гангста-рэпа, «модов», рокеров и «металлистов», а затем сложите их вместе и умножьте на два: вот примерно такой ужас наши «предки» испытывали перед рок-н-роллом. Черт, да они просто ненавидели его! И мой отец – сильнее всех. Ему вообще не нравилась музыка – кроме, пожалуй, Фрэнка Синатры. Но особенно его раздражало аморальное, по его мнению, влияние музыки на общество: «Посмотрите, как они одеваются, как себя ведут, как качают бедрами и выставляют напоказ свои причиндалы. Ты *не должен* иметь к этому никакого отношения!» А если бы я вдруг *стал* иметь к этому отношение, то в глазах отца превратился бы в «промышлялу» – в Британии так называли мелких жуликов, готовых урвать хоть что-то на любом сомнительном дельце. Отец и без того был уверен, что ничего путного из меня не выйдет – ведь я *неправильно* ем сельдерей. А рок-н-ролл уж точно приведет меня к полной деградации. При одном лишь упоминании об Элвисе или Литл Ричарде он разражался гневной тирадой, основной темой которой было мое неминуемое превращение в «промышлялу». То есть сейчас я с упоением слушаю Good Golly Miss Molly, а через пять минут уже прячу под кровать краденые нейлоновые чулки и бегу на улицу, чтобы в темных закоулках Пиннера зазывать честной народ на игру в наперстки.

Конечно, ничего подобного со мной не могло случиться – в подростковом возрасте я был невинней монаха-бенедиктинца. Но отец не хотел рисковать. В 1958 году, когда я начал учиться в средней школе округа Пиннер, уже было заметно, как меняется мода. Люди стали одеваться по-другому – но только не я. Мне категорически запретили носить все, что хоть как-то ассоциировалось с рок-н-роллом. Кит Фрэнсис рассекал в остроносых туфлях – носы у них были длиннейшие, казалось, они появляются в классе на несколько минут раньше самого Кита. Я же одевался по-прежнему, как отец в миниатюре, и туфли мои, как ни печально, в длину точно равнялись ступне. Единственным намеком на рок-н-рольное бунтарство были очки, выписанные доктором, – а точнее, то, как я их носил. По назначению врача

мне полагалось надевать их, только когда я смотрю на доску, сидя в классе. Я же, ошибочно воображая, что в очках похож на Бадди Холли[30], носил их не снимая и тем самым планомерно разрушал себе зрение. И в итоге мне пришлось-таки носить их постоянно, но уже по предписанию доктора.

Слабое зрение подкинуло мне проблему, когда дело дошло до открытий сексуального плана. Точно не помню обстоятельств, при которых отец застал меня за мастурбацией. Думаю, я пытался скрыть последствия, а не занимался, собственно, самим делом. Но я точно не напугался до смерти, как можно предположить, и в основном потому, что не понимал сути своих действий. Нет, правда. В сексе я очень поздняя пташка. Интерес к нему у меня пробудился на третьем десятке, хотя потом я сделал все, чтобы с лихвой наверстать упущенное. Но в школе похвальбы друзей приводили меня в искреннее недоумение: «Ага, братан. Ну, пригласил я ее в кино. И там малость помацал». *Помацал? Что это вообще значит? Зачем все это?*

Я думал, что всего лишь пробую вызвать у себя некие приятные ощущения, у меня и в мыслях не было, что это пробуждается моя сексуальность. Тем не менее, поймав меня на месте преступления, отец поведал мне расхожую байку о том, что если я буду *делать это*, то непременно ослепну.

Ясно, что множество мальчишек по всей стране слышали от родителей точно такую же страшилку, понимали, что это полный бред, и напрочь о ней забывали. Но мне отцовские слова крепко засели в голову. А что, если это правда? Я уже «посадил» себе зрение в дурацких попытках походить на Бадди Холли. Возможно, *делая это*, я вовсе перестану видеть? Я решил не рисковать. Многие музыканты рассказывают, что Бадди Холли очень сильно повлиял на их жизнь. Но я – единственный, кто из-за него перестал мастурбировать. Хотя самого Холли его приятель Биг Боппер[31] однажды застукал за этим занятием – во время гастролей или еще какой-то поездки.

Несмотря на жесткие правила насчет одежды и предупреждения о неминуемом падении в пучину криминала, разлучать меня с рок-н-роллом было уже слишком поздно. Я увяз по самое горло. Посмотрел в кино «Любить тебя»[32] и «Эта девушка не может иначе»[33]. Начал ходить на концерты и шоу. Каждую неделю шумная толпа школьников направлялась в театр «Гранада» в Харроу: я, Кит, Кей Мидлейн, Барри Уолден и Джанет Ричи – самые преданные поклонники. И еще парень по имени Майкл Джонсон – наверное, единственный из всей компании, настолько же одержимый музыкой. Он даже знал некоторые вещи, о которых я сам не имел представления. Пару лет спустя именно

он явился в школу, размахивая пластинкой «Битлз» Love Me Do[34], и заявил, что эти ребята станут самыми знаменитыми музыкантами после Элвиса. Я подумал, что Майкл малость преувеличивает, но потом послушал сингл и понял, что он, скорее всего, прав. Так у меня появилась еще одна одержимость.

Билет в «Гранаду» стоил два фунта и шесть пенсов, а на лучшие места в зале – пять фунтов. Цена адекватная, если учесть, что в одном шоу выступали и группы, и отдельные певцы. За вечер можно было послушать десять артистов: каждый исполнял по две песни на разогреве у гвоздя программы, который пел четыре или пять композиций. В зале «Гранады» в то или иное время отметились все – Литл Ричард, Джин Винсент, Джерри Ли Льюис, Эдди Кокран[35], Johnny&The Hurricanes[36]. А если кто-то по какой-то причине не мог украсить зал своим присутствием, мы мчались в Лондон: именно там, в «Палладиуме», я впервые увидел Клиффа Ричардса и «Дрифтерс» – его команда тогда еще не поменяла название на «Шэдоус». А тем временем в пригородах известные группы начали выступать и в небольших залах – в «Британском легионе» в Харроу и в «Кентонском клубе консерваторов».

Если хватало денег, можно было попасть на два, а то и три концерта в неделю. Смешно, но я не помню, чтобы хоть один не понравился мне или чтобы я пришел домой разочарованный, хотя некоторые шоу наверняка были чудовищными и с отвратительным звуком. Уверен, в «Британском легионе» в южном Харроу не имелось акустической системы, способной в полной мере передать бунтарскую мощь рок-н-ролла.

Когда отца не было дома, я наигрывал на пианино композиции Литл Ричарда и Джерри Ли Льюиса – моих кумиров. Меня восхищал не только их стиль исполнения, сам по себе невероятный: они играли напористо, агрессивно, будто собирались душу вышибить из клавиш. Больше всего изумляло другое – как они вскакивают во время исполнения, пинают ногой табуретку, вспрыгивают на крышку инструмента. Игру на фортепиано они сделали такой же зрелищной, захватывающей и даже сексуальной, как игру на гитаре или выступление вокалиста экстра-класса. Я и представить себе не мог, что такое возможно.

В общем, я настолько ими вдохновился, что и сам несколько раз попробовал выступить в местных молодежных клубах с группой под названием «Корветы». Ничего серьезного, все остальные участники тоже еще учились в средней школе в Нортвуде. Это продолжалось всего несколько месяцев, и платили нам в основном кока-колой, но внезапно я осознал, чем именно хочу заниматься в жизни. И мое желание никак не совпадало с

планами отца насчет моего будущего, которое, по его мнению, следовало связать с Королевскими ВВС или работой в банке. Пусть запихнет себе в задницу и банк, и армию, решил я, хотя никогда бы не осмелился произнести такое вслух. Но эта крамольная мысль явно свидетельствовала о том, что рок-н-ролл все же сделал из меня бунтаря – чего и опасался отец.

Наверное, у нас с ним никогда не было общих интересов, кроме, пожалуй, футбола. Самые приятные воспоминания детства у него были связаны с этим спортом – отец вырос в семье футбольных фанатов. Два его племянника, Рой Дуайт и Джон Эшен, стали профессиональными футболистами и играли за команду «Фулхэм» из юго-западного Лондона. В качестве поощрения он водил меня на стадион «Крейвен Коттедж», и мы наблюдали за игрой с боковой линии. В те дни правым инсайдом был Джимми Хилл[37], а больше всего голов забивал Бедфорд Джеззард[38]. Но даже за пределами футбольного поля Рой и Джон казались мне грандиозными личностями; встречаясь с ними, я всегда испытывал восторженный трепет. Закончив футбольную карьеру, Джон стал весьма удачливым бизнесменом, торговал американскими автомобилями и, навещая нас в Пиннере с женой Бет, парковал на улице «Кадиллаки» и «Шевроле» фантастического вида. Рой же, правый нападающий, просто был потрясающий игрок. Позже он перешел в «Ноттингем Форрест» и выступал за них в финале Кубка Англии. Этот матч я смотрел дома по телевизору, запихивая в рот шоколадные яйца, сбереженные с Пасхи специально для этого знаменательного события. Причем я не столько ел шоколад, сколько заталкивал его в рот в состоянии, близком к истерии. На экране происходило невероятное. На десятой минуте матча Рой забил первый гол. Его уже сватали в сборную, и гол, казалось, решил его судьбу: мой двоюродный брат – *мой кровный родственник* – будет играть за Англию! Это еще фантастичнее, чем американские тачки Джона! Но через пятнадцать минут Роя унесли с поля на носилках. Не гол, а перелом решил его судьбу – футбольная карьера закончилась. Нет, он пытался играть, но достичь прежнего уровня уже не мог. И в итоге стал учителем физкультуры в школе для мальчиков в южном Лондоне.

Команда, за которую болел мой отец, была далеко не такой сильной и внушающей страх соперникам – «Уотфорд». Первый раз он взял меня посмотреть игру, когда мне было шесть лет. Команда плелась где-то в самом хвосте так называемого «Третьего южного дивизиона» – рейтинг на грани вылета из футбольной лиги. На самом деле, незадолго до того, как я начал ходить на матчи «Уотфорда», команда сыграла так плохо, что ее

действительно выкинули из лиги; но позже, после подачи заявки на повторное вступление, все-таки вернули обратно. Одного взгляда на их стадион на Викерейдж-роуд хватало, чтобы составить о команде полное впечатление: всего две крытые трибуны, очень обшарпанные и маленькие – не стадион, а какая-то арена для собачьих бегов. Если бы я тогда хоть что-то соображал, я бы мгновенно оценил и этот стадион, и потенциал «Уотфорда». Начал бы болеть за команду, которая действительно умеет играть в футбол, и тем самым я бы избавил себя от почти двадцати лет безысходных страданий. Но в футболе все по-другому или, по крайней мере, должно быть по-другому. Это как зов крови: «Уотфорд» – команда моего отца, а значит, и моя команда.

Да и вообще, для меня не имели значения ни обшарпанность стадиона, ни безнадежная бездарность команды, ни холод, ни пронизывающий ветер. Я с ходу влюбился в футбол. Впервые – живая игра, радостное волнение из-за поездки на поезде в Уотфорд, из-за прогулки по городу до стадиона! Восторг! Продавцы газет подходят каждые полчаса и сообщают счет в другом матче. Мы всегда стояли на одном и том же месте на трибуне Шродделлс – эта зона называлась «Изгиб». Попасть туда впервые – все равно как принять наркотик, вызывающий немедленное привыкание. Я заразился футболом так же, как музыкой: составляя собственный «чарт чартов» у себя в спальне, вырезал из журналов списки команд в футбольных лигах, прикреплял их к стене и постоянно обновлял счет матчей. От этой зависимости я так и не избавился, да и не хотел избавляться – ведь она перешла мне от отца по наследству.

В одиннадцать лет преподавательница музыки отправила меня поступать в Королевскую Музыкальную академию в центральном Лондоне. Я успешно сдал вступительные экзамены. И следующие пять лет по субботам с утра ходил на занятия классической музыкой, а вечером – на футбол в Уотфорд. Вечернее мероприятие, конечно, нравилось мне больше, а вот академия почему-то нагоняла страх. Все казалось пугающим: величественное здание в эдвардианском стиле на Мэрилбоун-роуд, славная история академии – сколько людей училось здесь, а потом они стали знаменитыми композиторами и дирижерами! Все, кроме классической музыки, было под строгим запретом. Сегодня, конечно, все по-другому – каждый раз, оказываясь в академии, я ощущаю, какое это позитивное место; учеников поощряют заниматься тем, что им нравится, будь то поп, джаз или стиль, который они выдумали сами; плюс всем дают классическое музыкальное образование. Но в мои времена одно

лишь упоминание рок-н-ролла было кощунством – все равно что прийти в церковь и завести с викарием разговор о том, что вы всерьез заинтересованы сатанизмом.

Но иногда бывало весело. Я учился у замечательной преподавательницы по имени Хелен Пиена, любил петь в хоре. Получал огромное удовольствие, играя Моцарта, Баха, Бетховена и Шопена, их мелодичную музыку. Но во всем остальном тормозил по полной программе, был типичным лентяем. Мог неделями забывать про домашние задания, прогуливать занятия. Звонил из дома, хриплым голосом говорил, что заболел, а потом, чтобы мама меня не вычислила, садился в электричку и ехал до станции «Бейкер-стрит». Там пересаживался в метро и часа три с половиной кругами ездил по кольцевой линии, читая *The Pan Book of Horror Stories*[39] вместо того, чтобы разучивать Бартока. Я знал, что не стану классическим музыкантом. Во-первых, мне не хватало физических данных – пальцы короткие. Если вы посмотрите на фото концертирующих пианистов, сразу заметите, какие длинные у них пальцы: руки как тарантулы. К тому же не того я хотел от музыки. Делать все по правилам, играть точные ноты в предписанное время с определенным настроением и без всякой импровизации? Нет. Еще в детстве я понял, что это не для меня.

По иронии, годы спустя Королевская академия присвоила мне звание Доктора и ее Почетного члена – и это при том, что, будучи учеником, я не получал никаких значительных наград. Хотя почему по иронии? Никогда не считал, что учеба в академии была для меня пустой тратой времени. На самом деле я горжусь тем, что там учился. Я провел несколько благотворительных выступлений, чтобы собрать им деньги на новый орган; я ездил в концертные туры по Англии и Америке с Симфоническим оркестром академии и учредил там пять ежегодных стипендий. В академии учились люди, с которым годы спустя я работал, будучи уже Элтоном Джоном: продюсер Крис Томас, аранжировщик Пол Бакмастер, арфистка Скайла Канга, ударник Рэй Купер. То, что я усвоил на субботних утренних занятиях, органично вошло в мою музыку: как выстраивать гармоническую структуру, как работать совместно с другими музыкантами, как сводить воедино все детали. Именно благодаря учебе в академии у меня возник интерес к написанию музыки, в исполнении которой участвуют более трех или четырех струнных инструментов. Если вы слушали альбом *Elton John* – а возможно, и все остальные мои альбомы, – вы наверняка ощутили влияние классической музыки и всего того, что мне дала академия.

Как раз во время моей учебы родители наконец развелись.

Надо отдать им должное: несмотря на то что оба едва выносили друг друга, они долго старались сохранить брак – подозреваю, ради моего спокойствия. Это было неправильно, но они делали все возможное. В 1960 году отца отправили в командировку в Йоркшир, в Харрогейт, и мама встретила другого мужчину. Это и положило конец мучениям. Мы с матерью переехали к ее новому кавалеру – его звали Фред, он был художник и декоратор.

Наступили времена безденежья. Фред тоже пережил развод, у него росли четверо детей от предыдущего брака, так что финансово было очень и очень туго. Мы жили в Кроксли Грин, в чудовищной квартире с плесенью и отклеивающимися обоями. Фред подрабатывал мойщиком окон, брался за любую работу, лишь бы хватало на еду. И ему, и маме пришлось несладко. Дядя Редж оказался прав – в ту эпоху разведенные как будто несли на себе клеймо неудачников.

Но я несказанно радовался разводу родителей. Больше никаких мучительных усилий оставаться вместе любой ценой. Мама получила то, что хотела: избавилась от отца. И это – по крайней мере, на какое это время – изменило ее. Она была счастлива, что отражалось на моей жизни: в мой адрес стало меньше критики, меньше истерик. И еще мне очень нравился Фред – компанейский, великодушный, щедрый. Помню, он накопил денег и подарил мне велосипед с регулируемым рулем. Я как-то произнес его имя наоборот – Дерф, ему это показалось забавным, и прозвище прижилось. Никто больше не запрещал мне надевать то, что я хочу. Я начал называть Дерфа отчимом задолго до того, как они с матерью официально расписались.

Но главное – Дерф любил рок-н-ролл. Они с матерью поддерживали мое стремление сделать карьеру музыканта. Думаю, у мамы был дополнительный стимул: она знала, что это страшно злит моего отца. Но, по крайней мере на некоторое время, она стала моим самым преданным фанатом. А Дерф устроил мне первые платные выступления – в отеле «Нортвуд Хиллз», который на самом деле был никакой не отель, а типичный паб. Дерф как-то потягивал там пиво, услышал от владельца, что прежний пианист уволился, и предложил мою кандидатуру. Чего только я там не играл: песни Джима Ривза[40], Джонни Рея[41], Элвиса Пресли, Whole Lotta Shakin’ Goin’ On[42]. Кое-что из Эла Джолсона[43]: публика его любила. Конечно, не так сильно, как старые британские застольные, которые можно петь хором: Down at the Old Bull And Bush, Any Old Iron, My Old Man – все то, что затягивала моя семья после пары стаканов. Я неплохо зарабатывал. Платили всего по фунту за вечер, я играл трижды в неделю, но Дерф приходил со мной, расхаживал по залу с

полулитровой кружкой и собирал для меня чаевые. Иногда выходило пятнадцать фунтов в неделю – очень прилично для пятнадцатилетнего парня в начале шестидесятых. Я даже сумел накопить на электропианино «Хонер Пианетт» и на микрофон, чтобы в шумном пабе меня было лучше слышно.

Игра в пабе не только давала заработать. Что очень важно, она научила меня бесстрашию перед публикой: отель «Нортвуд Хиллз» не назовешь самым мирным и благопристойным заведением Британии. Я играл в общественном баре, а не в заведении повыше классом по соседству, и почти каждый вечер после того, как посетители как следует нагружались спиртным, начиналась битва. Нет, не словесная перебранка, а самая настоящая старая добрая драка – когда в воздухе летают стаканы и с грохотом переворачиваются столы. В этой ситуации я действовал так. Сначала пытался стоически продолжать играть в надежде, что музыка утихомирит драчунов. Если же Bye Bye Blackbird[44] не производила магического эффекта, я обращался за помощью к группе цыган, которые наведывались в паб почти каждый вечер. Я даже подружился с дочерью одного из них, и она приглашала меня к ним в фургон на ужин. Цыгане следили за моей безопасностью, а если в какой-то вечер их не оказывалось в зале, я прибегал к последнему способу – вылезал на улицу через ближайшее окно и возвращался, только когда драка заканчивалась. Было жутковато, но в итоге я приобрел ценное качество – отсутствие страха перед живыми выступлениями. Некоторых артистов полностью деморализуют неудачные выступления перед неадекватной публикой. Со мной, как и со всеми, такое случалось, но относился я к этому в целом спокойно. А вот если бы в ранней юности не привык, спасая жизнь, посреди песни лезть в окно, я бы тоже впадал в отчаяние, и пришлось бы над этим работать.

Отец в Йоркшире познакомился с женщиной по имени Эдна. Они поженились, переехали в Эссекс и открыли там газетный киоск. Должно быть, он стал счастливее – у них родилось четверо сыновей, которые его обожали. Но ко мне своего отношения он так и не изменил. Он как будто не видел способа вести себя иначе – всегда отстраненный, суровый, он все так же горевал по поводу тлетворного влияния рок-н-ролла и страдал из-за того, что я непременно стану «промышлялой» и покрою несмываемым позором честное имя Дуайтов. Поездки к нему в Эссекс на автобусе «Грин Лайн», безусловно, были самым унылым событием недели. На стадион «Уотфорд» вместе мы больше не ходили: я подрос и вполне мог стоять на «Изгибе» в одиночку.

Отец, очевидно, пришел в ярость, когда узнал, что я

собираюсь оставить учебу, не проходя уровня «А»[45], и найти работу где-то в музыкальной сфере. Он не верил, что такая карьера – подходящий вариант для выпускника средней школы. Ситуацию усугубляло то, что работу мне нашел его собственный племянник, мой двоюродный брат Рой, тот самый, что забил первый гол в матче на кубок Англии. После развода родителей он сохранил добрые отношения с мамой. Футболисты почему-то всегда связаны с музыкальной индустрией, вот и Рой дружил с парнем по имени Тони Хиллер, директором нотоиздательской компании «Миллз Мьюзик» с офисом на Денмарк-стрит[46], британском варианте манхэттенской улицы Тин-Пэн-Элли[47]. Мне предстояло трудиться в отделе корреспонденции – не бог весть что, и зарплата всего четыре фунта в неделю. Тем не менее это приближало меня к миру музыкальной индустрии. К тому же я понимал, что уровень «А» в любом случае не пройду. Королевская академия, упражнения на фортепиано в духе Джерри Ли Льюиса, регулярные прыжки из окна в отеле «Нортвуд Хиллз» – в этот график никак не вписывалась еще и школьная подготовка к университету.

Я написал «очевидно, отец пришел в ярость», потому что, если честно, не помню его реакции. Знаю, он писал маме и требовал остановить меня. Можете себе представить, как она это восприняла: пришла в восторг. На самом деле все, кроме отца, радовались за меня – мама и Дерф, даже, как ни удивительно, мой школьный наставник. Мистер Вестгейт-Смит был человек сдержанный, прямой и строгий. Перед разговором о том, что собираюсь бросить учебу ради работы, я страшно нервничал, если не сказать, трясся от ужаса. Но он повел себя удивительно. Сказал, что знает про академию и о том, как сильно я люблю музыку; так что он отпускает меня с миром, если только я пообещаю трудиться на совесть и отдавать всего себя любимому делу. Я слушал его с изумлением, но он говорил абсолютно искренне, хотя запросто мог бы мне отказать. Я бы все равно ушел, но остался бы неприятный осадок. Он же безоговорочно поддержал меня. Годы спустя, когда я уже стал известным, он писал мне, что гордится мною и всем, что я делаю.

Но странным образом именно отношение отца помогло мне чего-то добиться в жизни. Он не изменил мнения по поводу моего выбора профессии. И ни разу не похвалил меня. Не так давно его жена Эдна написала мне, что он по-своему гордился мной, но не в его привычке было открыто выражать такие чувства. И я понял, что именно эта его отстраненность пробудила во мне желание доказать ему, что мое решение – правильное. Это стало моей мотивацией. Чем большего успеха я добивался, тем больше давал

ему доказательств, и не важно, знал он об этом или нет. Даже сейчас иногда я ловлю себя на мысли, что снова что-то доказываю отцу. Хочу показать ему, какой я на самом деле. А ведь он умер в 1991 году.

два

Я вышел на свою первую «настоящую» работу в самое подходящее время: Денмарк-стрит только что вступила в эпоху стремительного и необратимого упадка. Десять лет назад она считалась центром британской музыкальной индустрии – здесь авторы продавали издателям свои тексты, а издатели затем продавали их артистам. С приходом «Битлз» и Боба Дилана все изменилось. Им не требовались профессиональные авторы песен, они писали сами. Появлялось все больше групп, сочинявших собственные композиции, – The Kinks, The Who, «Роллинг Стоунз». И всем было очевидно, что эта тенденция укоренилась навсегда. Тем не менее на Денмарк-стрит пока хватало работы: не каждая группа могла сама создавать свой материал, к тому же существовала целая армия певцов и эстрадных исполнителей, которые привыкли добывать песни старым проверенным способом. Но все знали: это ненадолго.

Моя новая работа в «Миллз Мьюзик» казалась чем-то из прошлой эпохи. Ничего общего с поп-культурой. Обязанности заключались в том, чтобы упаковывать в конверты ноты для духовых оркестров и доставлять корреспонденцию в почтовое отделение напротив Театра Шафтсберри. Даже сидел я не в главном здании: отдел корреспонденции находился где-то во дворе. Насколько там было «антигламурно», можно судить по одному забавному случаю. Внезапно в мою конуру ворвался знаменитый полузащитник Терри Венейблз с компанией приятелей. Их преследовали папарацци – в то время как раз гремел скандал по поводу того, что футболисты, невзирая на запрет менеджера, пьют спиртное после матча. Естественно, лучшего места, чтобы спрятаться, парни не нашли. Они были из «футбольных друзей» компании, наподобие моего двоюродного брата Роя, прекрасно знали «Миллз Мьюзик» и понимали, что контора письмоносца – это последнее место, где их будут искать.

Но я чувствовал себя счастливым. Я уже стоял на пороге мира музыкальной индустрии. И, несмотря на начинающийся упадок, Денмарк-стрит для меня обладала особой магией. Здесь все еще царил блеск, пусть и тускнеющий. Здесь располагались магазины гитар и звукозаписывающие студии. Приятно было пообедать в кофе-баре «Джоконда» или в «Ланкастер-гриль» на Чаринг Кросс Роуд. Знаменитости сюда не заглядывали, сюда ходил народ, который пока не мог позволить себе чего-нибудь пошикарнее. Но посетители распространяли вокруг себя живую энергетику будущего: полные надежд и планов, преодолевающие

препятствия, мечтающие о славе. В общем, такие же, как я сам.

Тем временем в Пиннере мы с мамой и Дерфом покинули Кроксли Грин – переехали из съемной квартиры с плесенью и отваливающимися обоями в новое жилье в нескольких километрах от Нортвуд Хиллз, как раз неподалеку от того паба, из окна которого я регулярно выпрыгивал. Снаружи Фроум Корт – наш новый дом – выглядел как обычный пригородный таунхаус, но внутри был разделен на три квартиры с двумя спальнями в каждой. Мы въехали в квартиру 3А и наконец почувствовали себя дома – не то что в предыдущей «резиденции», которая скорее являла собой наказание «разведенцам» маме и Дерфу: вы поступили плохо, аморально, вот теперь и живите в этой дыре.

И еще я начал играть на собственном, купленном на вырученные в пабе деньги электропианино в новой группе, созданной Стюартом А. Брауном, еще одним экс-участником «Корветов». «Блюзология» – это было куда серьезней всего, чем я занимался прежде. У нас имелись амбиции: Стюарт, по-настоящему красивый парень, не сомневался, что станет звездой. У нас были свой саксофонист и собственная программа, составленная из малоизвестных композиций классиков блюза Димми Уизерспуна и Дж. Б. Ленуара. Мы репетировали сеты в Нортвудском пабе под названием «Гейт». У нас даже был менеджер, ювелир из Сохо Арнольд Тендлер – у него работал наш ударник Мик Инкпен. Арнольд, милый маленький человечек, мечтал внедриться в музыкальный бизнес – и, на горе себе, решил выбрать «Блюзологию» в качестве главной инвестиции после того, как Мик убедил его прийти и послушать наше выступление. Он вложил деньги в наше оборудование и одежду для сцены – одинаковые рубашки-поло, юбки и туфли – и не получил никаких дивидендов, кроме наших постоянных жалоб на то, что все идет не так, как надо.

Мы начали выступать по всему Лондону, и Арнольд оплатил нам демозапись в передвижной студии в Рикмансворте. Каким-то чудом ему удалось подсунуть это демо лейблу «Фонтана Рекордз», и, что еще чудеснее, они выпустили сингл: песню моего сочинения, точнее, единственную сочиненную мною песню под названием «Вернись, беби». Это не дало нам ничего. Пару раз песню прокрутили по радио, как я подозреваю, на малоизвестных пиратских радиостанциях, готовых ставить в эфир что угодно, лишь бы лейблы хоть что-то им заплатили. Потом прошел слух, что наша песня будет в *Juke Box Jury*[48], и мы добросовестно в назначенное время собрались у телевизора. В передачу песню не включили. Потом мы выпустили еще один сингл, тоже написанный мной, под названием «Странный мистер». На этот раз

про *Juke Box Jury* даже никаких слухов не ходило. Песня просто канула в Лету.

В конце 1965 года мы начали сотрудничать с Роем Темпестом – агентом, который возил на гастроли в Англию американских чернокожих артистов. В кабинете у него стоял огромный аквариум с пираньями, и дела он вел тоже как пиранья. Если ему не удавалось заполучить The Temptations[49] или The Drifters[50] в Америке, он находил команду никому не известных чернокожих певцов в Лондоне, одевал их в костюмы и отправлял в турне по ночным клубам, предварительно назвав их The Temptin' Temptations или The Fabulous Drifters. И когда после концерта все начинали жаловаться на обман, он отвечал как ни в чем не бывало: «Конечно, это не The Temptations! Это The Temptin' Temptations! Совершенно другая группа!» Можно сказать, Рой Темпест изобрел растиражированный ныне способ использования знаменитых имен.

В некотором смысле сотрудничество с ним «Блюзологии» складывалось успешно. По крайне мере, мы работали бэк-группой у очень приличных артистов, таких как Мэйджор Лэнс[51], Патти Лабелль[52] и ее группа The Bluebelles, Фонтелла Басс[53], Ли Дорси[54]. Я оставил работу с корреспонденцией духовых оркестров и начал зарабатывать на хлеб как профессиональный музыкант. На самом деле у меня не было другого выбора. Невозможно сочетать дневную работу в офисе и вечерние выступления при той безумной загрузке, которую обеспечивал нам Темпест. Правда, платили очень мало. «Блюзология» зарабатывала пятнадцать фунтов в неделю, ими надо было оплачивать бензин, еду, а иногда и ночлег: если мы выступали далеко от Лондона, приходилось останавливаться в гостиницах, где постель и завтрак стоили пять фунтов. И я уверен, что звезды блюза, с которым мы аккомпанировали, получали немногим больше. А вот нагрузки были нечеловеческие – бесконечные разъезды по стране, и так вечер за вечером. Мы играли в крупных региональных клубах – «Оазис» в Манчестере, «Моджо» в Шеффилде, «Плейс» в Хэнли, «Гоу-гоу» в Ньюкасле, «Клаудс» в Дерби. Выступали и в крутых лондонских клубах: «Сибилла», «Скотч оф Сент Джеймс», где любили выпить виски с колой «Битлз» и «Роллинги»; «Кромвелиан», где за стойкой стоял удивительный бармен Гарри Харт, почти такой же знаменитый, как поп-звезды, которых он обслуживал.

Гарри был гей, очень женственный, разговаривал на «полари» – лондонском арго гомосексуалистов, и на стойке у него стояла загадочная чаша с прозрачной жидкостью. Тайна раскрывалась, когда вы предлагали ему купить для себя напиток:

«Джин с тоником, пожалуйста, и один для тебя, Гарри». Тогда он говорил: «О… спасибо, любовь моя, аха-ха, всего одну малышку в мою копилку», – затем отмерял дозу джина, выливал в свою чашу и отхлебывал из нее в перерывах между обслуживанием гостей. Изумляло то, как человек, который выпивает за вечер немаленький сосуд чистого джина, умудряется сохранять вертикальное положение.

Но нам доводилось выступать и в очень странных заведениях. Помню, например, одно место в Харлсдене, которое явно было не клубом, а чьей-то гостиной; и еще одно в Спиталфилдсе – по причине, до сих пор мне не ясной, вместо сцены там был боксерский ринг. Мы часто играли в клубах чернокожих, что, возможно, могло кого-то испугать – кучка белых парней из пригородов Лондона пытается играть черную музыку перед чернокожей аудиторией. Но почему-то все проходило отлично. Для начала, музыка аудитории нравилась. И к тому же, если ты подростком трижды в неделю наяривал Roll Out the Barrel перед завсегдатаями паба в «Нортвуд Хиллз», пока они методично колошматили друг друга, тебя так просто не испугать.

Говоря по правде, лишь однажды мне стало не по себе – в Баллоке, неподалеку от Глазго. Оказавшись на месте, мы обнаружили сцену трехметровой высоты. Быстро выяснилось, что это ради безопасности, иначе зрители попытаются залезть наверх и укокошить музыкантов. Поскольку этого удовольствия их лишили, им оставалось только яростно колошматить друг друга. Ввалившись в зал, они сразу выстроились в две линии. Наша первая нота, очевидно, была явно согласованным сигналом к началу развлечения: в воздух немедленно полетели полулитровые пивные кружки, и началась потасовка. В общем, это был не концерт, а битва под аккомпанемент рок-энд-блюза. Субботний вечер в «Нортвуд Хиллз» по сравнению с этим побоищем больше напоминал открытие сессии британского парламента.

Мы играли по два концерта за вечер почти каждый день, а иногда и больше, если пытались подработать собственными выступлениями. Однажды в субботу по графику Роя мы выступали в два часа дня в Клубе американских услуг в Ланкастер-Гейт, потом погрузились в фургон и рванули в Бирмингем, где отыграли два концерта в «Ритц» и «Плаза». Потом опять фургон, возвращение в Лондон и выступление в клубе Каунта Сакла[55] «Кью» в Паддингтоне. Это был очень продвинутый клуб для чернокожих, где играли соул и ска; одно из первых заведений Лондона, куда приезжали артисты не только из Штатов, но и с островов Вест-Индии. Но, по правде говоря, в ту

ночь мне больше всего запомнился не феерический коктейль из американской и ямайской музыки, а стойка с едой и фантастически вкусной корнишской выпечкой. Даже у самого преданного фаната музыки приоритеты меняются, когда на улице шесть утра и ты умираешь от голода.

Иногда Рой Темпест совершал катастрофические ошибки. Например, привез The Ink Spots, очевидно, пребывая в уверенности, что раз это чернокожие американцы, то поют они соул. Но эта группа была из абсолютно иной эпохи, до рок-н-ролльной, и работала она в стиле многоголосья. Они спели «Шепот травы», потом начали «Назад, во двор у дома» – и зрители просто испарились. Песни сами по себе чудесные, но парни в соул-клубе ждали совсем иного. Невыносимо было смотреть, как публика покидает зал. К счастью, в Манчестере, в «Твистед Уил», выступление прошло совсем по-другому – там зрители оказались настоящими меломанами, действительно разбирались в истории черной музыки, и группу приняли на ура – даже притащили пластинки родителей, чтобы музыканты на них расписались. А после концерта подняли участников группы на руки и совершили вокруг клуба несколько кругов почета. Можно много говорить о крутизне «свингующего Лондона» в середине шестидесятых, но эти ребята в «Твистед Уил» оказались куда более чуткими, знающими и чувствующими музыку – и, на мой взгляд, самыми крутыми в этой стране.

По правде говоря, меня нисколько не расстраивали ни низкая плата, ни огромная нагрузка, ни неудачные выступления. Главное – моя мечта сбылась. Я играл с музыкантами, чьи записи коллекционировал. Больше всех мне нравился Билли Стюарт, потрясающий парень из Вашингтона. Он работал с лейблом «Чесс Рекордз» и был замечательным певцом. Лишний вес Билли превратил в своего рода «фишку» – смысл его песен обычно сводился к одной идее: «она говорит, я самый прекрасный, что в толстого парня она влюблена». О его взрывном темпераменте слагали легенды – ходили слухи, что, когда однажды секретарша в «Чесс» слишком долго мариновала его в приемной, Билли в ярости выхватил пистолет и отстрелил дверную ручку. Мочевой пузырь у него тоже был легендарный, в чем мы очень скоро убедились. Если Билли требовалось справить малую нужду и он просил остановить фургон, можно было сразу отменять все планы на вечер, потому что ждать его приходилось часами. Звуки из кустов доносились невероятные: как будто кто-то наполняет плавательный бассейн из пожарного шланга.

Выступать с этими людьми было жутковато не только потому, что некоторые из них, по слухам, в горячке хватались за пистолет.

Большой талант всегда вызывает нечто вроде благоговейного ужаса. Для меня это была великая школа. И дело не только в удивительных вокальных данных – эти люди обладали фантастическим умением зажигать публику. То, как они двигались, что говорили между исполнением песен, как владели вниманием аудитории, как одевались – во всем был неповторимый стиль и размах. Иногда это проявлялось в своеобразных причудах – например, Патти Лабелль почему-то всегда настаивала, чтобы на каждом концерте исполнялась одна из версии композиции «Дэнни Бой». Один час наблюдения за их поведением на сцене становился уроком актерского мастерства. И я поверить не мог, как относятся у нас к этим культовым личностям. У них были грандиозные американские хиты. И британские белые поп-звезды крали у них песни, делали каверы, после чего неизбежно становились более знаменитыми. Самыми активными «воришками» были Уэйн Фонтана[56] и его бэк-группа The Mindbenders – они перепели Um Um Um Um Um Um Мэйджора Лэнса и A Groovy Kind of Love Патти Лабелль и заработали на этом куда больше денег, чем первые исполнители. Песня Билли Стюарта Sitting in the Park провалилась, а Джорджи Фэйм[57] сделал из нее хит. Это, по понятным причинам, сильно расстраивало тех, кто писал песни и пел их первым. И насколько сильно, я понял после одного случая. В клубе «Рики-Тик» в Уиндзоре, когда Билли Стюарт исполнял Sitting in the Park, кто-то из «модов» издевательским тоном выкрикнул: «Хотим Джорджи Фэйма!» Никогда прежде не видел, чтобы человек с таким весом, как у Билли, двигался настолько быстро – он спрыгнул со сцены и бросился к обидчику. Бедный парнишка бежал из зала в страхе за свою жизнь. Еще бы! Каждый перепугается, если на него внезапно попрет соул-певец весом двести сорок килограммов, к тому же любитель пострелять.

В марте 1966 года «Блюзология» выдвинулась в Гамбург – сначала на пароме, затем на поезде. Нам предстояло выступать в клубе «Топ Тен» на улице Репербан. Легендарный клуб, один из тех, где играли «Битлз» еще до того, как стали знаменитыми. Они жили в мансарде над клубом и выпустили тогда свой первый сингл с Тони Шериданом[58]. Это было пять лет назад, и с тех пор ничего не изменилось. Музыкантов по-прежнему размещали в мансарде, на Репербан все так же работали публичные дома с девочками в витринах, играть в клубе полагалось пять часов, меняясь с другой группой – час мы, час они; посетители тем временем заходили, уходили, приходили другие. Легко было представить, что «Битлз» вели здесь точно такую же жизнь, там более что простыни в мансарде выглядели так, будто их не

меняли со времен Джона и Пола.

Мы выступали и отдельно, как «Блюзология», и как бэк-группа шотландской певицы Изабель Бонд, которая переехала в Германию из Глазго. Это была забавная миловидная темноволосая девушка, которая материлась как сапожник – впервые я слышал такое от женщины. Она пела обычные песни, но меняла в них слова на непристойные. И на моей памяти она единственная, кому удавалось с легкостью заменить «Хочу называть тебя милым моим» на «Хочешь, мы вместе поонанируем».

Я же был невинен как дитя. Редко пробовал спиртное и по-прежнему не интересовался сексом, в основном потому, что умудрился дожить до девятнадцати лет без каких бы то ни было о нем представлений. Кроме сомнительного отцовского предупреждения, что от мастурбации я ослепну, никто и ничего не рассказывал мне о физической любви, не объяснял, как себя вести и что делать. Я не знал, как происходит половой акт и что такое оральный секс. Наверное, я единственный музыкант-англичанин шестидесятых, который работал на улице Репербан, при этом оставаясь девственником, – и это в одном из знаменитых злачных мест Европы, куда народ приезжает, чтобы удовлетворить самые дикие сексуальные желания. Но самая большая вольность, какую я себе позволил, – купил в местном универмаге пару расклешенных брюк. Меня интересовали только выступления и походы в немецкие музыкальные магазины. Я был одержим музыкой и страшно амбициозен.

В глубине души я понимал, что «Блюзология» – не вариант. Очевидно было, что мы недостаточно хороши. От малоизвестных блюзов мы перешли к композициям в стиле соул, которые в середине шестидесятых исполняли почти все английские рок-энд-блюз-группы – In the Midnight Hour, Hold On I'm Coming. Но The Alan Bown Set[59] или Mike Cotton Sound[60] играли их лучше нас. Были вокалисты лучше Стюарта и, уж конечно, клавишники лучше, чем я. Как пианист я хотел стучать по клавишам в стиле Литл Ричарда, но, если вытворить такое на электрооргане, считай, весь день испорчен. Мне не хватало технических знаний для того, чтобы играть на органе правильно. Сложнее всего было с «Хаммондом B-12», который громоздился на сцене в клубе «Фламинго» на Уордор-стрит, – огромное деревянное сооружение наподобие комода, все в переключателях, рычагах, ручках и педалях. Конечно, Стив Уинвуд[61] или Манфред Мэнн заставили бы этого монстра стонать, кричать и петь сложные арии. Я же боялся к нему прикасаться, потому как понятия не имел, что с ним делать. Даже маленький «Вокс Континентал», на котором я

играл, технически для меня представлял собой минное поле. Одна клавиша у него имела обыкновение залипать, и однажды это случилось прямо во время выступления в клубе «Скотч оф Сент Джеймс». Я играл Land of a Thousand Dances, и вдруг мой электроорган разразился диким воем – как будто люфтваффе вернулось из прошлого и решило дать еще один шанс операции «Блиц». Группа, дабы не пасть в грязь лицом, бодро продолжала «танцевать в аллее с милой Лорелеей» и «кружиться в пляске с Люси из племени Ватуси». Я же истерически пытался исправить положение и уже собирался звонить в службу спасения. Но тут на сцену поднялся Эрик Берден, вокалист группы «Энималс». Технических знаний у него явно было куда больше, чем у меня, – их клавишник Алан Прайс гениально играл на «Вокс Континентал». Эрик шарахнул кулаком по органу, и клавиша вернулась на место. «У Алана такая фигня постоянно случается», – объяснил он и спрыгнул вниз.

В общем, мы явно проигрывали другим группам нашего стиля, а они, в свою очередь, проигрывали тем, кто пишет и исполняет собственные песни. Помню, у «Блюзологии» был запланирован концерт в клубе «Седар» в Бирмингеме. Мы приехали раньше времени и попали на репетицию местной группы The Move, которая явно стояла на пороге взлета. Парни потрясающе держались на сцене, у них был очень активный менеджер с даром убеждения, а их гитарист Рой Вуд умел писать песни. Их выступление не только захватывало, но песни Роя Вуда звучали лучше, чем каверы, которые они пели. Только психически ненормальный человек мог бы сказать нечто подобное о горстке композиций, которые сочинил я для «Блюзологии». Говоря по правде, я написал их потому, что иначе было нельзя. Мне пришлось. Мы ожидали записи на студии, что случалось крайне редко, и должны были показать хоть какой-то собственный материал. Я не вкладывал в эти сочинения душу и сердце, и это сразу чувствовалось. И вот теперь я смотрел репетицию The Move, и на меня сошло озарение. *Вот оно. Вот как нужно работать. Только так можно двигаться вперед. Именно этим я должен заниматься.*

Я бы ушел из «Блюзологии» раньше, если б на горизонте не нарисовался Лонг Джон Болдри. Работу с ним мы получили, потому что оказались в нужном месте в нужное время. «Блюзология» как раз гастролировала на юге Франции, и так вышло, что именно там Долговязый Джон остался без бэк-группы, причем прямо перед концертом в клубе «Папагайо» в Сен-Тропе. Вначале он хотел собрать новую команду наподобие распавшейся Steampacket, в нее бы вошли Стюарт Браун, он сам, парень по

имени Алан Уокер – думаю, потому что Болдри положил на него глаз, – и вокалистка Марша Хант, которая только что прилетела в Лондон из Штатов. «Блюзологии» же предстояло стать бэк-группой – после того как Джон немного обновил состав. Пару ребят он быстренько уволил и заменил другими, на его взгляд более подходящими.

Это было не совсем то, чем я хотел заниматься. И я считал, что такой состав команды для Джона – шаг назад. Джули Дрисколл и Род были замечательными артистами. Еще школьником я ходил на концерт в Кентонский Клуб Консерваторов, где Род и Джон выступали вместе, группа тогда называлась The Hoochie Coochie Men, и они потрясли меня до глубины души. И Брайан Огер был супер-клавишник: уж точно не из тех, ради кого солист группы «Энималс» полезет на сцену, чтобы помочь справиться с аппаратурой в разгар выступления.

В общем, у меня были сомнения. Сотрудничество с Алланом Уокером и Маршей Хант продлилось недолго: Марша, роскошная высокая чернокожая девушка, к сожалению, пела не блестяще. Но, несмотря ни на что, должен признать, что с появлением Долговязого Джона жить мне стало куда интереснее. Если вам все наскучило и превратилось в рутину, искренне рекомендую поездить по гастролям в компании эксцентричного блюзового певца-гея ростом под два метра и с тяжелой алкогольной зависимостью. Сразу почувствуете необычайное оживление!

Мне нравилось общаться с Джоном. В своем фургоне с включенным магнитофоном он обычно подбирал меня возле Фроум Корт, высовываясь из окна и возвещая о своем приближении оглушительными криками: «РЕДЖИ!!!» Жизнь его, казалось, вся состоит из необычных происшествий, часто связанных с пьянством, которое, как я очень быстро понял, разрушало его; однажды мы выступали в Кромере в «Линкс Павильон», и после концерта он так нагрузился, что упал с прибрежного обрыва вниз прямо в белом костюме. В ту пору я не осознавал, что он гей, и сейчас, в ретроспективе, это может показаться странным. Человек называл себя «Ада», про других мужчин говорил «она» и постоянно делился подробностями своих сексуальных похождений: «У меня сейчас новый бойфренд, Оззи, – и знаешь, дорогуша, он носится с моим членом, как с писаной торбой!»

Но, опять же, я был невероятно наивен. Вообще не понимал, о чем талдычит этот парень, и, конечно, не мог поверить, что обращение «дорогуша» относится ко мне. Я просто сидел и думал: «Что? Он носится *с твоим членом?* Как? Зачем? О чем ты вообще говоришь?»

Все это было весело, не спорю, но не отменяло того факта, что я не хотел быть органистом, не хотел играть ни в бэк-группе, ни в «Блюзологии». По этой причине я и явился в новое здание «Либерти Рекордз» неподалеку от Пикадилли и перед прослушиванием долго изливал душу: о том, как «Блюзология» зашла в тупик, о бесконечном сумасшедшем круговороте кабаре-выступлений и о том, какую трагическую роль сыграл магнитофон в легендарном провале «живого» исполнения Let the Heartaches Begin.

Напротив меня за столом сидел Рэй Уильямс и сочувственно кивал. Светлый блондин, он был очень красивый, превосходно одетый и невероятно молодой. Настолько молодой, что, как выяснилось, подписывать контракты с кем бы то ни было не имел права. Все решало его начальство. И, возможно, решило бы в мою пользу, если б я не выбрал для прослушивания песню Джима Ривза He'll Have To Go. Логика у меня была такая: должно быть, все будут петь что-то типа My Girl или нечто из арсенала лейбла «Мотаун», а я пойду другим путем и выделюсь из толпы. К тому же мне действительно нравилась He'll Have To Go, и, исполняя ее, я чувствовал себя уверенно: в пабе в «Нортвуд Хиллз» ее всегда принимали на ура. Если бы я хорошенько подумал, то понял: люди, которые стараются сделать свой лейбл прогрессивным и с акцентом на рок, ожидают от претендентов большего. «Либерти» подписали контракт с The Bonzo Dog Doo Dah Band[62], The Groundhogs[63] и The Idle Race, психоделической командой с фронтменом Джеффом Линном, который позже основал группу Electric Light Orchestra[64]. Джим Ривз пиннеровского разлива их не заинтересовал.

С другой стороны, возможно, я поступил правильно. Ведь если бы я тогда успешно прошел прослушивание, Рэй, скорее всего, не дал бы мне конверт со стихами Берни. И тогда вообще не знаю, что было бы дальше, хотя я очень много думал на эту тему. Мне совершенно ясно, что это был судьбоносный поворот в моей жизни. В кабинете у Рэя царил чудовищный беспорядок. Повсюду громоздились стопки катушек с пленками, груды конвертов – Рэй занимался не только всеми перспективными музыкантами и текстовиками Британии, но и каждым графоманом, который, как и я, прочитал рекламное объявление «Либерти» о поиске талантов. Мой конверт он как будто случайно вытянул из вороха других, просто чтобы одарить чем-то напоследок, чтобы я не чувствовал себя окончательно проигравшим, – по-моему, конверт этот он даже не распечатывал, ни при мне, ни до моего прихода. Тем не менее его содержимое предопределило мою судьбу и все, что произошло со мной

дальше. Начнешь думать о таком совпадении, и голова идет кругом.

Кто знает? Наверное, я встретил бы другого текстовика, или стал бы участником какой-нибудь группы, или прокладывал бы путь в музыкальной индустрии в одиночку. Но мои жизнь и карьера были бы другими, и, скорее всего, не такими замечательными. Вряд ли кто станет возражать, что в итоге все сложилось наилучшим образом. Иначе вы бы попросту не читали эту книгу.

Лейбл «Либерти Рекордз» не заинтересовался нашими первыми с Берни песнями, и Рэй предложил нам сотрудничество со своей нотоиздательской компанией. Платили там, только если песни продавались, но тогда это было не так уж и важно для нас. Главное, Рэй верил в меня. Он даже пытался свести меня с другими текстовиками, но без толку: с ними не получалось так, как с Берни. Были попытки заставить нас с Берни работать вместе – то есть писать одновременно, сидя в одной комнате, но, опять же, я так не мог. Мне важно было иметь перед собой написанный на бумаге текст, и только тогда в голове рождалась музыка. Нужен был этот вдохновляющий импульс или скорее волшебство: я читал строки, написанные Берни, и сразу накатывало желание писать музыку. Впервые это произошло, когда я открыл конверт в метро по дороге домой от Бейкер-стрит. И с тех пор так случалось всегда.

Нас словно прорвало: мы сочиняли песни одну за другой. Они были лучше, чем все, что я писал раньше, хотя человеку стороннему это мало о чем говорит. На самом деле, лишь некоторые из них были лучше, потому что мы писали песни двух видов. Первые – коммерческие, их мы предполагали продать, скажем, Силле Блэк[65] или Энгельберту Хампердинку: длинные слезливые баллады и развеселая бабблгам-попса[66]. Ужас! Иногда меня прямо передергивало при мысли, что наше творчество ничем не отличается от ненавистной Let the Heartaches Begin – но как иначе команде, состоящей из поэта-песенника и композитора на вольных хлебах, заработать денег? Яркие поп-звезды и любимцы массовой публики были нашей главной рыночной целью. Другой вопрос, что мы все время промахивались. Единственным более-менее знаменитым покупателем, которому нам удалось продать песню, стал актер Эдвард Вудворд – время от времени он выступал в роли эстрадного певца. Его альбом назывался «Человек в одиночестве», и это название, увы, предопределило его судьбу у зрителей.

Но у нас были песни и другого рода – те, что мы

действительно хотели писать, навеянные творчеством «Битлз», The Moody Blues[67], Кэта Стивенса[68], Леонарда Коэна; теми записями, что мы покупали в «Мьюзикленд» – магазине в Сохо, куда мы с Берни захаживали так часто, что консультанты порой просили меня постоять за стойкой, пока они сбегают пообедать.

Приближался конец психоделической эры, и мы сочиняли много песен об одуванчиках и плюшевых мишках. На самом деле мы как бы примеряли на себя чужие стили, и ни один не подходил нам идеально. Но этот процесс поиска собственного голоса был очень важен и приносил много радости. Все было в радость тогда. Берни переехал в Лондон, и наша дружба становилась все крепче. Мы отлично ладили, он казался мне братом, которого у меня никогда не было; и это ощущение усиливалось, когда мы спали на двухъярусной кровати в моей комнате в Фроум Корт.

Целыми днями мы сочиняли песни – Берни стучал на машинке в спальне, приносил тексты в гостиную, где я сидел за пианино, потом бежал назад в спальню, а я начинал подбирать к словам музыку. Мы не могли сочинять в одной комнате, но все свободное от работы время проводили вместе – в музыкальных магазинах, в кинотеатрах. По вечерам ходили на концерты или просто зависали в музыкальных клубах; смотрели, как Гарри Харт прихлебывает джин из своей чаши и болтает с юными перспективными дарованиями. Помню, туда часто захаживал забавный маленький парень, который – в духе «цветочного» настроения эпохи – поменял имя на Ганс Христиан Андерсен. Сказочно-неземная аура псевдонима несколько меркла, когда он открывал рот и начинал говорить с сильным ланкаширским акцентом. В конце концов он вернул настоящее имя, а позже стал фронтменом группы Yes[69].

Оба типа наших песен мы записывали в крошечной четырехдорожечной студии, которая располагалась на Нью Оксфорд Стрит в «Дик Джеймс Мьюзик» (DJM) – компании, которая управляла делами нотоиздательской фирмы Рэя. Позже эта крошечная студия стала очень знаменитой, потому что именно в ней втайне от всех работали The Troggs[70]. Каждые одиннадцать минут, отведенные на запись трека, они орали и ругались: «Почему у тебя все через долбаную задницу?» или «Хренов ударник – пошел он к черту!» – и все эти матюки позже оказались на печально известной Troggs Tape[71]. В штате студии аранжировщиком и музыкантом работал Калеб Куэй, гитарист и мультиинструменталист, у него постоянно болели суставы кистей рук. Калеб уже тогда был очень знаменит, о чем не давал нам забывать, – половину времени тратил на то, чтобы упрекать нас с

Берни в недостатке крутости: и это мы не так сказали, и то не так сделали, и одеты не так, как надо. Но, как и Рэй, он почему-то верил в нас. И если не катался, утирая слезы, по полу в смеховой истерике, тратил на наши песни времени и сил гораздо больше, чем полагалось. В обход всех правил компании задерживался до поздней ночи, да еще и приводил своих друзей музыкантов, которые работали бесплатно; пробовал разные аранжировки и новые идеи – тайком, когда сотрудники DJM уходили домой.

Все это было очень увлекательно, но в итоге нас застукал офис-менеджер компании. Не помню, как ему удалось нас вычислить, – думаю, кто-то ехал мимо, заметил свет в окнах и решил, что в студию залезли грабители. Калеб был уверен, что сейчас его уволят, и, видимо, с отчаяния, дал самому Дику Джеймсу послушать то, над чем мы работали.

К общему изумлению, Дик не уволил Калеба и не выкинул нас из студии. Напротив, он предложил выпускать наши песни, да еще и платить за это двадцать пять фунтов в неделю – десятку Берни и пятнадцать мне: мне на пять больше, потому что я играл на клавишных и пел. Это означало, что я мог спокойно уйти из «Блюзологии» и сосредоточиться на сочинении песен – то есть именно на том, чем я хотел заниматься. Мы вышли из кабинета Дика в шоке. Даже завизжать от восторга не могли.

Правда, в огромной бочке меда все-таки была ложка дегтя: Дик считал, что залог нашего будущего успеха – слезливые баллады и попса. Он работал с «Битлз», управлял делами их компании «Нозерн Сонгз», но в глубине души оставался издателем старого образца в духе Тин-Пэн-Элли. DJM вообще была странной организацией. Половина компании – как сам Дик: средних лет, скорее из представителей старой еврейской гвардии шоу-бизнеса, чем из мира рок-н-ролла. Другая половина моложе и современнее – как Калеб, сын Дика Стивен или Тони Кинг.

Тони Кинг работал в новой компании под названием AIR в кабинете, арендованном на втором этаже. AIR, ассоциацию независимых музыкальных продюсеров, основал Джордж Мартин[72], когда осознал, насколько мало платит ему EMI за работу с «Битлз». Тони занимался выпуском их пластинок и продвижением. Сказать, что Тони не был похож на остальных сотрудников DJM, – значит ничего не сказать. Он красил волосы в радикальный блонд, носил костюмы от самых крутых лондонских модельеров, оранжевые бархатные брюки, одежду из атласа, многослойные бусы из бисера; на шею наматывал один иди два винтажных шелковых шарфа из своей коллекции, и они развевались на ходу. Он жил и дышал музыкой, работал с «Роллингами» и Роем Орбисоном, водил дружбу с «Битлз». Как и

Долговязый Джон, он не скрывал своей сексуальной ориентации, и ему было все равно, кто и что подумает на этот счет. В офис он не входил, а скорее вплывал: «Простите за опоздание, дорогуши, у меня телефон запутался в ожерельях». Невероятно забавный человек, и я был совершенно им очарован. Более того, я мечтал стать таким, как он, – стильным, экзотическим, ни на кого не похожим.

Я попал под влияние его манеры одеваться, что привело к неожиданным результатам. Я отрастил усы. Купил афганскую дубленку, правда, из тех, что подешевле, – кожа была недостаточно хорошо выделана и так воняла, что мать не пускала меня в квартиру. Поскольку я не имел возможности одеваться в бутиках, куда ходил Тони, я купил отрез ткани для занавесок с изображением Нодди[73] и попросил мамину подругу, портниху, сшить мне рубаху. На съемку своего первого сингла I've Been Loving You я надел шубу из искусственного меха и шляпу-трилби с расцветкой под леопарда.

Сингл выпустили в марте 1968 года. Уж не знаю почему, но мое изображение в феерическом ансамбле из шубы и шляпы не вызвало бешеного энтузиазма у покупателей. Сингл провалился. Меня это не удивило и не разочаровало. Я не стремился к сольной карьере певца, я просто хотел писать песни, и вся история с синглами вышла чисто случайно. Сын Дика Стивен продал наши с Берни демозаписи разным лейблам в надежде, что кто-нибудь из сотрудничающих с ними артистов купит наши песни. В «Филлипсе» кому-то понравился мой голос, и следующее, что я узнал, – что со мной подпишут контакт на несколько синглов. Я сильно сомневался в успехе предприятия, но все же согласился – посчитал, что хоть какая-то огласка будет полезной для продвижения наших песен.

Мы с Берни заметно выросли. Нас вдохновляли композиции Боба Дилана и The Band с их коренными американскими темами, равно как и певцы и создатели песен новой волны в США, такие как Леонард Коэн, – их диски мы находили в зарубежном отделе в магазине «Мьюзикленд». Что-то в их музыке дало нам новый импульс. Все изменилось, мы уже не писали подражаний другим музыкантам. Я слушал и переслушивал нашу композицию Skyline Pigeon и не видел сходства ни с кем из авторов или певцов. Наконец-то мы начали делать что-то свое.

Тем не менее для моего дебютного сингла Дик Джеймс выбрал I've Been Loving You – по всей видимости, после долгих и, безусловно, плодотворных поисков самой неудачной песни. Ему удалось выудить нечто совершенно бессмысленное, написанное даже не на слова Берни – эту песню мы планировали продать

какому-нибудь махрово-попсовому исполнителю средней руки. Думаю, выбор Дика был связан с его корнями – опять же с Тин-Пэн-Элли. Я знал, что песня никуда не годится, но чувствовал, что не вправе возражать. В конце концов, Дик – легенда Денмарк-стрит, он работал с «Битлз», подписал с нами контракт и теперь выпускает мой первый сингл. А ведь он мог просто вышвырнуть нас с Берни на улицу!

Реклама гласила, что этот сингл – «демонстрация грандиозного мастерства на дебютном диске», что я – «новый талант, великое открытие 1968 года», и в заключение, видимо, в качестве «заманухи»: «ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ!» Английская публика, похоже, отреагировала так, будто их предупреждают, что каждый диск долго отмокал в канализации; в итоге «новый талант 1968 года» бесславно отправился на полку.

В это время в моей жизни возникла еще одна довольно неожиданная проблема: помолвка с девушкой по имени Линда Вудроу. Мы познакомились в конце 1967 года на концерте «Блюзологии» в Шеффилде, в клубе «Моджо»; она дружила с тамошним диджеем – пареньком ростом метра полтора, который называл себя Всемогущий Атом. Линда, высокая блондинка, на три года старше меня, нигде не работала. Не знаю, откуда она брала деньги на жизнь, наверное, у богатых родителей, но взгляды проповедовала весьма независимые. Она была очень хорошенькая и проявляла интерес к моей музыке. Наш разговор после концерта превратился в нечто, подозрительно смахивающее на свидание, за которым последовало еще одно, а затем и визит к нам домой в Фроум Корт. Это были странные отношения. Почти никаких физических контактов, и уж, конечно, никакого секса – но Линда воспринимала это не как нежелание близости с ней, а как свидетельство старомодного романтического благородства с моей стороны: в 1968 году некоторые пары все еще соблюдали правило «никакого секса до свадьбы».

Но и без секса в какой-то момент наши отношения начали развиваться сами собой. Линда решила переехать в Лондон и найти квартиру. Она могла себе это позволить, мы бы съехались, а Берни снимал бы у нас комнату.

Солгу, если скажу, что воспринимал происходящее легко и без сомнений. Для начала, Линда начала критиковать мою музыку. Она была большой поклонницей американского эстрадного певца Бадди Греко и в конце концов ясно дала понять, что пример мне стоит брать с него.

Впрочем, мои сомнения на удивление быстро развеялись. Отъезд из Фроум Корт радовал. К тому же я считал, что поступаю, как и положено двадцатилетнему парню, – начинаю жить с

девушкой.

Так мы оказались в квартире на Ферлонг Роуд в Ислингтоне[74]: я, Берни, Линда и ее чихуа-хуа Каспар. Она устроилась работать секретарем, и наши разговоры все чаще сводились к помолвке. К этому времени тревожные звоночки уже сложно было игнорировать, потому что забеспокоились все мои близкие. Мама восприняла идею в штыки. А что по этому поводу думал Берни, ясно из текста песни, которую он написал в тот период. Называлась она «Кто спас меня сегодня ночью» и едва ли воспевала прекрасные душевные качества Линды: «деспотичная королева», «гордая правительница восседает на электрическом стуле, приготовленном для тебя». Берни она категорически не нравилась. Он боялся, что Линда испоганит всю нашу музыку своей страстью к Бадди Греко, считал ее тираншей и страшно взбесился, когда она, уж не знаю почему, заставила его снять со стены его комнаты плакат с изображением Саймона и Гарфункеля.

Отчасти из упрямства, отчасти из отвращения ко всякого рода конфликтам я решил не прислушиваться к сигналам тревоги. Мы обручились в день, когда мне исполнился двадцать один год, – кто из нас сделал предложение, сейчас уже не помню. Была назначена дата свадьбы, начались приготовления. И вот тогда я запаниковал. Очевидный выход в таком случае – просто сказать правду. Но для меня такое решение было далеко не так очевидно, потому что рассказать Линде о своих истинных чувствах я не мог.

И я решил покончить с собой.

Спас меня Берни, и с тех пор он не перестает мне напоминать в мельчайших деталях историю моей бессмысленной попытки отравиться газом. Для начала, тот, кто действительно хочет покончить с собой, совершает это в одиночестве, чтобы никто не помешал; посреди ночи, когда все спят, или в месте, где никого не может быть. Я же действовал с точностью до наоборот: белым днем, в квартире, полной людей – Берни был в своей спальне, Линда дремала после обеда. Более того: прежде чем сунуть голову в духовку, я положил туда для удобства подушку, включил газ на самое первое деление и распахнул на кухне все окна. Те минуты, пока Берни оттаскивал меня от плиты, выглядели драматично, но на самом деле газа не хватило бы даже для того, чтобы задохнулся комар. Я рассчитывал, что все будут в ужасе, а затем Линда внезапно осознает, что причина моей попытки убиться – наш несчастный предполагаемый брак. Но она лишь немного растерялась. А потом, что еще хуже, начала думать, будто я впал в депрессию из-за провала сингла I’ve Been Loving You. Ясно, что именно в этот момент я уже точно должен был

открыться ей. Но я промолчал. Эпизод с самоубийством забылся, а свадьба осталась на повестке дня. И мы вместе начали подыскивать квартиру на Милл Хилл.

Так вышло, что правду, которую знал я сам, высказал прилюдно Долговязый Джон Болдри. После моего ухода из «Блюзологии» мы остались хорошими друзьями, и я попросил его стать моим шафером. Джона явно насмешила сама идея моей женитьбы, но он согласился. Мы договорились встретиться в клубе Bag O'Nails в Сохо и обсудить детали. Берни пошел со мной.

Как только Джон вошел в зал, сразу стало ясно, что он нервничает и чем-то встревожен. Чем – я понятия не имел и подумал, что, наверное, у него какие-то неприятности в личной жизни. Может, Оззи отказался носиться с его членом, как с писаной торбой? Или делать еще что-нибудь… не знаю, чем они еще занимаются. Потребовалось несколько порций спиртного, прежде чем он выложил суть проблемы – прямо и без обиняков.

– Черт тебя побери! – гаркнул Джон. – Что ты творишь? Какого хрена ты связался с женщиной? Очнись и возрадуйся! Ты – гей! И Берни ты любишь больше, чем эту бабу!

Наступило неловкое молчание. Я знал, что отчасти он прав. Я не любил Линду – по крайней мере, не настолько, чтобы на ней жениться. И я действительно любил Берни. Не как мужчину, не в сексуальном плане, а как моего самого лучшего друга. И нашим партнерством в творчестве дорожил в сотни раз больше, чем своей так называемой невестой. Но гей? Насчет этого уверенности не было – я так до конца и не понял, что значит быть геем, хотя, благодаря нескольким очень откровенным разговорам с Тони Кингом, понемногу начал понимать. Так, может, я – гей? Может, именно поэтому меня так восхищает Тони? Ведь я не просто подражаю его стилю в одежде и его лондонским щегольским манерам. Я чувствую в нем что-то от себя самого.

В общем, было над чем подумать. Но вместо этого я начал спорить: мол, Джон говорит глупости, опять напился и устраивает много шума из ничего. И потом, я не могу отменить свадьбу – все уже организовано. Мы даже заказали торт!

Джон и слушать меня не хотел. Он повторял, что я разрушу жизнь и себе, и Линде, если позволю свадьбе состояться. Что я чертов идиот и веду себя как последний трус. Спор разгорался и начал привлекать внимание, подтянулись посетители от столиков неподалеку. Ну а поскольку мы находились в клубе Bag O'Nails, все они были поп-звезды, что придавало ситуации легкий оттенок сюрреализма. Вмешалась Синди Бердсон из The Supremes – я знал ее еще со времен «Блюзологии», она тогда была одним из «колокольчиков»[75] в бэк-группе Bluebelles Патти Лабелль. Потом

к обсуждению присоединился Пи Джей Проби[76]. Рад бы был поделиться тем, что говорил о моей предстоящей свадьбе, о ее потенциальной отмене и, конечно, о моей сексуальной ориентации этот одетый в сползающие штаны *enfant terrible* шестидесятых с волосами, собранными в конский хвост, но к тому времени я уже окончательно ошалел и воспринимал происходящее как в тумане. Хотя все-таки помню, что в конце концов я сдался и признал, что Джон прав – по крайней мере, по поводу свадьбы.

Все, что было дальше в эту ночь, память сохранила отрывочными картинками. Рассвет, мы с Берни, взявшись за руки для храбрости, бредем по дороге к дому. Шатаясь, натыкаемся на автомобили и переворачиваем мусорные ящики. Потом ужасный скандал, и Линда грозит самоубийством. Дальше невнятный разговор через закрытую дверь спальни Берни о том, способна Линда на самом деле покончить с собой или нет. И еще один разговор через дверь – я прошу Берни открыть и пустить меня поспать на полу.

На следующее утро после еще одного чудовищного скандала я в отчаянии позвонил в Фроум Корт. «Они приехали в грузовике и отвезли меня домой», – написал Берни в песне «Кто-то спас меня сегодня». «Они», «грузовик» – конечно, поэтическое преувеличение. Приехал только Дерф на маленьком рабочем фургончике. Но он действительно отвез нас домой, назад в Фроум Корт, в комнату с двухъярусной кроватью. И Берни сейчас же повесил на стену плакат с Саймоном и Гарфункелем. Линду мы больше никогда не видели.

три

Теоретически, мы с Берни вернулись в Фроум Корт на время, пока не подыщем что-то свое. Но нет ничего более постоянного, чем временное: переезд пока не предвиделся. Мы не могли себе позволить снять квартиру. Наши песни не продавались – английские певцы и группы не хотели их покупать. Иногда до нас доходил слух, что чей-то продюсер или менеджер интересовался той или иной нашей композицией. Надежда вспыхивала, но быстро гасла. На нас сыпались отказы. «Простите, но Клифф говорит «нет». «Мои извинения, но Силла считает, что это не совсем в ее стиле». «Нет, «Октопусу» это не подходит». «Октопус»? Это еще что? Группа? Тогда единственное, что я о ней знаю, – что им не нравятся наши песни. В общем, нам отказывали исполнители, о которых я даже не слышал.

Время остановились, ничего не происходило. Как уж тут не упасть духом. Правда, у жизни в Фроум Корт было одно весомое преимущество – а именно мама с ее проверенным средством против моих депрессий, речью на тему того, что надо забыть о карьере музыканта и найти работу в местном торговом центре: «Ты же знаешь, у тебя есть выбор. В прачечной самообслуживания как раз освободилось местечко». В прачечной, говорите? Хм. Заманчиво. Сидеть и слушать, как гудят стиралки и сушильные машины. Нет уж, я, пожалуй, попробую написать еще несколько песен.

Вместо переезда мы попытались придать спальне с двухъярусной кроватью вид помещения, более-менее подходящего для двоих взрослых мужчин. Я вступил в книжный клуб «Ридерз Дайджест» и постепенно начал заполнять полки изданиями в кожаных переплетах – «Моби Дик», «Давид Копперфильд». В каталоге «Литлвудз» мы выбрали стереопроигрыватель и две пары наушников – их продавали в рассрочку, так что это мы могли себе позволить. На Оксфорд-стрит купили постер – «Афину» Мана Рэя[77], а рядом, в магазинчике индийских товаров, набор ароматических палочек. Дома мы включали какую-нибудь новинку из «Мьюзикленда», надевали наушники, ложились на пол и в комнате, наполненной ароматным дымом, немедленно превращались в авангардных артистов, представителей контркультуры, ведущих богемное существование. Впрочем, магия быстро развеивалась: мама начинала стучать в дверь. «Что там у вас за страшная вонь? – спрашивала она. – И, кстати, что приготовить на ужин?»

Я зарабатывал чуть больше, чем Берни. Тони Кинг, пользуясь

связями со студиями AIR и Abbey Road, постоянно подбрасывал мне подработку студийным музыкантом. В Abbey Road платили три фунта в час наличными, сессии полагалось длиться три часа. Лишняя минута – и тогда, по правилам профсоюза музыкальных работников, нам выплачивали надбавку как за полторы сессии, что не могло не радовать: около пятнадцати фунтов, – столько же, сколько мне платили в неделю в DJM. А дополнительный бонус я получал, если сталкивался с Ширли Бернс и Кэрол Уэстон, секретаршами из Air Studios, – эти чудесные женщины, переполненные разными слухами и сплетнями, всегда с готовностью предлагали мою кандидатуру в случае какой-нибудь подработки. Очевидно, что-то во мне пробуждало их материнский инстинкт, и они даже отдавали мне свои талоны на питание. Так что я еще и ел бесплатно – рай, да и только.

Но не в деньгах дело: студийная, она же сессионная работа, – всегда замечательный опыт. Здесь музыкант не может позволить себе капризы, он берется за любой предложенный вариант, играет то, что требуется. При этом ты должен не тормозить и быстро входить в курс дела, потому что некоторые из тех, с кем ты играешь, – лучшие музыканты страны. Да, страх – не то слово, которое ассоциируется с вокальной группой Майка Саммса, работавшей тогда на подпевке буквально у всех. Тем более что выглядели они как дяди и тети средних лет, явившиеся в студию прямиком с танцевальной вечеринки в гольф-клубе. Но если ты пел и играл рядом с ними, на тебя внезапно снисходил Страх Божий, потому что эти люди делали свое дело суперпрофессионально.

Студийный музыкант должен уметь адаптироваться, потому что исполнять нужно музыку в самых разных стилях. Сегодня ты работаешь на бэк-вокале у Тома Джонса, завтра – на комедийной записи с The Scaffold[78], или делаешь фортепианную аранжировку с The Hollies[79], или пытаешься создать рок-версию основной темы «Грека Зорбы» для The Bread and Beer Band, еще одного так и не раскрутившегося проекта Тони Кинга. Ты постоянно знакомишься с новыми людьми, завязываешь контакты с исполнителями, продюсерами, аранжировщиками, сотрудниками звукозаписывающих фирм. Помню, однажды я работал в студии с The Barron Knights[80], и внезапно вошел Пол Маккартни. Он немного посидел в звукорежиссерской, послушал; потом подошел к фортепиано, объявил, что сейчас покажет, чем занимается в студии по соседству, и минут восемь играл Hey Jude. И то, над чем корпели мы с The Barron Knights – а именно над новой записью выступления Деса О'Коннора[81] на Олимпийских играх, – показалось просто игрой в бирюльки.

Иногда сессия проходила отлично, потому что мы играли потрясающую музыку, а иногда просто прекрасно, потому что мы играли бог знает что. Я работал над множеством кавер-альбомов для лейбла «Марбл Арк»: мы записывали сборники сляпанных на скорую руку версий разных хитов, альбомы потом называли *Top of the Pops, Hit Parade и Chartbusters* и продавали в супермаркетах по очень низкой цене. Каждый раз, как всплывает эта история, все начинают охать и ахать: мол, это же самое дно его карьеры, бедный непризнанный артист вынужден был анонимно петь чужие песни ради куска хлеба! Думаю, с оглядкой на прошлое можно выразиться и так, но в то время я ничего подобного не чувствовал – сессии, на которых мы записывали эти несчастные каверы, всегда проходили в чуть ли не истерическом веселье.

Продюсер Алан Кэдди выдавал нам фантастические инструкции – одна безумнее другой. «А можешь спеть «Молодой, талантливый, черный?» Ну… эта песня, скажем прямо, мало подходит белому парню из Пиннера – но я ее все-таки спел. «Следующая у нас Back Home[82] – и нужно, чтобы это звучало так, будто поет английская футбольная сборная на Кубке мира!» Окей. У нас здесь всего три вокалиста, причем один из них – женщина, так что *абсолютного сходства* вряд ли добьешься… но споем, конечно. Вы же босс. Однажды он велел мне петь голосом Робина Гибба из «Би Джиз» – потрясающего певца с уникальным вокалом, который можно описать как неземное, слегка дрожащее носовое вибрато. Конечно, повторить такое невозможно, но я нашел выход: в буквальном смысле взял себя за горло и дергал его во время пения, создавая эффект вибрации. На мой взгляд, прорывная идея, но у моих коллег-музыкантов она вызвала бурю эмоций. Я стоял и завывал, вцепившись пальцами в горло, и старался не смотреть за стекло, где другие студийные певцы, Дэвид Бирон и Дейна Гиллеспи, поддерживая друг друга, едва не валились на пол от хохота.

Вот так я от души развлекался на кавер-сессиях во время этих предположительно самых позорных моментов моей профессиональной жизни. На самом деле, один такой кавер я записал и *после* начала своей сольной карьеры – нет, я не шучу. Уже была написана Your Song, уже вышел альбом *Elton John*, я уже успел засветиться в Top of the Pops[83] и собирался лететь в Америку в свой первый тур – именно как раз тогда я вернулся в студию и с превеликим удовольствием спел усеченные версии In the Summertime и Let's Work Together для какого-то чудовищного альбома, который потом продавали в супермаркете по полтора фунта за штуку. Как обычно, запись прошла очень весело.

Но студийная работа занимала далеко не главное место в

моих отношениях с Тони Кингом. У него было много друзей, нечто вроде небольшой «банды» – в основном мужчины-геи из музыкальной индустрии: продюсеры, сотрудники Би-би-си, рекламщики, промоутеры, и среди них – шотландец Джон Рид, молодой, амбициозный, очень уверенный в себе и очень забавный. Карьеру он делал стремительно. В конце концов его назначили местным представителем американского лейбла «Тамла Мотаун», где он работал с The Supremes[84], The Temptations и Смоки Робинсоном[85]. Это была престижная должность, о чем Тони Кинг никому не давал забыть, с пиететом называя Джона «Памелой Мотаун».

Компания Тони не совершала странных выходок, не вела себя вызывающе; они не прочесывали лондонские гей-клубы, а просто ходили вместе в пабы и рестораны или устраивали домашние ужины. Мне нравилось проводить с ними время. Утонченные, прекрасно образованные, умные и чрезвычайно забавные – меня восхищал их сленг, их особенное чувство юмора. Чем больше я думал, тем яснее понимал странную вещь: с ними я как будто дома. По натуре я не одиночка, и всегда у меня хватало друзей – что в школе, что во времена «Блюзологии» и на Денмарк-стрит. Но с ними все было иначе – я ощущал себя своим среди своих. Я чувствовал себя ребенком из книжки про Мэри Поппинс, перед которым внезапно открылся новый волшебный мир. Год назад пьяный Джон Болдри во всеуслышание объявил меня геем. И теперь я понял, что он прав.

Словно в подтверждение этому неожиданно дало о себе знать мое либидо – так гость спешит на вечеринку, которая должна была состояться десять лет назад. В двадцать один год я переживал нечто вроде запоздавшего подросткового гормонального взрыва. Внезапно я почувствовал влечение к некоторым мужчинам. И я понимал, что в Джоне Риде, например, меня очаровывает не только чувство юмора и даже не глубокие знания американского стиля соул. Но, конечно, я не пытался заводить отношения – просто потому что не знал, с чего начать.

Я никогда ни с кем не флиртовал. Ни разу не был в гей-клубе. И понятия не имел, как происходит «съём». Что я скажу? «Не хочешь ли сходить со мной в кино, а позже, возможно, раздеться?» Память мало что сохранила о процессе пробуждения моей сексуальности. Не помню, чтобы я тревожился или страдал. Но я точно хотел заняться сексом, хотя не представлял, как это бывает, и потому опасался что-то сделать не так. Я даже не признался Тони в том, что я гей.

К тому же в то время меня больше интересовали другие вещи. Как-то утром в DJM нас вызвали на ковер к Стиву Брауну,

который заменил Калеба на посту главного менеджера студии. Стив сообщил, что послушал наши записи и пришел к выводу, что мы попусту тратим время.

– Этой бессмыслице надо положить конец. У вас ничего не получается. На самом деле, – он тряхнул головой, явно взволнованный темой разговора, – вы безнадежны. Вам никогда не стать авторами песен.

Я едва не упал со стула. Ну вот. Замечательно. На горизонте замаячила прачечная в Нортвуд Хиллз. Хотя нет: у меня, по крайней мере, есть студийная работа. Но как же Берни? Бедняга вернется в Оумби-бай-Спитал, будет волочить тележку с куриными тушками, а свидетельством его неудавшейся музыкальной карьеры останется сингл с песней, слова которой сочинил не он, да еще письмо с отказом от некоего мифического «Октопуса». А мы ведь даже не успели выплатить деньги за стереопроигрыватель…

Все эти мысли стремительно пронеслись у меня в голове, но потом я осознал, что Стив Браун все еще в кабинете и продолжает говорить. Он упомянул Lady What's Tomorrow, одну из тех песен, которые мы даже не пытались кому-то продать. Она была написана под влиянием Леонарда Коэна и, естественно, показалась бы Силле Блэк неинтересной. А вот Стиву Брауну – наоборот.

– Вы должны писать как можно больше именно таких песен, – говорил он. – Должны делать то, что хотите, а не то, что продается. Я поговорю с Диком. Думаю, мы попробуем выпустить ваш альбом.

Позже мы с Берни сидели в пабе, пытаясь переварить услышанное. С одной стороны, у меня не было никаких амбиций насчет сольной карьеры певца. С другой, перспектива не вымучивать слезливые баллады и бабблгам-попсу казалась чрезвычайно заманчивой. От такого отказываться нельзя. И мы по-прежнему верили, что записи Элтона Джона – неплохой способ продвинуть те песни, которые нам действительно нравятся. Чем больше людей услышат Элтона, тем выше шансы, что другой артист, знаменитый, захочет спеть одну из наших композиций.

Но имелась одна проблема – контракт с «Филипс». Они настаивали на продолжении выпуска синглов наподобие I've Been Loving You, и альбом их не интересовал. Тогда Стив Браун самолично записал новую песню, которую мы сочинили, строго следуя его инструкциям: работать не в коммерческих целях, а по зову души. Песня называлась «Леди Саманта», и это был прорыв. Во-первых, я слушал себя без отвращения – невероятный факт на том этапе моей карьеры. К тому же «Леди Саманта» –

действительно неплохая песня, совсем не похожая на I've Been Loving You: более стильная, уверенная, значительная. Сингл выпустили в январе 1969 года, и он стал тем, что принято называть «поворотный хит» – на языке музыкальной индустрии это вежливый способ сказать, что песню постоянно крутят на радио, но при этом она не продается.

После провала «Леди Саманты» мы обнаружили, что «Филипс» не заинтересован в обновлении контракта: компания решительно не желала финансировать альбом певца, который принес ей одни убытки. Дик Джеймс как-то вскользь заметил, что стоило бы выпустить альбом под собственным лейблом вместо того, чтобы отдавать лицензию другим звукозаписывающим компаниям. Но его куда больше волновало участие в конкурсе «Евровидение». К вящей радости Дика, одну из наших сугубо «коммерческих» песен, о которой мы почти забыли, номинировали на участие в этом конкурсе. Лулу[86] должна была спеть шесть песен в своем ТВ-шоу, после чего британским зрителям предстояло выбрать ту, что поедет на «Евро». Сказать, что Берни воспринял эти новости холодно, было бы сильным преуменьшением. На самом деле он пришел в ужас.

В то время «Евровидение» еще не превратилось в нынешнюю постыдную оргию, но «Пинк Флоид» или The Soft Machine[87] явно не рвались в нем участвовать. Что еще хуже, Берни не имел к номинированной песне никакого отношения, хоть и числился автором слов. На самом деле текст склепал я, и это была еще одна вариация на тему I've Been Loving You. Внезапно мы вернулись туда, откуда начинали.

Опасения Берни подтвердились. Мы смотрели программу Лулу по телевизору в Фроум Корт. Наша песня – *моя песня* – была абсолютно неприметной и незапоминающейся, чем сильно отличалась от остальных номинированных: казалось, авторы каждой из них разродились столь ужасающими идеями, что забыть их представлялось невозможным при всем желании. Одна песня четко ассоциировалась с пьяными немцами, громко хлопающими по коленкам в каком-нибудь баварском пивном зале. Другая являла собой жуткое сочетание биг-бэнда и бузуки. Третья называлась March, но не имела никакого отношения к месяцу марту. Это в буквальном смысле был марш – с участием военного духового оркестра для полной ясности. Стив Браун не ошибся: мы действительно не могли сочинять такое, и голосование зрителей это подтвердило – мы заняли последнее место. Выиграли же «пьяные немцы» – кстати, песня-победитель называлась Boom Bang-A-Bang.

На следующий день мы пришли на работу в DJM и

обнаружили, что «Дейли Экспресс» опубликовала заметку, в которой доходчиво объяснялось, почему наша песня проиграла: да потому, что она очевидно худшая из всех. Дик без особого энтузиазма объявил, что хватит тратить зря общее время – пора заняться работой над альбомом. Если «Филипс» откажется его выпускать, он наймет команду пиарщиков и запустит собственный звукозаписывающий лейбл.

Нас посадили в небольшую студию, Стив Браун стал продюсером альбома, а звукозаписью занимался Клайв Фрэнкс – кстати, именно он записал ту самую скандальную The Troggs Tape. Через много лет он стал сопродюсером нескольких моих альбомов, он и сейчас сотрудничает со мной в качестве звукорежиссера на живых концертах. Объединившись, мы вкладывали все, что могли, в создание новых песен. Психоделические звуковые эффекты, клавесины, обратные гитарные соло – благодаря мастерству Калеба, флейты, барабаны бонго, панорамное стерео, джазовые импровизации, хитроумные окончания песен – звук затихает, а потом внезапно возвращается, свистки Клайва. Если хорошенько прислушаться, можно даже услышать, как в студию втаскивают кухонную раковину. Возможно, понимай мы тогда, что больше звуков – не всегда лучше, получилось бы более профессионально, но, записывая свой первый альбом, о таком не думаешь. В голове у тебя как будто звучит тихий голос: «А вдруг твой первый альбом станет последним? Значит, надо перепробовать все, пока есть возможность». Но, господи, как же это было здорово, как захватывающе! Альбом получил название *Empty Sky* и вышел под новым лейблом Дика DJM шестого июня 1969 года. Помню, как снова и снова прокручивал заглавный трек и думал: это лучшее, что я слышал в моей жизни.

Empty Sky не стал хитовым альбомом – продалось всего несколько тысяч дисков. Но что-то сдвинулось с места. Начались перемены, пусть и очень постепенные. Отзывы в прессе были хоть и не восторженные, но обещающие нам перспективу – явный шаг вперед после заметки в «Дейли Экспресс», где нам отказывали даже в способности написать такую замечательную песню, как Boom Bang-A-Bang. Сразу после выхода *Empty Sky* нам позвонили и сказали, что Three Dog Night записали кавер «Леди Саманты» для своего нового альбома. Three Dog Night! Американцы. Настоящая американская рок-группа спела одну из наших песен. Не эстрадный певец в субботнем вечернем концерте на «Би-би-си уан» и не участник «Евровидения», а стильная и успешная американская рок-группа. Наше с Берни творение звучало в альбоме, попавшем в американскую топ-двадцатку.

Empty Sky обеспечил меня материалом, то есть теперь я мог выступать вживую. Поначалу было тяжеловато – я выступал на небольших стихийно возникающих шоу и играл с теми музыкантами, которых на тот момент мог найти, – обычно с Калебом и его новой группой Hookfoot. Я нервничал: в последний раз я стоял на сцене, когда Долговязый Джон пел под фанеру, а я в дурацком кафтане мечтал провалиться сквозь землю. Но чем свободнее и спокойнее я себя чувствовал, тем лучше проходили концерты, и окончательно все наладилось, когда я собрал собственную группу. С Найджелом Олссоном и Ди Мюрреем мы познакомились в DJM. Найджел играл в группе Plastic Penny, выпустившей в 1968 году громкий хит, – и, кстати, именно эта группа купила одну из тех песен, которые в прошлом году мы с Берни пытались продать. В некотором смысле это символизировало наше тогдашнее везение, потому что альбом с этой песней вышел как раз в тот момент, когда удача оставила Plastic Penny's и ее карьера покатилась под откос. Ди тем временем работал в The Mirage, психоделической команде, которая годами выпускала синглы без всякого намека на признание. А между тем оба были прекрасные музыканты, и мы сразу ухватились за Ди – фантастического басиста. Найджел работал в стиле Кита Муна[88] и Джинджера Бейкера[89] и был настоящим шоуменом – его аппаратура занимала почти все нашу репетиционную комнату, а на двух басовых барабанах красовалось его имя. И Найджел, и Ди к тому же умели петь. Гитарист нам не требовался, мы и втроем добивались достаточно мощного и наполненного звучания.

К тому же, играя втроем, ты получаешь полную свободу для экспромта. Не имело значения, что мы не могли повторить сложные студийные аранжировки – зато мы импровизировали, удлиняли композиции, исполняли сольные партии, делали попурри из разных песен, позволяли себе сыграть кавер какой-нибудь из песен Элвиса или вариант Give Peace a Chance[90].

Я начал задумываться о том, как выгляжу на сцене. Безусловно, я хотел быть фронтменом – но я же сидел за фортепиано, а значит, не мог разгуливать туда-сюда, как Мик Джаггер, или картинно разбивать инструмент, как Джими Хендрикс или Пит Таунсенд. Горький опыт научил меня: в попытке залихватски расколошматить рояль, а именно столкнуть его со сцены, артист скорее напоминает уставшего грузчика, чем рокера-небожителя, которому все дозволено. Поэтому я начал думать о пианистах, которыми восхищался в детстве: им ведь удавалось зажигать публику, будучи прикованными к старому трехметровому гробу, как ласково я его

называл. Я вспомнил, как Джерри Ли Льюис пинал свой стул и вспрыгивал на клавиатуру, как Литл Ричард вставал или наклонялся назад во время игры, даже как Уинифред Атвелл поворачивалась лицом к зрителям и улыбалась. Все они сильно повлияли на мою манеру выступления. Оказалось, играть стоя, как Литл Ричард, – чертовски тяжело физически, особенно если руки короткие, как у меня, но я не оставлял стараний. Наша музыка отличалась от всех, теперь и на сцене мы выглядели абсолютно оригинально. Что бы ни происходило на границе шестидесятых и семидесятых, я точно знал: нет больше такого трио, где фронтмен-клавишник пытается соединить агрессивный напор раннего рок-н-ролла с приветливым благодушием Уинифред Атвелл.

Мы разъезжали по колледжам, выступали на площадках, где собирались хиппи, наши концерты становились все интереснее, а музыка – все лучше. Особенно когда мы начали исполнять свои новые песни. Должен признаться, я не всегда лучший судья собственного творчества. В конце концов, это я во всеуслышание объявил, что Don't Let the Sun Go Down on Me – чудовищная песня, и я никогда ее не выпущу (об этом позже). Но тогда даже я мог сказать, что наш новый материал – уже другая лига. Это было лучше, чем все, что мы делали раньше. Новые песни писались легко – Берни сочинил текст Your Song однажды утром за завтраком в Фроум Корт, отдал мне, и я буквально за пятнадцать минут придумал музыку. И все это потому, что самая тяжелая работа уже была позади: новая музыка вобрала в себя все те часы, в которые мы с Берни пытались писать вместе, и наши выступления с Найджелом и Ди, подарившие мне уверенность в себе, и время, которое я против своей воли провел в Королевской академии, и ночную клубную круговерть эпохи «Блюзологии». Border Song или Take Me to the Pilot соединяли в себе элементы фанка и соула, подхваченные мною у Патти Лабелль и Мэйджора Лэнса, но в них прослеживалось и влияние классической музыки – той, что я впитывал субботними утрами в академии, штудируя Шопена и Бартока.

И, конечно, на нас повлияло то, что мы слушали в спальне в Фроум Корт. Пока мы писали новые песни, в наушниках стереопроигрывателя звучали две группы. Первая – американский рок-соул-дуэт «Делани и Бонни». Меня бесконечно восхищал их клавишник Леон Рассел, он как будто волшебным образом залез мне в голову и играл именно то, о чем я мечтал. Ему удалось создать синтез всех стилей, которые я любил, – рок-н-ролл, блюз, госпел, кантри. И все это звучало естественно и гармонично.

И вторая группа – The Band. Их первые два альбома мы

слушали постоянно. Как и клавишные Леона Рассела, их песни прокладывали нам новый путь – как будто кто-то с факелом шел впереди и показывал, что мы в действительности хотим делать. Chest Fever, Tears of Rage, The Weight: вот что мы мечтали писать. Берни обожал их тексты. Еще ребенком он влюбился в приключенческие истории о старой Америке, а ведь именно об этом и пели The Band: «Верджил Кейн – имя мое, на денвилском поезде я служил, но прискакала конница Стоунмэна и взорвала пути»[91]. Эти музыканты пели собственный соул, не каверы In the Midnight Hour, их музыка не звучала, как блеклое подражание чернокожим артистам. Это было как откровение.

Мы дали Дику послушать демозаписи новых песен. Он был потрясен и, несмотря на слабые продажи *Empty Sky*, решил выпустить еще один наш альбом. Более того – он собирался выдать нам шесть тысяч фунтов за предстоящую работу. Это был серьезный шаг с его стороны, а сумма для того времени просто огромная, учитывая, что он собирался вложиться в артиста, чьи предыдущие диски не продавались. Без сомнения, Дик верил в нас, но, думаю, его немного подтолкнуло вмешательство третьей стороны. Однажды в поезде по дороге в Пиннер мы столкнулись с Маффом Уинвудом, братом Стиви Уинвуда. Мафф работал в «Айлэнд Рекордз» и жил неподалеку от Фроум Корт. Пару вечеров в неделю мы обычно проводили у него в гостях, приносили бутылку «Матеуш Розе» и коробку шоколада для его жены Зены, очень тонкой и умной женщины, играли в настольный футбол или в «Монополию» и вытягивали из Маффа информацию о музыкальной индустрии. Наши новые песни ему очень понравились, он вдохновился и завел разговор о контракте с «Айлэнд» – компанией куда более крупной и известной, чем DJM. Слухи о намерениях конкурента, скорее всего, дошли до Дика, и тот потянулся за чековой книжкой.

Но какой бы ни была причина, получение этих денег означало переезд из DJM в большую хорошо оборудованную студию «Тридент» в Сохо. Стив Браун посоветовал взять внешнего продюсера, Гаса Даджина. Гас продюсировал Space Oddity Дэвида Боуи, хитовый сингл, который всем нам очень нравился. Мы смогли добавить в группу струнные инструменты и нанять аранжировщика – Пола Бакмастера, который тоже работал на подготовке Space Oddity. Пол выглядел прямо как Д'Артаньян – длинные волосы, расчесанные на прямой пробор, козлиная бородка, широкополая шляпа – и показался мне малость эксцентричным, но, как выяснилось позже, первое впечатление обманчиво: он был не малость, а *очень* эксцентричен, вплоть до сумасшествия. Часто Пол становился перед оркестром и ртом

изображал звуки, которые они должны сыграть. «Не знаю, как объяснить, но звучать это должно вот так», – говорил он, и все с точностью выполняли его указания. Пол был настоящий гений.

Все происходило как по волшебству. Мы с Гасом, Стивом и Полом распланировали все наперед – песни, звук, аранжировку, – и внезапно весь материал четко сложился в общую картину. Для композиции I Need You To Turn To мы арендовали клавесин; к этому инструменту я прежде почти не прикасался, техника игры там сложная, но у меня получилось. Сильно волновало живое исполнение с оркестром, но я постарался правильно настроиться и все время повторял себе: вот наконец мечта сбывается. И все, к чему я так долго шел, начало воплощаться в жизнь. Все жалкие клубы, где я выступал, «фанера» Джона Болдри, тяжелая работа сессионным музыкантом, Дерф с пивной кружкой для чаевых в Нортвуд Хиллз, наш с Берни побег с Ферлонг Роуд, старания Линды превратить меня в Бадди Греко – все это было не зря. Мотивация сработала. Альбом мы записали за четыре дня.

Мы сами чувствовали, что сделали нечто важное, способное вывести нас на новый уровень. И оказались правы. Альбом *Elton John* вышел в апреле 1970 года, и пресса разразилась восторженными отзывами. Джон Пил[92] постоянно включал наши песни в своей радиопрограмме, и альбом попал в нижние строчки чартов. На нас посыпались приглашения выступать в Европе – правда, каждый раз во время таких поездок случались недоразумения. Например, в Париже какой-то умник забукировал нас в качестве поддержки для Серджио Мендеса[93] и его сингла Brasil’66. Зрители, пришедшие послушать босанову, выразили восторг открытия новых музыкальных горизонтов весьма недвусмысленно: нас освистали. В Бельгии, в Кнокке, мы обнаружили, что никакого концерта не запланировано – как выяснилось, нас ждало участие в телеконкурсе. В Нидерланды мы отправились как раз затем, чтобы записываться на ТВ, но голландские телевизионщики настояли на том, чтобы снять меня в парке: я прогуливаюсь с микрофоном, якобы исполняя Your Song, а на деле просто раскрывая рот, и вокруг меня бегают актеры, изображающие папарацци. Кстати, этот клип иногда и сейчас крутят по телевизору. Выгляжу я там обозленным, как будто вот-вот наброшусь на кого-нибудь с кулаками, – это точно отражало мое состояние, но никак не гармонировало с нежной балладой о расцветающей любви.

Дома тем временем вокруг нас началось движение. В августе предстояло выступить на фестивале Крамлин в Йоркшире, что сулило печальные перспективы. Фестиваль проходил на площадке, окруженной болотами, холодно было неимоверно, лил

дождь, и организация мероприятия – хуже некуда.

К началу фестиваля сцена еще строилась, что дало возможность группам, которые уже должны были играть, устроить большую ссору из-за того, кто за кем выступает. Меня такие проблемы мало волновали, поэтому мы просто прогуливались, угощали народ бренди и ругали проклятую площадку на чем свет стоит, пока Atomic Rooster[94] и The Pretty Things[95] спорили, в ком больше звездности и крутизны. На наших концертах в Лондоне среди зрителей я стал все чаще замечать знаменитостей – то есть в музыкальном мире прошел уже слух, что наше выступление стоит посмотреть. За пару недель до Крамлинского фестиваля на концерт в клубе Speakeasy, который стал флагманом музыкальной индустрии, вместо «Кромвелиан» и Bag O'Nails пришли Пит Таунсенд из The Who и Джефф Бек[96]. Нас пригласили в *Top of the Pops* сыграть Border Song: это не особо увеличило продажи сингла, зато в гримерной к нам подошла познакомиться Дасти Спрингфилд[97]. А потом предложила поработать у нас на подпевках. Я смотрел на нее, разинув рот. Школьником я ездил в Харроу, специально чтобы увидеть ее выступление с The Springfields, а после концерта слонялся возле артистического выхода – лишь бы еще раз взглянуть на нее: она проходила мимо в сиреневой блузе и темно-лиловой юбке и выглядела шикарно. В начале шестидесятых я вступил в ее фан-клуб и обклеивал стены спальни плакатами с ее изображением.

Единственным препятствием нашему прогрессу был Дик, который вбил себе в голову, что мы должны полететь в Америку и выступить за океаном. Ему удалось продать наш альбом американскому лейблу «Уни», входящему в состав MCA, и он постоянно повторял, как они воодушевлены и как хотят, чтобы мы приняли участие в нескольких тамошних шоу. Я не видел в этом смысла, о чем прямо сказал Дику. Я считал, что мы должны оставаться в Британии, где наши позиции укреплялись. Концерты проходили прекрасно, альбом хорошо продавался… и я понравился Дасти Спрингфилд! Мы с Берни сочиняли песню за песней и уже начали работать над демозаписями для следующего альбома. Зачем упускать момент и уезжать в Америку, где никто знать меня не знает?

Чем больше доводов против я находил, тем упорнее Дик стоял на своем. Но затем судьба подкинула новый поворот. После концерта в клубе Speakeasy Джефф Бек пригласил меня на джем-сейшен в свой репетиционный зал в «Чалк Фарм». Через некоторое время его агент назначил встречу в DJM. Джефф предложил нам с Найжелом и Ди сопровождать его во время тура по Штатам в качестве бэк-группы, при этом он собирался

поставить в расписание сета мое сольное выступление с нашими песнями. Предложение было невероятное: Джефф Бек – один из величайших гитаристов из тех, кого я знал, его свежий альбом *Beck-Ola* стал абсолютным хитом. Правда, нам бы платили всего десять процентов от общих ежевечерних сборов, но десять процентов от Джеффа Бека – это значительно больше, чем мы зарабатывали тогда. И, что очень важно, нас бы услышало множество людей. Огромные зрительские аудитории, перед которыми я играл бы свои песни – не как никому не известный артист, но как участник группы Джеффа Бека, и не на разогреве, которому обычно никто не придает значения, а в середине основного сета.

Я уже собирался спросить, где ставить подпись, но тут выступил Дик. Он заявил агенту Джеффа, что их десять процентов – это просто смешно. «Что он делает?» – думал я, пытаясь поймать его взгляд и мысленно внушая ему, что сейчас лучше всего заткнуться. Но он не смотрел в мою сторону. Агент сказал, что условия контракта окончательные и не обсуждаются. Дик пожал плечами.

– Обещаю вам, – сказал он, – через полгода Элтон Джон будет зарабатывать в два раза больше, чем Джефф Бек.

Что? Дик, чертов дурак, что ты мелешь? *Зачем?* Его слова прозвучали как приговор, и я боялся, что теперь они будут преследовать меня всю жизнь. Я так и видел себя через пять лет – вот я играю по зачуханным клубам, и люди тыкают в меня пальцами: «*Этот парень собирался зарабатывать вдвое больше, чем Джефф Бек!*» Агент быстро испарился – видимо, спешил раструбить на весь музыкальный мир о том, что Дик Джеймс внезапно спятил. Что касается Дика, то он не выказал ни малейшего сожаления. Ты должен ехать в Америку сам по себе, сказал он мне. Песни альбома *Elton John* превосходны. Группа великолепно играет вживую. Американская звукозаписывающая компания все для нас сделает. Использует все свое влияние для нашего продвижения. Наступит день, когда я скажу ему спасибо за то, что он сейчас сделал.

Дома я пересказал все Берни. И он предложил отнестись к этой поездке как к развлекательному туру. Мы побываем в местах, которые видели только по телевизору или в кино – в сериале «Сансет Стрип, 77», в «Деревенщине из Беверли-Хиллс». Мы можем съездить в Дисней-ленд и прогуляться по музыкальным магазинам!

К тому же американская звукозаписывающая компания все для нас сделает. Наверное, в аэропорту нас встретит лимузин. Может быть, даже «Кадиллак»! Господи, «Кадиллак»!

Мы стояли у аэропорта, щурясь от яркого лос-анджелесского солнца. Небольшая группа: мы с Берни, Ди и Найджел, Стив Браун и Рэй Уильямс, которого DJM назначила нашим менеджером, гастрольный администратор Боб и Дэвид Лэркхэм, дизайнер обложек альбомов *Empty Sky* и *Elton John*. Сонные от перемены времени, мы пытались понять, почему возле аэропорта громоздится ярко-красный двухэтажный лондонский автобус. Причем на боку у него выведено огромными буквами: К НАМ ПРИЕХАЛ ЭЛТОН ДЖОН. И как раз в этот автобус нас активно зазывает Норман Уинтер, наш восторженный американский пресс-атташе. Мы с Берни обменялись ошарашенными взглядами: неужели это, черт возьми, и есть наш лимузин?

Думаете, в Лондоне красные автобусы ездят медленно? Вы еще не путешествовали на таком от лос-анджелесского аэропорта до бульвара Сансет. Мы добирались туда два с половиной часа – во-первых, махина развивала скорость максимум шестьдесят километров час; во-вторых, ехать пришлось живописным, но запутанным маршрутом: на автостраде движение двухэтажных автобусов было запрещено. Краем глаза я заметил, что Берни тихонько сползает вниз на своем сиденье так, чтобы его не увидели из окна. Наверное, опасался, что мимо поедет Боб Дилан или кто-то из The Band и начнет смеяться.

Да уж, совсем не таким я представлял себе наше прибытие в Америку. Если бы не пальмы за окном и толпа американцев, сотрудников «Уни Рекордз», в автобусе, можно было подумать, будто я еду тридцать восьмым маршрутом до Клэптон Понд.

Зато я впервые ощутил разницу между британскими и американскими звукозаписывающими компаниями. В Англии, как бы ни обожал тебя твой лейбл, с какой бы страстью ни работали его сотрудники над твоим альбомом, все ведут себя с пресловутой национальной сдержанностью, со склонностью к преуменьшению твоих, да и своих заслуг. Да еще и приправляют все специфическим английским юмором. В Америке, как оказалось, все иначе: окружающие излучали абсолютный восторг и жизнерадостный энтузиазм. У американцев иная энергетика. Никто на моей памяти не говорил так, как Норман Уинтер: «Это будет бомба, мы сделали то, мы сделали это, на концерт придет Одетта, и Бред, и Бич бойз, будет что-то невероятное!» И никто не говорил *так много*: насколько я помню, рот у Нормана не закрывался с того самого момента, как он представился нам в зале прилета. Это было очень необычно, но почему-то приятно.

А главное, все, что он сказал, оказалось чистой правдой. Норман Винтер и его пиар-команда действительно сделали все:

в магазины города доставили наши диски, вывесили там наши постеры, подготовили интервью, пригласили на наш концерт множество знаменитостей. Уговорили Нила Даймонда[98], тоже работавшего с «Уни», выйти на сцену и представить меня публике. И еще хедлайнером предстояло быть мне, а не Дэвиду Эклзу[99], – безумие какое-то!

– Но Дэвид Эклз ведь работает с «Электрой», – пытался слабо возражать организаторам Берни. Он вспоминал то время, когда в Фроум Корт мы слушали дебютный альбом Дэвида и обсуждали неподражаемый современный стиль его лейбла: компания «Электра» под руководством великого Джека Холмана занималась раскруткой таких замечательных артистов, как Тим Бакли[100], Делани и Бонни, The Doors и Love[101].

И вот теперь я увидел фантастическую работу влюбленной в свое дело команды, которая вложила весь свой опыт в создание ажиотажа вокруг меня. Волшебным образом они превратили в грандиозное событие выступление никому не известного артиста в клубе на триста мест. И, конечно, все это на меня очень сильно подействовало. Раньше идея поездки в Америку казалась мне сомнительной. Теперь я просто впал в ужас. Все отправились на целый день в Палм Спрингс на экскурсию, организованную Рэем, но я мудро решил остаться в отеле в одиночестве, чтобы всецело отдаться предконцертной панике. И чем больше я паниковал, тем сильнее злился. Да как они смеют развлекаться в Палм Спрингс! Они должны быть здесь и трястись от ужаса, как я! Поскольку кричать вживую было не на кого, я позвонил в Лондон Дику Джеймсу и наорал на него. Я немедленно возвращаюсь в Англию! Пусть засунут в задницу свой концерт вместе с приглашенным звездами и Нилом Даймондом в роли конферансье! Потребовалась вся присущая Дику сила убеждения, чтобы уговорить меня не паковать чемодан. Оставшееся до концерта время я или бродил по музыкальным магазинам, или дулся на каждого, кто заговаривал про Палм Спрингс.

Первое выступление в «Трубадуре» запомнилось мне двумя деталями. Для начала, мой выход на сцену встретили странными аплодисментами: их сопровождал изумленный гул, как будто зрители ожидали увидеть кого-то другого. И я, кажется, понимал почему. Обложка альбома *Elton John* – темная и сумрачная; музыканты на заднем плане одеты небрежно, немного в стиле хиппи, а я сам в черной футболке и вязаном жилете. Вот такого парня они и ждали: задумчивого, погруженного в себя певца и автора песен. Но за пару недель до вылета в Штаты я решил обновить гардероб и заглянул в Челси в магазин одежды под названием «Мистер Фридом», который в последнее время

привлекал все больше внимания. Модельер Томми Робертс давал полную волю своей необузданной фантазии и создавал одежду, которую как будто нарисовал художник-мультипликатор. Вещи, выставленные в витрине, выглядели так необычно, что, проходя мимо, я зависал у входа надолго и набирался храбрости, чтобы войти. И вот наконец вошел. Томми Робертс оказался на редкость дружелюбным человеком, он загорелся помочь и проводил меня в отдел с одеждой, носить которую на улице не решился бы даже Тони Кинг. Я примерил кое-что и почувствовал себя другим человеком – во мне словно проявились те черты моей личности, которые я долго скрывал: желание быть в центре внимания, впереди всех. Думаю, они и раньше давали о себе знать – когда я был еще ребенком, в пиннерской парикмахерской я увидел фото Элвиса в журнале. Мне чертовски нравилось это ощущение шока: ты видишь звезду и застываешь в ошеломлении, спрашивая себя: *что это вообще такое*?

Одежда из «Мистер Фридом» бросалась в глаза не потому, что была эпатажной или чересчур сексуальной. Просто она несла в себе заряд яркости, радости, которых не так уж много в окружающей нас повседневной жизни. Мне она очень понравилась. И на концерт в «Трубадуре» я с головы до ног оделся в творения Томми Роббинса. Так что вместо задумчивого хиппи-композитора публику приветствовал парень в ярко-желтом комбинезоне, лонгсливе с узором из звезд и тяжелых «рабочих» ботинках, тоже желтых, но с большими синими крылышками.

Нет, не так выглядели чувствительные, много думающие авторы песен в Америке семидесятых годов. И вообще нормальные люди в Америке семидесятых так не выглядели.

И второе очень четкое воспоминание о том концерте. Вглядываясь со сцены в зрителей, я вдруг с ужасом осознал, что во втором ряду сидит Леон Рассел. Никаких других звезд я не заметил, но его не узнать было нельзя. Вид впечатляющий: серебряная грива волос и длинная борода обрамляют мрачное, ничего не выражающее лицо. Я все время возвращался взглядом к Леону, хотя внутри у меня все переворачивалось от страха. До этого момента выступление проходило хорошо – Ди и Найджел совсем освоились, мы могли расслабиться, немного поимпровизировать, порастягивать песни. Но, обнаружив Леона, я начал нервничать так же сильно, как в отеле, когда все уехали в Палм Спрингс. Вспомнился детский кошмарный сон – ты сдаешь экзамен и вдруг обнаруживаешь, что на тебе нет не только штанов, но и нижнего белья. Так и здесь: ты играешь на самом важном в твоей жизни концерте и видишь в зале своего кумира, который смотрит на тебя с каменным лицом.

Надо было успокоиться. Сделать что-то, чтобы выкинуть Леона Рассела из головы. Я вскочил на ноги и пинком отбросил табуретку. Стоя на полусогнутых, начал бить по клавишам в стиле Литл Ричарда. Потом опустился на пол, балансируя на одной руке и играя другой, а голова при этом у меня находилась под роялем. Потом я поднялся и рывком встал в стойку на руках прямо на клавишах. Судя по шуму в зале, к такому зрители тоже не были готовы.

После концерта я в смятении стоял в битком набитой шумной гримерке. Шоу прошло на удивление хорошо. Все из Британии были довольны. Норман Винтер говорил с такой скоростью и с таким бешеным воодушевлением, что его речь по дороге из аэропорта показалась мне примером лаконизма. Сотрудники «Уни Рекордз» все время приводили каких-то людей знакомиться. Журналистов. Знаменитостей. Куинси Джонса[102]. Жену Куинси Джонса. Детей Куинси Джонса. Кажется, он взял с собой всю семью – в тот момент я плохо соображал.

И вдруг я застыл. Где-то за плечами бесконечной родни Куинси Джонса, у входа в гримерку, я увидел Леона Рассела. Проталкиваясь в толпе, он шел прямиком ко мне с тем же непроницаемым лицом: человек, который получил удовольствие от концерта, так не выглядит. Черт. Я пропал. Сейчас он объявит всем, что я – пустое место. И что я вообще не умею играть на клавишных.

Он подошел, пожал мне руку, спросил, как дела, – негромко, с мягким оклахомским выговором. Потом сказал, что я играл великолепно, и предложил поехать вместе с ним в тур.

Следующие несколько дней промелькнули как лихорадочный сон. Мы отработали еще несколько концертов в «Трубадуре», всегда с полным аншлагом, и играли прекрасно. Приходили знаменитости. Каждый вечер я залезал в сумку с одеждой из «Мистер Фридом» и надевал все более и более фантастические наряды, пока не обнаружил, что стою перед звездами рока и законодателями мод в серебряных велосипедках, с голыми ногами и в футболке с сияющей блестками надписью ROCK AND ROLL. Леон Рассел снова зашел ко мне в гримерку и поделился домашним рецептом лечения сорванных связок – как будто мы уже были старыми друзьями. «Уни Рекордз» свозила нас в Диснейленд, я купил целую охапку дисков в магазине «Тауэр Рекордз» на бульваре Сансет. Музыкальный обозреватель газеты «Лос-Анджелес Таймс» Роберт Хилберн написал о нас статью. «Возрадуйтесь! – так она начиналась. – На небосклоне рок-музыки, переживающей в последнее время довольно унылый период, зажглась новая звезда! Это Элтон Джон, англичанин

двадцати трех лет, чей дебют во вторник вечером в «Трубадуре» прошел блистательно – во всех смыслах». Черт возьми! Слова Боба Хилберна значили очень много. Я знал, что он собирается на концерт, но понятия не имел, что он собирается о нем писать. Сразу после выхода статьи на Рэя Уильямса посыпались предложения от американских промоутеров. Было решено продлить наше пребывание в Штатах и отыграть еще несколько концертов в Сан-Франциско и Нью-Йорке. Я постоянно давал интервью. Альбом *Elton John* звучал на всех FM-радиостанциях. Одна из них, KPPC из Пасадены, разместила в «Лос-Анджелес Фри Пресс» рекламу, где в буквальном смысле благодарила меня за приезд в Америку.

Всем известно, что слава, особенно внезапная, – это нечто пустое, преходящее и вместе с тем опасное. Ее темная дурманящая власть неспособна заменить истинную любовь или настоящую дружбу. Но если ты страшно стеснителен и отчаянно нуждаешься в одобрении и если все детство ты старался быть невидимкой, чтобы не спровоцировать истерику матери или гнев отца… Вот тогда, должен признаться, провозглашение тебя «будущим рока» в «Лос-Анджелес Таймс» и дифирамбы твоих кумиров явно идут на пользу – и многое меняют. В качестве доказательства представляю вам Элтона Джона, девственника двадцати трех лет, парня, который ни разу никого еще не «склеил».

31 августа 1970 года, Сан-Франциско, где в ближайшие дни мне предстоит отыграть еще один концерт. Я в концертном зале «Филлмор» слушаю фолк-рок-команду Fairport Convention – друзей по несчастью, а именно, по фестивалю в Крамлине, и общаюсь с владельцем заведения – легендарным Биллом Грэмом, который хочет, чтобы я выступил в его нью-йоркском концертном зале «Филлмор Ист». Но я не могу сосредоточиться ни на Fairport Convention, ни на Билле Грэме. Потому что решил, что сегодня – та самая ночь. Я должен кого-то соблазнить. Ну или пусть меня соблазнят. Не важно, то или другое – оба варианта подходят.

Немногим раньше я узнал, что Джон Рид находится здесь же, в Сан-Франциско, – он прилетел на празднование десятой годовщины основания «Мотаун Рекордз». Мы встречались в основном в компании Тони Кинга, но пару раз я заходил к нему в EMI. И какие бы флюиды я ему ни посылал – или надеялся, что посылаю, – он никак не реагировал. Наверное, думал, что я заглядываю к нему в кабинет за синглами в стиле соул или чтобы передать мои собственные записи.

Но это было тогда.

Воодушевленный событиями прошедшей недели, я набрался

смелости, узнал, где остановился Джон, и позвонил ему. Затаив дыхание, рассказал про все, что произошло в Лос-Анджелесе, а потом, как можно более небрежно, предложил встретиться: «Я живу в «Мияко», небольшом симпатичном отеле в японском стиле неподалеку от зала «Филлмор». Может, выпьем по бокалу как-нибудь вечером?»

Концерт в «Филлморе» закончился, и я пошел за кулисы, чтобы поздороваться с Fairport. Мы немного выпили и поболтали, я откланялся и в одиночестве отправился в свой отель. Не успел я войти в номер, как зазвонил телефон: «Сэр, мистер Рид ожидает вас у стойки консьержа».

О господи. Вот и оно.

четыре

После той ночи в Сан-Франциско все закрутилось очень быстро. Неделей позже я был уже в Филадельфии и давал интервью. Мне позвонил Джон, который к тому времени вернулся в Англию. В офисе Би-би-си он столкнулся с Тони Кингом, рассказал ему о том, что случилось, и о наших планах на будущее. Тони сперва изумился: «Редж? Редж – гей? И вы собираетесь жить вместе? В смысле, *жить вместе как пара?*» – а потом начал насмехаться, узнав, что я не хочу афишировать наши отношения с Джоном: «Что значит – не хочет афишировать? Он же с тобой! Каждый, кто заходил хотя бы в один лондонский гей-клуб, все о тебе знает! Да Редж с тем же успехом может приколотить у себя над окном неоновую вывеску: «Я – ГЕЙ».

Я действительно не хотел огласки, потому что не знал, как на это отреагируют люди. Всем, с кем я работал, было все равно – и Берни, и группе, и Дику Джеймсу, и Стиву Брауну. По-моему, они даже радовались, что я наконец открыл для себя секс. А вне нашего круга никто и помыслить не мог, что у меня нетрадиционная ориентация. Сейчас это кажется безумием – я носил такие сумасшедшие наряды и выделывал на сцене такое… но никто ничего не заподозрил. Правда, тогда мы жили в другом мире.

В то время гомосексуализм всего три года как перестал быть уголовно наказуемым. Осведомленность общества и понимание этой темы были тогда весьма поверхностны.

Во время нашего американского турне легендарные групи[103] той эпохи – Гипсолитейщица[104] и Сладкая Конни из Литтл-Рок – постоянно рвались к нам в костюмерную, к вящей радости всей команды. Я же задавался вопросом: постойте, а что вы тут делаете? Надеюсь, явились не ради меня? Кто-то ведь наверняка объяснил вам, что девчонки меня не интересуют. А даже если и не объяснил? Вы только что сами видели, что на сцену меня вынес бодибилдер, и на мне при этом сверкают груды блестящих камней, миллионы пайеток, да еще перья марабу в придачу. Неужели до вас не дошло? Очевидно, нет. Так что мне пришлось научиться ловко ускользать и прятаться от девушек в туалете.

Если кого из знакомых и удивляло, что я так быстро принял решение жить с Джоном, то виду никто не подавал. Позже стало ясно, что такое стремительное развитие романа – типично мой стиль. Так уж я устроен: встречаю симпатичного парня и с ходу начинаю планировать совместную жизнь. Не будучи даже

влюбленным, не говоря уж об истинной любви, я уже вижу белый забор вокруг дома и вечное семейное счастье. Позже, когда я стал по-настоящему знаменитым, такой стиль отношений создавал огромные проблемы и для меня, и для объекта моей страсти.

Я требовал от партнера, чтобы он бросил все, оставил свою жизнь и отправился со мной в турне. И заканчивалось все катастрофой.

Но это далеко в будущем. А пока что я искренне любил Джона – сильно, безоглядно, наивно, как и бывает при первой любви. К тому же я узнал, что такое секс! Конечно, в такой ситуации необходимо жить вместе, тем более что мои квартирные условия нельзя было назвать идеальными. Гей ты или не гей, но вряд ли возможно хоть как-то заниматься любовью в маминой квартире, в комнате, где на нижнем ярусе кровати, сопя, мучительно старается заснуть твой соавтор-поэт.

После моего возвращения из Америки мы с Джоном начали подыскивать квартиру. Подходящая нашлась в жилом комплексе «Уотер Гарденс» на Эджвар-роуд: со спальней, гостиной, кухней и ванной комнатой. Берни на время переехал к Стиву Брауну. В Калифорнии он тоже влюбился – в девушку по имени Максин, они вместе ездили в Палм Спрингс в тот незабываемый для меня день. Понятно, что и ему важно было найти отдельное жилье.

Маме и Дерфу я признался в последнюю очередь, через несколько недель после переезда. Никак не мог собраться с духом и страшно нервничал. Наконец решил, что самый походящий момент – вечер, в который мы с Джоном собирались в лондонский зал «Палладиум» слушать Либераче[105]. У нас были билеты, но в последний момент я попросил Джона, чтобы он шел один, и объяснил, что мне нужно поговорить с мамой по телефону. Я сильно волновался, но разговор прошел спокойно. Она будто и не удивилась: «О, мы знаем. Мы уже давным-давно обо всем догадались». Тогда я думал, что это безошибочное материнское чутье, но теперь, оглядываясь назад, понимаю: скорее всего, им с Дерфом все стало ясно, когда они помогали вносить вещи в «Уотер Гарден» и увидели, что я собираюсь жить с мужчиной в квартире с одной спальней.

Конечно, мама не пришла в восторг. Начала объяснять мне, что я обрекаю себя на одиночество. Ее слова показались мне бессмысленными, ведь я уже состоял в отношениях. Но, по крайней мере, она не отреклась от меня и приняла спокойно мое признание. Вернулся домой Джон: по его виду я понял, что у него вечер выдался куда более напряженный. Оказывается, во время концерта Либераче объявил, что в зале находится очень особенный гость, замечательный новый певец, который

непременно станет звездой: «…Я знаю, сегодня он здесь, и я прошу его встать и поприветствовать вас всех, ведь он просто невероятен… Элтон Джон!» Предполагая, что я не являю себя залу из-за застенчивости, он начал подбадривать меня, и чем дальше, тем активнее: «Ну давай же, Элтон, не стесняйся, зрители мечтают тебя увидеть! Вы же мечтаете поприветствовать Элтона Джона, леди и джентльмены? Клянусь, этого человека ждет блестящее будущее – давайте же громче похлопаем и посмотрим, удастся ли нам победить его скромность!» И по залу заметались огромные круги прожекторов. По словам Джона, Либераче проделывал этот фокус недели три подряд. Публика сперва начала проявлять нетерпение, а потом уже не скрывала раздражения моим грубым нежеланием ее приветствовать. Единственный человек в зале, знавший точное местонахождение Элтона Джона, готов был провалиться сквозь землю от стыда. В конце концов, Либераче сдался, но что-то в его манере исполнения «Венгерской рапсодии» Листа наводило на мысль о бешеной ярости.

Если не брать в расчет испорченный концерт Либераче и мое признание родителям, жизнь казалась раем. Наконец я позволил себе быть собой, исчезли страхи по поводу секса. Насколько возможно вежливо, я попросил Джона «научить меня разврату». Как и говорил Тони, Джон прекрасно знал лондонский мир геев – клубы, бары и пабы. Мы заглядывали в «Воксхолл Таверн», чтобы посмотреть на Ли Саттона, знаменитого трансвестита – «Ли Саттон, ГСМ, ССП – «грязный секс-маньяк, сплю со всеми подряд», в клуб «Сомбреро» на Кенсингтон Хай-стрит, ходили на званые ужины, устраивали их сами для друзей и других музыкантов. Однажды вечером мы были на живом концерте Нила Янга[106], потом он зашел к нам в гости и, пропустив несколько стаканчиков, в два часа ночи решил исполнить эксклюзивно для нас свой новый еще не вышедший альбом. Нельзя сказать, что соседи пришли в восторг. Они уже поняли, что у нас вечеринка, потому как слышали душераздирающий звон: моя подруга Кики Ди спьяну врезалась в стеклянную дверь, при этом в руках у нее был поднос, на котором стояли абсолютно все наши бокалы для шампанского. Удовольствие от ночного прослушивания нового альбома Нила Янга соседи выражали весьма активно: стучали в пол рукояткой швабры и громко требовали, чтоб Нил заткнулся. Так я впервые услышал его классическую композицию Heart of Gold[107] в уникальной аранжировке – в сопровождении фортепиано, соседских криков и стука в потолок.

Моя карьера шла в гору. В Британии мы пока не пользовались такой популярностью, как в Штатах, но вернулись из Америки с

новым самоощущением. Нас оценили, признали тысячи людей, и это подарило веру в себя. Слухи о нашем успехе в Лос-Анджелесе долетели до Британии, так что пресса внезапно начала проявлять интерес. «Френдз», журнал для хиппи, прислал ко мне репортера брать интервью. Я сыграл ему пару композиций из будущего альбома *Tumbleweed Connection*[108], – и вышедшая после этого статья по степени восторга приближалась к тому, что написал про меня в Америке Роберт Хилберн: «Я считаю, что, в сотрудничестве со своим текстовиком, он, возможно, станет наилучшим, и, безусловно, самым популярным автором песен в Англии, да и во всем мире».

Мы выступили в Альберт-Холле[109] на разогреве у Fotheringay, команды, которую основал бывший лидер группы Fairport Convention Сэнди Дэнни. Видимо, они, как и публика в «Трубадуре», ожидали увидеть задумчивого автора-исполнителя, что вполне сочеталось с их стилем, философским фолк-роком. Но вместо этого получили рок-н-ролл, наряды от «Мистер Фридом» и стойки на руках на рояле. Хедлайнеры просто не могли за нами угнаться, столько в нас было уверенности и драйва. Когда волна адреналина схлынула и я понял, что натворил, на душе у меня стало паршиво. Сэнди Дэнни, замечательный вокалист, был одним из моих героев. Предполагалось, что это будет важный, значимый для его группы концерт, а я все разрушил. Я поспешил домой в расстроенных чувствах, даже не дождавшись их выхода на сцену.

Но время работало на нас. Шестидесятые закончились, «Битлз» распались, вырастало новое поколение артистов, начинавших карьеру одновременно со мной: Род Стюарт, Марк Болан[110], Дэвид Боуи. Наша музыка очень разная, но в некотором смысле все мы одного поля ягоды – вышли из лондонского рабочего класса, шестидесятые годы провели в клубной круговерти, прижимая лица к запотевшим стеклам фургонов без всякой надежды на осуществление нашей мечты. Мы все знали друг друга; наши пути пересекались в гримерках рок-н-блюз-клубов, на концертах в «Раундхаус». С Боуи, правда, мы никогда не общались близко. Мне нравилась его музыка, пару раз мы встречались в разных компаниях, заходили в «Сомбреро» с Тони Кингом, ужинали вместе в Ковент Гарден, когда Боуи репетировал программу турне Зигги Стардаста[111]. Но в нем всегда чувствовалась какая-то холодность, отчужденность, по крайней мере по отношению ко мне. Честно, не знаю, в чем была проблема, но она, очевидно, была. Спустя годы в своих интервью он часто отпускал нелестные замечания на мой счет, самое знаменитое из них – «сомнительная королева рок-н-ролла».

Правда, должен признать, что тогда он был явно не в себе из-за того, что постоянно сидел на кокаине.

А вот Марка и Рода я просто обожал. Они были необыкновенные. Марк – как пришелец с другой планеты: в нем чувствовалось что-то потустороннее, будто Земля для него – лишь остановка в долгом пути. Все это можно услышать в его музыке. Его композицию Ride a White Swan постоянно крутили по радио, когда мы только поселились в «Уотер Гарден», и она поражала своей непохожестью ни на что другое – невозможно понять, откуда, вообще, это взялось? И он сам был невероятным во всем. Гетеросексуал, но обожающий говорить на гейском сленге, огромный и признанный талант, но вместе с тем добрый и мягкий человек. Безусловно, с гигантским эго – но никогда не воспринимающий себя слишком всерьез. Марк умудрялся быть одновременно очаровательным и абсолютно невыносимым. Говорил прямо в лицо невозможные вещи: «Дорогуша, сегодня утром я продал миллион моих альбомов». Ты хочешь ответить: «Марк, *никто и никогда в истории музыки* не продавал миллион альбомов за одно утро!» Но было в нем что-то такое милое и особенное, что язык не поворачивался ему возражать. И вот ты уже непонятно почему говоришь: «Миллион, Марк? Мои поздравления! Это же замечательно!»

Рода я знал долгие годы, ведь он работал с Долговязым Джоном. Но близко мы начали общаться после того, как он выпустил кавер Country Comfort, одной из тех песен, что я сыграл журналисту из «Френдз». Род изменил текст, и я часто жаловался на него репортерам: «Нет, ну поет, что хочет, честное слово! На оригинал похоже не больше, чем Camptown Races![112] Это и задало тон нашей дружбе. Оказалось, у нас много общего. Мы оба любим футбол и коллекционируем предметы искусства. Оба выросли в послевоенное время в небогатых семьях и теперь, скажем так, вволю наслаждались плодами успеха. Но главное, что нас объединяло, – похожее чувство юмора. Всем известно, что Род всю жизнь обожал длинноногих блондинок, но при этом умел виртуозно шутить в стиле лондонских геев. В семидесятые мы в нашей компании увлеченно придумывали друг другу женские имена – и Род с удовольствием присоединился к игре. Меня звали Шэрон, Джона – Берил, Тони был Джой, а Рой – Филлис.

Уже почти пятьдесят лет мы с Родом постоянно подкалываем друг друга. Например, когда пресса начала обсуждать мое облысение и задаваться вопросом, начну ли я носить шиньон, Род – а как же иначе? – прислал мне подарок со смыслом: старый, похожий на шлем фен из тех, под которыми дамы сушили волосы в допотопных парикмахерских. Я, конечно, не удержался от

ответного презента: отправил ему ходунки, украшенные разноцветной иллюминацией. Если его альбом продается лучше, чем мой, я точно знаю – он рано или поздно пришлет мне электронное письмо примерно такого содержания: «Привет, Шэрон, пишу, чтобы посочувствовать: очень жаль, что твой диск не попал даже в первую сотню, дорогуша. Какая жалость! Особенно учитывая, что мой-то продается восхитительно. С любовью, твоя Филлис».

Смешнее всего было в начале восьмидесятых. Род тогда выступал в «Эрлс Корт»[113], и над зданием для рекламы вывесили дирижабль с его изображением. Я как раз проводил выходные в Лондоне и постоянно видел из окна огромное лицо Рода на дирижабле. Конечно, я не мог упустить такой прекрасной возможности. Я позвонил своим помощникам, и они наняли кого-то, чтобы сбить дирижабль. Сооружение спикировало прямо на крышу двухэтажного автобуса, и в последний раз его видели направляющимся в сторону Путни. Примерно через час у меня зазвонил телефон:

– Куда делся мой гребаный дирижабль, а? – орал Род. – Знаю, это твои проделки, старая клюшка! Ах ты мерзавка!

Год спустя я выступал там же, но в зале «Олимпия», и рекламщики повесили над улицей огромный баннер. Вот только провисел он совсем недолго – его быстренько подрезали. Я узнал об этом от Рода, он позвонил мне практически сразу и выказал удивительную осведомленность:

– Как жаль, что твой баннер накрылся, любовь моя! Я слыхал, он всего минут пять провисел, не больше. Наверняка тебе и взглянуть-то на него не удалось…

Вскоре после переезда в «Уотер Гарденз» я вновь отправился в турне по Америке. Страна большая, и мало кого там волнует, что «Лос-Анджелес Таймс» назвала тебя «будущим рок-н-ролла». Ты должен приехать снова и показать людям, на что способен. К тому же мы хотели прорекламировать будущий альбом. *Tumbleweed Connection* был почти закончен: записали его в марте 1970 года, а выпуск планировался в октябре. Да, именно так мы работали в те времена. Не готовили альбомы годами. Записывали быстро и почти сразу выпускали, чтобы слушатель получил свежую, недавно созданную музыку. Мне по душе такой стиль, я ненавижу просиживать штаны в студии. Наверное, это наследие тех дней, когда я работал студийным музыкантом или записывал демо посреди ночи в DJM: мы всегда старались обогнать время.

Итак, мы колесили по Америке и обычно играли на разогреве у таких артистов, как Леон Рассел, The Byrds[114], Poco[115], The

Kinks, у Эрика Клэптона и его новой группы Derek And The Dominos. Такая толковая идея пришла в голову моему гастрольному агенту Говарду Роузу: мы не хедлайнеры, работаем на вторых ролях, зато потом заинтересованная публика рвется послушать нас отдельно. Артисты, с которыми мы выступали, относились к нам прекрасно, но работа была очень тяжелая. Каждый вечер мы поднимались на сцену с намерением выступить лучше хедлайнера. Играли отлично и уходили со сцены в полной уверенности, что с нами никто не сравнится. Но каждый вечер оказывалось, что они все-таки лучше, чем мы. Ходили слухи, что Derek And The Dominoes катятся по наклонной, что они алкоголики и сидят на героине, но, окажись вы на их концерте осенью, вы бы никогда ничего такого не заметили. Они играли потрясающе. Я смотрел из-за кулис и отмечал детали. Конечно, звездой там был Эрик Клэптон, но я не сводил глаз с клавишника группы, Бобби Уитлока. Родом из Мемфиса, он осваивал свое ремесло в студиях «Стакс Рекордз»[116] и играл в характерном проникновенном стиле южных госпелов. Гастроли с ними или с Леоном напоминали выступления с Патти Лабелль или Мэйджором Лэнсом времен «Блюзологии»: ты постоянно учился у людей, которые знают и умеют больше, чем ты.

Да, нам еще многое предстояло понять и освоить. И все же во время этой второй поездки стало ясно, что о нас уже многие знают. В Лос-Анджелесе нас пригласил на ужин Дэнни Хаттон из Three Dog Night и мельком упомянул, что с нами хочет встретиться Брайан Уилсон. Невозможно поверить! В шестидесятые я обожал группу The Beach Boys, но их лучшие дни миновали, и Брайан Уилсон превратился в загадочную полумистическую фигуру – ходили слухи, что он стал отшельником или сошел с ума или то и другое вместе. Но Дэнни уверил нас, что все это сплетни, что Брайан наш большой поклонник и будет очень рад нашему визиту.

Так мы оказались возле его дома в Бель-Эйр – особняка в колониальном стиле с переговорным устройством у ворот. Дэнни нажал на кнопку и объявил, что приехал Элтон Джон. На том конце воцарилась мертвая тишина. А потом голос – незабываемый голос лидера The Beach Boys – запел припев нашей Your Song: I hope you don't mind, I hope you don't mind… Мы подъехали ко входу, дверь открылась, и перед нами предстал Брайан Уилсон собственной персоной. Выглядел он хорошо – возможно, не так роскошно, как на обложке журнала «Пет Саундз», но уж точно не как псих или отшельник. Мы поздоровались. Он посмотрел на нас, кивнул и снова запел припев из Your Song. Потом попросил нас подняться наверх и познакомиться с его детьми. Оказалось,

девочки спят, но он растолкал их: «Смотрите, Элтон Джон!» У его дочек вид был озадаченный, что вполне понятно. И тогда он запел им: I hope you don't mind, I hope you don't mind. Потом спел еще раз, но уже нам. Первоначальный шок от того, что один из величайших гениев поп-музыки поет припев нашей Your Song, к тому времени несколько померк, и у меня возникло смутное подозрение, что нас ждет долгий и трудный вечер. Я повернулся к Берни и встретился с ним глазами: в наших взглядах читались опасение, растерянность, отчаянное усилие не расхохотаться в голос над нелепостью сложившейся ситуации и, наконец, вопрос: *что за чертовщина тут происходит?*

К концу 1970 года мы с Берни привыкли обмениваться такими взглядами. Помню, в Лос-Анджелесе меня пригласили на вечеринку к Касс Эллиот[117], в ее дом на Вудро Вильсон Драйв, известный как «штаб-квартира» всех знаменитых музыкантов Каньона Лорел; именно там сформировались как творческие личности Кросби, Стиллс и Нэш[118]; именно там Дэвид Кросби хвастался перед друзьями своим новым открытием – певицей и сочинительницей песен Джони Митчелл[119]. Я вошел в дом Касс, и *они все* были там. Безумие. Как будто ожили фотографии с конвертов от грампластинок из своей спальни в Фроум Корт: *что за чертовщина тут происходит?*

На лестнице в концертном зале «Филлимор Ист» навстречу нам шел Боб Дилан. Он остановился, представился, а потом сказал Берни, как ему нравятся слова песни My Father's Gun из нашего альбома *Tumbleweed.* Опять же: *что за чертовщина тут происходит?* Мы сидели в гримерке после концерта в Филадельфии, дверь открылась, и вошли пятеро, не представляясь. Группу The Band ни с кем не перепутаешь: выглядели они точно так же, как на фото с обложки диска, который мы с Берни дома в Англии в свое время заслушали до дыр. Робби Робертсон и Ричард Мануэл рассказали нам, что прилетели из Массачусетса на частном самолете, специально чтобы послушать нас. Я пытался вести себя так, будто это в порядке вещей: ну да, The Band прилетели из Массачусетса, что с того, – и время от времени бросал взгляд в сторону Берни, который, как и я, изо всех сил старался казаться спокойным. Год назад мы мечтали сочинять песни, как они, а вот теперь они стоят здесь и просят сыграть им наш новый альбом: *что за чертовщина тут происходит?*

Не только сами The Band хотели с нами встретиться, но еще и их менеджеры – Альберт Гроссман и Беннетт Глотцер, легендарные персонажи в музыкальной индустрии, особенно Гроссман, известный крутой бизнесмен. Он работал с Бобом

Диланом с начала шестидесятых, а с другой своей клиенткой, Дженис Джоплин, поступил довольно сурово: когда она подсела на героин, не стал заниматься уговорами и отправлять ее на лечение, а просто застраховал ее жизнь на свое имя. Должно быть, до них дошли слухи, что у нас сейчас нет менеджера. Рэй Уильямс был прекрасный человек, чрезвычайно преданный, – он даже назвал свою дочь Аморина в честь еще одной нашей песни из альбома *Tumbleweed Connections*. Но после нашей первой поездки в Америку мы с группой поговорили и решили, что он – не тот человек, который действительно сможет взять нас под крыло. Впрочем, Гроссман и Глотцер тоже оказались не те, я понял это сразу. Они походили на героев фильма, причем неудачного: эдакие агрессивные и напористые акулы американского шоу-бизнеса, выглядевшие чересчур уж «мультяшно». Тем не менее это были живые люди, и совместная атака, которую они предприняли, привела меня в замешательство. Было ясно, что, пока вакансия менеджера у нас не закроется, они не оставят меня в покое.

– Буду ходить за вами, пока не подпишете контракт, – пообещал мне Глотцер.

Он не шутил. Казалось, нет никакой возможности от него избавиться, разве что обратиться в суд, чтобы тот выдал запрет ко мне приближаться. Пришлось прибегнуть к проверенному средству: укрыться в туалете.

Наверное, именно увиливая от Беннетта Глотцера, я впервые подумал о том, чтобы предложить Джону стать нашим менеджером. И чем дольше я об этом размышлял, тем более правильным это казалось. Джон молодой, амбициозный, энергичный. Рос в рабочем городке Пейсли в пятидесятые и шестидесятые годы, и это научило его противостоять самым разным трудностям, в том числе треволнениям музыкального бизнеса. Мы – пара, а значит, он уже заботится о моих интересах. Он прирожденный делец с хорошо подвешенным языком, блестяще выполняет свою работу. Музыку не только хорошо знает, а понимает и чувствует. В том же году, немногим раньше, он лично убедил компанию «Мотаун» выпустить синглом одну из композиций альбома Смоки Робинсона трехлетней давности, после чего эта композиция, Tears of a Clown, заняла первые места в чартах по обе стороны Атлантики. Сингл продавался так хорошо, что Смоки начал задумываться о заслуженном отдыхе.

Все согласились, что идея хорошая, включая самого Джона. В конце года он уволился из EMI и «Мотауна» и водворился в кабинет в компании Дика Джеймса – мы решили, что, по крайней мере, первое время он будет работать на DJM, получать там

зарплату и тем самым станет связующим звеном между компанией и мной. Это событие мы отпраздновали тем, что поменяли мой «Форд-эскорт» на «Астон Мартин». Это была моя первая по-настоящему экстравагантная покупка и первый знак того, что как музыкант я неплохо зарабатываю. Машину мы купили у Мориса Гибба из группы «Би Джиз». Типичный автомобиль поп-звезды: роскошный фиолетовый DB6. Совершенно не практичный, в чем мы убедились, когда Джон встречал Martha and The Vandellas[120] в аэропорту Хитроу. Это была одна из последних его обязанностей в компании «Мотаун», и мы, гордые собой, отправились в аэропорт на «Астоне». Марта и две ее певицы сперва впечатлились, но потом осознали, что им придется залезать на заднее сиденье. Дизайнеры явно уделили больше времени и сил красоте линий и силуэту авто, чем удобству пассажиров, в данном случае комфорту легендарного соул-трио. Но каким-то образом они туда втиснулись – возможно, в расписании знаменитой Школы Очарования «Мотаун» значились и уроки гибкости. Мы ехали обратно по трассе А-40, я сидел за рулем и смотрел в зеркало заднего вида: три человека теснились на заднем сиденье, как пассажиры токийского метро в час пик. Но постой, сказал я себе. Это же Martha and The Vandellas в моем автомобиле, а сам автомобиль – «Астон Мартин». Год назад все это показалось бы мне очень и очень странным – я водил тогда «Форд-эскорт» и не возил на заднем сиденье суперзвезд компании «Мотаун». Но за прошедший год я понял, что «странно» – понятие весьма относительное.

Впрочем, у меня не было времени размышлять о том, как сильно поменялась моя жизнь. Я очень много работал. 1971 год мы провели в гастрольных турне: несколько раз слетали в Америку, потом в Японию, Новую Зеландию и Австралию. Теперь мы уже выступали как хедлайнеры, но по-прежнему следовали советам Говарда Роуза: играли в небольших залах, неспособных вместить всех желающих, или давали один концерт за вечер, хотя можно было и два. Той же тактики придерживались и в Британии – по-прежнему выступали в университетах и рок-клубах, хотя уже легко собирали большие залы. Это очень умный и правильный подход – не жадничай, выстраивай карьеру постепенно. И в этом весь Говард: его блестящие идеи, его ценные советы. Кстати, он и сегодня мой агент. Мне очень повезло с людьми, которые помогали мне в самом начале во время первого тура в Америку. Молодые артисты из Британии всегда рискуют попасть там в зубы акулам шоу-бизнеса, но меня окружали люди, благодаря которым я чувствовал себя как среди родных – это не только Говард, но и мой издатель Дэвид Роснер и его жена Марго.

Если я не выступал не сцене, то работал в студии. В 1971 году я выпустил в Америке четыре альбома: *Tumbleweed Connection* задержался и вышел в январе; за ним в марте последовал саундтрек к фильму «Друзья» – альбом не стал хитом, но по сборам все же опередил саму картину, которая провалилась; дальше в мае – сборник живых выступлений «*11–17—70*», который мы записывали в 1970-м; и, наконец, в ноябре – *Madman Across the Water*. Его мы сделали всего за четыре дня. Предполагалось за пять, но мы потеряли день из-за Пола Бакмастера. Ночь накануне записи он провел в студии, заканчивая финальный вариант партитуры, думаю, не без помощи каких-то препаратов. И опрокинул бутылочку чернил на единственный, только что подготовленный экземпляр. Восстановлению партитура не подлежала. Я был в ярости. Его ошибка обошлась нам очень дорого, и я после этого не работал с ним несколько десятилетий. Но меня здорово впечатлило то, что он сумел написать всю партитуру заново всего за сутки. В общем, даже если Пол где-то налажает, он все равно не даст забыть о своей гениальности.

Мне очень нравится альбом *Madman Across the Water*. В то время в Америке он пользовался гораздо большей популярностью, чем в Британии: был в первой десятке, тогда как у нас – на сорок первом месте. Альбом не коммерческий, там нет грандиозных хитов, в композиции длиннее и сложнее тех, что я писал раньше. Некоторые тексты Берни похожи на летопись минувшего года. Одна из песен, All the Nasties, написана обо мне – это раздумья о том, что произойдет, если я открыто объявлю, кто я есть: «А вдруг мне придется ответить – и что я тогда вам скажу? Начнете ли вы издеваться, шепча у меня за спиной?» Никто, конечно, не догадался, о чем я пою.

Во время студийной работы над *Madman* произошло еще одно важное событие. Гас Даджин нанял музыканта по имени Дейви Джонстоун, сыграть на акустической гитаре и мандолине на записи нескольких композиций. Дейви мне очень понравился – долговязый шотландец, очень открытый и прямой, с прекрасным музыкальным вкусом. Я отвел Гаса в сторону и спросил: может, стоит предложить Дейви присоединиться к нашей группе? Я уже некоторое время подумывал о том, чтобы выйти за рамки трио, добавив как минимум гитариста.

Гас мою идею не поддержал. Дейви – превосходный гитарист, но играет только на акустических инструментах, объяснял Гас. Он не владеет даже электрогитарой, и команда Magna Carta, в которой он играет, работает в стиле сельский фолк, которого в репертуаре Элтона Джона почти нет.

Аргументы Гаса звучали убедительно. Но я их

проигнорировал и все равно предложил Дейви работу. Последние два года научили меня прислушиваться к интуиции: иногда именно она решает все. Ты можешь вкалывать до седьмого пота, тщательно все планировать, но наступает момент, когда нужно довериться шестому чувству или, говоря иначе, судьбе. Что, если я бы не отозвался на рекламное объявление «Либерти Рекордз»? Или успешно прошел прослушивание и мне не вручили бы тексты Берни? Что, если бы в DJM не пришел работать Стив Браун? И Дик Джеймс не проявил настойчивость, когда я кричал, что поездка в Америку – дурацкая идея?

Во Франции, в шато д'Эрувиль[121], наш следующий альбом мы записывали уже вместе с Дейви. Я многое изменил, и многое происходило в первый раз. Впервые мы попробовали записать альбом не со студийными музыкантами, а с гастрольной группой. Дейви впервые взял в руки электрогитару. Впервые у нас появились средства для работы над альбомом за границей, в студии, которая находится в жилом доме. Но я чувствовал себя очень уверенно. Незадолго до отъезда во Францию я официально изменил имя на «Элтон Джон» – Элтон *Геркулес* Джон. Вторые имена я всегда считал немного нелепыми, и вот теперь совершил самый что ни на есть нелепый поступок – взял себе второе имя, позаимствовав его у лошади, на которой ездил герой-голодранец в сериале «Степто и сын». Мне до смерти надоела шумиха, которая поднималась в магазинах – кассиры узнавали меня, но не имя в моей чековой книжке. И все же мой шаг был скорее символический, нежели продиктованный практичностью: я окончательно, бесповоротно и *официально* распрощался с Реджем Дуайтом и стал тем, кем должен быть. Позже выяснилось, что все не так просто, как кажется. Но в тот момент я чувствовал, что поступаю правильно.

Меня привлекала идея работы в шато, хотя у замка была специфическая репутация. Ходили слухи, что там обитают призраки, к тому же местные начали с опаской относиться к арендаторам замка после того, как снимавшие его The Grateful Dead[122] предложили устроить для сельских жителей бесплатный концерт, а потом решили расширить горизонты сознания публики и подали им напитки, приправленные ЛСД. Но само по себе здание шато, построенное в XVIII веке, было очень красивое; в конце концов, мы даже назвали в честь него свой альбом: *Honky Château*. Сочинять музыку в таком живописном месте – одно удовольствие.

Я не из тех музыкантов, у кого в голове постоянно звучат мелодии. Я не вскакиваю по ночам и не бегу к роялю, если меня вдруг посетит вдохновение. Если честно, в свободное от

написания музыки время я вообще ни о чем таком не думаю. Берни пишет текст, отдает его мне, я читаю, беру пару аккордов, а потом что-то случается – и ноты сами собой слетают с моих пальцев. Муза, бог, удача: назовите как угодно, я сам не знаю, что это. Зато я точно знаю, куда поведет меня мелодия. Иногда песня пишется быстро – столько же времени, сколько вы ее потом слушаете. Sad Songs (Say So Much) – как раз такой случай: я сел за фортепиано, прочитал текст и тут же сыграл музыку – почти такую же, какая она сейчас в записи. Иногда времени уходит чуть больше. Если прошло минут сорок и мне не нравится то, что получилось, я сдаюсь и перехожу к другому тексту. На некоторые стихи Берни мне так и не удалось написать музыку. Например, у него есть прекрасный текст The Day That Bobby Went Electric, он о том, как человек впервые слушает Subterranean Homesick Blues Боба Дилана. Но я не смог нащупать мелодию, которая звучала бы так, как надо, хотя совершал четыре или пять попыток. Вместе с тем со мной никогда не случалось того, что сейчас называют «авторским ступором»; я не сидел с текстом Берни, не в состоянии вымучить ни одной ноты. Не знаю почему. Не могу объяснить, да и не хочу. На самом деле я даже рад, что объяснений нет, – именно в спонтанности для меня заключается смысл творчества.

Берни привез в шато пишущую машинку, мы расположили инструменты в гостиной-столовой, как в студии. Написав тексты, Берни оставлял их для меня на фортепиано. Я просыпался рано утром, шел в столовую, читал тексты и за завтраком сочинял музыку. В первое утро в шато к тому времени, как группа спустилась со второго этажа в поисках съестного, я уже успел написать три песни: Mona Lisas And Mad Hatters, Amy и Rocket Man.

Как только Дейви убедился, что его не разыгрывают как новенького и что я действительно написал три песни, пока он спал, он взял гитару и попросил меня еще раз сыграть Rocket Man. Он не стал добавлять соло или делать еще что-то, обычно свойственное ведущим гитаристам группы. Он взял слайд[123] и начал играть отрывистые одиночные ноты – они легко и гармонично парили вокруг мелодии, как бы обхватывая ее. Это было прекрасно. Как я и говорил: иногда интуиция важнее всего, и надо просто довериться судьбе.

Остальные участники группы давно сыгрались, так что между нами установилось нечто вроде телепатической связи: они чутьем угадывали, что именно делать, никаких указаний не требовалось. Фантастическое ощущение: сидеть вместе в столовой прекрасного шато, слушать песню, которая витает в воздухе и постепенно

обретает формы, пробовать новые идеи и точно знать, что они правильные. В моей жизни случались периоды, когда музыка становилась способом скрыться от реальности – все вокруг рушилось, и только музыка оставалась единственным прибежищем. Но не тогда в шато – двадцатичетырехлетний, добившийся успеха, спокойный, нашедший свою любовь, – я не хотел никуда бежать. Более того: завтра нас ждал выходной, и я собирался в Париж, намереваясь *полностью* опустошить бутик Ива Сен Лорана.

ПЯТЬ

В 1972 году мы с Джоном переехали из Лондона в Сюррей, в городок Вирджиния Уотер. Квартиру с одной спальней сменили на более просторное жилье: купили бунгало с тремя спальнями, собственным бассейном и комнатой отдыха, оборудованной на бывшем чердаке. Я назвал новый дом «Геркулесом» в честь моего второго имени. Берни и Максин – они поженились в 1971-м – поселились в доме неподалеку; мама и Дерф, которые тоже наконец поженились, нашли жилье на одной улице с нами и присматривали за бунгало, когда мы были в отъезде. Этот район Англии называют «территорией биржевиков». Унылое прозвище, сразу представляешь себе скучное провинциальное существование. Но это совсем не так. Во-первых, в десяти минутах от нас жил Кит Мун, что обеспечивало житье не только не скучное, но довольно непредсказуемое. Кит был замечательным музыкантом и человеком, но его рацион, состоящий из определенных химических препаратов, привел к тому, что он полностью утратил представление о времени. Мог явиться без предупреждения в полтретьего ночи, явно не в себе и обычно в компании Ринго Старра, еще одного местного резидента. И при этом искренне изумлялся, что в это время суток поднял вас из постели. Или, опять же без предупреждения, материализовывался на подъездной аллее в семь утра в Рождество в «Роллс-Ройсе»-кабриолете с опущенным верхом и включенным на полную громкость альбомом *Greatest Hits* группы The Shadows.

– Господи! – орал он. – Только гляньте на мою новую машину! А ну, прокатимся! Нет, сейчас! Давай прямо в халате!

Но самый интересный человек, с которым я познакомился в Вирджиния Уотер, не имел никакого отношения к шоу-бизнесу. Я искал что-нибудь почитать и зашел в местный книжный магазин. Брайан Уотерс, владелец, подошел, представился и сказал, что, кажется, знает, кто я. Это меня не удивило – к тому времени безумные сценические наряды перекочевали в мою обычную жизнь, так что за покупками в маленьком городке в Сюррее я отправился в ярко-оранжевом меховом пальто и туфлях на платформе высотой двадцать сантиметров. Но, как оказалось, он меня не знал: во время нашего разговора стало понятно, что он принимает меня за одного из участников группы «Би Джиз».

Мы выяснили, что я – не один из братьев Гиббс, и после этого беседа пошла совсем легко. Брайан оказался очаровательным человеком. Когда-то он был актером, а теперь писал романы, сценарии, снимал фильмы и готовился занять крупную должность

на киностудии. Он и его жена Нанетт Ньюман были лично знакомы со всеми знаменитостями: легендарными голливудскими артистами, писателями, телезвездами. Если бы вы с ним вдруг оказались в Америке и поделились бы давним желанием познакомиться с Дэвидом Нивеном[124] или Граучо Марксом[125], Брайан бы вам это обязательно устроил. Кстати, именно так я заполучил плакат одного из фильмов братьев Маркс, на котором красовалась надпись: «Элтону Джону от Маркса Граучо»: Граучо никак не мог уразуметь, почему у меня фамилия звучит как имя, вот и написал свои имя и фамилию, как он сам выразился, «задом наперед». Смешно. Эту историю я вспомнил гораздо позже, в Букингемском дворце, во время посвящения в рыцари, когда лорд Чемберлен торжественно представил меня королеве: «Сэр Джон Элтон».

Однажды летним воскресным днем мы с Джоном сидели возле бунгало и перекусывали, как вдруг на велосипеде к нам подъехала леди лет шестидесяти с чем-то, немного похожая на Кэтрин Хепберн.

И это в самом деле оказалась Кэтрин Хепберн.

– Я остановилась у Брайана Форбса, – объяснила она. – Он сказал, вы не будете возражать, если я немного поплаваю в вашем бассейне.

Мы с Джоном молча закивали. Пять минут спустя она явилась перед нами в купальнике и сообщила, что в бассейне плавает мертвая лягушка. Я начал причитать – как же вытащить ее оттуда? – в таких делах от меня мало толка. Тогда она просто прыгнула в воду и взяла лягушку в руку. Я спросил: неужели вам хватает смелости прикасаться к такому?

– Все дело в характере, молодой человек, – сурово ответила она.

Если вас приглашали на обед к Форбсам, вы могли обнаружить, что сидите между Питером Селлерсом[126] и Дамой Эдит Эванс[127], жадно глотая не столько еду, сколько их рассказы. А повернув голову, внезапно замечали среди гостей королеву-мать. Брайан общался с королевской семьей: он был президентом Национального молодежного театра, который патронировала принцесса Маргарет. Оказалось, что она – большая ценительница музыки и любит проводить время в компании музыкантов. В итоге она пригласила меня и всю группу в Кенсингтонский дворец на ужин после концерта в «Ройял Фестивал Холл», и вышла очень неловкая ситуация. Не из-за принцессы – она держалась со всеми очень мило и дружелюбно, а из-за ее мужа лорда Сноудона. Все знали, что их брак трещит по швам – в прессу всегда просачиваются слухи о том, что кто-то из

царственных особ завел интрижку на стороне. Но даже несмотря на это, мы были совсем не готовы к его в высшей степени странному поведению. Сноудон явился посреди ужина и буквально рявкнул на жену:

– И где же моя гребаная еда?

Они сильно поругались, и она выбежала из комнаты в слезах. Мы сидели за столом в полном ужасе и не знали, что делать. Представляете, что за безумная жизнь у группы Элтона Джона? Другие музыканты после концерта расслабляются, курят травку, развлекаются с поклонницами или громят гостиничные номера. Мы же наблюдаем, как принцесса Маргарет и лорд Сноудон орут друг на друга.

Но дело даже не в том, *кого* знал Брайан, – главное, *что* он знал. Он был прирожденным учителем: терпеливым, готовым жертвовать своим временем; человеком с тонким вкусом, но без тени снобизма. Он искренне радовался, если другие начинали любить то, что любит он сам. Меня он просвещал в области искусства, и под его влиянием я начал заниматься коллекционированием. Начало положили постеры ар-нуво и ар-деко – в начале семидесятых они были на пике моды, Род Стюарт тоже их собирал. Затем добавились сюрреалисты, в частности Пол Вундерлих. Я стал покупать лампы от «Тиффани» и мебель Бугатти. Брайан прививал мне интерес к театру, советовал, какие книги читать. Мы очень сблизились, даже ездили вместе отдыхать: мы с Джоном, Брайан, Нанетт и дочери Форбсов Эмма и Сара. Снимали на месяц дом в Калифорнии, и там нас часто навещали друзья.

Нанетт прекрасно разбиралась в шопинге – а я страстно полюбил его с тех пор, как начал неплохо зарабатывать. Хотя нет, не совсем так. Мне всегда нравилось покупать, даже когда я был мальчишкой. Думая о детстве в Пиннере, я сразу вспоминаю магазины: разноцветные мотки пряжи в «Товарах для рукоделия», где бабуля покупала нитки и спицы для вязания; аромат свежеобжаренного арахиса, который дурманит тебя, как только заходишь в «Вулворт»; опилки на полу в «Сэйнсбери», где в отделе сливочного масла работала моя тетя Уин. Все эти места зачаровывали, сам не знаю почему. Я очень люблю коллекционировать вещи и еще дарить людям подарки, гораздо больше, чем получать. В детстве накануне Рождества моим излюбленным занятием было представлять, что бы я подарил своей семье: отцу – лосьон после бритья, бабуле – непромокаемую шляпу, маме… наверное, маленькую вазу из киоска рядом со станцией «Бейкер-стрит». Мимо него я всегда проходил, направляясь в Королевскую музыкальную академию.

Успех на музыкальном поприще дал мне возможность удовлетворить страсть к покупкам по полной программе. Из Лос-Анджелеса домой мы возвращались с таким количеством багажа, что перевес обходился дороже, чем сами билеты. Как-то до меня дошли слухи, что тетя Уин грустит и совсем пала духом. Я позвонил в автосалон и заказал ей новую машину, чтобы как-то ее ободрить. На протяжении долгих лет многие психологи и психотерапевты объясняли мне, что это нездоровая зависимость или что с помощью подарков я пытаюсь купить расположение людей. При всем уважении к профессии этих господ, я считаю их слова полным бредом. Мне незачем покупать чье-то расположение. Просто мне приятно, если люди чувствуют мою заботу о них, знают, что я подумал о них. Для меня огромная радость – видеть, как от радости меняются их лица.

Материальные вещи неспособны заменить любовь или личное счастье. Для того чтобы это понять, не нужен психолог. Я провел множество тоскливых одиноких ночей в роскошных домах в окружении дорогих и красивых предметов и все выводы давно сделал сам. Настоятельно не рекомендую заниматься шопингом после трехдневного кокаинового трипа, если, конечно, не хотите наутро проснуться в комнате, заваленной пакетами с разным дерьмом, которое вы даже не помните, как покупали. Или, как в моем случае, обнаружить, что вчера вы приобрели трамвай. Нет, не игрушечный. Настоящий трамвай. Мельбурнский трамвай класса W2 с прицепным вагоном. И вот теперь голос в трубке сообщает вам, что покупка будет отправлена из Австралии в Англию, но к вашему дому ее можно доставить, только прикрепив тросами к двум вертолетам «Чинук».

Так что я первым готов признать, что, размахивая кредиткой, порой принимал поспешные решения. Наверное, я бы как-то смог прожить без мельбурнского трамвая в моем саду и уж точно – без модели тиранозавра в полный рост, которого я предложил забрать у Ринго Старра под конец одной долгой ночи. Ринго тогда продавал свой дом, и огромная фигура допотопного чудовища во дворе смущала потенциальных покупателей. Но для меня, сколько я себя помню, коллекционирование всегда было приятным умиротворяющим занятием; мне нравилось изучать историю вещей, которые я собираю, будь то магнитофонные записи, фотографии, одежда или предметы искусства. Так я отношусь к этому сейчас, независимо от того, что происходит в моей личной жизни. Коллекционирование успокаивало меня, когда я был одинок и скитался в поисках пары, но точно так же оно меня радовало, если я был доволен и чувствовал себя любимым. Я знаю, то же самое ощущают и другие – например,

коллекционеры моделей железных дорог, виниловых пластинок или марок. Мне повезло, у меня, в отличие от многих, есть деньги для того, чтобы удовлетворять свою страсть. Но эти деньги заработаны тяжелым трудом, и, если кто-то считает, что я трачу непомерно много на сущие глупости, боюсь, это их проблема. Виноватым я себя точно не чувствую. Возможно, это зависимость, но я долгие годы страдал от зависимостей куда более опасных, чем покупка столового белья или фотографий. И потом – шопинг делает меня счастливым! Представляете, в чулане моего дома в Атланте хранится целая тысяча свечей. Наверное, это чересчур. Но зато мой чулан – самый ароматный чулан в мире.

Не только одни мои покупательские привычки приобретали новый размах. Все вокруг словно становилось больше, громче и ярче. Мы с Берни не ожидали, что сингл Rocket Man станет хитом, мы всегда считали себя прежде всего авторами альбомов. Но так уж получилось: в Британии песня заняла второе место в чартах. Так высоко прежде не поднимался ни один наш сингл, а в Штатах он и вообще стал трижды платиновым. В коммерческом плане мы вступили в новую для себя область, и это изменило нашу аудиторию. На первых рядах и у дверей гримерок начали появляться визжащие поклонницы; крича и плача, они повисали на нашем автомобиле, когда мы пытались тронуться. Довольно странное было ощущение – как будто они собирались прийти на концерт The Osmonds[128] или Дэвида Кэссиди[129], но повернули не в ту сторону и оказались на выступлении у нас.

Я очень много работал, возможно, даже слишком много – сметая с пути препятствия, некая неостановимая сила несла меня вперед, даже если я был вконец измотан. Летом 1972 года, прямо перед началом студийной работы над *Don't Shoot Me, I'm Only the Piano Player*, я заболел мононуклеозом. Наверное, надо было отменить сессии и спокойно выздоравливать, но я отправился в шато д'Эрувиль и пахал там, как проклятый, держась на чистом адреналине. Слушая этот альбом, вы ни за что не заметите, что я тогда был болен: Daniel и Crocodile Rock звучат так, будто парень, который их поет, совершенно здоров и полон сил. Через несколько недель мы снова уехали на гастроли.

Я стремился сделать живые выступления еще более зрелищными, яркими, необычными. Начал сотрудничать с профессиональными дизайнерами одежды – сперва с Анни Риви, потом с Биллом Уиттеном и Бобом Макки. Попросил их дать волю фантазии – делайте что хотите, даже если это кажется безумием: больше перьев, больше блесток, больше кричащих цветов, и чем выше платформы, тем лучше. Говорите, вы придумали костюм, к которому на эластичных лентах

прикреплены светящиеся в темноте шары? А сколько шаров? Может, добавить еще? Считаете, тогда я не смогу играть на рояле? Ну, это уже мои проблемы.

Потом мне пришла в голову идея привлечь к нашим выступлениям Ларри Смита по прозвищу Ноги из группы The Bonzo Dog Doo-Dah Band. Ноги был барабанщик и к тому же прекрасно танцевал чечетку. Мы уже работали с ним вместе на записи *Honky Château* – он танцевал чечетку в песне I Think I'm Going To Kill Myself, и вот теперь я решил пригласить его с нами на гастроли. С каждым разом его часть программы становилась все причудливее. Он выходил на сцену в мотоциклетном шлеме и с длиннейшим шлейфом от свадебного платья. Или являлся в компании двоих карликов, одетых в форму американских морпехов, а с потолка на них сыпалось конфетти. Еще он придумал номер, в котором мы с ним открывали рты под Singing In The Rain, а потом беседовали. Ларри наклонялся к моему роялю и вздыхал: «Эх, Элтон, хотел бы я так играть, как ты. Наверняка все парни по тебе сохнут…»

Как обычно, никто не понимал, о чем речь.

Меня попросили выступить на Royal Variety Performance[130], и я взял Ларри с собой, из-за чего произошел большой скандал. Бернард Дельфонт, организатор шоу, не хотел, чтобы человек в мотоциклетном шлеме и свадебном шлейфе танцевал перед королевой-матерью. Я велел ему отвалить и пригрозил, что не стану выступать без Ларри, и он в конце концов уступил. Это было лучшее воспоминание о том вечере, не считая того, что гримерку мне пришлось делить с Либераче. Он, очевидно, забыл о том, как я не пожелал приветствовать публику на его концерте в «Палладиуме» пару лет назад, а может быть, не забыл, но простил меня. Он вел себя просто божественно – живое воплощение шоу-бизнеса. С собой привез бесконечное количество сундуков с одеждой. Я-то считал, что сам выгляжу довольно вызывающе: на мне был костюм из разноцветных блестящих полосок, ботинки на платформе в тон и высокий цилиндр. Но по сравнению с его половиной гримерки моя выглядела как самый захудалый отдел магазина «Маркс энд Спенсер». Его сценический костюм был усеян крошечными лампочками, которые загорались, когда он садился играть. Либераче дал мне автограф в форме рояля, а потом без умолку рассказывал фантастически смешные истории. Месяц назад, сообщил мне он, гидравлическая платформа, которая обычно очень эффектно поднимает его на сцену, сломалась на полпути. Так что ему пришлось сорок минут играть, словно из оркестровой ямы, и зрители лицезрели только его голову.

Я тогда тоже был одержим эффектными выходами на сцену – ведь для меня это единственная возможность показать себя в движении, так как в остальное время я сижу за роялем как прикованный. Страсть к таким эффектам достигла апогея на концерте в «Голливуд-боул»[131] в 1973 году. Над сценой вывесили огромное изображение – я в цилиндре и фраке в окружении танцовщиц. Первым вышел Тони Кинг и представил публике Линду Лавлейс, самую знаменитую порнозвезду того времени. Затем по лестнице, подсвеченной огнями, по очереди спустились двойники: королева Британии, Бэтмен и Робин, монстр Франкенштейн и папа римский. Наконец под фирменную музыку «XX век Фокс» спускался я в костюме, который называл «Гигантская сырная соломка»: он весь был покрыт перьями марабу, и брюки, и пиджак, – и в шляпе в тон. Пока я шел вниз, крышки пяти роялей открывались, и на каждой сияла буква, а все вместе они складывались в мое имя – ELTON.

Тем, кому такое нагромождение эффектов казалось «слабоватым», мы приготовили еще один сюрприз – четыреста белых голубей должны были взлететь с крышек пяти роялей. Не знаю, может, они заснули или перепугались толпы, но не полетел ни один. Я вспрыгнул на крышку моего рояля и неожиданно обнаружил, что на сцену выбежали Джон Рид – судя по гневному выражению лица, отсутствие голубей он воспринял как личное оскорбление, словно это подрывает его авторитет менеджера, – и очень смущенный Берни: он начал метаться между роялями, лихорадочно хватать бедных птиц и подбрасывать их в воздух.

Танцевальные номера, перья марабу, голуби – взлетающие или не взлетающие – с огромных роялей с буквами на крышках: группе все это не слишком нравилось, да и Берни тоже. Он считал, что внешняя мишура отвлекает зрителя от собственно музыки. Я же верил, что таким образом создаю образ артиста, какого еще никогда не видел мир рока. И к тому же просто от души веселился. И у нас с Берни возникли жесткие разногласия по этому нелепейшему поводу. За кулисами концертного зала «Санта Моника Сивик» величайшее в истории современной музыки авторское партнерство едва не разрушилось в споре даже не по поводу финансовых дел или музыкальных стилей – а из-за моей идеи выйти на сцену с игрушечным иллюминированным Санта-Клаусом, подвешенным на уровне гениталий. Иногда Берни оказывался совершенно прав. Например, у меня были очки, сделанные в форме имени ELTON, естественно, все сплошь с иллюминацией. Сами очки и батарейки, от которых работали лампочки, вместе весили столько, что сдавливали мне ноздри, и получилось, что я пою в нос. Это и в самом деле мешало

восприятию прекрасных текстов Берни.

Концерт в «Голливуд-боул» для нас стал значимым событием – своего рода презентацией нового альбома *Goodbye Yellow Brick Road*. Записывали мы его мучительно – по крайней мере, для меня. Мы отправились на Ямайку, в «Динамик Саундз Студиос» в Кингстоне: в те времена считалось очень модным записывать альбомы в каком-нибудь экзотическом месте, не в Европе. Студия «Динамик Саундз» на первый взгляд отвечала всем требованиям. Там записывались Боб Марли и Кэт Стивенс. И «Роллинг Стоунз» свой альбом *Goats Head Soup* делали именно там. Мы прибыли на место и обнаружили, что на фабрике по производству пластинок, расположенной рядом со студией, идет забастовка. Микроавтобус, на котором мы приехали из отеля, был с открытыми окнами, и бастующие рабочие начали плевать в нас через трубки размолотым стекловолокном, от чего мы все немедленно покрылись сыпью. В самой же студии ничего не работало. Просишь другой микрофон, кто-нибудь из сотрудников раздумчиво кивает и говорит: «Да… пожалуй, мы сможем предоставить вам другой… дня через три, ага?» В общем, сплошная безнадега. Не знаю, как «Роллинги» умудрились записать там альбом. Может, Кит тогда так нагрузился, что три дня ожидания микрофона пролетели для него как двадцать минут.

В конце концов мы сдались, вернулись в отель и позвонили в шато д'Эрувиль забронировать сессии. В ожидании вылета группа куковала возле бассейна и занималась тем, что можно назвать попыткой мирового рекорда в употреблении марихуаны. Когда мы добрались до шато, песен у нас было уже так много, что альбом *Goodbye Yellow Brick Road* получился двойным. И совершенно неожиданно для нас разошелся на ура. Альбом довольно мрачный во многих смыслах: там собраны песни о грусти и разочаровании, об алкоголиках и проститутках, о шестнадцатилетней лесбиянке, которая погибает в метро. Но он продавался, продавался и продавался – и я никак не мог уразуметь, откуда берутся люди, которые все еще его покупают. Нет, я не шучу: *я действительно не мог понять, кто его покупает*. Одна американская звукозаписывающая компания активно уговаривала меня выпустить Bennie And The Jets как сингл, я же отбивался зубами и когтями: это очень странная песня, по звучанию она совсем не похожа на все, что я писал прежде, почему вам не взять Candle In The Wind[132], как сделали в Британии? Они объяснили, что эту песню постоянно крутят в Детройте радиостанции для чернокожих. В итоге они выпустили сингл, и он взлетел в соул-чартах как ракета: невероятно, мое имя

стояло рядом с Эдди Кендриксом[133], Глэдис Найт[134] и Барри Уайтом. Возможно, я не первый белый артист, с которым произошло такое, – но точно первый артист из Пиннера.

Я стал так знаменит, что в Америку мы летали на «Старшипе» – старом пассажирском «Боинге-720», переоборудованном в роскошный летающий туристический автобус исключительно для перевозки рок-н-ролльной элиты семидесятых годов. Ходили устрашающие слухи о вечеринках, которые устраивали на его борту ребята из «Лед Зеппелин». Меня мало интересовало, что они делали внутри, но вот то, что с ним сотворили снаружи… Бедный самолет раскрасили в золотые и фиолетовые цвета, так что он стал похож на коробку шоколада «Милк Трей»[135], только с крыльями. Ну да ладно: мы его перекрасили по своему вкусу – в красный и синий с белыми звездами. Стало куда приличнее.

Внутри самолета были бар, украшенный золотой и оранжевой металлической отделкой, электроорган, столики, диваны и телевизор с видеомагнитофоном. Моя мать за обедом постоянно требовала, чтобы ей включили «Глубокую глотку»: «Ведь все же сейчас говорят об этом фильме, правда? О чем он, интересно?» Не знаю, чем уж там «Цепеллины» занимались на борту, но я уверен, такого развлечения в их программе не было: целый час смотреть, как дама средних лет с ужасом наблюдает за действиями Линды Лавлейс на экране: «О божетымой… что это… Ох! Не могу смотреть! Как она это делает?»

В хвосте самолета была оборудована спальня с душевой, фальшивым камином и прикроватными столиками из плексигласа. Там можно было заниматься сексом. Или просто лежать и дуться на весь мир, что, собственно, я и делал, когда моя американская пиарщица Шэрон Лоуренс начала стучать в дверь и просить, чтобы я вышел: «Идемте в бар, у нас для вас сюрприз!» Я велел ей уйти. Но она через некоторое время возвращалась. Я упорно повторял: «Отвали!» И она вдруг разрыдалась: «Вы должны, обязательно должны пойти в бар! Должны! Должны!» В страшном раздражении я распахнул дверь и выполнил ее просьбу, бормоча себе под нос: «Черт дери, так вас растак, неужели нельзя просто оставить меня в покое?» В баре за электроорганом сидел Стиви Уандер и ждал, готовясь исполнить «С днем рожденья тебя». Если б не высота двенадцать тысяч метров, я бы взмолился Богу, чтоб земля разверзлась и поглотила меня.

Со стороны все выглядело замечательно: география наших гастролей ширилась, выступления проходили лучше и лучше, альбомы продавались прекрасно. Многие журналисты даже

писали, что я – крупнейший поп-музыкант мира. Джон полностью взял на себя роль моего менеджера – его контракт с DJM закончился в 1971 году, он выехал из здания и открыл собственную компанию. Кроме того, вместе с Берни и Гасом Даджином мы основали свой звукозаписывающий лейбл под названием «Рокет», но не для выпуска моих дисков, а чтобы искать талантливых музыкантов и затем продвигать их. Иногда находить таланты у нас получалось лучше, чем продвигать, – мы не смогли раскрутить группу под названием Longdancer, несмотря на то что их гитарист Дейв Стюарт показался нам очень перспективным. Время показало, что мы не ошиблись: спустя годы Дейв основал знаменитую группу Eurythmics[136]. Но случались и удачные сделки. Мы подписали контракт с Кики Ди, которую давно знали – она единственная из белых артисток сотрудничала с лейблом «Мотаун», когда Джон еще там работал. У Кики выходили синглы с начала шестидесятых, но хитов никогда не было – пока мы не выпустили в ее исполнении версию песни Amoureuse французской певицы Вероники Сансон. В Британии песня провалилась, но Тони Кинг ее заметил и предложил Кики сделать свой вариант.

Так что внешне все выглядело отлично, а вот внутри что-то пошло не так. Первые недели 1974 года мы работали на ранчо Карибу, в студии, расположенной в Скалистых горах. Новый альбом мы так и назвали: *Caribou*. Наверное, петь на такой высоте тяжело, и, возможно, поэтому я разразился жуткой истерикой, когда мы записывали Don't Let The Sun Go Down On Me. Я заявил, что ненавижу эту песню, что мы не будем ее писать и что ее надо немедленно отправить Энгельберту Хампердинку. «А если он начнет воротить нос, – орал я, – пусть отдает ее Лулу! Пусть Лулу поставит ее в альбом на вторую сторону!»

Но меня затащили обратно в кабину и заставили завершить запись. Вырвавшись на волю, я завопил на Гаса Даджина: мол, теперь я ненавижу эту песню еще больше, и, если он попытается протащить ее в альбом, я убью его собственными руками. В остальном же в Карибу было чудесно. Мы жили в очаровательных бревенчатых домиках с антикварной мебелью – мне сказали, что кровать, на которой я сплю, когда-то принадлежала Гроверу Кливлэнду, который был президентом США в XIX веке. На ранчо был небольшой кинозал; музыканты часто заезжали в гости, когда ехали из Денвера в Боулдер. Однажды явился Стиви Уандер, который, очевидно, простил мне инцидент в самолете. Он решил покататься на снегоходе и настоял на том, чтобы вести его самостоятельно. Предвосхищая ваши вопросы: нет, я понятия не имею, как Стиви Уандер умудрялся рассекать на снегоходе по

Скалистым горам штата Колорадо, не угробив при этом ни себя, ни еще кого-то. Но у него отлично получается.

Однажды вечером, когда мы уже заканчивали сессию, я бродил по студии и в дальней комнате обнаружил Джона. Он возился с чем-то на столе – там был насыпан белый порошок, а в руке он держал соломинку. Я спросил, что это. Он ответил: кокаин. А зачем? Он сказал – просто чтобы хорошо себя чувствовать. Я спросил, можно ли попробовать, и он разрешил. От первой дорожки меня сразу затошнило. Отвратительное ощущение в гортани – странное сочетание онемения, вызванное самим наркотиком, и сильное першение от вещества, с которым смешан кокаин. Я все время сглатывал, но никак не мог избавиться от мерзкого чувства, и в конце концов меня вырвало в туалете. Но я немедленно пошел обратно и потребовал у Джона еще одну дорожку.

Что же я делал? О чем думал? Я попробовал, мне не понравилось, потом меня вырвало. Разве это не знак, что надо сказать себе «стоп»? Какого еще предупреждения я ждал? Серного пламени, мгновенной вспышки бубонной чумы? Тогда почему же я не остановился?

Отчасти потому, что рвота не помешала коксу подействовать, и мне в конце концов понравилось новое ощущение – сочетание уверенности в себе и эйфории, чувство, будто уходят все зажимы, нет ни тени застенчивости, и ты можешь говорить с кем угодно и о чем угодно. Все это чушь, конечно. Мне и без того хватало энергии и чувства юмора, я стремился узнавать больше и прекрасно общался с людьми без всяких наркотиков. Правда, под коксом я становился, так скажем, чересчур уверенным в себе. Помню, явился на концерт «Роллинг Стоунз» в Колорадо, и ребята из группы попросили меня подняться к ним на сцену. Если б я тогда не был вконец обдолбанным, я бы сыграл Honky Tonk Women, помахал бы зрителям, и на этом все. Но я решил, раз все получается так чудесно, надо продолжить – и доиграл с ними весь сет, даже не думая о том, что, по идее, следовало бы осведомиться у «Роллингов», нужен ли им сейчас еще один клавишник. Кит Ричардс все время смотрел на меня, и я пребывал в уверенности, что он в восторге от моего блистательного участия в их выступлении. После нескольких песен до меня наконец дошло, что выражение его лица говорит вовсе не о восхищении моими талантами. На самом деле, вид у него был такой, что сейчас он как следует вмажет мне за наглость. Я быстро ретировался, успев заметить, что Кит по-прежнему сверлит меня взглядом, будто хочет сказать: погоди, мы с тобой еще поговорим. И я понял, что на афтерпати мне лучше не появляться.

Но кокаин привлекал меня не только своим воздействием – он был своеобразным знаком отличия. Нюхать считалось модно, так развлекались только избранные. Ты словно вступал в элитный клуб, члены которого тайно предавались запретному опасному удовольствию. Звучит пафосно, и мне это нравилось. Да, я добился успеха и стал знаменитым, но никогда не был, что называется, крутым. Во времена «Блюзологии» я один из всей группы выглядел ботаником, уж точно не как поп-звезда, – я никогда не носил модную одежду и проводил время в музыкальных магазинах, пока другие развлекались, занимались сексом и баловались наркотой. Кокаин же придавал крутизны: все эти зашифрованные разговоры на темы «у кого есть» и «хочет ли кто», кто входит в клуб, а кто нет, тайные вылазки в туалет в клубах или барах. Конечно, это тоже полная ерунда. Я и без кокаина уже давно был членом привилегированного клуба: с самого начала сольной карьеры меня окружали доброта и расположение других артистов, с первого моего выступления в Лос-Анджелесе музыканты, которым я поклонялся в юности – люди, бывшие для меня всегда лишь легендарными именами на конвертах пластинок, – как будто спустились с небес и предложили мне дружескую поддержку. Но успех пришел так стремительно, что, несмотря на признание окружающих, я чувствовал себя не на своем месте, словно я попал в их круг по случайности, а на самом деле я здесь чужой. И ничего нельзя было с этим поделать.

Как выяснилось, после одной дорожки мне сразу требовалась другая, таким был мой стиль употребления кокаина. Я не стал наркоманом, который не может подняться с постели, не нюхнув, или которому кокс необходим каждый день. Но если я начинал нюхать, то не мог остановиться – пока не убеждался, что нигде поблизости больше нет порошка. Довольно быстро я понял, что должен поручить кому-то – личному ассистенту или помощнику группы – следить за моими запасами кокаина. Не потому, что я такая превеликая звезда, и не из боязни быть уличенным в хранении наркотических веществ. Просто сам я не мог себя контролировать – то, что оставлено на вечер, к пятичасовому чаю уже давно бы испарилось. Мои аппетиты были невероятны – настолько, что в наших кругах об этом начали ходить слухи. Невелико геройство для рок-звезды, проводящей уйму времени в Лос-Анджелесе. По идее, все это должно меня остановить. Увы, следующие шестнадцать лет в моей жизни происходили такие дикие вещи, которые точно должны были заставить разумного человека задуматься о том, что пора бросать наркотики. Но в том-то и проблема: я уже не был разумным человеком, поскольку

сидел на кокаине. Ты можешь говорить себе, что у тебя все в порядке, ведь наркотики никак не мешают твоей карьере. Но, нюхая кокаин, ты теряешь способность мыслить реалистично. Ты становишься непредсказуемым, безответственным, до предела эгоцентричным, и только твои желания для тебя закон. Таков этот путь, или, лучше сказать, скоростное шоссе. Кокаин на самом деле – страшная вещь.

Выбрав судьбу кокаиниста, я принял самое неверное решение в жизни, хотя тогда этого не понимал. В то время у нас с Джоном начались серьезные проблемы. Я уже говорил, что был чудовищно наивен и не знал, как обычно складываются отношения в гомосексуальной паре. Я представления не имел, что Джон считает вполне приемлемым заниматься сексом с другими тайком от меня. Открытые отношения у геев гораздо более распространены, чем у гетеросексуальных пар, но я такой жизни не хотел. Я любил Джона. Он знал это, но не прекратил вступать в случайные связи, а просто начал лгать. Это часто приводило к неловким ситуациям. Например, во время вечеринки у режиссера Джона Шлезингера в Лос-Анджелесе он внезапно куда-то исчез. Я отправился на поиски и обнаружил его на втором этаже в спальне в постели с другим мужчиной. В другой раз я был на гастролях, и мне позвонила мама: она пошла проверить, все ли в порядке у нас в доме в Вирджиния Уотер, и оказалось, что Джон в мое отсутствие устроил там секс-вечеринку. Я выдвигал обвинения, мы сильно ссорились, потом, когда я успокаивался, он повторял все снова. Или, что еще хуже, изобретал новый вариант измены, как будто специально хотел довести меня до истерики. Помню, на какой-то кинопремьере он подцепил знаменитую телеактрису и завел с ней роман. *С ней.* Значит, теперь он трахается *и с женщинами*. И как мне воспринимать такой поворот в наших отношениях?

Все повторялось снова и снова, и это было ужасно. Я проводил половину свободного времени в слезах из-за его поступков, но на него это никак не действовало. Так почему я не расстался с ним? Отчасти потому, что любил. Я с ума сходил по Джону, а когда человек, которого ты *так* любишь, тебе изменяет, ты начинаешь придумывать ему оправдания – снова и снова. Ты обманываешь себя, говоришь, что он поступил так в последний раз и больше это не повторится. К тому же Джон по-своему тоже любил меня, просто не умел держать пенис в штанах.

И еще я боялся его. Яркий темперамент Джона легко превращался в жестокость, особенно если он был пьян или под кокаином. Иногда приступы ярости выглядели смешно. Помню, я позвонил в контору нашей компании «Рокет» и попросил его к

телефону. Мне ответили: «О, а его сейчас нет. Он страшно разозлился и пытался швырнуть электрическую пишущую машинку в лестничный пролет, но ничего не вышло, потому что она включена в сеть и закреплена. Это его еще больше взбесило, он прокричал, что увольняет нас всех, и выбежал вон. Вот мы теперь сидим и думаем, пошел он домой или нет». Но чаще в гневе Джона не было ничего смешного. Я видел своими глазами, как он полез на кого-то с разбитым стаканом в руке на вечеринке у Билли Гаффа, менеджера Рода Стюарта. Однажды в Сан-Франциско он ударил швейцара возле отеля – они поругались из-за парковки автомобиля. Толкнул звукоинженера на глазах американских журналистов на презентации альбома *Goodbye Yellow Brick Road*. А в 1974 году в Новой Зеландии бросил бокал вина прямо в лицо пиарщику местного звукозаписывающего лейбла – и все потому, что на приеме, который устроили в нашу честь, кончился виски. Местная журналистка попыталась вмешаться, и Джон дал ей пощечину. Позже тем же вечером, но уже на другой вечеринке, я начал спорить с еще одним журналистом по поводу произошедшего накануне инцидента – я защищал Джона, потому что не видел, что там случилось. Джон бросился к нам из другого конца комнаты, свалил журналиста на пол и стал избивать ногами.

Утром нас обоих арестовали по обвинению в нанесении телесных повреждений. С меня обвинения быстро сняли, я заплатил штраф в пятьдесят долларов и сбежал из полицейского участка. Джон же остался в камере: просьбу об освобождении под залог отклонили. Ему предстояло провести двадцать восемь дней в тюрьме «Маунт Иден». Домой я улетел без него. Такое его поведение ничем нельзя оправдать, но в ту эпоху грань между менеджером рок-звезды и бандитом была очень хрупкой – вспомните Питера Гранта из «Лед Зеппелин». Каждую субботу вечером Джон звонил мне. В ожидании звонков я выстраивал у себя в голове такую версию событий, где он оказывался пострадавшей стороной – якобы он благородно отстаивал мои интересы. Тем более что журналистка, прежде чем он ее ударил, назвала его педерастом. Как будто это могло послужить оправданием!

Разум вернулся ко мне только после того, как Джон ударил меня самого. Мы тогда устраивали в «Геркулесе» вечеринку в модных платьях. Сейчас даже не помню, что стало причиной нашей ссоры, скорее всего очередная измена Джона, но ругаться мы начали еще до прихода гостей и распалялись все сильнее. Кричали, хлопали дверьми; разбилось прелестное зеркало в стиле ар-деко, которое нам подарил Чарли Уоттс из «Роллинг Стоунз».

Джон потащил меня в ванную комнату и там ударил кулаком в лицо. Очень сильно. Я пошатнулся и едва не упал, был в таком шоке, что не мог ему ответить. Он пулей вылетел из ванной, и я посмотрел в зеркало: из носа идет кровь, на лице порезы и царапины. Я тщательно умылся и пошел встречать гостей; вечеринка началась, как будто ничего не произошло. Все веселились от души – Дерф оделся трансвеститом, Тони Кинг прибыл весь в золоте с ног до головы – как Ширли Итон в фильме «Голдфингер». Но для меня все изменилось, как будто в голове щелкнул выключатель. Я больше не собирался искать Джону оправдания. И не мог оставаться с человеком, который меня ударил.

Джон явно не ожидал от меня слов о том, что все кончено. Он переехал в Найтсбридж, в дом на площади Монпелье. Я попросил маму и Дерфа найти мне новое жилье – у меня на это просто не было времени. Почему-то я думаю, что даже после этого Джон продолжал любить меня. Я чувствовал: стоит мне только позвать его, и он сразу примчится обратно. Но я не хотел его возвращения. Пусть остается моим менеджером, и только. Баланс сил изменился: раньше он был главным, но после того, как мы разошлись, я стал более уверенным, более активным в делах. Джон работал менеджером и у других артистов, не только у музыкантов, но и у комиков – у Билли Конноли и Барри Хамфриса. Но наше сотрудничество продолжалось – я знал, что в музыке у него безошибочное чутье. Однажды утром в его кабинете на Саут Одли-стрит он попросил меня послушать запись одного из новых клиентов. И сказал, что эта песня станет величайшим хитом мирового уровня. Мы послушали, и я с сомнением покачал головой:

– Ты же не собираешься это выпускать?

Он нахмурился:

– А что не так?

– Во-первых, она ужасно длинная. Во-вторых, это типичный китч, такого еще поискать. И название глупое.

Джон даже бровью не повел.

– Говорю тебе, – сказал он, снимая с вертушки тестовый диск с записью «Богемской рапсодии», – это будет одна из величайших композиций всех времен и народов.

Но если самая знаменитая песня группы Queen поначалу меня не впечатлила, то к Фредди Меркьюри я прикипел всей душой всецело и сразу. С первой минуты нашей встречи он понравился мне безоговорочно. По традиции у него было женское имя – Мелина, в честь греческой актрисы Мелины Меркури. Он был великолепен. Невероятно умный, настоящий мыслитель.

Добрый, щедрый, великодушный и очень-очень забавный. Путешествуя по клубам с ним и Тони Кингом, – они давно дружили, – мы хохотали без умолку всю ночь. Он обожал подшучивать над людьми, доставалось всем, даже участникам Queen:

– А гитаристку ты видел, дорогуша? Нашу миссис Мэй? Видел, в чем она выходит на сцену? В сабо! В гребаных сабо! Ну и чего я добьюсь с гитаристкой, которая напяливает чертовы гребаные сабо?

Фредди насмехался и над Майклом Джексоном, которого окрестил Махалией: сомневаюсь, правда, что Майкла позабавило это имя. Гнев Фредди он навлек на себя тем, что старался развлечь его демонстрацией своего домашнего зоопарка. Историю об этом Фредди превратил в настоящее представление, которое порой соперничало с его выступлениями на концертах:

– Не поверишь, дорогуша! Эта жуткая лама! Притащиться черт-те куда в Калифорнию, чтобы повидаться с миссис Джексон! А она – опа! – ведет меня в сад, и там эта кошмарная лама. А потом еще приглашает зайти к ламе в вольер! Дорогуша, представь, я в белом костюме – и в вольере, весь в дерьме! Пришлось разораться на нее: «Черт возьми, Махалия, убери от меня эту вонючку!» О, – вздыхал Фредди, комично передергивая плечами, – это просто кошмарный сон, дорогуша.

шесть

С Джоном Ленноном меня познакомил Тони Кинг, который как раз переехал в Лос-Анджелес и занял пост генерального директора «Эппл Рекордз» в США.

Интересно, что, когда я впервые увидел Джона, он танцевал с Тони Кингом. В принципе, ничего необычного, вот только это было не в клубе и без музыки, и Тони щеголял в женской одежде, а именно в костюме королевы Великобритании Елизаветы Второй. Все это происходило в Голливуде, в «Капитол Рекордз», в новом офисе Тони – там они снимали телерекламу для готовящегося к выпуску альбома Джона под названием *Mind Games*, и, по причине, известной только самому Леннону, эту концепцию рекламного ролика сочли самой удачной.

Он очаровал меня сразу. Не потому что он – один из «Битлз», а значит, входит в число моих кумиров. А потому что этот «битл» считал, что танец с мужчиной, одетым в женское, да еще в костюм королевы Елизаветы, – отличная идея для рекламы нового альбома. Я подумал: ну, мы с тобой поладим. И не ошибся. Мы начали разговаривать, и мне показалось, что я знаю его всю жизнь.

Каждый раз, как я прилетал в Америку, мы проводили вместе очень много времени. Он тогда разъехался с Йоко и жил в Лос-Анджелесе с Мэй Пэнг[137]. Я знаю, что этот период его жизни принято считать тяжелым и мрачным, но, честно говоря, ничего мрачного в нем самом я не видел. Иногда до меня доходили слухи о его студийных сессиях с Филом Спектором[138], которые полностью выходили за рамки разумного; о том, что однажды вечером, словно обезумев, он разгромил дом продюсера Лу Адлера. Хотя в некоторых людях из его окружения чувствовалась скрытая агрессия. Например, Гарри Нилсон[139] с виду был очень милым парнем, да еще и талантливым певцом, но стоило ему выпить лишку – и он слетал с катушек, переставал быть собой, и тогда нелишне было подумать о собственной безопасности. И, безусловно, мы с Джоном принимали очень много наркотиков, результатом чего становились дикие ночные загулы, о чем вам мог бы рассказать бедный старина Доктор Джон. Мы пошли на его концерт в «Трубадур», и он пригласил Леннона на сцену поиграть вместе. Джон в тот вечер так мощно нагрузился, что в какой-то момент начал играть на электрооргане локтями. Меня так и подмывало стащить его со сцены.

На самом деле, для того чтобы устроить безумную ночь, нам не надо было даже выходить из дома. Однажды вечером в Нью-

Йорке мы окопались в моем люксе в отеле «Шерри-Незерлэнд» и занялись планомерным уничтожением огромных запасов кокаина. И вдруг кто-то постучал в дверь. Моя первая мысль была – полиция: если ты употребляешь непомерно много кокса и кто-то неожиданно стучит в дверь, ты в первую очередь *всегда* думаешь о полиции. Джон махнул мне рукой: мол, глянь, кто там. Я посмотрел в глазок и испытал одновременно облегчение и изумление.

– Джон, – прошептал я. – Там Энди Уорхолл.

Джон помотал головой и провел пальцем по горлу:

– Ни за что. Не вздумай открывать.

– Что? Почему? Это же *Энди Уорхолл.*

Стук продолжался. Джон закатил глаза.

– У него фотоаппарат с собой? – спросил он тихо.

Я снова взглянул в глазок и кивнул. Энди повсюду таскал с собой «Полароид».

– Ну конечно, – кивнул Джон. – И ты хочешь, чтобы он сфотографировал тебя с *сосульками кокса в носу*?

Мне пришлось согласиться, что этого я не хотел.

– Тогда, черт возьми, не открывай, – прошептал Джон, и мы вернулись к нашему занятию, стараясь не обращать внимания на то, что самый модный художник эпохи упорно продолжает барабанить в дверь.

Но, честное слово, я никогда не сталкивался с темной стороной характера Джона, о которой многие говорят, – с его агрессией, злобой, способностью больно ранить словом. Нет, я не хочу сказать, что он был святым или ангелом; я знал, что эти его черты существуют, но сам не встречался с их проявлениями. Я видел его доброту, мягкость, умение веселить других, даже познакомил с ним маму и Дерфа. Мы пошли поужинать вместе, и, когда Джон вышел в туалет, Дерф решил пошутить – снять вставные челюсти и положить Джону в стакан: специфическое чувство юмора Джона как будто передавалось другим. Господи, он был такой забавный. Все время, которое мы проводили с ним – или, еще лучше, с ним и Ринго, – я смеялся без остановки.

Мы очень сблизились. Его бывшая жена Синтия собралась в Нью-Йорк с сыном Джулианом, и Джон попросил нас с Тони сопровождать их в поездке в Америку. Мы отправились туда на старинном роскошном корабле SS France – это был последний рейс судна из Саутхэмптона в Нью-Йорк. Большинство участников моей группы вместе со своими половинками присоединились к нам. Надо сказать, пассажиры корабля относились к нам свысока и насмешливо. Каждый раз, как я проходил мимо, богатые американские гранд-дамы цедили сквозь зубы: «Считается, что он

знаменитость, но лично я никогда о нем не слышала». Если честно, волосы у меня тогда были ярко-зеленого цвета, в чемоданах лежали шокирующие наряды от дизайнера Томми Наттера, так что вряд ли я мог пожаловаться на отсутствие внимания – как позитивного, так и негативного. Еще хуже эти дамы стали ко мне относиться, когда однажды во время игры в бинго я переволновался и что было мочи заорал: «БИНГО!» Позже я выяснил, что на борту SS France о победе принято сообщать скромно и с достоинством, тихо произнося: «*Хаус*». Но нет, дорогие леди, не так учат играть в бинго в Пиннере.

Мне было все равно. Я наслаждался жизнью: играл в сквош, ходил в кабаре на чудовищные шоу, которые почему-то всегда заканчивались зажигательным исполнением «Хава Нагила». Где-то на полпути в Америку мне позвонили с суши и сообщили, что наш последний альбом *Caribou*, впущенный в июне 1974-го, стал платиновым. А я уже работал над следующим. Берни написал серию текстов о первых годах нашего сотрудничества: просто рассказал нашу историю в хронологическом порядке. Получилось замечательно – песни о том, как пишутся песни. О том, что вначале они были никому не нужны. О моей идиотской попытке самоубийства на Ферлонг-роуд. И о наших особенных отношениях – эта песня называлась We All Fall In Love Sometimes. Она очень порадовала меня, потому что все в ней – чистая правда. Я не был влюблен в Берни физически, но я любил его как брата: он был мне самым лучшим, самым близким другом.

Писать музыку на эти стихи оказалось еще легче, чем обычно. И это было очень кстати, потому что музыкальным залом мне разрешали пользоваться только раз в день, пару часов, пока народ обедал. Остальное время зал оккупировала штатная классическая пианистка. Я приходил, она освобождала мне место, не очень удачно пытаясь изобразить доброжелательность, а затем поднималась в комнату ровно надо мной и немедленно начинала стучать там по клавишам. Иногда к ней присоединялся оперный вокалист – звезда уже упомянутого кабаре. И я два часа сидел за роялем, пытаясь заглушить их музицирование. Так был написан альбом *Captain Fantastic and the Brown Dirt Cowboy*. Я сочинял одну, а иногда и две песни в обеденный перерыв, под аккомпанемент страдалицы-пианистки над моей головой. И свою музыку мне приходилось запоминать – у меня с собой не было магнитофона.

В Нью-Йорке мы остановились в отеле «Пьер» на Пятой авеню. Люкс Джона Леннона располагался прямо над моим. Он собирался дать нам послушать черновой вариант своего нового альбома. Более того, он хотел, чтобы я сыграл оттуда две песни: Surprise Surprise и Whatever Gets You Thru The Night. Вторая, на

мой взгляд, тянула на хит – это стало ясно после того, как мы поработали над ней два вечера в студии «Рекорд Плант Ист» неподалеку от Таймс-сквер. Звукоинженером по сведению там был Джимми Иовин, который позже стал одним из крупнейших музыкальных магнатов в мире. Но Джон занимался сведением сам, причем работал очень быстро. Многие думают, что Джон Леннон проводил века в студии, экспериментируя со звуком, и в качестве примера приводят альбом *Sergeant Pepper* и песню Strawberry Fields. В действительности же он работал чрезвычайно быстро, иначе ему становилось скучно – такой подход полностью совпадал с моим. Мы закончили, и я был абсолютно уверен, что песня займет первое место в чартах. Джон возражал: сольные синглы Пола занимают первые места, и Джорджа Харрисона, и Ринго тоже – но только не Джона Леннона. Я предложил побиться об заклад: если песня выходит на первое место, Джон выходит со мной на сцену. На самом деле, я хотел посмотреть, как он играет вживую, ведь с тех пор, как распались «Битлз», он почти не выступал, может, пару раз на благотворительных концертах, и только.

Надо отдать Джону должное: когда песня вышла-таки на первое место, он не отказался от выполнения моих условий. Даже после того, как съездил с Тони в Бостон и увидел, во что ввязался. Тогда на поклон я вышел в чем-то, напоминающем коробку шоколада в форме сердца, и в накидке сверху. Джон повернулся к Тони и спросил:

– Черт подери, это что, сейчас так выглядит рок-н-ролл?

Он сыграл с нами в Мэдисон-сквер-гарден на День благодарения в 1974 году, но при условии, что Йоко там не будет: они все еще не общались. Конечно, Йоко все равно явилась – это было *очень в ее стиле*, – но Тони сделал так, что ее место нельзя было видеть со сцены. До начала шоу она послала Джону гардению, и он прикрепил ее в прорезь для пуговицы. Он сильно нервничал – не знаю, может, из-за цветка, а может, и потому, что не знал, как его встретит публика. В любом случае он казался немного испуганным и попытался было вытащить Берни с собой на сцену, но тот категорически отказался: Берни всегда ненавидел быть в центре внимания, и даже отчаявшийся «битл» не мог заставить его передумать.

Честно, впервые за всю свою карьеру я услышал такую овацию, какую устроили зрители, когда я объявил, что сейчас выйдет Джон. Шум не смолкал очень долго. И я точно знал, что они чувствуют. У меня самого, как и у всей группы, голова шла кругом. Наверное, это была высшая точка нашей карьеры – стоять на сцене рядом с таким человеком. Мы спели три песни, и Джон

ушел. Потом вышел на бис, на этот раз с Берни, и они оба трясли бубнами под нашу песню The Bitch Is Back. Это было потрясающе.

После концерта за сцену пришла Йоко, и в конце концов мы все оказались в отеле «Пьер» – Джон, я, Йоко, Тони и Джон Рид. Мы сидели в баре и выпивали как ни в чем не бывало, как вдруг из ниоткуда материализовался Ури Геллер, подошел к нашему столу, начал гнуть вилки и ложки, а потом читать мысли. Странный выдался денек. Но все это привело к воссоединению Джона и Йоко, рождению Шона – моего крестника – и к семейному гнездышку в Дакота Билдинг. Я искренне радовался за Джона, хотя, если честно, для семейного гнездышка подыскал бы что-то другое. Здание и правда мрачное, такая уж у него архитектура – от одного взгляда мурашки бегут по коже. Неслучайно Роман Полански решил снимать «Ребенка Розмари» именно там.

Записывать альбом *Captain Fantastic* было так же легко, как сочинять. Сессии прошли влет: летом 1974 года мы приехали на ранчо «Карибу» и записали все песни по порядку – как будто рассказали нашу с Берни историю. Вдобавок мы сделали пару синглов – кавер Lucy In The Sky With Diamonds, где Джон играл на гитаре и пел бэк-вокал, и Philadelphia Freedom – одну из немногих песен, текст которой я попросил Берни написать специально. Обычно он просто писал то, что хотел, – мы выяснили, что не способны сочинять на заказ еще в те времена, когда безуспешно пытались продавать песни Тому Джонсу или Силле Блэк. Но здесь был другой случай. Билли Джин Кинг попросила меня написать гимн ее теннисной команды «Филадельфия Фридом». Я не мог отказать – Билли Джин вызывала у меня искреннее восхищение. Мы познакомились год назад на приеме в Лос-Анджелесе, и вскоре она стала одной из моих ближайших подруг. Возможно, такое сравнение прозвучит странно, но мне казалось, что они с Ленноном чем-то похожи. Оба целеустремленные, великодушные, любители посмеяться, и оба чувствовали, что с помощью своей популярности способны изменить мир к лучшему. Джон участвовал в политических движениях, Билли Джин была феминисткой и страстным борцом за права сексуальных меньшинств: она отстаивала интересы женщин не только в теннисе, но и в спорте вообще. Сегодняшние звездные теннисистки должны кланяться ей в ноги за храбрость и силу духа – выиграв US Open, она подняла голову и прокричала: «Вы будете платить женщинам те же призовые деньги, что и мужчинам, или в следующем году я не играю!» Да, я обожал Билли Джин.

Вполне понятно, что Берни не особо вдохновила идея писать о теннисе, – это и правда не лучшая тема для поп-песни. И он написал о Филадельфии. Это сработало: в композиции чувствовалось влияние музыки, которую тогда слушали в городе – MFSB, The O'Jays, Harold Melvin And The Blue Notes. Композиции этих групп звучали в гей-клубах Нью-Йорка, куда я иногда захаживал: «Криско Диско», «Ле Жарден» и «12 Вест». Мне там нравилось, хотя в «Криско Диско» меня однажды не пустили. Со мной тогда был легендарный трансвестит по имени Дивайн. Знаю, знаю, звучит смешно: Элтон Джон и Дивайн не прошли фейс-контроль в гей-клубе! Но он был в кафтане, а я в разноцветном жакете, и на входе нам сказали, что мы слишком уж вырядились: «Вы че, совсем? Куда приперлись? Думаете, здесь вам долбаный Хэллоуин?»

В такие места не ходят специально, чтобы снять партнера. По крайней мере, так я к этому относился. Я просто приходил потанцевать. Если к закрытию находил себе пару – что ж, отлично. И никаких наркотиков, кроме разве что попперсов[140].

Собственно, наркотики были не нужны. Хватало музыки: Honey Bee Глории Гейнор, I'll Always Love My Mama группы The Intruders. Отличный звук, по-настоящему вдохновляющая смелая музыка. Сыграть на струнных в Philadelphia Freedom мы пригласили Джина Пейджа, аранжировщика всех композиций Барри Уайта, так что звучание и стиль получились именно такими, как надо. Мы добились успеха: через несколько месяцев после выхода песни ее перепели MFSB, да еще и назвали в честь нее свой альбом.

Philadelphia Freedom в Америке стала платиновым синглом, а затем, спустя несколько месяцев, *Captain Fantastic* стал первым в истории альбомом, который взлетел прямиком на первое место в американских чартах. В 1975 году я был везде. Не только на радио: *везде.* В игровых залах – фирма «Балли»[141] выпустила пинбол-автомат под названием Captain Fantastic. На чернокожих телестанциях: одним из первых белых артистов меня пригласили в программу *Soul Train*. Интервью у меня брал отрешенно-невозмутимый Дон Корнелиус, которого все же впечатлило очередное надетое на мне творение Томми Наттера – в коричнево-золотую полоску и с огромными лацканами. Он спросил: «Слушай, братан, где ты отхватил такой костюм?»

Я стремился двигаться дальше. Решил поменять состав группы и отказался от Найджела и Ди. Позвонил им сам. Новость они приняли достаточно спокойно, хотя Ди явно расстроился больше, чем Найджел. Но никаких ссор между нами не

произошло, и зла они не затаили. Сегодня я гораздо больнее переживаю тот свой поступок. Конечно, для них это был ощутимый удар – мы столько лет работали вместе и в тот момент были на пике популярности. Но тогда я смотрел только вперед и чувствовал нутром, что должен изменить наше общее звучание: сделать его более современным, более динамичным и заводным. В качестве соло-гитариста я пригласил Калеба Куэя, за ударные посадил Роджера Поупа, который работал у нас на записи альбомов *Empty Sky и Tumbleweed Connection*, и взял двух американских студийных музыкантов: клавишника Джеймса Ньютона Хоуарда и басиста Кенни Пассарелли.

Я прослушал еще одного американского гитариста, но с ним у нас не сложилось. Во-первых, он не подошел чисто как музыкант. Во-вторых, свел с ума всю группу рассказами о том, как любит «засадить» курице в зад и одновременно отрубить ей голову. Якобы в момент отсечения головы сфинктер сжимается, и ты кончаешь. Честно, я вряд ли смог бы работать с человеком, у которого такое извращенное чувство юмора или, что еще хуже, такая извращенная сексуальная жизнь. В рок-н-ролле не слишком много правил, но они все-таки есть: следуй своему музыкальному чутью, внимательно читай все, что написано мелким шрифтом, прежде чем ставить подпись, и никогда не бери в группу придурка, который трахает куриц в зад и одновременно рубит им головы. Не допускай даже мысли об этом! Не важно, как обстоят дела на самом деле, но ты здорово испортишь себе нервы, особенно если придется жить с ним в одном гостиничном номере.

Возникла еще одна проблема. Брак Берни и Максин распался, и она начала встречаться с Кенни Пассарелли. То есть мой новый басист спал с женой моего текстовика. Очевидно, это больно ранило Берни. Но тогда у меня самого в личной жизни творилось бог знает что – не хватало еще вмешиваться в чужие отношения.

Репетировать с новым составом группы мы отправились в Амстердам. Сами репетиции проходили великолепно – группа получилась грандиозная. Но в свободное от работы время мы творили нечто неописуемое, употребляя наркоту тоже в грандиозных масштабах. Приехали Тони Кинг и Ринго Старр, мы все вместе отправились в путешествие на катере по каналам, и это в конце концов вылилось в долгий наркотический трип. Экскурсия была испорчена – боюсь, красоты Грахтенгордела в тот день остались незамеченными. Все занимались только коксом и вдуванием друг другу в рот конопляного дыма. Обдолбанный в конец Ринго даже спросил, а нельзя ли ему тоже играть у нас в группе. Правда, сам я этого не слышал, мне рассказывали потом.

Но если он и говорил такое, то, скорей всего, через полторы минуты уже обо всем забыл.

Я так рьяно налегал на наркоту еще и потому, что у меня тогда было разбито сердце – я влюбился в гетеросексуала, который не ответил взаимностью. Долгие часы я проводил в своем номере отеля, слушая композицию I'm Not In Love британской группы 10cc – у Тони, по случаю, оказался их золотой сингл, и он презентовал мне его со словами: «Элтону Джону, который прокрутит эту песню как минимум миллион раз».

С тех пор как мы расстались с Джоном Ридом, моя личная жизнь не складывалась. Я постоянно влюблялся в гетеросексуалов и мечтал о невозможном. Иногда это продолжалось долгие месяцы. В каком-то безумии я уверял себя, что сегодня – тот самый день. Он позвонит и скажет мне: «И, кстати… я люблю тебя», – хотя изначально объект моей безнадежной страсти уже ясно дал понять, что такого никогда не случится.

Или, например, кто-то мог понравиться мне в гей-баре. Прежде чем мы вступали в разговор, я успевал отчаянно влюбиться, пребывая в полной уверенности, что этот человек – моя судьба и всю жизнь мы проведем вместе. Я даже рисовал в воображении радужные картинки нашего совместного будущего. И всегда это были парни одного типа: белокурые, голубоглазые, красивые и моложе меня – чтобы я мог окружить их отеческой любовью, которой мне самому так не хватало в детстве. Я не столько «снимал» их, сколько брал в заложники. «Отлично, – говорил я, – бросай все, что у тебя есть, работу, семью, и летим со мной в кругосветное путешествие». Я покупал им часы, рубашки и автомобили, но им абсолютно нечего было делать, кроме как проводить время со мной, а я постоянно был страшно занят, и они чувствовали себя брошенными. В то время я этого не сознавал, но, по сути, я лишал бедных парней их собственной жизни. Спустя три или четыре месяца начинались обиды, мне становилось скучно, и все заканчивалось слезами и истериками. Тогда я просил кого-то из своих помощников отправить парня восвояси и начинал все по новой. Чудовищно, нельзя так относиться к людям. Иногда мой предыдущий любовник улетал тем же рейсом, которым прилетал следующий.

Впрочем, эпоха вообще не способствовала морали и нравственности, и многие поп-звезды вели себя так же, как я. Род Стюарт бросал своих девушек, просто оставляя для них на постели билеты на самолет, так что его тогдашние привычки тоже не назовешь джентльменскими. И где-то в глубине души я понимал: *это неправильно, так не должно быть.*

Мне нужен был спутник, кто-то, с кем можно было

поговорить. Я не мог находиться в одиночестве и бесконечно рефлексировать. На самом деле, душевно я был невероятно незрелым – под яркой мишурой скрывался все тот же маленький мальчик с Пиннер Хилл-роуд. Мероприятия, шоу, концерты, диски, огромный успех – да, все это было. Но, оставаясь один, я из взрослого человека превращался в подростка. Когда-то я думал, что, изменив имя, я стану другим человеком. Я ошибался. Я не был Элтоном, а остался Реджем. Тем самым, каким он был пятнадцать лет назад: мальчишкой, который прячется в своей спальне, пока родители кричат друг на друга, беззащитным, неуверенным и ненавидящим себя. Я боялся оставаться ночью наедине с этим мальчишкой. А если оставался, меня охватывала черная тоска.

Однажды на ранчо «Карибу» после студийной сессии с новой группой перед сном я принял большую дозу валиума – двенадцать таблеток. Не помню точно, что меня на это подвигло, – наверное, очередной крах в личной жизни. Проснувшись утром, я запаниковал, побежал вниз и позвонил Конни Паппас, которая тогда работала с Джоном Ридом, и начал рассказывать, что натворил. Во время разговора я отключился. Джеймс Ньютон Хоуард услышал, что я упал, и отнес меня в мою комнату вверх по лестнице. Вызвали доктора, который прописал лекарство от нервов. Странное решение – назначить таблетки от нервов человеку, который только что пытался покончить с собой, наглотавшись таблеток от нервов. Но, по всей видимости, лечение помогло, по крайней мере, на какое-то время. Альбом мы закончили.

Первый концерт с новым составом группы прошел на лондонском стадионе Уэмбли 21 июня 1975 года. Хотя это был даже не концерт, а однодневный музыкальный фестиваль под названием Midsummer Music. Программу я составлял сам. Выбрал музыкантов, которые сотрудничали с нашим лейблом Рокет: Stackridge, Rufus с Чакой Хан, Джо Уолш, The Eagles и The Beach Boys. Все они выступили отлично, зрители встречали их прекрасно. В своем хедлайнерском сете я решил сыграть альбом *Captain Fantastic and the Brown Dirt Cowboy* – полностью, от начала до конца, все десять песен. Самый долгий сет за всю мою карьеру. Мы играли замечательно. Радовало все: звучание, работа технических служб, даже погода.

Но это был полный провал.

Если ты хочешь выступать сразу после группы The Beach Boys, чей сет состоит из хитов, входящих в золотой запас мировой поп-музыки, очень плохая идея – играть подряд десять новых песен,

которых публика вообще не знает, ведь альбом вышел всего пару недель назад. К несчастью, эта истина открылась мне слишком поздно – когда я пел третью или четвертую песню. Вдруг я заметил, что публика ерзает, становится рассеянной. Знаете, как школьницы крутятся и зевают на особенно длинном и скучном уроке? Мы продолжали играть, и играли превосходно – как я уже говорил, группа получилась грандиозная. Но люди *начали уходить*. Я запаниковал. Чтобы публика уходила на моем выступлении? Такого не было уже лет сто. Ко мне возвращалось *то самое чувство*: я лабаю на сцене какого-то клуба, а Долговязый Джон пародирует Деллу Риз или заставляет нас играть «Молотилку».

Очевидным решением было остановиться и начать петь наши хиты. Но я не мог. Отчасти из-за соображений художественной целостности, отчасти потому, что перед выступлением я произнес пафосную речь о том, что собираюсь сыграть полностью весь новый альбом. Я не мог оборвать все на полпути и заиграть всеми любимый Crocodile Rock. Черт. Значит, надо придерживаться первоначальной программы. Я уже представлял, какими будут отзывы, а ведь мы пока играли всего полтора часа. И продолжали играть. Композиции звучали волшебно. Но люди уходили. Я начал думать о запланированной нами большой торжественной афтерпати. Там будут звезды, которых, как предполагалось, мое выступление должно пробрать до глубины души: Билли Джин, Пол Маккартни, Ринго Старр. Отлично. Просто замечательно. Я облажался на глазах у восьмидесяти двух тысяч зрителей и *половины состава* группы «Битлз».

В конце концов мы сыграли свои хиты, но было уже поздно, и времени не хватало, как верно заметили позже музыкальные обозреватели. Мы полетели в Америку, усвоив два важных урока: первый – художественная целостность иногда несет в себе элемент риска, и второй – не важно, насколько ты знаменит, у тебя всегда есть шанс сесть в лужу.

Я все больше времени проводил в Штатах и решил, что пора снять в Лос-Анджелесе жилье. Подходящий дом нашелся в самом конце Тауэр-Гроув-Драйв – в итоге я его купил. Это был особняк в колониальном стиле, построенный когда-то для звезды немного кино Джона Гилберта. Он жил в нем во время своего романа с Гретой Гарбо. В саду возле водопада стояла маленькая хижина, где Гарбо любила уединяться.

Этот район города очень хороший, но вскоре после моего переезда дом по соседству сгорел – предположительно из-за того, что хозяин лично готовил крэк, к чему я относился с большим

неодобрением. Изготавливают наркотики дома только конченые наркоманы, а я себя, следуя некоей извращенной логике, таковым не считал, несмотря на очевидные признаки обратного. «Да, я могу всю ночь нюхать кокс, но потом полгода к нему не прикасаюсь, – говорил я себе. – Так что о какой зависимости идет речь? Со мной все в порядке».

Дом был очаровательный. Я нанял женщину по имени Элис вести хозяйство и заодно лечить меня от похмелья. Перевез в дом многое из своей коллекции – ар-нуво, ар-деко, мебель Бугатти, светильники работы Эмиля Галле, стекло от «Лалик», замечательные старые постеры. Но жил я, по сути, всего в трех комнатах: своей спальне, гостиной с телевизором и в бильярдной. Последнюю, на самом деле, я использовал для того, чтобы развлекаться с молодыми людьми. Бильярд на раздевание! Обычно мне такое удавалось, особенно после пары дорожек кокса.

Была еще одна причина, по которой я употреблял так много наркотиков. Я обнаружил, что кокаин действует на меня как афродизиак, что было очень странно, потому что у большинства мужчин он убивает эрекцию на корню. Как выяснилось, у меня все наоборот – после солидной дозы кокса я оставался в полной боевой готовности несколько дней подряд. И еще мне нравилось, что порошок дает возможность претворять в жизнь самые разные сексуальные фантазии – под кокаином я осмеливался делать то, на что в нормальном состоянии никогда бы не решился. Кокс полностью раскрепощает, снимает запреты, иногда это происходило и с гетеросексуалами. Угощаешь их парой дорожек, и они вытворяют такое, о чем сами никогда не подозревали. Наверное, утром они сожалели об этом – или, как иногда случалось, возвращались за добавкой.

Я никогда не был любителем собственно полового акта. Мне нравилось наблюдать, как двое или трое парней развлекаются друг с другом, только от этого я получал сексуальное удовлетворение. Я смотрел, как занимаются сексом люди, которым в обычной ситуации это бы никогда не пришло в голову, но сам не принимал в этом участия. Просто наблюдал, делал снимки «Полароидом», раздавал указания. Единственная проблема – я очень гордился своим домом, так что, если они начинали возню на бильярдном столе, я сразу вскакивал и орал: «Не вздумай кончить на сукно!» Это, конечно, не способствовало поддержанию эротической атмосферы. Из-за того что меня не особо интересовал половой акт, я тогда не подцепил ВИЧ. Иначе я бы уже давно умер.

Дом на Тауэр-Гроув-Драйв превратился в место больших и шумных вечеринок; после городских тусовок народ всегда

приезжал ко мне. В середине семидесятых Лос-Анджелес был центром музыкальной индустрии. И в нем работали отличные гей-клубы – «Афтер Дарк» и «Студио Уан». Первый – дискотечный, второй – в стиле кабаре. Именно во втором я увидел Эрту Китт, которую обожал в детстве. Хотя, по правде говоря, ее выступление я не стал слушать. Я пошел за сцену познакомиться с ней, и она встретила меня словами: «Элтон Джон. Мне никогда не нравилось то, что вы делаете». Да неужели? Ну что ж, спасибо за честность. Кажется, я уехал тогда домой.

Если Дасти Спрингфилд была в городе, мы шли посмотреть, как играет в роллер-дерби[142] команда «Лос-Анджелес Тандерберд». Сказочное зрелище, немного театральное, как и борьба, но лесбиянкам нравилось – еще бы, приятно поглазеть, как толпа других лесбиянок носится на роликах и мутузит друг друга.

Мы устраивали фантастические обеды и ужины. Однажды на обед явился Франко Дзефирелли и признался, что близкие друзья называют его «Ирен». Как-то поужинать зашли Саймон и Гарфункель, а потом остались поиграть в шарады. По крайней мере, они пытались играть, но получалось из рук вон плохо. В оправдание им могу сказать, что Боб Дилан играл еще хуже. Игру «Сколько в слове слогов?» он вообще не мог постичь, «Звучит похоже на…» – тем более. Только подумать! Один из лучших поэтов-песенников в мире, величайший текстовик в истории рок-музыки – не в состоянии сказать, сколько в слове слогов или с чем оно рифмуется! Он был совершенно безнадежен, и я даже начал бросаться в него апельсинами. По крайней мере, об этом, хихикая, мне рассказал наутро Тони Кинг. Не самый приятный разговор с похмелья: «Доброе утро, дорогуша. Ты помнишь, как ночью бросал апельсины в Боба Дилана?» О господи.

У Лос-Анджелеса были и темные жутковатые стороны. Тень жестоких убийств, совершенных сектой Мэнсона, все еще витала в воздухе. Ты никогда не чувствовал себя в безопасности, даже в большом особняке в Беверли-Хиллз. Это сейчас везде секьюрити и видеонаблюдение, но тогда ни у кого ничего подобного не было. Даже у бывших «битлов». Однажды утром я проснулся и обнаружил, что на моей кровати сидит девушка. Сидит и смотрит на меня. Встать я не мог, потому что спал раздетым, оставалось только визгливо кричать, чтобы она выметалась. Девушка ничего не отвечала, и от ее молчания было еще страшнее. Наконец пришла моя домработница и выставила ее. Я перепугался до смерти – мы никак не могли понять, каким образом незваной гостье удалось пробраться в дом.

Чтобы войти в темную зону Лос-Анджелеса, не нужен был

проводник. Как-то вечером я слушал в «Трубадуре» группу Average White Band. Они выступали замечательно, я поднялся на сцену, сыграл с ними пару композиций, да еще вытащил с собой Шер и Марту Ривз. А после концерта пригласил всю группу в «Ле Ресторан», который славился отличной кухней и очень лояльно относился к гостям. Администрация и бровью не повела, когда на праздновании дня рождения Джона Рида один из его друзей привел живой подарок – лошадь. Бедное животное тут же навалило кучу дерьма прямо на пол.

Мы засиделись до шести утра. Приятно было проводить время с молодыми британскими музыкантами, только начинающими расти: первое выступление в «Трубадуре», перспективы, которые открывает Америка… они напомнили мне меня самого пять лет назад.

Но через пару дней мне позвонил Джон Рид и сказал, что барабанщик группы, Робби, скончался. Из ресторана они поехали на вечеринку куда-то на Голливудские холмы, кто-то подсунул ему героин, парень перепутал его с коксом и умер несколько часов спустя у себя в гостиничном номере.

Наверное, такое могло произойти где угодно, но почему-то эта смерть стала для меня штрихом к портрету Лос-Анджелеса. В этом городе старая банальная фраза «мечты сбываются» звучит не просто как фраза, а как констатация факта. Здесь я – более или менее – стал звездой, здесь меня чествовали кумиры детства, здесь я пил чай с Мэй Уэст (к моему удовольствию, она с обольстительной улыбкой произнесла: «Любимая сцена – я в окружении мужчин»).

Учитывая, что под мужчинами имелись в виду мы с Джоном Ридом и Тони Кингом, ее в тот вечер ожидало явное разочарование. Но если вы не будете постоянно включать разум, если повернете не туда или свяжетесь не с теми людьми, Лос-Анджелес легко проглотит вас со всеми потрохами.

Мэр Лос-Анджелеса Том Уотсон объявил дни с 20 по 26 октября 1975 года «неделей Элтона Джона». В числе прочего мне предстояло торжественно открыть свою звезду на Голливудской «Аллее славы», прямо напротив Китайского театра Граумана. Планировалось два концерта на стадионе «Доджерс» – оба раза с аудиторией пятьдесят пять тысяч человек. Мне приходилось выступать и перед более значительным количеством зрителей, на Уэмбли в Лондоне их было восемьдесят две тысячи (до того, разумеется, как они устремились к выходам). И все же «Доджерс» был апогеем славы. Я стал первым музыкантом, кому разрешили там играть после концерта «Битлз» в 1966 году – тогда

организаторы набрали недостаточно охранников, после выступления начались беспорядки, и владельцы стадиона запретили проводить у себя рок-концерты. У меня было странное ощущение, будто я возвращаюсь домой, – ведь именно в Лос-Анджелесе пять лет назад стартовала моя карьера.

Я обратился в авиакомпанию «Пан Ам» и забронировал чартерный «Боинг-707», чтобы доставить в Америку маму, Дерфа, бабушку, кучу моих английских друзей, сотрудников нашей компании «Рокет», прессу и съемочную группу документалистов во главе с телеведущим Расселом Харти. В аэропорту их ждали мы с Тони Кингом, красная дорожка и кавалькада «Роллс-Ройсов» с «Кадиллаками»: собираясь в Америку в первый раз, мы мечтали именно о такой встрече, а не о дурацком красном автобусе. Наверное, все это выглядело чересчур пафосно, но я хотел, чтобы моя семья увидела все это; чтобы они наслаждались отдыхом и гордились мной.

«Неделя Элтона Джона» пролетела как в тумане. Мои родные съездили на экскурсии в Диснейленд и на студию «Юниверсал». Джон Рид устроил на своей яхте «Мэдмен» прием в честь выхода моего альбома *Rock of the Westies*. А вот торжественное открытие звезды на «Аллее славы» принесло некоторые неожиданности.

На мне был костюм от дизайнера Боба Маки – ярко-зеленый с принтованными именами артистов с «Аллеи славы» и котелок в тон. Ехать на «Аллею» мне пришлось на золоченом гольф-карте, с прикрепленными к нему спереди огромными очками с иллюминацией и огромным же галстуком-бабочкой. Знаю, меня нельзя назвать примером неприметно одетого скромного артиста, но всему же есть предел. На YouTube выложен ролик с этого события: по выражению моего лица видно, что я думаю о такой гениальной идее пиарщиков. Не знаю, приходилось ли вам медленно ехать сквозь толпу орущих поклонников и на глазах у всей мировой прессы в золоченом гольф-карте с налепленными на него очками и галстуком-бабочкой. Если не приходилось, могу заверить: ощущения не из приятных.

Я чувствовал себя страшно неловко и все время пытался разрядить обстановку, корча рожи во время чужих речей и отпуская шутки во время собственной: «А теперь я объявляю об открытии нового супермаркета!» Единственное, чего я хотел, – чтобы все скорее закончилось. Позже мне рассказали, что впервые на «Аллее славы» на открытие звезды собралась такая огромная толпа – полиции даже пришлось полностью перекрыть движение на Голливудском бульваре.

На следующий день я пригласил свою семью на обед к себе

домой. Как и *Captain Fantastic*, альбом *Rock of the Westies* в американских чартах мгновенно взлетел на первые строчки. Никому раньше такое не удавалось – ни Элвису, ни «Битлз»; я же проделал это дважды за полгода. Мне было двадцать восемь лет, меня считали крупнейшей поп-звездой мира, я готовился отыграть два самых престижных концерта в своей карьере. Моя семья вместе со мной праздновала успех.

И именно в этот момент я снова собрался покончить с собой.

Опять же, точно не помню, что послужило тому причиной. Мама, Дерф и бабушка обедали возле бассейна. Я встал из-за стола, поднялся на второй этаж и проглотил пригоршню валиума. Потом спустился обратно в халате, объявил всем, что принял гору таблеток и скоро умру. После чего прыгнул в бассейн.

Не знаю, сколько таблеток я съел, но явно меньше, чем на ранчо «Карибу», – точный признак того, что в глубине души не имел ни малейшего намерения умирать. Это стало окончательно ясно, когда я обнаружил, что намокший халат тянет меня вниз, под воду. Человек, который пытается покончить с собой в уверенности, что жизнь ничего больше ему не даст и смерть – долгожданное избавление от мук, вряд ли стал бы бороться и выплывать. Но я ужасно испугался утонуть и начал лихорадочно грести к бортику бассейна. Кто-то помог мне выбраться из воды. Единственное, что я четко помню, – голос моей бабушки.

– О, – произнесла она. И затем, явно обиженным тоном, с незабываемыми интонациями пожилой английской леди из рабочего класса, внезапно осознавшей, что ее чудесному отдыху в Калифорнии пришел конец, добавила: – Пожалуй, нам пора *к чертовой матери* домой.

Я не выдержал и расхохотался. Должно быть, именно такой ответ был мне необходим. Я думал, все начнут причитать: «Ах ты, господи, бедняжка…» – но вместо этого получил суровое: «Почему ты ведешь себя как последняя сучка?»

Хороший вопрос: почему я вел себя как последняя сучка? Наверное, я хотел совершить некий драматический поступок и тем самым привлечь к себе внимание. Понимаю, насчет внимания звучит глупо – ведь в городе проводили «неделю Элтона Джона», я собирался выступить перед зрителями в количестве сто десять тысяч человек, и при этом меня постоянно снимала камера теледокументалистов. Да уж, нехваткой внимания такое точно не назовешь. Но мне хотелось совсем другого. Я пытался дать понять моей семье, что со мной не все в порядке. На первый взгляд все прекрасно, карьера моя сложилась, вроде не жизнь, а рай, – но на самом деле все было не так. Я не мог сказать им: «Мне кажется, я принимаю слишком много наркотиков». Они бы просто не

поняли, ведь они даже не знали, что такое кокаин. У меня не хватало духу признаться в том, что мне плохо и не хватает любви – я не хотел, чтобы они увидели трещины на прекрасном фасаде. Меня уже давно тянуло сказать матери: «Знаешь, мама, мне очень нужно поговорить с тобой – мне нехорошо, мне нужна помощь, что же делать, скажи?» Но я молчал, потому что боялся ее реакции. Заталкивал свою боль все глубже, глубже и глубже. И вот наконец она вырвалась наружу, взорвалась, как вулкан, – и я разыграл идиотскую сцену самоубийства. Такой уж я есть: или ничего – или все сразу. Это вина не моей семьи, только моя. Гордость не давала признаться, что моя жизнь далеко не идеальна. К тому же это прозвучало бы слишком патетично.

Вызвали доктора. Я отказался ехать в больницу и делать промывание желудка, так что врач дал мне выпить мерзкую жидкость, от которой меня тут же вырвало. И сразу стало легче. «Окей, мне уже лучше, – объявил я. – Так что в любом случае я отыграю эти два концерта». Звучит глупо, да оно и было глупо, но я очень быстро поднялся со смертного одра: ну да, я попробовал свести счеты с жизнью, и что дальше? Если кто-то и подумал, что все это смешно и странно, то оставил при себе. А спустя двадцать четыре часа я уже стоял на сцене стадиона «Доджерс».

Шоу прошли триумфально. Вот что значит играть вживую – по крайней мере, для меня это так. Даже сейчас, с какими сложностями я бы ни сталкивался, я просто отодвигаю их в сторону и выхожу на сцену. Тогда на живых концертах я чувствовал себя совсем не так, как в студии – только на сцене я ощущал, что полностью контролирую все свои действия.

Эти два концерта стали грандиозными событиями. В гримерку к нам зашел Кэри Грант – он выглядел превосходно. С нами выступали певцы госпелов, хор общины Южной Калифорнии имени Джеймса Кливленда, Билли Джин поднялась на сцену и спела бэк-вокал к Philadelphia Freedom. Секьюрити красовались в забавных сиреневых комбинезонах с оборками. На сцену вылез самый знаменитый дилер подержанных автомобилей Кэл Вортингтон в компании живого льва – бог знает, зачем он так поступил, но это добавило пикантности общему веселью. Даже Берни вышел к публике на поклон, что и вовсе неслыханно.

На мне была кепка и форма «Доджерсов», расшитая пайетками, от дизайнера Боба Маки. Я вспрыгивал на крышку рояля и размахивал бейсбольной битой. Бил по клавишам так, что пальцы начали кровоточить. Мы играли три часа подряд – и это было феноменально. Я знаю, как устраивать шоу, потому что долгие годы скитался по клубным сценам, работал на подпевках у Мэйджора Лэнса и играл с «Блюзологией» иногда для горстки

зрителей. Я приобрел бесценный опыт, поэтому мои концерты никогда не опускались ниже определенного уровня. Но иногда что-то особенное происходит на сцене: с первой минуты выступления ты знаешь, что все пойдет идеально. Как будто твои руки существуют сами по себе, независимо от разума; не надо даже концентрироваться – ты свободен как птица и можешь делать все, что захочешь. Ради таких концертов мы живем, и оба шоу на стадионе «Доджерс» получились именно такими. Звучание было безупречным, и погода радовала. Я стоял на сцене и чувствовал, как пульсирует адреналин в крови.

Это была вершина всего, и мне хватало ума понять, что такое не может продолжаться вечно – по крайней мере, на столь высоком уровне. Высшая точка успеха – всего лишь миг; не важно, кто ты и насколько ты велик, но твое имя не навсегда обосновалось в первых строках чартов. Кто-то обязательно придет на смену. Я ждал этого момента и не боялся его. И почти с облегчением встретил новость о том, что второй сингл с альбома *Rock of the Westies*, Grow Some Funk Of Your Own, не стал громким хитом. Для начала, я страшно вымотался – устал от гастролей, от бесконечных интервью, от моей личной жизни, которую сам превратил в кошмар. С другой стороны, я никогда не стремился выпускать хитовые синглы. Я – автор альбомов, в моем послужном списке значатся *Tumbleweed Connection u Madman Across the Water*. Но, сам того не желая, я стал машиной по производству синглов – еще один, и еще, и еще, и все они писались без малейшего намерения создать хит.

Хотя, по правде говоря, однажды такое все-таки случилось: в конце 1975 года я сел за рояль и попытался написать хитовый сингл. Тогда мы уехали отдыхать на Барбадос большой компанией: Берни, Тони Кинг, Кики Ди, еще куча людей. Я решил, что неплохо бы сочинить дуэт для меня и Кики. Мы с Берни написали два. Первый – I'm Always On The Bonk: «Не знаю, с кем я сплю, не знаю, с кем целуюсь, но я всегда на связи, господа». Другой назывался Don't Go Breaking My Heart. Я сыграл мелодию на рояле, придумал название, Берни сочинил слова. Обе песни он с ходу возненавидел – Берни никогда не был фанатом того, что он сам называет «пустопорожней попсой». Но даже он вынужден был признать, что коммерческий потенциал у I'm Always On The Bonk гораздо выше.

семь

Я согласился дать интервью журналу «Роллинг Стоун» исключительно со скуки. Вообще-то мировое турне «Элтон Джон 1976» считалось зоной, свободной от журналистов. Я не хотел никакого освещения в прессе, потому что билеты на все даты и без того были распроданы. Но я уже просидел две недели в отеле «Шерри-Незерлэнд» в Нью-Йорке – мы играли серию концертов на Мэдисон-сквер-гарден, – и без сцены я не знал, чем себя занять.

Выбираться на улицу не хотелось. Август, на Манхэттене невыносимая жара, и толпы фанатов осаждают парадный подъезд отеля. Стоило мне появиться на горизонте – не важно, куда я собирался идти, – начиналось форменное столпотворение. На моих изумленных глазах народ, сгорая от желания приблизиться ко мне, повалил на асфальт нескольких дряхлых старушек. Но фанатов это не остановило – они рванули вперед прямо по бабулькам. Не слишком приятный побочный эффект «звездности».

Я старался чем-то себя занимать. Со мной встречались и навещали в отеле все, кого я знал в городе. Иногда по вечерам я ездил в клуб «12 Уэст». Однажды побывал на радиостанции WNEW – там меня угостили шампанским, но очень скоро пожалели о такой невероятной щедрости: едва начался эфир, я немедленно выложил все, что думаю о рок-критике Джоне Роквелле, который высказался обо мне примерно так: «Могу поспорить, у него ноги воняют и рыльце в пушку». И еще я ходил по магазинам. Правда, психотерапевтическое действие шопинга почти утратило свою силу: я купил часы с кукушкой, из которых вместо кукушки каждый час выскакивал большой деревянный пенис. Часы я подарил Джону Леннону – решил, это самый подходящий подарок для человека, у которого есть все. Джон и Йоко так же обожали шопинг, как и я сам. Их просторнейшая квартира в Дакота-билдинг была завалена бесценными предметами искусства, антиквариатом, дорогой одеждой. Однажды я даже послал им открытку с переделанным текстом песни Imagine: «Представь себе шесть комнат, такие в мире есть, в одной хранятся туфли, в другой мехов не счесть». Господи боже, да у них были даже стада коров, и не каких-то, а гольштейнской породы. Годы спустя я спросил у Йоко, что же стало с этими коровами. Она пожала плечами: «Я от них избавилась. Надоело это «мууууууу».

Итак, я отвез часы с пенисом-кукушкой Леннону, но больше мне совсем нечего было делать. Перспектива наблюдать, как очередную покалеченную старушку увозит машина «Скорой

помощи», совсем не прельщала. Так что я просто зависал в отеле. Группа не испытывала желания зависать там со мной, потому что я уволил их всех во время предпоследнего концерта – буквально за несколько минут до выхода на сцену.

Турне получилось странное. Коммерчески очень успешное, и в некотором смысле интересное. Кики Ди поехала с нами и исполняла Don't Go Breaking My Heart. Несмотря на стойкое отвращение Берни к этой песне, именно она заняла первое место в летних чартах по обе стороны Атлантики. По Британии мы колесили на микроавтобусе, в свободное время ездили смотреть туристические достопримечательности, покупали по дороге мороженое, обедали в местных пабах. В Америке концерты проходили очень масштабно, иногда с участием голливудских звезд. Мы отыграли грандиозное шоу в Массачусетсе четвертого июля на двухсотлетнюю годовщину Дня независимости. Я оделся статуей Свободы, а в качестве гостя выступил сам Дивайн – он долго отплясывал вокруг группы, невзирая на то, что сразу после выхода на сцену у него сломался каблук.

И еще я познакомился с Элвисом Пресли. Это было в Мэриленде, в костюмерной «Кэпитал Сентер»[143] в Лэндовере, за пару дней до нашего выступления на той же арене. С собой я взял Берни и маму. Подумал, так будет правильно: ведь именно мама впервые дала мне послушать Элвиса. Я собирался их познакомить. Нас привели в костюмерную, битком набитую народом; рок-звезды постоянно окружены толпой, но такого нашествия я никогда прежде не видел. Там толклись его двоюродные братья и сестры, старые приятели из Мемфиса, обслуживающий персонал, нанятый специально, чтобы подавать напитки и полотенца. Я долго пробивался сквозь толпу, надеясь наконец пожать ему руку. Но увидел его, и сердце у меня остановилось. С Элвисом явно произошло что-то страшное. Он очень сильно поправился, весь мокрый от пота, кожа нездорового серого цвета. И вместо глаз – две черные дыры. Движения вялые, неловкие, будто он медленно отходил от общего наркоза. По лбу с волос текла струйка черной краски. Казалось, он уже не здесь и почти ничего не воспринимает.

Наша встреча была короткой и мучительной. Я испытывал непреодолимый ужас, что никак не способствовало нормальному разговору. Что касается Элвиса, я никак не мог уразуметь: или он просто не узнает меня – хотя, похоже, он тогда никого не узнавал, – или же он меня узнал, но абсолютно не рад был видеть. Всем известно, что Элвис не выносил конкуренции; ходили даже слухи, что на приеме у Ричарда Никсона в Белом доме он говорил нелицеприятные вещи про «Битлз». За пару лет

до моей встречи с Элвисом со мной связалась его бывшая жена Присцилла, сказала, что их дочь Лиза Мари – моя большая поклонница, и спросила, не смогу ли я встретиться с девочкой по случаю ее дня рождения. Я пригласил их на чай в мой дом в Лос-Анджелесе. Возможно, это его рассердило. Я спросил Элвиса, услышим ли мы сегодня Heartbreak Hotel. В ответ он промычал нечто невразумительное, но стало ясно, что эту песню он петь не собирается. Я попросил у него автограф, и он взял ручку трясущимися руками. Подпись едва можно было разобрать.

Потом мы пошли слушать концерт. Иногда во время выступления в нем загоралась искра – слабое напоминание о том, каким великим артистом он был когда-то. Но это случилось лишь пару раз. Потом он раздавал платки зрительницам. Это был его фирменный знак. Раньше он бросал со сцены в зал шелковые шарфы – широкий жест, достойный Короля рок-н-ролла. Но времена изменились, нынешние шарфы были дешевые, нейлоновые, и явно протянули бы недолго. Как и сам Элвис, по мнению моей матери.

– Больше года он не проживет, – сказала она уже на улице.

И не ошиблась.

Несколько недель потом я прокручивал в голове детали нашей встречи. Расстраивало не только то, что Элвис так сильно сдал, хотя и это вызывало шок: я никогда не думал, что, увидев Короля живьем, прежде всего испытаю жалость. Расстраивало то, что я очень хорошо понимал, почему с ним это произошло и зачем он отгородился от внешнего мира. Должно быть, провел слишком много дней в номерах дорогих отелей, ничего не делая. И, возможно, однажды увидел, как толпа его фанатов затоптала старушку. Ну кому нужен мир, в котором из-за тебя происходят такие ужасные вещи?

Наше турне в целом прошло успешно, но все было до боли знакомо: арены стадионов, самолет «Старшип», знаменитости, даже программа выступлений. Мы уже записали новый двойной альбом *Blue Moves*, но его выход планировался осенью, а я крепко запомнил урок, преподанный мне на «Уэмбли» год назад: не показывай зрителям незнакомый материал. И особенно – такой, как в *Blue Moves*. Я горжусь этим альбомом, но музыка там сложная как для восприятия, так и для исполнения; во многом она экспериментальная и написана под влиянием джаза. Да и по настроению альбом невеселый, философский, глубокомысленный. Берни сочинил тексты, полные боли; он очень тяжело переживал развод с Максин. И моя музыка гармонировала с его словами. Я даже сам написал несколько строк – начало песни Sorry Seems To Be The Hardest Word – про очередную безответную любовь к

гетеросексуалу: «Что мне сделать, чтобы ты полюбил меня? Что сделать, чтобы ты не прошел мимо?» Это прекрасный альбом, но он точно не для влюбленных парочек, наслаждающихся каждым моментом юной жизни.

Собственно, из-за этого турне получилось немного печальным. Отдых на Барбадосе удался на славу, но сейчас он казался далеким воспоминанием. Эмоционально я вернулся в ту самую точку, в которой находился, когда, наглотавшись валиума, прыгнул в бассейн своего дома в Лос-Анджелесе. Мама и Дерф нашли мне в Англии новый дом – «Вудсайд», очень красивый псевдогрегорианский особняк в окружении пятнадцати гектаров земли в Старом Виндзоре. Я не мог точно сказать, насколько он хорош, потому что поначалу почти не приезжал туда. Только попросил Дерфа сделать полки для моей коллекции записей, а еще устроить небольшой зоопарк. У меня появился кролик Кларенс, какаду Олли, а еще Роджер, самец птицы майна, которого какой-то умник научил говорить: «Вон отсюда!» Птица покрыла себя несмываемым позором, выдав эту фразу в присутствии обедавшей у меня принцессы Маргарет и других гостей. Впрочем, сам я часто следовал совету Роджера и отправлялся вон из дома: меня ждала студийная работа и приближались новые гастроли.

Я по-прежнему любил живые выступления, но физически был выжат как лимон. У меня случались судороги, похожие на эпилептические припадки, не слишком частые, но все равно пугающие. Мне сделали сканирование мозга, но ничего не обнаружили. Невролог сказал, что у меня все в порядке. Уверен, если бы я признался ему, какие фокусы регулярно проделываю со своим носом, он бы сразу поставил точный диагноз.

Состояние Берни немногим отличалось от моего. После развода он либо накачивался пивом, либо зависал над очередной кокаиновой дорожкой. Я предлагал ему попробовать писать тексты не только для меня, но и для других исполнителей. Наши отношения оставались прекрасными и в работе, и в жизни. Но, возможно, перемена пошла бы нам обоим на пользу.

Предел для меня наступил в предпоследний вечер концертов в Мэдисон-сквер-гарден. В гримерке я объявил группе, что больше не буду гастролировать. Они получат выходное пособие в размере годовой оплаты, но в обозримом будущем никаких турне не предвидится. Выйдя на бис, я промямлил со сцены нечто вроде того, что на некоторое время прекращаю гастрольную деятельность. Правда, произнося эти слова, я сам не понимал, действительно ли хочу этого. С другой стороны, я точно знал: так больше нельзя и у меня не осталось сил бесконечно метаться по

миру. Именно это – корень всех моих проблем. Вот почему я так измотан, вот почему у меня не складываются личные отношения, вот почему я так беспредельно несчастен. Я отчаянно убеждал себя в этом, силясь поверить, что все мои беды происходят из-за гастролей.

На самом же деле я никогда не переставал любить живые выступления. Я же с восемнадцати лет на гастролях, и это мое ремесло. И как мне жить без этого? Что я буду делать? Смотреть, как Дерф вешает полки? Слушать, как птица каждые десять минут выкрикивает: «Вон отсюда»?

В общем, когда ко мне в отель приехал журналист из «Роллинг Стоун», я пребывал в глубоких и невеселых раздумьях. Журналиста звали Клифф Яр, и нашего интервью он добивался неделями. Я понятия не имел, что Клифф – гей, открыто и гордо заявивший о своей ориентации, и его главная задача – вывести меня на чистую воду. Не думаю, что у него имелись какие-то политические мотивы: в то время признание себя «другим» уже не воспринималось расшатыванием общественных устоев. Так что, на мой взгляд, он просто охотился за сенсацией.

Позже я узнал, что Клифф заранее разработал детальный план по выуживанию из меня информации. Во время нашей беседы он собирался произнести кодовое слово – сигнал для фотографа выйти из комнаты. После чего Клифф пустил бы в ход всевозможные журналистские уловки, а я бы открыл ему все свои самые страшные тайны. Но претворить хитроумный план в жизнь так и не удалось – я сам все рассказал Клиффу прежде, чем он начал задавать вопросы на интересующую тему. Он спросил, влюблен ли я в кого-то. В тот момент меня вряд ли стоило спрашивать о подобных вещах, если только вы не располагали несколькими часами свободного времени и не испытывали жгучего желания выслушивать долгие стенания на тему моей катастрофической личной жизни. Я ответил, что безуспешно пытаюсь найти единственную любовь, а затем с отчаянием в голосе осведомился: «Неужели отношения нормальных людей с женщинами столь же хрупки и недолговечны, сколь мои с мужчинами?» Журналист посмотрел на меня ошарашенно и – надо отдать ему должное – спросил, не выключить ли магнитофон. Я отказался. К черту. Публичное признание себя геем уже не казалось мне великим событием. Все в моем окружении давным-давно знали, кто я, и приняли это. В музыкальной индустрии всем известно о нашей давней связи с Джоном Ридом. Да и для самого Клиффа Яра мои слова не должны были стать таким уж откровением, тем более что я уже успел ему рассказать о том, как нас с Дивайном не пустили в

«Криско Диско». Косвенные доказательства налицо: я пытался прорваться в гей-клуб, названный в честь самого известного анального лубриканта, да еще в компании знаменитого трансвестита.

Он спросил, бисексуал ли я, и я ответил утвердительно. Можете не верить, но я и в самом деле вступал в связи с женщинами – и до нашего разговора с Клиффом Яром, и после. Он спросил, были ли мы когда-нибудь парой с Берни, и я ответил отрицательно. Всплыло имя Джона Рида, и я ушел от ответа: сказал, что у меня никогда и ни с кем не было серьезных отношений. Не мое это дело – впутывать кого бы то ни было в сенсационные расследования журнала «Роллинг Стоун». Я объявил журналисту, что, на мой взгляд, кто угодно может заниматься сексом с кем угодно. «Только, пожалуйста, не с козами, это уже за гранью», – до-бавил я.

В этот самый момент дверь приоткрылась, заглянул Джон Рид и осведомился, все ли в порядке. Не знаю, было ли то совпадение или Джон подслушивал под дверью, охваченный паникой. Когда же я начал отпускать шутки про скотоложство, он не выдержал и сунул голову в комнату. Возможно, он тоже считал, что секс с козами – нечто за гранью. Я сказал Джону, что все нормально. Так оно и было. Я не волновался, не чувствовал гордости или облегчения – ничего такого, чем обычно сопровождается публичное признание. По правде говоря, я вообще ничего не чувствовал. Переживания по поводу собственной сексуальности и о том, что подумают о ней люди, я оставил далеко позади. Мне было все равно.

Мне, но не моему окружению. Никто ничего не высказывал мне в лицо. Не осмеливались – может, из-за уважения к деньгам, которые я заработал, может, из боязни нарваться на знаменитый темперамент Дуайтов, вспышка которого могла положить конец и сотрудничеству, и приятельским отношениям. Но когда статья вышла, Джон Рид и представители американского лейбла, с которым я тогда работал, сильно встревожились, опасаясь, что откровения, высказанные в интервью, разрушат мою карьеру.

Наконец туман рассеялся, и настало время оценивать степень ущерба. Она оказалась незначительной. Несколько безумцев написали в «Роллинг Стоун» письма: мол, они воссылают молитвы господу, дабы он навеки проклял и вверг в адово пекло мою грязную извращенную душонку. Пара-тройка американских радиостанций объявила, что больше не будет ставить в сетку мои композиции, но меня лично это нисколько не смущало: рискуя показаться высокомерным, я подозревал, что моя карьера уже начала хромать без их участия. Эксперты отметили, что с

выходом статьи продажи моих дисков в Штатах резко упали, но, если честно, падение это началось задолго до моего признания. *Rock of the Westies* хоть и занял первое место в чартах, но раскупался гораздо хуже, чем *Captain Fantastic*.

В Британии тем временем газета «Сан» отменила конкурс, победители которого должны были получить мой альбом *Blue Moves*. Для обложки альбома я выбрал чудесную картину художника Патрика Проктора из моей коллекции – на ней изображены два человека в парке. «Сан» заявила, что на картине нет женщин, что, соответственно, можно считать ярой гомосексуальной пропагандой, против которой народ начнет протестовать. Фантастическая логика. Если ей следовать, то читатель газеты, увидев обложку, на которой изображены сидящие в парке мужчины, немедленно стащит с пальца обручальное кольцо, бросит жену, детей и рванет в ближайший гей-бар, громко распевая I Am What I Am[144].

Вот, собственно, и все отрицательные последствия моего признания.

На самом деле, британскую прессу куда больше интересовало то, что происходит у меня на макушке, чем моя ориентация. Не могу их винить: я и сам последние пару лет тревожился по этому поводу. Волосы начали редеть в начале семидесятых, а после неудачной окраски в Нью-Йорке выпадали уже целыми прядями. Когда-то меня впечатлило, как легко модельер Зандра Роудс меняет цвет волос, чтобы он подходил к одежде. В Лондоне я красился во все существующие оттенки без всяких побочных эффектов. Не знаю, что намешали в краску в Нью-Йорке, но волосы посыпались дождем. К началу гастрольного турне 1976 года макушка у меня была почти лысая.

Меня бесило, как я выгляжу. Некоторых мужчин лысина украшает, но я, увы, не из тех счастливчиков – без волос я вылитый Шрек. Казалось, спасение близко: меня направили в Париж к господину Пьер Путо, судя по отзывам, величайшему первопроходцу в области трансплантации волос. Правда, в то время трансплантация волос была новейшей областью медицины, так что любой работающий в ней врач мог бы назвать себя первопроходцем. Но меня убедили, что Путо – лучший. Мол, пройдете простую процедуру и покинете парижскую клинику другим человеком, радостно выкрикивая *Incroyable!* и *Sacrebleu!* [145] и сражая всех новой роскошной львиной шевелюрой.

В реальности все оказалось немного иначе. Для начала, процедура была далеко не из простых и продолжалась пять часов. Я проходил ее дважды, и оба раза с жуткой болью. Техника,

которую там применяли, называлась довольно гадко – «уборка грядок»: с затылка скальпелем вырезали полоски кожи с волосами и затем прикрепляли их на лысую макушку. Звук «уборки грядок» напоминал тот, с каким кролик вгрызается в морковь. После первой процедуры я вышел из клиники, едва держась на ногах от боли; забираясь на заднее сиденье ожидающей машины, оступился и со всей дури врезался макушкой в дверцу. В этот мучительный момент я осознал, что сама трансплантация – укус комара по сравнению с тем, что испытывает человек, ударившись после процедуры головой о дверцу машины. Вытирая салфеткой окровавленную макушку, я сделал единственно возможный для меня выбор: велел водителю ехать по магазинам.

Ужаснее всего, что трансплантация не помогла. Не могу сказать точно почему, да это и не важно. Скорее всего, доктор был не виноват – наверное, я тогда употреблял слишком много наркотиков. И не соблюдал рекомендации врача: мне велели несколько недель после процедуры вообще не носить головного убора. Этот совет я проигнорировал, потому что без шляпы выглядел как злодей из ужастика, готовящийся серпом косить подростков – «убирать грядки». Макушку покрывали струпья и кратеры. Наверное, можно было пойти на компромисс и носить что-то легкое, например бандану. Но появляться на публике в образе цыганской гадалки – это все-таки слишком даже для меня.

Прознав про мои злоключения в клинике мсье Путо, пресса обезумела. Наверное, ни один эпизод моей карьеры не возбудил их так сильно. Папарацци жаждали поймать момент и сфотографировать меня без головного убора – можно подумать, под шляпой я скрывал секрет вечной жизни и бесконечного счастья, а не искалеченную лысину. Но репортерам не повезло: следующие десять или около того лет шляпу на публике я вообще не снимал. И только в конце восьмидесятых, как раз накануне клиники, мне это страшно надоело. То, что осталось от волос, я выкрасил в платиновый блонд: в таком виде меня и сфотографировали для обложки альбома *Sleeping with the Past*. После клиники мне сделали наращивание – вплели что-то в остатки моих волос и как-то закрепили сверху. С новой прической я выступил на концерте памяти Фредди Меркьюри, и один из журналистов заметил, что у меня на голове, похоже, лежит дохлый воробей. Язвительно, хотя, вынужден признать, близко к истине.

В конце концов я сдался и заказал шиньон в фирме, которая делает парики для голливудских фильмов. Удивительная вещь! Долгие годы народ никак не мог успокоиться из-за моих волос, то есть их отсутствия. Но, как только я начал носить шиньон, а

затем парик, безумие полностью прекратилось. Правда, у париков есть свои недостатки. Несколько лет назад я спокойно спал у себя дома в Атланте, как вдруг меня разбудили голоса. Я решил, что это грабители. Натянул халат и, крадучись, двинулся на кухню. Пройдя полкоридора, я понял, что забыл парик. Тогда я поспешно вернулся в спальню: уж если и суждено погибнуть от рук бандитов, то лучше с волосами. Быстро нахлобучив парик, я вышел на кухню и увидел двух водопроводчиков: их прислали чинить подтекающий кран. Они страшно извинялись, что разбудили меня, но, несмотря на явное облегчение, я все-таки заметил, что рабочие таращат на меня глаза с нескрываемым изумлением. Вот что значит впервые лично узреть звезду, подумал я и побрел обратно в спальню. Заглянув по пути в ванную комнату, я бросил взгляд в зеркало и понял: рабочих потрясло вовсе не то, что они живьем увидели легендарного Элтона Джона. Просто легендарный Элтон Джон в спешке напялил парик наизнанку. Вид наинелепейший – ну просто Фрэнки Ховерд[146] после бурной ночи и буйных порывов ветра. Вздохнув, я стянул парик и лег спать.

Итак, новость о моей сексуальной ориентации мир принял в целом нормально. И я начал подумывать о грамотно составленном официальном заявлении. Небольшой совет тем, кто планирует подобный каминг-аут: не делайте таких заявлений накануне вступления в должность президента британского футбольного клуба, если только не хотите, чтобы субботними вечерами тысячи болельщиков распевали такие слова: «Когда рядом Элтон, не вздумай садиться – глядишь, прямо в зад тебе пенис вонзится». Наверное, я мог бы прочитать футбольным фанатам середины семидесятых лекцию о гомофобии, но должен признаться: их песнопения меня развлекали. Не оскорбляли и уж тем более не пугали – такие вещи вообще лучше принимать как данность. Они пели, я улыбался и махал им рукой.

На самом деле с футбольным клубом «Уотфорд» отношения у меня сложились куда более серьезные. В 1974 году я отвечал на вопросы журналиста, который оказался болельщиком «Уотфорда». В разговоре он упомянул, что клуб в беде и проблема не только в слабой игре. Я сам по-прежнему болел за эту команду – в свободное время приходил посмотреть, как они играют, все так же стоял на «Изгибе», на том же месте рядом с Викерейдж-роуд, там, где когда-то стояли мы с отцом. Это напоминало мне об ушедшем детстве. «Уотфорд», как и пятидесятые, безнадежно застрял в самом низу. И все равно я болел за них. Отчасти это было похоже на работу в «Блюзологии»: ты их обожаешь, но

знаешь, что это путь в никуда. Спасибо тому журналисту, именно от него я узнал, что у клуба, помимо прочего, крупные финансовые проблемы. Они ничего не зарабатывали, потому что на матчи никто не ходил – кому охота смотреть на очередной проигрыш? Я позвонил в администрацию клуба и предложил провести на стадионе благотворительный концерт. Они согласились и, в свою очередь, предложили мне долю акций и должность вице-президента. На концерт я надел костюм пчелы – только он хоть как-то напоминал талисман клуба, мультяшного шершня по имени Гарри. Выступать вместе со мной я уговорил Рода Стюарта. Его ожидал веселый денек: он мог вволю поиздеваться над жалким стадионом, похожим на руины, над полем, по-прежнему навевающим мысли о собачьих бегах, и над смехотворными результатами команды, особенно в сравнении с его обожаемым «Селтиком», – и, конечно, над моей новой должностью вице-президента.

– Ты вообще хоть что-то знаешь о футболе, Шэрон, дорогуша? – веселился он. – Сомневаюсь, иначе б не болела бы за этих лохов.

Я велел ему заткнуться. Совет директоров встретил меня с распростертыми объятиями. То, что у нового вице-президента зелено-оранжевые волосы (в то время в футбольном мире никто таких не носил) и туфли на огромным платформах, их вроде бы не смутило. По крайней мере, виду они не подали.

Моя новая должность погоды не сделала: команда играла ужасно и клуб загибался на корню. И тогда в голове у меня начала созревать идея: если болеть за «Уотфорд» так же бесперспективно, как играть в «Блюзологии», то почему бы опять не переломить ситуацию?

Весной президент команды, местный бизнесмен Джим Боснер, предложил мне купить клуб. Я согласился. Джон Рид пришел в ярость: он упорно твердил, что покупка футбольного клуба нанесет сокрушительный удар по моему бюджету. Но я и ему велел заткнуться. Я *хотел* купить «Уотфорд». От природы я азартен, и не важно, в сквош я играю, в пинг-понг или в «Монополию». Даже сегодня, выходя на теннисный корт, я не просто перебрасываюсь мячиками и разминаю кости – я стремлюсь играть и выигрывать. Должность президента футбольного клуба идеально соответствовала этой черте моего характера. Мне бросили вызов, и я его принял. К тому же мне до смерти надоели выходные, испорченные очередным проигрышем моей любимой команды.

А я и правда ее любил. «Болею за “Уотфорд”» – эта тема красной нитью проходила по всей моей жизни, хотя остальное

менялось до неузнаваемости. Викерейдж-роуд находилась всего в десяти километрах от дома, где я родился. Команда связывала меня с корнями, напоминала о том, что, невзирая на успех, богатство и славу, я остался все тем же мальчишкой из Пиннера, из простой рабочей семьи.

И еще один важный момент. Мне нравилось, что в клубе все радикально отличается от мира, в котором я существую. Ни блеска, ни роскоши, ни лимузинов, ни самолета «Старшип». Ты просто садишься на поезд до Гримсби вместе с игроками, слушаешь, как болельщики команды-соперника распевают о твоей неутолимой жажде засунуть член в задницу соседа, а потом возвращаешься домой с ящиком местной только что выловленной рыбы, который руководители клуба «Гримсби Таун» презентовали тебе после матча.

И никакой лести, никакого вранья. Достигнув определенного уровня успеха в музыкальном бизнесе, начинаешь понимать: большинство окружающих говорят тебе только то, что ты хочешь слышать. Боятся разочаровать тебя или, еще хуже, разозлить. В «Уотфорде» все было иначе. Игроки и сотрудники вели себя дружелюбно, с уважением, но никогда не угождали мне – а зачем? Если им не нравился мой новый альбом, честно об этом говорили: «Почему не написать песню вроде Daniel? Мне она так нравилась». Они не скрывали, что мое пальто кажется им дурацким, не нянькались и не нежничали – это я особенно четко ощущал, когда выпадало играть с ними в мини-футбол. Я получал пас, на меня мчался игрок «Уотфорда» (а в этот миг соперник) – и в следующее мгновение я уже отлетал назад со скоростью снаряда и плашмя плюхался на задницу.

В клубе я сам вел себя по-другому – никаких срывов, никаких истерик. Пришлось научиться проигрывать, пожимать руки владельцам и тренерам команд-победителей. Я не позволял себе злиться или ныть, напиваться и употреблять наркотики – здесь я был не избалованной звездой, которой все подносят на блюдечке с золотой каемкой, а представителем футбольного клуба «Уотфорд». Один раз, правда, я все же вышел за рамки. В День подарков явился в жутком кокаиновом похмелье и начал накачиваться скотчем в кабинете директоров клуба. И на следующий день получил за это по полной программе: ни у кого в музыкальном мире не хватило бы духу так со мной разговаривать.

– Какого хрена ты вытворяешь? Позоришь не только себя, но и клуб, – рявкнул Грэм Тейлор, новый менеджер, которого я сам лично нанял в апреле 1977 года. Ему было тогда тридцать два года – маловато для футбольного менеджера, – и он напоминал

мне Берни. Как и Берни, родом из Линкольншира. Как и Берни, решил попытать удачи со мной. Грэму я платил очень хорошо для такого клуба, как «Уотфорд», но в его карьере эта работа стала шагом назад. Он уже успел вытащить «Линкольн Сити» из четвертого дивизиона, и предполагалось, что теперь пойдет выше. Но, как и Берни, он интуитивно почувствовал, что у нас вместе что-то получится. Как и с Берни, я не вмешивался в его дела – он выполнял свою работу так, как считал нужным.

И у нас все сложилось. Да что там – раскрутилось так, как никто не подозревал. Грэм рулил клубом превосходно. Набрал замечательных сотрудников. Берти Ми из «Арсенала», футболист-ветеран, который играл еще в тридцатые и знал футбол досконально, стал помощником менеджера, а Эдди Пламби из «Ковентри» – исполнительным директором. Грэм покупал сильных футболистов, находил молодых талантливых парней. Заключил контракт с шестнадцатилетним Джоном Барнсом. Сейчас он считается одним из величайших футболистов Англии, а Грэм заполучил его тогда по цене нового футбольного комплекта. Учеников – таких как Лютер Блиссет и Найджел Каллахан – он превратил в звездных игроков, позже игравших за сборную страны. Он заставил команду упорно тренироваться. В итоге мы показали классный футбол: два мощных центральных нападающих, два стремительных боковых, отличные атаки, множество голов. Люди потянулись на матчи. Грэм избавился от старого покрытия, построил новые трибуны и оборудовал безопасные семейные ложи специально для родителей с детьми: сегодня такие есть у каждого клуба, но «Уотфорд» был первым.

Все это стоило денег, и Джон Рид злился. Я не обращал внимания. Я не бизнесмен и не вкладывал деньги в клуб, чтобы получить прибыль. Просто «Уотфорд» был у меня в крови. Я так любил команду, что даже стал суеверным: если, например, у нас шла победная серия, я носил одну и ту же одежду и ничего не вынимал из карманов. И во мне было столько энтузиазма, что я мог любого уговорить болеть за «Уотфорд». Маффа Уинвуда, моего старого друга и фаната «Уэст Брум», я переманил на нашу сторону, а потом ввел в совет директоров. Я ходил на заседания мэрии и тщетно убеждал чиновников дать нам возможность построить новый стадион на окраине. После матчей я всегда шел в «Клуб болельщиков», маленькое здание возле центральной трибуны, встречался с фанатами «Уотфорда» и выслушивал их пожелания. Я хотел, чтобы они видели: мы действительно заботимся об интересах клуба и относимся к болельщикам с уважением, ведь без них мы ничто. В «Вудсайде» я устраивал большие приемы для игроков, сотрудников и их семей; мы играли

в мини-футбол и устраивали соревнования по бегу с ложкой и яйцом. Наконец я специально купил «Астон Мартин» и покрасил его в цвета «Уотфорда» – желтый и красной и черной полоской посередине. В этой машине я ездил на матчи, болельщики называли ее «авто президента». Автомобиль бросался в глаза, но я как-то не отдавал себе в этом отчет, пока меня не представили принцу Филиппу. Мы вежливо беседовали о погоде, и вдруг он поменял тему:

– Вы ведь живете неподалеку от Виндзорского дворца? Не видели там идиота, который ездит на уродливом автомобиле, ярко-желтом с дикой полосой. Не знаете, кто это?

– Знаю, ваше высочество. Это я.

– Неужели? – Было непохоже, что известие его потрясло. Казалось, он обрадовался, что наконец нашел кретина на желтом «Астоне» и теперь может дать несколько отеческих советов. – И о чем вы только думаете? Какая глупость. Выставляете себя идиотом. Скорее избавьтесь от этой машины.

Если «авто президента» не успевало доставить меня на матч, я нанимал вертолет. Если во время игры я был за границей, то звонил в клуб, и меня связывали с радиостанцией местной больницы. Где-то на просторах Америки я сидел с радиоприемником в пустой костюмерной, и до группы долетали мои дикие крики: «Да! Мы побили “Саутхэмптон”!» Если, к примеру, мы выступали в Новой Зеландии, я слушал радио ночью, а когда время репортажа совпадало с началом концерта, откладывал начало концерта. Боже, как я все это любил! Игра, нарастающее волнение, дух товарищества, ни с чем не сравнимое чувство, что ты – часть команды, где все, от игроков до девушек, разносящих чай, работают ради одной цели. «Уотфорд» дарил мне радость, которую не купишь за деньги. Она была бесценна.

Тем не менее я не бросал купюры в бездонную яму. Вкладывался не напрасно: «Уотфорд» начал побеждать. И побеждал, побеждал, побеждал! После первого сезона мы вышли в третий дивизион. После второго – во второй. В 1981 году нас впервые в истории поставили в первый дивизион, а на следующий год назвали второй командой Великобритании. Это значило, что мы, возможно, сразимся за кубок УЕФА с лучшими командами Европы – такими как «Реал Мадрид», мюнхенская «Бавария», миланский «Интер». Именно эти цели я ставил Грэму во время нашей первой встречи. Тогда он взглянул на меня как на психа и буркнул, что с такой командой надо сказать «спасибо» и за место в четвертом дивизионе – «да у вас центрфорвард не игрок, а жираф какой-то». Но внезапно он осознал, что я говорю серьезно и собираюсь вкладываться в развитие клуба. Мы решили, что на

достижение поставленных целей уйдет лет десять. «Уотфорд» управился за пять.

И вот в 1984 году мы вышли в финал Кубка Англии. Это старейший и очень престижный футбольный турнир в Британии: стадион Уэмбли, сто тысяч болельщиков. Я уже привык, что «Уотфорд» всегда выигрывает, – просто удивительно, насколько быстро привыкаешь к успеху после долгих лет поражений. Но перед началом матча меня внезапно как будто ударило: как же высоко мы забрались! От маленького зачуханного клуба, над которым все смеялись и чьи матчи не хотели смотреть – до такой вершины. Духовой оркестр заиграл Abide With Me[147], гимн турнира, и я разрыдался прямо перед камерами Би-би-си. Позже оказалось, что это был самый яркий момент игры.

«Эвертон» победил нас со счетом два – ноль. Наверное, играть надо было чуть опаснее, и, возможно, один из их голов по правилам следовало не засчитать… Но по большому счету они выступили лучше, чем мы. Конечно, я расстроился, и все равно мы закатили роскошную вечеринку для команды: участие в турнире такого уровня – само по себе огромное достижение.

Глядя на болельщиков перед началом матча, я чувствовал себя почти так же, как на сцене стадиона «Доджерс» в Лос-Анджелесе. Как и тогда, я понимал, что это и есть главная вершина – выше уже невозможно. Так и случилось. Пару лет спустя Грэм уволился и перешел в «Астон Вилла». Вместо него я нанял Дэйва Бассета, но это не сработало. Не было «химической реакции», Дэйв не чувствовал команду. И я начал задумываться об отставке. Нет, я не разлюбил клуб, и все же, когда мы работали с Грэмом, происходило какое-то волшебство. Без него эту магию невозможно было вернуть.

В конце концов я продал «Уотфорд» Джеку Пэтчи, мультимиллионеру, разбогатевшему на автобизнесе. Семь лет спустя я выкупил солидную долю акций клуба и снова стал президентом, но уже не ради «любви к искусству», а как бизнесмен. При Джеке дела шли ни шатко ни валко, «Уотфорд» скатился во второй дивизион. Почему я вернулся? Наверное, исключительно потому, что Грэм согласился снова стать менеджером клуба. Команда играла хорошо, но все же не так, как раньше; и перед нами не стояла цель подняться на самый верх с самого дна. В конце концов, Грэм снова уволился, и я покинул свой пост. А главой совета директоров перестал быть в 2002 году.

Удивительно, но мы с Грэмом не перестали общаться. Вплоть до его смерти в 2017 году я время от времени звонил ему, и мы разговаривали о команде: как проходят игры, как работает новый менеджер. Чего бы ни достиг Грэм Тейлор в своей карьере, часть

его сердца навсегда осталась с «Уотфордом».

Я горжусь нашими совместными достижениями. Но на самом деле я должен клубу «Уотфорд» гораздо больше, чем клуб – мне. Его президентом я был в самый тяжелый период жизни, в годы наркотической зависимости и душевного неблагополучия, одиночества, неудачных сделок, бесконечных проблем. И «Уотфорд» для меня оставался неизменным источником радости. Нехватку любви компенсировало отношение команды и болельщиков. Я занимался делом, к которому относился со страстью, – и это отвлекало от неправильного, чудовищного образа жизни. По известным причинам, некоторые эпизоды восьмидесятых просто выпали у меня из памяти – я не мог вспомнить, что было вчера, не говоря уже о событиях тридцатилетней давности. Но каждая игра «Уотфорда» запечатлелась в моей памяти до мельчайших деталей. Тот день, когда мы вышибли «Манчестер Юнайтед» из Кубка Английской футбольной лиги в Олд Траффорде, будучи еще в третьем дивизионе: Блиссет забивает два гола, и оба головой; наутро газеты, которые прежде никогда не писали о клубе, называют его «рокетменом Элтона Джона». Или ноябрьский вечер 1982 года, «Милк Кап»[148] и выездная игра с «Ноттингем Форест». Тогда они обошли нас семь – три, но это была величайшая игра в истории британского футбола, и легендарный менеджер «Фореста» Брайан Клаф согласился со мной. А потом повернулся к Грэму и сказал, что никогда президент их клуба не проводил весь матч на боковой линии, как я.

В общем, если бы у меня не было футбольного клуба, бог знает, чем бы все кончилось. «Уотфорд» спас мне жизнь. И я не преувеличиваю.

восемь

Осень 1976 года я проводил в Англии, теоретически отдыхая от гастролей и выступлений, практически же занимаясь переоборудованием дома «Вудсайд». На моем участке земли в Старом Виндзоре дома стояли с начала одиннадцатого столетия. Первый, построенный для личного врача Вильгельма Завоевателя, сгорел дотла; финальный вариант возвели в 1947 году по заказу Майкла Собелла, бизнесмена, сделавшего состояние на выпуске радио- и телеприемников. Как я уже говорил, дом был в псевдогеоргианском стиле, но, занимаясь реновацией, я решил отказаться от элементов декора в духе регентства и палладианства – в пользу того, что интерьерные дизайнеры того времени в шутку называли «Поп-звезда семидесятых бесится под наркотой». Повсюду стояли автоматы для пинбола, музыкальные автоматы, медные пальмы, памятные безделушки. Лампы «Тиффани» соседствовали с ботинками от «Док Мартен» на двенадцатисантиметровой платформе – их я надевал, когда исполнял песню Pinball Wizard в фильме группы The Who «Томми». На стенах Рембрандт делил пространство с золотыми дисками и подарками поклонников. Во дворе мы разбили поле для мини-футбола, а выходя из гостиной, вы сразу оказывались на площадке для дискотек, оборудованной всем необходимым: профессиональным освещением, зеркальными шарами, стойкой диджея и двумя огромными динамиками. Одна из комнат в доме представляла собой уменьшенную копию тронного зала фараона Тутанхамона. К стереосистеме, стоящей у меня в спальне, были подключены вынесенные во двор колонки. Я просыпался, и играли фанфары, возвещая обитателям дома, что я скоро появлюсь. По мне, это было забавно, но некоторых неподготовленных гостей гром фанфар наводил на мысль, что успех ударил мне в голову так, что крыша съехала окончательно.

На придомовой территории стояла старая оранжерея, которую я переделал в отдельное бунгало с собственным садом и поселил туда бабулю. Ее второй муж Хорэс умер, и мне не хотелось, чтобы на восьмом десятке она оставалась одна. В этом домике она прожила до самой смерти в 1995 году. На мой взгляд, это и есть связь поколений: я родился в ее доме, она умерла в моем. Но жила она очень обособленно. Бабушка всегда была независимой дамой, и я не вторгался в ее пространство. Она занималась своими делами, общалась с друзьями. Я часто заглядывал к ней повидаться, но старался отгородить ее от безумия моей собственной жизни. По-моему, она была счастлива

там, по крайней мере с огромным удовольствием копалась в саду. И очень редко выбиралась за границы своей территории – на моей памяти такое случилось, когда ко мне на обед приехала королева-мать. Мы познакомились дома у Брайана Форбса и сразу расположились друг к другу; вскоре я получил приглашение пообедать у нее в Роял Лодж[149]. Там она развлекалась от души – после еды заставила танцевать с ней под ее любимую музыку. Как оказалось, это ирландская застольная песня Slattery's Mounted Fut: думаю, Вэл Дуникан[150] исполнял одну из ее версий.

Пережив такой фантастический опыт – танец с королевой-матерью под музыку подвыпивших ирландцев, – я счел приемлемым пригласить ее на обед. Она упоминала, что дружила с семьей, жившей в «Вудсайде» до войны, вот я и подумал, что ей будет интересно снова посмотреть на дом. Приглашение она приняла. Я решил устроить бабушке сюрприз и не предупредил о визите такой гостьи. Просто позвал ее:

– Бабуля, иди к нам, здесь кое-кто хочет с тобой познакомиться.

К сожалению, бабулю сюрприз не обрадовал. Когда королева-мать отбыла, она набросилась на меня:

– И как же ты мог так со мной поступить? Стоять перед королевой-матерью в резиновых сапогах и чертовых садовых перчатках! Позорище! Не смей выкидывать такие штуки!

Я нанял персонал для работы в доме. Парень по имени Боб Хэлли сначала был моим личным водителем, а его жена Перл вела хозяйство. Чудесная женщина, но, как выяснилось, она вообще не умела готовить. Еще у меня были две уборщицы и персональный помощник Энди Хилл, сын землевладельца и хозяина того самого паба в Нортвуд Хиллз, где подростком я играл на фортепиано. Энди я нанял в основном потому, что увлекся им; когда увлечение прошло, стало ясно, что для этой работы он не подходит. Жизнь постоянно преподавала мне такие уроки. В конце концов, персональным помощником я сделал Боба Хэлли.

Я вызвал маму и поручил ей управлять домашними делами. И быстро понял, что это ошибка. Она превосходно вела бухгалтерию, но держала народ в ежовых рукавицах. Ее характер изменился. Она по-прежнему счастливо жила с Дерфом, но, не знаю уж почему, вернулась в то состояние, в каком находилась до их встречи: со всеми ссорилась, скандалила, устраивала истерики. И все ее раздражало. Я надеялся, мы снова сблизимся, как в Фроум Корт в начале нашего сотрудничества с Берни. Но нет. Радость, которую ей принес мой ранний успех, как будто иссякла на корню. Она ненавидела все, что я делаю, и постоянно

высказывала недовольство – моей одеждой, моими друзьями, музыкой, которую я сочинял. Мы ссорились из-за денег. Я понимал, что она пережила войну, бедность, распределиловку, и философия «не трать лишнего, не желай многого» укоренилась глубоко в ее душе. Но, как вы уже поняли, мое отношение к деньгам было совершенно противоположным. Мне надоело отчитываться перед ней за каждую покупку, ссориться из-за каждого сделанного кому-то подарка. Она ограничивала мою свободу, казалось, от нее никуда не скрыться. Представьте: вы просыпаетесь после ночи любви, и первый человек, на кого натыкаетесь вы и ваше новое увлечение, – ваша мать. Она размахивает у вас перед носом каким-то чеком и кричит: «С какой это стати ты отвалил столько денег за платье для Кики Ди?» Безумие. И уж точно не способствует утренней любовной неге. Что еще хуже, она отвратительно обходилась с персоналом, относилась к ним как к отбросам, будто она дама-домовладелица, а они – ее покорные рабы. Мне каждый раз приходилось улаживать ситуацию после того, как она устраивала кому-нибудь взбучку. В конце концов наше с ней совместное существование стало просто невыносимым. Они с Дерфом переехали на южное побережье, и мы все вздохнули с облегчением.

Однажды воскресным утром я лежал один в постели, изредка поглядывая на экран включенного телевизора. Внезапно мое внимание привлек парень с ярко-оранжевыми волосами – он всячески ругал Рода Стюарта и назвал его в том числе «бесполезным старым козлом». Я сразу навострил уши: кто-то там нападает на Рода, такое нельзя пропустить! Парня звали Джонни Роттен, одет он был в нечто неописуемое и показался мне забавным – нечто среднее между ершистым юношей и стервозным старым трансвеститом с едким юмором и умными злыми шутками. Передача была о развитии панковского движения в Лондоне, а вела ее женщина по имени Джанет Стрит-Портер. Мне понравилась ее дерзкая напористость. Джонни Роттен, как оказалось, ненавидел не только Рода, но вообще все – я не сомневался, что и меня он считает бесполезным старым козлом. Я велел себе не забыть отзвониться Роду чуть позже – только чтобы увериться, что он в курсе дела. «Привет, Филлис, ты сегодня утром смотрела телик? Там выступала новая группа, «Секс Пистолз», и ты не поверишь – один из них назвал тебя бесполезным старым козлом! Именно так и сказал: бесполезный старый козел. Ужас, правда? А ведь тебе всего тридцать два. Представляю, как тебе неприятно».

Меня, впрочем, вообще не волновало, что обо мне думают панки. Как музыкальный стиль, панк мне нравился – его

энергетика, внешние проявления, мировосприятие. И еще меня порадовало, что мой старый друг Марк Болан немедленно объявил, будто это он изобрел панк еще двадцать лет назад – высказывание вполне в духе Марка. Конечно, панковское движение меня нимало не шокировало – в пятидесятые я лично наблюдал скандалы вокруг рок-н-ролла, так что у меня выработалась невосприимчивость к общественному негодованию по поводу музыки. Я не чувствовал себя ущемленным или пережитком прошлого; вряд ли поклонники Элтона Джона стали бы публично сжигать свои альбомы *Captain Fantastic,* а затем чествовать панк-группу The Lurkers. Но даже если б такое и случилось? Все равно мы с панками не конкуренты. Хотя The Clash, Buzzcocks и Siouxsie And The Banshees[151], на мой взгляд, были фантастическими группами. И Джанет Стрит-Портер я счел фантастической дамой. В тот же день после телепередачи меня связали с ней по телефону, я пригласил ее на обед, и с тех пор мы – близкие друзья.

Панковское движение не затрагивало меня лично, но это был знак происходящих вокруг перемен. *Еще один* знак. Многое менялось. Я прекратил сотрудничество с Диком Джеймсом и DJM. Контракт с ними у меня закончился после выхода *Rock of the Westies.* По договору, они имели право выпустить еще один живой альбом – *Here and There,* – который я ненавидел, потому что он был составлен из старых записей, сделанных с 1972 по 1974 год, и выпущен только ради прибыли. На этом наши отношения с DJM прекратились, дальше я работал только с собственным лейблом «Рокет». Джон Рид постоянно нашептывал мне, что Дик годами нас обворовывал. По мнению Джона, контракт, подписанный еще в шестидесятые, составлен явно не в нашу пользу; процент от сборов и продаж, который мы по нему получали, очень низок; и та часть договора, где говорится о наших процентах с прибыли от гастролей за рубежом, составлена непонятно и скользко. После того как DJM, его руководители и их зарубежные партнеры забирали свою долю, нам с Берни оставалось всего пятнадцать фунтов с каждых ста. В шестидесятые годы это была обычная практика, но все понимали, что она грабительская. Все это привело к судебным разборкам в середине восьмидесятых, и мы тогда выиграли дело. Я чувствовал себя отвратительно, потому что очень хорошо относился к Дику; лично о нем я никогда не скажу ни единого дурного слова. Тем не менее я понимал, что индустрия должна пересмотреть коммерческие взаимоотношения с артистами. Вскоре после суда у Дика случился инфаркт, которого он не пережил; его сын Стив обвинил меня в смерти отца. Все это было мерзко и грустно. Никогда не думал, что наши

отношения с Диком закончатся так ужасно.

Мы с Берни решили сделать перерыв в совместной работе. Не было ни ссор, ни громкого разрыва. Просто нам показалось, что так будет лучше. Десять лет мы не разлучались, и оба пришли к выводу, что лучше притормозить на время, чем превратить партнерство в рутину. Не хотелось закончить, как Бакарак и Дэвид[152], которые так долго работали вместе, что в конце концов яро друг друга возненавидели. Без меня Берни записал сольный альбом, где читал свои стихи под фоновое музыкальное сопровождение Калеба Куэя и Дэйви Джонстона. Выпустил альбом Дик Джеймс, после чего созвал на редкость нелепое совещание, на котором со страстью доказывал, что я должен взять Берни на предстоящие американские гастроли в качестве поддержки. «Он будет читать свои стихи! – настаивал Дик. – Публике это понравится!» Непонятно, с чего Дику взбрело такое в голову, разве что он тайком застраховал жизнь Берни и надеялся получить выплату, потому как на сцене нашего поэта непременно бы убили. Американская рок-аудитория начала семидесятых повидала многое, но сорок пять минут подряд слушать стихи, даже прекрасные, о детстве, проведенном в Линкольншире? Боюсь, этого они бы не выдержали. Я напомнил Дику, что Берни к тому же ненавидит сцену – он едва заставлял себя выходить на поклон после концертов. Что уж тут говорить об экспериментальном выступлении с чтением стихов? В общем, идея Дика умерла бесславной смертью.

Постепенно Берни освоился и начал сотрудничать с другими музыкантами. Написал тексты для альбома Элиса Купера[153] – это была большая концептуальная работа о борьбе Элиса с алкоголизмом и о недавнем пребывании в реабилитационном центре. В записи альбома участвовал наш бывший басист Ди Мюррей, а на соло-гитаре играл Дейви Джонстон. Альбом получился прекрасный и сильно меня впечатлил. На обложке имена Элиса и Берни стояли рядом, и у меня возникло странное чувство: почему Элис, почему не я? Но тут же я понял, что ничего странного тут нет – обыкновенная ревность.

Я заставил себя не думать об этом. В конце концов, со мной уже работал новый текстовик Гари Осборн, тот, что написал английский вариант Amoureuse, французской песни, которая в исполнении Кики Ди стала хитом. Наше сотрудничество с Гари строилось иначе: он просил, чтобы сначала я сочинял музыку, а уже потом он – стихи. Вместе мы написали несколько отличных песен: Blue Eyes, Little Jeannie, балладу Chloe. И стали близкими друзьями. Настолько близкими, что именно Гари и его жене Дженни, рыдая, я позвонил в Рождество – мой тогдашний

бойфренд по непонятной причине не прилетел из Лос-Анджелеса, как планировалось заранее. Мне всегда не везло с партнерами, но этот случай вообще выходил за рамки: парень внезапно осознал, что он не гей, и сбежал со стюардессой «Старшипа». При этом мне он ничего не объяснил – просто бесследно исчез. Его самолет приземлился в Хитроу, он сам не прилетел, и больше никаких вестей я не получал никогда. Возможно, такое следовало предвидеть, но, если честно, в постели со мной он вел себя совсем не как гетеросексуал. В жутком состоянии я сидел дома в окружении так и не распечатанных подарков и в компании даже не разделанной индейки – в ожидании романтического Рождества я отпустил персонал «Вудсайда» в недельный отпуск. Гари и Дженни, чудесные люди, изменили планы и приехали ко мне из Лондона.

У работы без Берни были и другие преимущества. Я начал экспериментировать с музыкой, на что раньше не решался. Полетел в Сиэтл и записал несколько миньонов с продюсером Томом Беллом – тем самым, который выпускал композиции в стиле соул, вдохновившие меня на написание Philadelphia Freedom. Он посоветовал мне петь чуть более низким голосом и сделал новые аранжировки, добавив роскошное звучание струнных инструментов. Двадцать семь лет спустя одна из композиций, записанных с ним тогда, Are You Ready For Love, заняла первое место в британских чартах – очевидное доказательство того, как сильно Том Белл опережал время.

Потом я записал несколько прекрасных песен на слова представителя новой волны Тома Робинсона[154]. Название одной из них, Sartorial Eloquence[155], мой американский лейбл счел непонятным для слушателей и настаивал на переименовании песни в Don’t Ya Wanna Play This Game No More, что, конечно, резко снижало художественный уровень текста. С Томом мы написали еще одну композицию – Elton’s Song, – которая в корне отличалась от всего, что мы делали с Берни: это была печальная история о мальчике-гее, безнадежно влюбленном в школьного друга.

Я сочинял песни и с поэтом Тимом Райсом, который в семидесятые бил рекорды по получению наград за мюзиклы *Jesus Christ Superstar* и *Evita*, созданные в партнерстве с композитором Эндрю Ллойд Вебером. Только одну композицию из написанных тогда мы выпустили – Legal Boys, она вошла в мой альбом 1982 года *Jump Up!* Но десятилетия спустя стало ясно, что сотрудничество с Тимом – одна из важнейших вех моей карьеры.

И чисто случайно однажды я сочинил песню целиком сам, и музыку, и слова. Дело было в воскресенье, я в унынии сидел дома

и начал наигрывать мелодию в духе своего настроения, все время напевая одну строку – «life isn't everything»[156]. На следующее утро я узнал, что молодой человек по имени Гай Берчетт из моей компании «Рокет» разбился насмерть на мотоцикле примерно в то самое время, когда я сочинял песню. И я назвал ее Song For Guy[157]. Она не похожа на все, что я делал прежде, и американский лейбл отказался выпускать ее синглом, из-за чего я пришел в дикую ярость. Но в Европе песня стала колоссальным хитом. Помню, спустя годы, во время нашей первой встречи, Джанни Версаче признался, что из всех моих песен эта – его самая любимая. Он все время повторял: «Она невероятно, невероятно смелая». Я еще подумал, что он малость преувеличивает; конечно, она не похожа на другие мои песни, но смелая? Это уж слишком. Но очень скоро мне стало ясно, в чем тут дело. Джанни просто плохо расслышал название и пребывал в уверенности, что песня называется Song For A Gay[158].

Некоторым из моих экспериментов было суждено навсегда остаться на полке. В начале 1978 года абсолютно новым полем деятельности были съемки видеоклипов, и я, конечно, решил стать одним из первопроходцев. Я собирался создать фантастический, очень дорогой, роскошный, самый лучший клип всех времен и народов на песню – ну а как иначе? – Ego. Мы потратили неимоверное количество денег, наняли режиссера Майкла Линдсей-Хогга[159]. Клип снимали как настоящее кино. Участвовали десятки актеров, строились декорации, в кадре присутствовали горящие факелы, сцены убийств, ретроспективы, выполненные в сепии. Я так увлекся, что даже согласился на мгновение снять шляпу. Для показа мы арендовали кинотеатр в Вест-Энде. И не подумали, что люди придут на премьеру фильма и с изумлением обнаружат, что он длится всего три с половиной минуты. Когда клип закончился, раздались редкие хлопки. В воздухе повис вопрос: и это все? Как будто мы пригласили народ на торжественный прием, а в качестве угощения подали шоколадки «Твикс». Я велел прокрутить клип еще два раза, после чего вопрос, висящий в воздухе, превратился в мольбу: «Пожалуйста, больше не надо». Продвигать наше произведение было некуда – MTV даже не маячил на горизонте, и телешоу пока не начали отводить эфирное время для видеоклипов – так что наш мини-фильм канул в Лету. Но зато вся эта история дала Джону Риду возможность заняться любимым делом: наброситься на сотрудников, обвинить их в непрофессионализме, в ярости уволить, а потом (причем очень скоро) взять на работу обратно. С тех пор я ненавижу сниматься в клипах.

Далее последовал альбом в стиле диско. На его создание

меня отчасти вдохновил клуб «Студио 54», где я проводил уйму времени всякий раз, как прилетал в Нью-Йорк. Мне безумно там нравилось – он разительно отличался от всех клубов, где мне доводилось бывать. Владельцу Стиву Рубеллу удалось создать волшебное пространство, населенное очаровательными официантами в микрошортах и другими фантастическими персонажами. Я говорю сейчас не о знаменитостях, хотя они ходили туда толпами. Я имею в виду Диско Салли – ей тогда было за семьдесят, но вела она себя как молодуха, у которой вся жизнь впереди. Или Роллерину, парня, одетого как мисс Хэвишем из фильма «Большие надежды»[160] и раскатывающего по залу на роликах. Больше всего изумляло, как же Рубеллу удалось создать такой удивительный клуб – он пребывал в состоянии перманентного кайфа от метаквалона[161]. Оказавшись в «Студио 54», вы словно попадали в сказочную страну, где случиться могут самые невероятные вещи. Они, кстати, случались. Однажды «Рокет» устраивал там вечеринку, и я заметил, что Лу Рид и его любовник-трансгендер увлеченно разговаривают не с кем-нибудь, а с самим Клиффом Ричардом. С одной стороны, приятно было наблюдать мирную беседу людей, придерживающихся, мягко выражаясь, несхожих мировоззрений. С другой, я голову сломал, пытаясь догадаться, о чем же они могут друг с другом говорить.

Внизу, в подвале, был небольшой зал, куда знаменитости спускались, чтобы нюхнуть кокаина прямо с пинбол-автомата. Каждый поход туда становился приключением. Как-то на меня налетела явно одурманенная Лайза Миннелли и начала уговаривать взять ее в жены. И все же главное, что привлекало меня в «Студио 54» – то, о чем мало кто вспоминает, а именно музыка. Ну, если честно, музыка и официанты, хотя склеить официанта не удавалось никак. Я честно пытался, заводил с ними беседы, но они никогда не заканчивали работу раньше семи утра. Конечно, я бы с удовольствием подождал бы и до семи, но обычно к этому времени начинали вовсю сказываться ночные излишества. Сложно настроиться на изящный флирт, когда глаза у тебя не разъезжаются и найти выход ты можешь лишь с третьей попытки.

Так что оставим официантов и вернемся к музыке. Стиль диско я полюбил сразу, как только впервые услышал его в лос-анджелесских гей-клубах. Именно поэтому в «Вудсайде» я построил дискотечную площадку. Когда гости приходили повеселиться, я брал на себя роль диджея и старался впечатлить их своей коллекцией тридцатисантиметровых синглов. Должен признать, у диджеев «Студио 54» коллекция была лучше, как, впрочем, и оборудование – по сравнению с ним мои динамики, специально привезенные из Лондона со студии «Тридент»,

звучали как транзисторный приемник с севшими батарейками. Но танцевали все, даже Род Стюарт, а это настоящий подвиг с его стороны – почему-то Род всегда вел себя так, будто танцы противоречат его религиозным убеждениям. Чтобы выйти на танцпол, ему требовался стимул, который, впрочем, всегда был под рукой – я носил с собой бутылочки с амилнитритом[162]. Попперсы пользовались большой популярностью в гей-клубах семидесятых годов: открываешь бутылек, нюхаешь – и получаешь дозу быстрой легальной эйфории. Препарат, который я пользовал, назывался (прошу прощения) «Оргазм», и Рода он полностью преображал. Помню, я предложил ему попробовать зелье первый раз – и о чудо! – после пяти часов бесполезных уговоров встать и подвигаться я обнаруживаю его на танцполе, причем плясать он, похоже, собрался до утра. Прервался лишь на минуту, да и то чтобы попросить добавки: «Эй, Шэрон, у тебя там не завалялось еще оргазма?»

Одним из самых известных продюсеров в диско-музыке был Пит Белотт, которого я знал еще с шестидесятых: «Блюзология» как-то играла с его группой The Sinners в клубе «Топ Тен» в Гамбурге. Приятно было встретиться с ним снова. Альбом, который мы записали вместе, мог бы выстрелить – если бы я не решил сочинить все песни сам вместо того, чтобы спеть материал, подготовленный штатными авторами Пита. Такая идея возникла у меня потому, что я задолжал американскому лейблу «Уни» еще два альбома. Я по-прежнему злился на них из-за сингла Song For Guy и хотел максимально быстро закрыть контракт, причем с минимальными усилиями. Не все в диско-альбоме *Victim of Love* было так уж ужасно – если бы, например, в «Студио 54» включили первый трек, я бы под него точно потанцевал. Но есть одно железное правило: нельзя записывать альбом с корыстной целью, какой бы она ни была. Это обязательно вылезет наружу и проникнет в музыку. Кроме того, альбом вышел в конце 1979 года, как раз когда в Штатах поднялась волна нападок на диско, и особенно на рок-музыкантов, пробовавших силы в этом жанре. *Victim of Love* с треском провалился по обе стороны Атлантики. И снова компанию «Рокет» трясло от воплей Джона Рида, и снова он в ярости поувольнял всех сотрудников, чтобы потом тихо-мирно принять всех назад.

В Мэдисон-сквер-гарден я объявил о том, что больше не собираюсь выступать вживую, но на самом деле сомневался, что смогу выполнить это обещание. По крайней мере, полностью. Если честно, я не знал, считать ли это самым умным ходом в моей карьере или же, наоборот, самым глупым. Мое мнение постоянно менялось в зависимости от настроения и с вполне

предсказуемыми последствиями в виде всевозможных безумств. Сегодня я чувствовал себя совершенно счастливым и разглагольствовал перед всеми, кто еще мог меня слушать, мол, как же хорошо не таскаться по гастролям, наслаждаться свободным временем и спокойно работать президентом футбольного клуба «Уотфорд». А назавтра в ажитации звонил в «Стифф Рекордз», небольшой независимый звукозаписывающий лейбл, с которым сотрудничали Йэн Дьюри[163] и Элвис Костелло[164], и предлагал себя в качестве клавишника для их предстоящего гастрольного тура. И они соглашались. Мое внезапное желание вновь предстать перед зрителями подогревала страсть, вспыхнувшая к одному из их артистов – парню по прозвищу Безумный Эрик. К сожалению, он оказался недостаточно безумным для того, чтобы ответить мне взаимностью.

Затем я собрал новую бэк-группу, взяв за основу команду China, которую сформировал Дэйви Джонстон после того, как я объявил об окончании гастрольной деятельности. Три недели мы усиленно репетировали перед благотворительным концертом в Уэмбли. Я принял в нем участие потому, что его устраивал фонд Goaldiggers, с которым я сотрудничал. Во время репетиций я постоянно заговаривал о том, чтобы вернуться к прежней гастрольной жизни. Но в ночь накануне концерта решил, что это страшная ошибка, и объявил зрителям, что на сцену больше никогда не выйду, никого заранее об этой эскападе не предупредив. Джон Рид, как обычно, пришел в бешенство. Предельно откровенную дискуссию, состоявшуюся между нами за сценой после концерта, зачарованно слушал не только целый стадион «Уэмбли», но и почти весь северный Лондон.

Наконец мне пришла в голову идея, что если уж я собираюсь снова выступать живьем, то это должно быть что-то совсем другое, непривычное. И я решил поехать в гастрольное турне с Рэем Купером, которого знал еще с тех пор, как не был знаменит. Он играл в группе Blue Mink, косвенно связанной с DJM, – их вокалист Роджер Кук сотрудничал как поэт-песенник с издательской компанией Дика Джеймса, так что все участники группы так или иначе помогали мне записывать мои самые первые альбомы. Время от времени Рэй играл на ударных в моей группе, но теперь нам предстояло выступать только вдвоем, и не на стадионах, а в концертных залах. Мы уже несколько раз проводили похожие шоу – сыграли пару благотворительных шоу в зале «Рэйнбоу» в Лондоне. На одном из них присутствовала кузина королевы принцесса Александра. Она терпеливо высидела всю программу, потом зашла в гримерку поговорить и, мило

улыбнувшись, сразу перешла к делу: «Откуда у вас столько энергии? Наверное, употребляете много кокаина?»

Это был один из тех моментов, когда кажется, что время остановилось и разум мучительно силится осмыслить происходящее. Может, она настолько наивна, что не понимает, о чем говорит? Или, хуже, – прекрасно все понимает? Господи, она что – *знает*? Неужели слухи о моих непомерных кокаиновых аппетитах дошли уже до Букингемского дворца? И королевская семья обсуждает эту тему за ужином? «Говорят, ты обедала у Элтона Джона и познакомилась с его бабушкой, мама? А ты знаешь, что он страстный поклонник белого порошка?»

Я взял себя в руки и трясущимся голосом пробормотал: «Нет».

Несмотря на инцидент с особой королевских кровей, концерты в «Рэйнбоу» прошли замечательно. Волнующе в лучшем смысле этого слова. Когда на сцене только ты и ударник, невозможно даже на мгновение расслабиться и переложить ответственность на группу. Нельзя ни на секунду терять концентрацию, играть нужно абсолютно четко и точно. Такой подход очень помог нам во время гастрольного тура. Отзывы о концертах были великолепные, и каждый вечер я ощущал неповторимое сочетание страха и волнения, которое, по большому счету, артист должен испытывать всегда перед выходом на сцену. Это давало мне свободу, бросало вызов и наполняло эмоциями, потому что в корне отличалось от всего, что я делал прежде, – и песни другие, и стиль исполнения, и даже места, где мы выступали. Мне очень хотелось увидеть страны, в которых я раньше не бывал, и то, что меня там мало знают, нисколько не смущало. Испания, Швейцария, Ирландия, Израиль…

И наконец я оказался в самолете, летящем из аэропорта Хитроу в Москву, лежа на спине с задранными вверх ногами. Мы летели «Аэрофлотом», и в момент взлета стало ясно, что государственные авиалинии СССР не додумались прикрутить сиденья к полу болтами. Кислородной маски я тоже не обнаружил. Но что точно присутствовало – так это отчетливый и резкий запах антисептика, напомнивший мне карболовое мыло, которым меня терли в детстве. Из чего складывался этот запах, не знаю, но так пахла вся Россия в 1979 году – по крайней мере, каждая ее гостиница.

Идею гастрольной поездки в СССР я высказал промоутеру Харви Голдсмиту почти в шутку. Не верил, что такое в принципе возможно. Западная рок-музыка во времена коммунизма была в большей или меньшей степени под запретом, кассеты с записями считались контрабандой. А гомосексуализм вообще

преследовался законом. Так что шансы, что эта страна разрешит выступать рок-музыканту, не скрывающему свою сексуальную ориентацию, практически равнялись нулю. Но Москва готовилась принять Олимпиаду 1980 года, и советским властям нужно было как-то заслужить позитивное отношение Запада. Они не хотели, чтобы Советский Союз воспринимался остальным миром как мрачное, закрытое от всех пространство, где развлечения были под запретом. Харви сделал запрос через Министерство иностранных дел, и русские прислали чиновника, отвечающего за вопросы культуры, чтобы тот посмотрел наше с Рэем выступление в Оксфорде. Убедившись, что мы не «Секс Пистолз» и не представляем угрозы для морального облика коммунистической молодежи, советские функционеры дали нашему турне зеленый свет. Я взял с собой маму и Дерфа, несколько британских и американских журналистов и документальную съемочную группу под руководством писателей и сценаристов Дика Клемента и Йена Ла Френе. Все было очень волнующе – настоящее приключение, путешествие в неизвестность. Главное только не умереть от удушья без масок, если салон самолета вдруг разгерметизируется.

В московском аэропорту нас встретила группа официальных лиц, две девушки, представившиеся переводчицами, и бывший военный по имени Саша. Мне объяснили, что это мой телохранитель, но все в нашей группе тотчас решили, что он приставленный к нам агент КГБ. Я лично не возражал, чтобы за мной шпионил такой красавчик, вот только, увы, Саша постоянно рассказывал мне про свою жену и детей. Нас усадили в спальный вагон поезда, следующего в Ленинград. Было жарко – я оделся специально для сибирских сугробов и суровой зимы, а в Москве стояла удушливая жара – и не слишком комфортно, но не по вине русских, а потому что я отчетливо слышал, как за тонкой стенкой купе Джон Рид прикладывает все усилия для того, чтобы соблазнить репортера «Дейли Мейл».

Отель в Ленинграде выглядел не слишком впечатляюще. Еда неописуемая: пятьдесят семь видов супа из свеклы и столько же блюд из картофеля. Если так кормят в лучших отелях, то что же люди едят дома? Каждый этаж охраняли пожилые дамы с каменными лицами, типичные русские бабушки, бдительно следящие, чтобы народ с Запада не совершил какой-нибудь аморалки. Но все оказалось относительно. В первое же утро мои попутчики явились на завтрак в восхищенном ошеломлении. Как оказалось, перед парнем с Запада, да еще хоть как-то связанным с рок-н-роллом – даже если он просто несет микрофон, – местные горничные не могли устоять. Они прокрадывались в ваш номер,

включали в ванной воду, чтобы обмануть слух бдительных бабушек, а затем сбрасывали одежду и кидались вам на шею. В баре отеля шумела бесконечная вечеринка; было не протолкнуться из-за финнов, которые приезжали в Ленинград специально, чтобы накачаться дешевой русской водкой. Убийственный, кстати, напиток. Неожиданно кто-то из нашей команды повернулся ко мне и протянул косячок с марихуаной. Здесь, в одном из крупнейших городов тиранической коммунистической России, наши путешественники сумели раздобыть траву. Ну просто во всем им повезло! Везение оказалось заразным: вскоре появился Саша и предложил нам пойти в мой номер. Я озадаченно начал бормотать что-то о его жене и детях. Нет, ответил он, все в порядке: «В армии все наши парни занимаются сексом друг с другом, ведь жен туда не пускают». Так что вечер я закончил пьяным, обкуренным и в постели с бывшим солдатом. Не знаю, чего я ждал от первых дней в России, но точно не этого.

Даже если б я не спал с русским, я бы все равно влюбился в эту страну. Ее люди невероятно добрые и щедрые. Странно, но они немного напомнили мне американцев своей теплотой и гостеприимством. Нам показали Эрмитаж и Летний дворец; бревенчатую хижину Петра Первого и Кремль. Мы посмотрели коллекцию полотен импрессионистов, увидели яйца Фаберже, настолько необычные, что каждый раз за завтраком будешь их вспоминать. Где бы мы ни были, люди дарили нам подарки – плитки шоколада, мягкие игрушки, вещи, на покупку которых им наверняка пришлось долго копить деньги. Они всовывали подарки нам в руки, бросали в окна отходящего поезда. Моя мама расплакалась: «У этих людей нет ничего, совсем ничего… они отдают вам последнее».

Мы выступали в Ленинграде и Москве, и в итоге все сложилось замечательно. Я говорю «в итоге», потому что начинались концерты не слишком весело. На первых рядах восседали крупные деятели коммунистической партии, чья реакция ограничивалась лишь вежливыми аплодисментами. Люди, которые действительно хотели меня увидеть, теснились где-то сзади. Но они еще не знали, каков Рэй Купер! Рэй – потрясающий музыкант, который умеет извлекать удивительные звуки из самых обычных инструментов. Прирожденный фронтмен, заключенный в тело ударника, – все равно как если бы Джими Хендрикс начал бить в бубен. И в России Рэй играл так, что все его самые яркие выступления показались мне только разминкой. Он заставлял зрителей хлопать в ладоши в такт, подбегал к краю сцены и звал народ с задних рядов подойти

поближе. Они слушались. Подбегали к сцене, бросали цветы, в паузах между композициями просили автографы. Мне посоветовали не петь Back In The USSR, но я, конечно же, спел. Если КГБ и следил за мной, то, наверное, не слишком внимательно, иначе бы они знали: запрет – это лучший способ заставить меня что-то сделать.

После московского концерта тысячи людей собрались возле здания, скандируя мое имя, – гораздо больше народу, чем было в зале. Из окна костюмерной я бросил толпе все подаренные мне букеты. Мама выглянула на улицу. «Лучше бы ты бросил им помидоры, – заметила она, все еще под впечатлением от свекольного супа и картошки. – Наверняка они в жизни не видели ни одного чертового помидора».

Если рассматривать мой визит в Советский Союз как пиар-акцию русских, то это оказалось пустой тратой времени. Спустя полгода СССР вторгся в Афганистан. Возможно, мое исполнение Bennie And The Jets чуть-чуть и настроило Запад на позитив, но Афганистан все это перечеркнул. Тем не менее для меня наша поездка стала началом вечной любви к России и русскому народу. Я приезжал туда даже в те годы, когда меня активно от этого отговаривали. Некоторые считают, что при Владимире Путине отношение к геям стало более жестким. Но какой прок лично мне бойкотировать эту страну? В России меня ценят и любят, я всегда там желанный гость, хотя все знают, что я гей. Я не боюсь говорить об этом откровенно и здесь, и там. Я делаю откровенные заявления, встречаюсь с секс-меньшинствами и людьми из Министерства здравоохранения, рассказываю народу о той работе, которую ведет Фонд по борьбе со СПИДом Элтона Джона. Сашу я больше никогда не встречал, но позже мне рассказали, что он стал одной из первых жертв СПИДа в России. Сегодня эта страна занимает первое место в мире по скорости распространения СПИДа и ВИЧ. Такую ситуацию не изменить, не сев за стол переговоров. И эти переговоры должны где-то проводиться. Поэтому я часто приезжаю в Россию и каждый раз со сцены говорю о гомофобии и о правах секс-меньшинств. Возможно, несколько человек выходят из зала, но большинство остается. И я буду возвращаться туда снова и снова и поднимать важные темы. Это мой долг перед жителями России. И перед самим собой.

Если выступления с Рэем Купером чему-то меня научили, так это тому, что я жить не могу без сцены. Мое существование по-прежнему представляло собой вечный хаос, калейдоскоп случайных бойфрендов и наркотических пиршеств. Однажды из

«Вудсайда» меня отвезли в больницу предположительно с сердечным приступом, но на самом деле я просто решил сразиться в теннис с Билли Джин Кинг сразу после очередной гигантской дозы кокаина. Альбомы продавались неплохо, за исключением *Victim of Love* – вышедший вслед за ним *21 at 33* стал золотым в Америке в 1980 году. И все же по сравнению с прежними временами продажи упали, несмотря на то что я снова начал работать с Берни – не на постоянной основе, а время от времени. Иногда его тексты получались слишком откровенными. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, о чем говорится в песне White Lady White Powder, – это точный портрет законченного кокаинового наркомана.

И мне хватило духу спеть ее так, будто она написана о ком-то другом, не обо мне.

На сцене все жизненные проблемы словно растворялись в воздухе. После выхода альбома *21 at 33* я начал готовиться к мировому гастрольному турне. Преобразовал изначальную группу Элтона Джона: к нашему с Найджелом и Ди трио добавил пару знаменитых студийных гитаристов, Ричи Зито и Тима Ренвика. Джеймса Ньютона Хоуарда поставил на клавишные. На концертах с Рэем я одевался неприметно, предоставляя ему создавать эффектный театральный образ, теперь же снова взялся за свое. Связался со своим прежним костюмером Бобом Маки и дизайнером Брюсом Гальпериным и попросил их включить воображение на полную. Пайетки и платформы, естественно, канули в прошлое, ведь мода изменчива; но Брюс придумал нечто фантастическое – костюм, похожий на военную форму, усеянный красными и желтыми стрелами, с лацканами в виде клавиатуры. И ко всему – шляпа с заостренным верхом.

Нам предстояло выступать перед огромнейшими аудиториями. В сентябре 1980 года мы играли для полумиллиона зрителей в нью-йоркском Центральном парке – это был самый масштабный концерт в моей карьере. Для выхода на бис Боб подготовил мне костюм Дональда Дака. Теоретически, отличная идея, но на практике – сущее мучение. Для начала, я никак не мог его надеть: руку просунул в прорезь для ноги, а ногу – в рукав, и при этом едва не визжал от смеха. Меня подгоняли: «Полмиллиона зрителей – и сейчас они решат, что выхода на бис не будет! Возьмут и разойдутся по домам!» Наконец я добрался до сцены, и там до меня дошло, что, по всей видимости, перед концертом надо провести репетицию в костюме. Тогда бы я загодя обнаружил две небольшие проблемки. Во-первых, в утином наряде я не мог нормально ходить – утка есть утка, она переваливается. Во-вторых, нормально сесть за рояль я тоже не

мог. Задница у Дональда оказалась огромная, как подушка, так что мне приходилось осторожно и медленно опускаться на табурет. Я пытался сыграть Your Song, но никак не мог унять смех. Каждый раз, как я ловил на себе взгляд Ди – усталый и понимающий взгляд человека, который вернулся спустя пять лет и попал во все тот же эпицентр безумия, – у меня начинался очередной приступ хохота. Нежная баллада Берни о расцветающей юной любви снова пострадала, но на этот раз из-за моей любви к экзотической сценической одежде.

Тем не менее шоу прошло превосходно. Стояла чудесная нью-йоркская осень, зрители забирались на деревья, чтобы лучше видеть сцену. Я сыграл Imagine, посвятив ее Джону Леннону. Мы не виделись несколько лет, после рождения Шона он совсем ушел на дно, окопался в своей «Дакоте» и, наверное, не хотел, чтоб ему напоминали о загульных ночах 1974 и 1975 годов. После концерта на корабле «Пекин», переоборудованном в плавучий музей на Ист-Ривер, проходила большая вечеринка – и Джон с Йоко явились как будто из ниоткуда. Он, как и раньше, много шутил, делал комплименты моему новому альбому. Но я страшно вымотался в тот вечер и собирался уйти пораньше. Мы договорились встретиться, когда я в следующий раз буду в Нью-Йорке.

Турне тем временем продолжалось. Мы проехали всю Америку, потом полетели в Австралию. Самолет уже приземлился в Мельбурне, как вдруг в динамиках зазвучал голос стюардессы: она просила команду Элтона Джона задержаться на борту. Странно, но в этот момент сердце у меня замерло; я точно знал – кто-то умер. Первая мысль была о бабуле. Каждый раз, уезжая и заглядывая в ее домик попрощаться, я не знал, увижу ли ее еще живой. Джон Рид пошел в кабину пилотов узнать, что происходит, и вернулся весь в слезах – изумленный, недоумевающий.

Джона Леннона убили.

Я не мог поверить. Дело было даже не в самой его смерти, а в жестокости и бессмысленности этого убийства. Много моих друзей умерли молодыми: первым, в 1977 году, ушел Марк Болан, следом, в 1978-м, Кит Мун. Но они умерли совсем иначе. Марк погиб в автокатастрофе, Кита сгубил его невозможный образ жизни. В них не стрелял возле их же собственного дома без всякой причины какой-то незнакомец. Немыслимо. И необъяснимо.

Я не знал, что делать. Да и что тут поделаешь? Вместо цветов я послал Йоко огромный шоколадный торт. Она всегда любила шоколад. Похороны она не устраивала, а в день поминовения, назначенный на воскресенье, мы все еще находились в

Мельбурне.

Мы сняли целиком городской кафедральный собор и провели собственную поминальную службу – ровно в то же время в воскресенье, когда люди в Нью-Йорке потянулись в Центральный парк. Мы спели двадцать третий псалом: «Господь – мой пастырь», и все плакали – музыканты, журналисты, гастрольная бригада. Все. Позже мы с Берни посвятили Джону песню и назвали ее Empty Garden[165]. Замечательные там стихи. Ни слез, ни сантиментов – Берни хорошо знал Джона и понимал, что все это он ненавидел, поэтому в песне звучит только горечь, только гнев и непонимание. Это одна из моих самых любимых песен, но я почти никогда не играю ее вживую. Слишком уж сложно ее исполнять, слишком больно. Через несколько десятков лет после гибели Джона мы поставили ее в программу одного из концертов в Лас-Вегасе и на больших экранах пустили видеоряд из его прекрасных фотографий, переданных нам Йоко. До сих пор, исполняя эту песню, я не могу сдержать слезы. Я любил Джона, а когда любишь человека так сильно, с годами боль от его ухода никуда не исчезает.

Года через два после того, как погиб Джон, мне позвонила Йоко. Она попросила срочно прилететь в Нью-Йорк и встретиться с ней. Я тут же вылетел. Что случилось, я не знал, но в ее голосе звучало отчаяние. В квартире в Дакота-билдинг она рассказала, что нашла множество пленок с неоконченными песнями Джона – оказывается, он работал над ними незадолго до смерти. Йоко попросила меня закончить их, чтобы потом выпустить. Предложение мне очень польстило, но я решительно отказался. Объяснил ей, что слишком рано, время пока не подходящее. Но на самом деле я был уверен, что подходящее время никогда не наступит. Одна лишь мысль о том, чтобы дописывать песни Джона Леннона, сводила меня с ума. Не настолько же я самонадеян. Да еще и петь их, чтобы в записи звучал мой голос? Это, на мой взгляд, просто кощунство.

Йоко настаивала на своем, но я не поддался.

Встреча получилась не слишком приятная. Я чувствовал себя ужасно. Йоко хотела преумножить наследие Джона, я же отказался ей помочь. Я сознавал свою правоту, но легче от этого не становилось[166]. Чтобы как-то отвлечься, я пошел в кино на фильм Монти Питона «Смысл жизни». И через некоторое время уже громко хохотал над мистером Креозотом, мерзким типом, который так много ел, что в конце концов взорвался. Я подумал, что Джона это бы тоже рассмешило. Совсем в духе его чувства юмора: острого, язвительного, с оттенком сюрреализма. Я словно слышал его смех – такой заразительный, что я всегда начинал

хохотать следом. Именно таким я хотел запомнить Джона. Таким я его и помню.

девять

Меня разбудил громкий стук в дверь гостиничного номера. Я понятия не имел, кто там, потому что в тот момент не имел понятия вообще ни о чем. Похмелье было какое-то странное: невозможно чувствовать себя настолько больным просто потому, что вчера изрядно перебрал. Наверное, это что-то серьезное. Болела не только голова, но и все тело, а особенно руки. С каких это пор при похмелье болят руки? И почему долбежка в дверь не прекращается, хотя я уже несколько раз прокричал, чтобы меня оставили в покое?

Но стук продолжался, и голос звал меня по имени. Голос Боба Хэлли. Я еле встал с кровати. Боже, похмелье просто *нечеловеческое.* Мне было хуже, чем после новогодних празднеств у Ринго Старра в 1974 году, которые, помнится, начались в восемь вечера и закончились в полчетвертого следующего дня. И даже хуже, чем пару лет назад в Париже, – тогда я арендовал апартаменты с видом на Сену якобы для того, чтобы что-то записывать, но потом заказал партию кокаина фармацевтического качества, окопался в квартире и вообще отказался идти на студию. Однажды утром явился Джон Рид с намерением все-таки притащить меня туда, но обнаружил, что я даже не ложился спать и нагрузился так, что теперь сижу и вдохновенно галлюцинирую: мне казалось, со мной танцует кухонная мебель. Кажется, во время той же поездки в Париж я решил побриться и, в полном безумии, то есть в измененном состоянии сознания, вошел в такой раж, что сбрил не только щетину, но и одну бровь. Не помню, тогда же это было или в другой раз, – все эти события для меня слились в один липкий комок. Я открыл дверь. Боб смотрел на меня выжидающе, словно предполагая, что я сейчас что-то скажу. Но я молчал, и заговорил он:

– Думаю, ты должен пойти со мной и кое-что увидеть.

Я поплелся за ним в его номер. Он распахнул дверь, явив моему взору сцену погрома. Ни один предмет мебели не стоял нормально, кроме разве что кровати. Все остальное или лежало на боку, или было перевернуто вверх ногами, или просто разбито на куски. На полу среди осколков валялась помятая любимая ковбойская шляпа Боба. Я впал в ступор – примерно как Йосемити Сэм после того, как Багз Банни[167] уронил ему на голову наковальню.

– Черт подери, – пробормотал я. – Что здесь случилось?

Последовала долгая пауза. Наконец Боб заговорил.

– Элтон, – сказал он. – *Случился ты.*

Что значит – случился я? О чем он, вообще? Как это все связано со мной? Последнее, что я помню: как прекрасно проводил время в хорошей компании. Зачем же мне было устраивать погром?

– Но я был в баре, – с негодованием возразил я. – С группой «Дюран Дюран»!

Боб снова посмотрел на меня выжидающе, как будто силясь понять, всерьез это я или нет. Потом он тяжело вздохнул:

– Да, ты был в баре. Сначала.

А ведь все шло так хорошо. Стоял июнь 1983 года, и мы в Каннах снимали клип на песню I'm Still Standing – ее я планировал выпустить первым синглом из готовящегося к выходу альбома *Too Low for Zero*. После провала Ego я почти не снимался на видео, но на этот раз решил рискнуть, отчасти из-за режиссера Рассела Мулкани: мы с ним сотрудничали прежде, и мне он очень нравился. В начале восьмидесятых Рассел считался лучшим – только он умел делать по-настоящему дорогие и экзотические, абсолютно «глянцевые» клипы. Он летал с группой «Дюран Дюран» на Антигуа, там они сняли на яхте клип на песню «Рио». Кроме того, я хотел, чтобы и I'm Still Standing и *Too Low for Zero* имели коммерческий успех. Мы с Берни снова писали вместе уже на постоянной основе. Нам удалось создать несколько неплохих совместных композиций во время нашей творческой разлуки, но теперь мы решили написать целый альбом вместе, чтобы вдохнуть жизнь в новый этап сотрудничества. Я был очень доволен выступлениями с Ди и Найджелом, так что мы собрали в студии прежний проверенный состав группы; Дейви поручили гитару, Рэю Куперу – ударные. На арфе, как и на записи альбомов *Elton John* и *Tumbleweed Connection*, играла Скайла Канга, моя подруга из Королевской музыкальной академии.

Мы полетели на Монтсеррат[168], записываться на студии Джорджа Мартина. Продюсер Крис Томас собрал там отличную команду инженеров и звукооператоров: Билл Прайс, Пегги Маккрири, которая прилетела сразу после работы с Принцем, и девушка из Германии Рената Блауэл. Некоторые композиции предыдущего альбома *Jump Up!* я тоже записывал здесь, но сейчас все было по-другому. Приехал Берни, и впервые после выхода *Captain Fantastic* в 1975 году прежняя группа Элтона Джона окончательно воссоединилась. Снова заработал старый, хорошо смазанный механизм, но наш новый альбом получался совсем не похожим на то, что мы делали в семидесятые, – он звучал по-настоящему ново и свежо. Я играл на фортепиано, но много экспериментировал и с синтезатором; в итоге песни словно

искрились: I Guess That's Why They Call It The Blues, Kiss The Bride, Cold As Christmas. A I'm Still Standing звучала как визитная карточка всего альбома. Текст этой песни на самом деле об одной из бывших девушек Берни, но я считал, что его вполне можно воспринимать как обращение к американскому лейблу, с которым я сотрудничал. Эта звукозаписывающая компания, говоря по правде, оказалась настоящей занозой в заднице.

Основанный в 1980 году «Геффен Рекордз» был относительно новым лейблом, но с ним успели поработать звезды первой величины: Донна Саммер, Нил Янг, Джони Митчелл и Джон Леннон. Всех приманила репутация Дэвида Геффена – это он в семидесятые привел к успеху группу The Eagles и Джексона Брауна[169]. К тому же лейбл обещал артистам полную свободу действий. Но мой первый альбом, записанный в сотрудничестве с ними в 1981 году – *The Fox,* – показал довольно слабые продажи. *Jump Up!* расходился лучше, и все же единственным безоговорочным хитмейкером лейбла стал Джон Леннон – да и то потому, что его убили. Незадолго до смерти Джона альбом *Double Fantasy*, записанный вместе с Йоко, получил неважные отзывы и продавался слабо. Убийство Джона подогрело интерес покупателей – согласитесь, довольно жуткий способ поднятия продаж. Геффен запаниковал и начал делать глупости. Уволил продюсера Донны Саммер Джорджио Мородера, который в буквальном смысле выпестовал каждый ее прежний хит. Джони Митчелл навязали в аккомпаниаторы синтезаторного вундеркинда Томаса Долби, чье творчество гармонировало с музыкой Джони примерно так же, как хор тирольского йодля. И, наконец, лейбл начал бороться с непредсказуемостью Нила Янга, то есть, по сути, пытались перекроить саму личность Нила. Все это мне активно не нравилось, и я решил, что I'm Still Standing прозвучит как своего рода упредительный выстрел – мощная, яркая, динамичная композиция с посылом «Иди-ка ты куда подальше».

Для такой песни мне требовался мощный, яркий, динамичный клип, и Рассел мне это обеспечил. Он развернул поистине широкомасштабное действо – съемки с вертолета, легионы танцоров в костюмах и с бодиартом; в Ниццу доставили мой кабриолет «Бентли», чтобы на нем я курсировал по набережной Круазетт. Планировалась постановочная хореография, и даже предполагалось, что я тоже буду танцевать – по крайней мере, об этом шла речь вначале. Я продемонстрировал хореографу Арлин Филлипс движения, отработанные на танцполах «Криско Диско» и «Студио 54». Явно шокированная, она побледнела, после чего мое участие в

танцевальных сценах свели практически к нулю: единственное, что я делал, так это щелкал пальцами и шагал вдоль берега в такт музыке. Очевидно, Арлин испугалась, что своими зажигательными движениями я отодвину на второй план профессиональных танцоров. Правда, позже она сказала, что никогда в жизни не работала ни с кем, кто бы танцевал так плохо, как я. Но, очевидно, это был очень умный двойной блеф, призванный спасти ее учеников от позора.

Съемки начинались в четыре утра и продолжались весь день. С заходом солнца объявляли перерыв, я шел к себе в отель «Негреско», чтобы освежиться перед ночной сменой. Как-то раз в лобби я столкнулся с Саймоном Ле Боном, вокалистом группы «Дюран Дюран». Оказалось, они в городе, и прямо сейчас собираются немного посидеть в баре. Не хочу ли я присоединиться? Мы с ним были не слишком хорошо знакомы, но я решил, что небольшая порция спиртного меня взбодрит. Я как раз раздумывал, что бы такое заказать, и тут Саймон спросил, пробовал ли я раньше коктейль «Водка-мартини». Я не пробовал. Ну так пора попробовать, заявил он.

Все, что происходило дальше, я знаю только со слов других. Боюсь, я ничего не могу подтвердить или опровергнуть, потому что последнее, что я помню, – как сидел за столиком и думал, что «Дюран Дюран» – отличные ребята и что «Водка-мартини» пьется на редкость легко. В течение часа я опрокинул (здесь показания разнятся) шесть или восемь коктейлей, сопроводив их парой дорожек кокса. Затем я направился на съемочную площадку, потребовал включить камеры, разделся догола и начал кататься по полу. Там же находился Джон Рид, который снимался в массовке в костюме клоуна. Он пытался меня остановить, и его вмешательство меня разозлило. Причем разозлило настолько, что я вмазал ему кулаком в лицо. Некоторые свидетели утверждают, что я сломал ему нос. Услышав их слова, я понял, откуда взялась боль в руках, – и тут же пришел в ужас. Никогда во взрослой жизни я никого не бил – ни до этого инцидента, ни после. Ненавижу физическое насилие; из-за этого меня не заставишь смотреть регби. Но уж если и довелось однажды нарушить правила и ударить кого-то в лицо, то Джон Рид, пожалуй, единственный приемлемый вариант. Это же он наподдал мне тогда в ванной, так что пусть считает, что мы квиты.

Джон заметался по площадке, схватил ключи от «Бентли» и умчался в ночь. Следующая весть о нем дошла назавтра – он позвонил в офис «Рокет» и визгливо потребовал срочно связаться с «анонимными алкоголиками». Всю ночь он гнал машину до

Кале, там въехал на паром до Дувра и мгновенно отключился. В Дувре к парому прибыл эвакуатор. Водитель и его сменщик, что вполне понятно, пришли в смятение: им предстояло транспортировать в Лондон кабриолет «Бентли», за рулем которого сидел человек в костюме клоуна, в полном гриме и в крови. После отбытия Джона кто-то еще попытался натянуть на меня одежду – как мне сказали, это все же удалось сделать после нескольких попыток. И Боб Хэлли потащил меня наверх. На этот раз свое неудовольствие я выразил иначе – разгромил его гостиничный номер. В качестве финального штриха бросил на пол его шляпу и несколько раз топнул по ней ногой, потом добрел до своего номера и отключился.

Мы с Бобом сидели на кровати в состоянии, близком к истерике. А что еще делать в такой ситуации? Только выть от смеха – а потом звонить людям и просить прощения. Тогда мне следовало всерьез задуматься о моем образе жизни. Но, как вы можете догадаться, я повел себя противоположным образом. Главное, что я вынес из череды жутких событий в Ницце… сейчас, секундочку… что нужно пить больше «Водка-мартини». С тех пор каждый мой вечер начинался так: четыре-пять коктейлей, затем поход в ресторан – если в Лос-Анджелесе, то чаще всего в «Л'Оранжери», за ужином – полторы бутылки вина, затем домой, к кокаиновым дорожкам и сигаретам с марихуаной. Косячки я полюбил, потому что они давали дополнительный бонус – после курения я вырубался и начисто забывал, что творил вечером. Иногда кто-то чувствовал необходимость позвонить и напомнить мне о моем вчерашнем поведении, и тогда я искренне извинялся. Помню один нелицеприятный телефонный разговор с Берни после посещения лос-анджелесского ресторана «Ле Дом», частью которого я владел: как сказал Берни, там я напился до бесчувствия и произнес (на мой взгляд) очень забавную речь, во время которой несколько раз упомянул мать Джона Рида в оскорбительной форме. Мне легче было узнавать о своих эскападах от третьих лиц и задним числом. Я обманывал себя, говорил себе, что на самом деле я не такой, что это все досужие сплетни или что это единичный случай и такого больше не повторится. Впрочем, чаще всего никто не осмеливался честно рассказывать мне о моих выходках. Неотъемлемый атрибут успеха – ты словно получаешь лицензию на отвратительное поведение, и лицензия действует, пока твоя звезда не закатывается. Есть и второй вариант: ты берешь себя в руки и усилием воли прекращаешь безобразие. Но в то время мне не грозило ни то, ни другое.

Оставшуюся часть 1983 года я провел в путешествиях. Сначала отправился отдыхать в компании Рода Стюарта – наши совместные поездки уже вошли в традицию. Мы летали в Рио-де-Жанейро на карнавал, где развлекались от души. Чтобы не потерять друг друга в толпе, в магазине карнавальных нарядов купили матросскую форму. Облачившись в нее, вышли из отеля и обнаружили, что в порту только что пришвартовался огромный лайнер и все улицы запружены моряками – как будто Королевский морской флот решил провести в Рио массовую выездную конференцию.

Но на этот раз мы отправились в Африку на сафари. Почему-то мы решили, что остальные участники тура ожидают увидеть в нашем лице грязных, лохматых и расхристанных рок-звезд. Поэтому на ужин мы неизменно являлись в смокингах, несмотря на чудовищную жару. Нельзя сказать, что наши соратники по сафари пришли в восторг от такого соседства. Одетые соответственно случаю и по погоде, они бросали на нас мрачные взгляды, очевидно, подозревая, что в группу затесались сумасшедшие.

Потом вместе с командой «Уотфорд» я полетел в Китай – игрокам требовался отдых после сезона. «Уотфорд» стал единственным британским клубом, который китайцы пригласили в гости. Странно, если не сказать приятно, находиться в стране, где никто, кроме приехавших с тобой людей, не имеет ни малейшего представления, кто ты. Китай очаровал меня. Но это было еще до того, как в эту страну проникло влияние Запада. Спустя пару лет я снова прилетел туда с «Уотфордом» и обнаружил, что по улицам рассекают люди с микроволновками на спинах, а в барах крутят записи Мадонны. Но в тот первый раз Китай показался мне другой планетой. По причинам, известным только коммунистической партии, болельщикам на стадионах не разрешалось кричать, и матчи проходили в мертвенном молчании. Мы посетили мавзолей Мао, где он лежал в хрустальном гробу. Ощущения это вызывало, мягко говоря, странные. Я видел тело Ленина в Москве, и он выглядел в целом неплохо. С Мао же что-то явно пошло не так, точнее, не с самим Мао, а с процессом его бальзамирования. Кожа у него была ярко-розового цвета, точно такого, как похожие на пену местные детские сладости, приготовленные из креветок. Не хочу обижать специалистов, которые работали над сохранением тела вождя, но у меня возникло подозрение, что оно вот-вот развалится.

Затем в октябре я полетел в Южную Африку выступать в Сан-Сити – на редкость глупая затея. Кампания против апартеида тогда еще не набрала обороты, активные протесты начались уже

после того, как в 1984 году там побывали Queen. И все же о гастрольных турах в ЮАР ходили противоречивые разговоры, и я сильно сомневался в правильности этого выбора. Но Джон Рид убедил меня, что все будет хорошо. Мол, многие черные артисты выступали в Сан-Сити: Рэй Чарльз, Тина Тернер, Дион Уорвик, даже Кертис Мейфилд[170]. Что плохого, если величайший защитник гражданских прав согласится там спеть? Тем более что технически Сан-Сити находится не в ЮАР, а на территории Бопутатсваны[171], так что никакой расовой сегрегации зрителей не будет.

Конечно, все оказалось нехорошо. И расовая сегрегация присутствовала в полной мере – билеты стоили столько, что черные южноафриканцы просто не могли себе позволить прийти на концерт. Если бы я дал себе труд получше изучить тему, я бы знал, что местные чернокожие были так возмущены приездом Рэя Чарльза, что забросали его автобус камнями, и концерты в Соуэто пришлось отменить. Но я, увы, ничего не изучил, а главное, не включил голову. Это совсем не то что приехать в Россию, невзирая не санкции. В Южной Африке население, страдающее от апартеида, действительно надеялось, что артисты будут бойкотировать страну с жестоким правящим режимом. И для того, кто одним махом перечеркнул их надежды, нет никаких оправданий. Иногда ты совершаешь чудовищную ошибку, и остается только поднять руки и признать ее. Каждый черный музыкант из тех, кого я упоминал, горько сожалел о своем неверном выборе. Сожалел и я сам. Вернувшись в Британию, я подписал заявление, составленное противниками апартеида, и дал обещание, что никогда не приеду туда вновь.

Дома я узнал, что отец серьезно болен. Один из моих сводных братьев зашел ко мне в гримерку после концерта в Манчестере и рассказал, что у отца проблемы с сердцем и ему необходима операция по коронарному шунтированию. Я долгие годы соблюдал дистанцию, но тут сразу позвонил отцу и предложил оплатить операцию в частной клинике. Он категорически отказался. Очень жаль. Не могу понять, как допустили такое его жена и дети от второго брака: он любил их, и они любили его, значит, они должны были сделать все, чтобы максимально быстро решить проблемы с его здоровьем. Но он не захотел моей помощи. Я спросил, не хочет ли он встретиться со мной в Ливерпуле и посмотреть игру «Уотфорда» – туда ему добираться недалеко. Он согласился. Футбол был единственным, что нас связывало. Не помню, чтобы он хоть раз пришел на мой концерт или заговорил со мной о музыке. Очевидно, его вообще не интересовало то, что я делаю.

Перед матчем я пригласил его на обед в отель «Адельфи». Все шло нормально. Мы спокойно беседовали на отвлеченные темы. Потом говорить стало не о чем, и наступила неловкая пауза – свидетельство того, что мы совсем не знаем друг друга. Я все еще сердился на него за то, как он обращался со мной в детстве, но не стал поднимать тему. Не хотел конфликта, не хотел портить этот день; кроме того, я по-прежнему побаивался отца – за эти годы моя жизнь коренным образом изменилась, но наши отношения застыли на отметке 1958 года. Матч мы смотрели из кабинки директора стадиона. «Уотфорд» проиграл со счетом три-один, но мы не так давно попали в первый дивизион, и команду радовало уже то, что она играет на таком огромном стадионе, как «Энфилд». Надеюсь, игра доставила отцу удовольствие, хотя точно сказать не могу. Думаю, где-то в глубине души я хотел произвести на него впечатление тем, что теперь я президент того самого клуба, на чьи игры он водил меня ребенком. И что фанаты «Уотфорда» скандируют: «Мы армия Элтона Джона, мы болельщики от-кутюр!», когда команда забивает гол или бросается атаковать. Он ни разу не похвалил меня за музыкальные успехи, ни разу не сказал: «Молодец, сынок, я горжусь тобой». Может, теперь я услышу эти слова – в знак признания моей работы с «Уотфордом»? Но нет. Ничего похожего. Я все время думал об этом и никак не мог понять: или он вообще не способен хвалить меня, или же его смущает то, что он так рьяно выступал против моего выбора профессии и в итоге оказался не прав?

Тем не менее расстались мы тепло. Больше я его никогда не видел. Не было смысла встречаться. По сути, между нами не было никаких отношений. Наши пути разошлись десятилетия назад. И у меня не осталось чудесных воспоминаний детства.

В декабре 1983 года мы вернулись в Монтсеррат. *Too Low for Zero* стал колоссальным хитом, самым крупным за последние десять лет – платиновым в Британии и Америке, пятикратно платиновым в Австралии. Так что мы решили повторить формулу успеха: Берни пишет тексты, старая группа Элтона Джона обеспечивает музыкальное сопровождение, Крис Томас выступает продюсером. Единственное, в чем изменилась команда студии, – Ренату Блауэл повысили до звукоинженера. Она относилась к работе добросовестно и нравилась всем – музыкантам, работникам студии, самому Крису. Спокойная, но с сильным характером, уверенная в себе. В те дни звукозаписывающие студии были в основном мужской территорией, но она строила карьеру шаг за шагом и стабильно продвигалась вперед, потому

что выполняла свою работу наилучшим образом. В качестве звукорежиссера она сотрудничала с The Human League и The Jam.

Я прилетел домой в День подарков в дурном настроении. Мама и Дерф приехали в «Вудсайд» на Рождество, и мама сразу вернулась к излюбленной роли злой домовладелицы. Страшно разругалась с одной из уборщиц, их ссора постепенно переросла в скандал со мной, так что канун Рождества был испорчен.

Вернувшись на Монтсеррат, я быстро успокоился. На следующий день прилетел из Нью-Йорка Тони Кинг. Теперь он постоянно жил в Нью-Йорке, работал для RCA с Дайаной Росс и Кенни Роджерсом. Он бросил пить, вступил в общество анонимных алкоголиков и выглядел превосходно – правда, рассказывал ужасные истории о том, что происходит в гей-сообществе в Гринвич-Виллидже и на Файр-Айлэнд: там свирепствовала новая болезнь под названием СПИД. Мы сидели в студии, я придумывал разных смешных персонажей – пожилую аристократку леди Шок Айс и мрачную, похожую на Нико певицу Глорию Дум. А Тони изображал, что берет у них интервью. Мы оба решительно одобрили молодого человека, которого взяли вместо Ренаты на должность звукооператора. Его звали Стив Джексон, и он был красавец блондин.

Через несколько дней Тони вернулся в Нью-Йорк, а спустя пару недель я позвонил ему и сообщил новость:

– Я решил вступить в брак.

Тони расхохотался.

– Да неужели? И с кем же? С красавчиком звукооператором? Станешь миссис Джексон?

– Нет, я женюсь на Ренате.

Тони снова захохотал.

– Послушай, – прервал его я. – Это серьезно. Я сделал Ренате предложение, и она согласилась. Свадьба через четыре дня. Ты сможешь прилететь в Сидней?

Смех на том конце провода резко оборвался.

После Рождества я прилетел на Монтсеррат с моим новым бойфрендом, австралийцем по имени Гари, – мы познакомились в Мельбурне пару лет тому назад, и он был еще одним молодым и белокурым заложником моих желаний. Сначала я в него влюбился, а затем приступил к своему обычному занятию – разрушению наших жизней. Заставил переехать из Австралии ко мне в «Вудсайд», осыпал подарками, потом начал с ним скучать и велел Бобу Хэлли отправить его домой. Через некоторое время мы снова пересеклись, сердце мое смягчилось, и я попросил его вернуться в «Вудсайд»; потом я опять заскучал и попросил Боба

купить ему билет обратно в Брисбен. Все это выглядело как путь в никуда, а точнее – хождение по кругу. Почему я так поступал? Я знал, что сам во всем виноват, но разум отказывался признавать, что я веду себя неправильно. Таков кокаин. Он превращает тебя в нарцисса, в законченного эгоиста; весь мир обязан вращаться вокруг тебя и твоих желаний. Твое существование – полный хаос, ты не понимаешь, что же тебе действительно нужно. Не слишком удачный сценарий жизни в целом, но для личных отношений все это просто убийственно. Так что, если вы жаждете прозябания в мире неизбывной тоски и бреда, настоятельно рекомендую вам подсесть на кокаин.

Но на Монтсеррате мы работали быстро и писали отличные песни, к тому же там имелся дополнительный приятный бонус: я начал проводить много времени с Ренатой и буквально наслаждался ее обществом. Умная, добрая, забавная, с чисто английским чувством юмора. И еще она была очень красивая, хотя будто этого и не замечала, всегда нося простые джинсы и футболки. Иногда она казалась одинокой и отстраненной, единственной женщиной в мире мужчин, а я в глубине души тоже чувствовал себя одиноким и отстраненным. Мы поладили настолько хорошо, что мне куда интереснее было разговаривать с ней, чем проводить время с Гари. Я постоянно придумывал поводы для встреч, приглашал ее на студию после ужина якобы для беседы о завтрашней сессии – главное, чтобы мы могли поговорить. И не один раз мне приходила в голову мысль, что, будь я гетеросексуалом, лучшей спутницы жизни я бы не нашел.

Конечно, было очень много «если». Так много, что требовалось прокрутить в голове сотни запутанных иррациональных мыслей, чтобы принять решение. К счастью, запутанное иррациональное мышление в то время было моей сильной стороной, и я быстро расставил все по местам. А что, если мои личные отношения складываются так ужасно не по моей вине? А что, если они каждый раз рушатся, потому что они – гомосексуальные? А что, если отношения с женщиной сделают меня куда более счастливым, счастливым как-то иначе? Что, если общество Ренаты приятно мне не только потому, что мы – два одиноких человека, оказавшихся далеко от дома? Что, если во мне внезапно вспыхнула страсть именно к женщине? Что, если последние четырнадцать лет я спал с мужчинами только потому, что не мог найти подходящую женщину? И что, если теперь я ее нашел?

Чем дольше я думал, тем больше в это верил. Аргументация сложная, она не выдержала бы тщательной проверки – да и вообще никакой проверки бы не выдержала. Но, несмотря на всю

сложность, плутать в хитросплетениях мне тогда было легче, чем посмотреть в лицо реальной проблеме.

Мы сидели в ресторане «Чикен Шак» и выпивали. Вот тогда-то я и озвучил впервые идею о женитьбе. Рената, естественно, рассмеялась – решила, что я шучу. Между нами никогда не возникало ни малейшей искры, ни единого намека на романтическую привязанность, мы даже не целовались. Будь я тогда в здравом уме, я бы на том и остановился. Но я уже окончательно убедил себя, что принял правильное решение. Вот что мне нужно, вот что одним махом решит все мои проблемы! Я жаждал жениться на Ренате, безумно желал провести с ней всю жизнь. Скучал, если ее не было рядом. Все это очень сильно напоминало влюбленность.

Наша честная компания переместилась в Сидней – мы с группой готовились к турне по Австралии, Рената и Крис Томас работали над альбомом. Я пригласил ее на ужин в индийский ресторан и повторил свое предложение. Сказал, что люблю ее и всю жизнь хочу прожить с ней. Мы должны пожениться. Причем сейчас и здесь, в Австралии. Было десятое февраля 1984 года, можно сыграть свадьбу на День святого Валентина, я могу это устроить. Звучало безумно – и безумно романтично. Рената ответила «да».

Мы поспешили в наш отель, «Сибел Таунхаус», собрали всех и объявили новость: «Слушайте все! Вы ни за что не догадаетесь…»

Народ уставился на нас изумленно, если не сказать с ужасом, особенно Гари, который вместе со всеми прилетел в Австралию и опять оказался в роли бывшего бойфренда. Я попросил Джона Рида и Берни быть моими шаферами. Последовавшая вечеринка поставила рекорд по количеству денег, потраченных на спиртное – всем нужен был диджестив, чтобы переварить сенсационную новость.

Несколько дней пролетели как в тумане. Нужно было организовать торжественный прием, найти подходящую церковь, получить разрешение на брак в кратчайшие сроки. Я поговорил по телефону с отцом Ренаты, попросил руки его дочери. Он, бизнесмен из Мюнхена, беседовал со мной чрезвычайно вежливо, хотя ему, конечно, уже сообщили, что его дочь через четыре дня собирается выйти замуж за всем известного гея и рок-музыканта. Я позвонил маме и Дерфу. Как и все, они пришли в ужас, но, как и все, не стали меня останавливать. Это было бесполезно. В тот период моей жизни все всегда происходило только так, как хотел я, а если кто-то пытался мне мешать, я начинал орать, бросаться предметами, а то и бить кулаком в лицо. Гордиться нечем, но так

было. Некоторые мои друзья, пытаясь найти какое-то рациональное зерно в моих поступках, пришли к выводу, что я, видимо, хочу завести детей. Я позволил им так думать – честно говоря, эта причина скоропалительной женитьбы выглядела куда привлекательнее, чем реальная, – но никаких детей, естественно, я заводить не собирался. Ни в коем случае! Мне под сорок, но я сам – как великовозрастное дитя, и здесь нет места для нормального ребенка. Возможно, Рената бы передумала, будь в ее распоряжении немного больше времени. Хотя я в этом сильно сомневаюсь.

Свадьба прошла так же, как любая другая, – разве что одним из шаферов выступил экс-любовник жениха, да еще и лишивший его невинности. Рената надела белое кружевное платье и золотое колье с бриллиантами, которое я ей преподнес к свадьбе. В руках она держала букет цветов и выглядела прелестно. Ни мои, ни ее родители не приехали, зато прилетело множество друзей: Тони Кинг, Джанет Стрит-Портер. Тони, новая жена Берни, была одной из подружек невесты. Род Стюарт не смог выбраться, но его менеджер Билли Гафф прислал телеграмму с перефразированной цитатой из моей песни I'm Still Standing: «Возможно, ты еще стоишь, дорогуша, но мы все здесь валяемся на гребаном полу».

Мы вышли из церкви, и нас сразу окружили поклонники и папарацци. Толпа аплодировала. Из открытого окна неслась музыка – кто-то включил песню Kiss The Bride из альбома *Too Low for Zero.* Несмотря на название, это самая неподходящая песня для свадьбы, хуже только D.I.V.O.R. С. Е. Тэмми Уайнетт[172]. Я пел: «Не говори «да» – скажи «прощай», и, заглушая мое пение, кто-то зычно прокричал поздравление в чисто австралийском стиле: «Ну наконец-то, блин! Молодчина, старый пухляк!»

Прием состоялся в отеле «Сибел» и прошел со свойственной мне скромностью. Белые розы доставили из Новой Зеландии, где мы собирались провести медовый месяц. Подавали лобстеров, перепелок и оленью вырезку; из вин – винтажное «Шато Марго» и «Пулиньи-Монтраше»; под музыку струнного квартета в зал ввезли пятиярусный свадебный торт. По традиции гости говорили речи и читали поздравительные телеграммы. Опять же, по традиции, Джон Рид кому-то врезал, кажется, репортеру газеты «Сан» – наверное, чтобы тот постарался написать о свадьбе пристойную заметку.

Позже празднование переместилось в мой номер, к морю алкоголя и горé кокаина. Здесь я должен сказать важную вещь: во время развода мы с Ренатой договорились, что никогда не станем публично обсуждать интимные детали нашего брака. И я уважаю нашу договоренность. Правда в том, что ничего плохого о Ренате

я сказать попросту не могу. Как, впрочем, и все, кто ее знает. Единственный человек, который отнесся к ней холодно, – моя мать, но Рената здесь вообще ни при чем. Думаю, мама просто не хотела признавать, что пуповина, связывающая нас, наконец перерезана, и кто-то другой займет главное место в моей жизни.

Но мои проблемы никуда не делись. Я все так же закрывался в спальне с горой кокаина наедине. Все в «Вудсайде» знали, что я сижу на наркотиках, и принимали это как данность. Помню, однажды Глэдис, одна из уборщиц, отвела меня в сторону и тихо сказала:

– Я убиралась в вашей спальне, сэр, и нашла *ваше особое белое лекарство* на полу. Так вот, я положила его верхний ящик прикроватной тумбочки.

Да, там и лежал мой белый порошок, на том же зеркале, где я выкладывал полоски. Я надеялся, что стабильные отношения положат конец моей дурной привычке. Но так не бывает. Это не могло помочь. Потому что проблема решается не так.

десять

Рената вышла замуж не просто за гея-наркомана, что само по себе невесело. Но она вышла за гея-наркомана, чья жизнь повернула в ту сторону, о которой он даже не помышлял. Пару лет все шло нормально, по крайней мере по моим стандартам. Я смотрел, как «Уотфорд» проигрывает на Кубке Англии. Записал еще один альбом, *Ice on Fire*. Его выпустил Гас Даджин – мы не работали вместе с середины семидесятых, и вот теперь воссоединились. В Британии громким хитом стала Nikita, песня о любви к русской девушке, которую Берни не то случайно, не то из озорства назвал мужским именем. На концерте Live Aid за сценой я построил площадку с искусственным газоном и барбекю. В тот день еще Фредди Меркьюри пришел в радостном возбуждении после триумфального выступления Queen и в своем неповторимом стиле начал подшучивать над моей шляпой: «Дорогуша! Что за хрень у тебя на голове? Да ты вылитая королева-мать!» Летом 1986 года я ходил на стадион «Уэмбли» на прощальный концерт группы Wham!. Джордж Майкл принял важное решение отказаться от «легкомысленной попсы» и стать серьезным автором и исполнителем – в честь этого события на концерт я приехал на трехколесном авто «Релайант Робин» и в костюме Рональда Макдональда. Чтобы подчеркнуть солидность своего нового образа, Джордж хотел спеть Candle In The Wind, но я отпихнул его и сыграл ресторанно-фортепианную версию песни «Битлз» When I'm Sixty-Four.

Но позже в тот год на меня посыпались неприятности. Во время турне по Америке я заметил, что со мной происходит что-то не то. Мы выступали в Мэдисон-сквер-гарден, и я вполне нормально пел на сцене. А вот за кулисами мог только шептать. Я решил, что между концертами мне надо дать связкам отдых, и постарался превратить все в шутку: напялил парик в духе Харпо Маркса[173], плащ и в таком виде расхаживал за сценой, не говоря ни слова, но громко трубя в трубу.

Но в Австралии проблемы с голосом усугубились. Только что вышел мой новый альбом под названием *Leather Jackets*, и, должен признаться, никогда я не был так близок к провалу. Раньше я запрещал себе принимать наркотики во время записи, но на этот раз изменил правилу, и кокаин, как и следовало ожидать, сильно повлиял на мои творческие способности. В альбом я запихнул весь старый мусор, какой только удалось найти. Главным синглом предполагалось сделать Heartache All Over The World – песню настолько пустопорожнюю, что даже под микроскопом не

разглядишь ни крупицы смысла. О чем только я думал? Собрал какие-то древние ошметки, композиции, которые оказались недостаточно хорошими для других альбомов, – и вот теперь, после пары дорожек кокса, меня озарило: они же гениальны, публике необходимо их услышать, причем немедленно! Что уж говорить про наше совместное с Шер творение под названием Don't Trust That Woman. Там была такая строчка: «Разверни ее задом, и пусть катится лесом». О моем истинном отношении к этой песне красноречиво говорит тот факт, что автором я обозначил не себя и Шер, а Шер и мою старую придуманную героиню леди Шок Айс. Но это не помешало мне записать песню и вставить ее в альбом – я был явно не в себе и не дружил с логикой.

Но не все было так ужасно: композиция Hoop Of Fire получилась довольно стильной, особенно на общем фоне. А баллада I Fall Apart стала еще одним примером волшебного дара Берни сочинять стихи, абсолютно точно соответствующие моей жизненной ситуации. Как будто я написал их сам. И все же в целом альбом *Leather Jackets* получился ниже плинтуса.

Поэтому гастрольное турне, которое планировалось после его выхода, я собирался сделать совсем особенным – ярким, амбициозным, западающим в память, лишь бы как-то перебить негативное впечатление от альбома. Я попросил Боба Маки подготовить экстремально безумные наряды, и ему это удалось. В Австралии я выходил на сцену в гигантском розовом парике в духе причесок индейцев-могикан с леопардовыми вставками по бокам. Другой парик имитировал укладку «взрыв», которая в восьмидесятые была на пике моды благодаря ее изобретательнице Тине Тернер. И, наконец, еще один мой сценический образ ассоциировался с Моцартом, который внезапно решил стать участником глэм-рок-группы: белый блестящий костюм, напудренный парик в стиле восемнадцатого века, белый грим на лице и нарисованная черная родинка-мушка. В этом наряде мне предстояло играть вторую часть концерта в сопровождении Мельбурнского Симфонического оркестра. Наверняка кто-то посчитал, что я слишком уж заношусь, – какая-то рок-звезда, видите ли, изображает великого классического композитора. Ну что ж, ловите признание: в первую очередь комплексовал по этому поводу я сам.

Гастролировать с оркестром и при этом играть рок-н-ролл – на такое еще никто не решался. Впервые я исполнил композиции из ранних альбомов в точности так, как они записывались, в прекрасных аранжировках Пола Бакмастера. Гас Даджин прилетел, чтобы вместе со мной проверить звучание. Мы

работали с каждым оркестровым инструментом отдельно, чего прежде, опять-таки, никто не делал, и добились фантастического эффекта: когда во время исполнения Madman Across The Water вступали струнные, сердце буквально останавливалось. Контрабасы и виолончели словно взмывали вверх, и сцена подо мной вибрировала. Да, таким и должен быть гвоздь программы.

Тем временем с голосом происходили странные вещи. Каждый раз, открывая на сцене рот, я представления не имел, что получится. Иногда я пел нормально. Иногда начинал хрипеть, сипеть и не мог правильно взять ноты. Но хуже всего было просто говорить. То есть я пытался произнести название песни, но не удавалось выдавить ни слова. Словно сбылись давние мечты моих недоброжелателей, которые годами молились о том, чтобы я умолк навек.

Со мной явно творилось что-то неладное. Я попробовал рецепт, которым в 1970 году в «Трубадуре» со мной поделился Леон Рассел: коктейль из меда, яблочного уксуса и воды. Не помогло. В Сиднее дошло до того, что самые громкие звуки я издавал не во время пения, а в промежутках – заходился в кашле и отхаркивал мокроту таких невероятных оттенков, что по сравнению с ними наряды от Боба Маки казались бесцветными. Разум взял верх, и я согласился пойти на прием к отоларингологу доктору Джону Тонкину.

Осмотрев мою гортань, он обнаружил опухоли на голосовых связках. Сказать, злокачественные они или нет, он пока не мог. Если это рак, тогда конец всему: мне вырежут гортань и я никогда не смогу говорить, не то что петь. Но вначале нужно сделать биопсию, она все и покажет. Потом он взглянул на меня, нахмурился и сказал:

– Курите марихуану, верно?

Я застыл. Курить травку я начал, только чтобы слезть с кокаина, но быстро обнаружил, что она радует меня сама по себе. К тому же это не выпивка. И не кокс – совсем другой вид наркотического вещества. Я искренне верил, что марихуана делает меня более общительным и приятным человеком, несмотря на массу примеров того, что мое поведение стало совсем асоциальным.

Другое дело, что травка, в отличие от кокса, не гнала меня в безумную круговерть клубных тусовок и не заставляла сутками бодрствовать. Я просто курил, беспрерывно смеялся и слушал музыку – под кайфом она звучала божественно. Особенно полюбил «Крафтверк»[174], его вроде бы простое, монотонное, но гипнотическое звучание. Конечно, дело не ограничивалось выкуриванием косячка от случая к случаю с одновременным

прослушиванием альбомов *Trans-Europe Express* или *The Man Machine*[175]. Я немедленно подсел на марихуану, как раньше на кокс и спиртное. На австралийских гастролях один из членов нашей дорожной команды занимался почти исключительно тем, что сворачивал мне косячки и повсюду таскал обувную коробку, наполненную марихуаной.

Но этого доктору Тонкину я не рассказал. В ответ на его вопрос я просипел:

– Так… немного.

Доктор Тонкин выкатил глаза:

– Думаю, *очень много*.

Он настоятельно рекомендовал мне прекратить курение. Возможно, именно в нем причина появления опухолей, но даже если и не так, пользы точно никакой. С тех пор я не выкурил ни одного косяка. В тот период меня нельзя было назвать волевым человеком в том, что касается выпивки и наркотиков. Бессчетное множество раз во время адского похмелья я говорил себе «больше никогда» и немедленно забывал об этом, когда похмелье проходило. Хотя порой мне удавалось продержаться несколько месяцев. Но рано или поздно все возвращалось на круги своя. В кабинете врача я понял: чтобы отказаться от дурной привычки, нужно очень сильно испугаться. И нет ничего более пугающего, чем слово «рак». Доктор Тонкин сказал, что мне придется отменить оставшуюся часть австралийского турне, но я отказался. По контракту нам предстояло отыграть еще неделю концертов в Сиднее. Во-первых, неустойка была бы астрономическая – в концертах участвовало больше ста музыкантов, к тому же мы снимали документальное кино о турне, а затем собирались на его основе выпустить концертный альбом. Но главное, поскольку существовал риск того, что я вообще не смогу петь, я хотел отодвинуть этот страшный момент подальше, насколько это было возможно.

Я решил, что расскажу обо всем группе и буду держаться стоически – мол, жизнь продолжается, бла-бла-бла. Не получилось. Я приплелся в бар отеля «Сибел Таунхаус» – да, все туда же, – хрипло выговорил: «Врачи считают, что у меня рак горла», – и разразился громкими рыданиями. Даже если операция пройдет успешно и биопсия будет чистая, со мной, как с певцом, все равно покончено: Джули Эндрюс[176] удаляла кисты на голосовых связках и навсегда потеряла голос.

Мы завершили турне. Правда, на последнем концерте я дал маху. До смерти перепуганный, решил сбежать из Сиднейского Развлекательного Центра за несколько минут до начала шоу, прямой репортаж с которого должны были показывать по

телевидению. Оркестр играл увертюру, а я бежал из зала, а навстречу мне спешил Фил Коллинз: хотел занять свое место в последний момент, чтобы не приставали поклонники. Увидев, что звезда шоу несется в противоположном направлении, он в изумлении остановился.

– О, привет, Элтон… Подожди, *а куда ты собрался*?

– Домой! – прокричал я, не замедляя шаг.

На самом деле я не впервые убегал с собственного концерта. Несколько лет назад во время рождественского шоу в «Хаммерсмит Одеон»[177] я решил сбежать сразу после основной программы и перед выходом на бис. Мы уже почти доехали до развязки Хогарт, и тут я успокоился и решил вернуться – подумаешь, всего десять минут езды. Но обратная дорога заняла гораздо больше времени, потому что у транспортного узла одностороннее движение, и мы бесконечно долго разворачивались. Удивительно, но зрители меня дождались.

В Сиднее же я передумал уходить, еще даже не добравшись до машины. Концерт прошел грандиозно. Он стал лучшим из всех. Думаю, меня подогревала мысль о том, что я пою в последний раз. Гвоздем программы стала Don't Let The Sun Go Down On Me. Мой голос звучал грубовато и хрипло, но, наверное, никогда я не исполнял эту песню так хорошо. Она и так всегда заставляла зал затаить дыхание, особенно в оркестровом варианте. Но в тот вечер каждая строка словно приобрела новый смысл.

Сразу после окончания турне в австралийской клинике мне сделали операцию. Все прошло удачно, кисты удалили, рака не обнаружили. После периода реабилитации я понял, что голос у меня все-таки изменился – но, на мой взгляд, к лучшему. Он стал глубже, я уже не мог петь фальцетом, и это мне даже нравилось. Я ощущал в своем голосе больше зрелости и силы – причем силы какого-то нового качества. Я не верил своему счастью. Думал, что все плохое теперь уйдет из моей жизни и начнется сплошная полоса везения.

Как же я ошибался.

В феврале 1987 года газета «Сан» вышла с броским заголовком: «ЭЛТОН ПОД ПРИЦЕЛОМ ПОЛИЦИИ НРАВОВ». Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что «Сан» в любом случае ополчилась бы на меня, это был только вопрос времени. Гей, да еще и успешный, вдобавок себе на уме… очевидно, они нацелились на меня давным-давно. Главным редактором в то время был Келвин Маккензи, господин, пышущий такой ядовитой злобой, что Агентству по охране окружающей среды следовало

его изолировать от окружающих. Под его чутким руководством «Сан» стала не столько средством массовой информации, сколько таблоидом, в шестьдесят четыре страницы которого редакция каждый раз пыталась впихнуть как можно больше расизма, мизогинии, ксенофобии и, в особенности, гомофобии. Тот, кто не помнит «Сан» восьмидесятых, вряд ли способен представить, насколько мерзким было тогда это издание. К людям они относились как к полному дерьму – не важно, знаменитыми они были или нет. Они нашли лазейку в законе, которая давала возможность обнародовать имена жертв изнасилования даже в том случае, если дело не заводилось. Активно пропагандировали высылку гомосексуалистов из Британии: «ГЕИ, ВАЛИТЕ – МЫ ВАМ ЗА ЭТО ЗАПЛАТИМ!» Телевизионный актер Джереми Бретт умирал от болезни сердца – «Сан» подослала к нему в больницу журналистов. Окружив его постель, они требовали признания в том, что у него СПИД – болезнь, которой, по словам газеты, невозможно заразиться при гетеросексуальных половых контактах.

Я прочитал статью о себе, и у меня отвалилась челюсть. Ирония заключалась в том, что теоретически десятки человек по всему миру могли продать газете информацию о моих сексуальных связях и пристрастии к наркотикам – например, недовольные бывшие бойфренды или парни на одну ночь. Но «Сан» выудила откуда-то информатора, с которым *я никогда в жизни* не встречался, и этот парень продал газетчикам историю о некоей оргии дома у Билли Гаффа, менеджера Рода Стюарта, на которой я якобы присутствовал.

Найди они кого-то, кто действительно спал со мной, такой фантастической истории им бы не рассказали. Дело даже не в том, что она была полностью сфабрикована. Складывалось впечатление, что ее выдумал обитатель сумасшедшего дома в фазе острого бреда. Готовясь к оргии, я, по его словам, напялил на себя «узкие кожаные шорты». *Кожаные шорты?* Да, бывало, я надевал нелепую кричащую одежду. Но втискиваться в кожаные шорты перед – предположительно – ночью страсти? Побойтесь бога, господа. Я хотел нравиться, а не добивался того, чтобы при одном взгляде на меня парни с криками бы разбегались куда подальше. Более того, по словам безумного писаки, я «размахивал искусственным членом» и «выглядел как Клеопатра». Ну конечно, кто же еще: Клеопатра, последняя из правительниц династии Птолемеев, возлюбленная Юлия Цезаря и Марка Антония. А также знаменитая любительница дилдо и кожаных микрошорт!

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. В статье говорилось, что некоторые из моих мальчиков по вызову –

несовершеннолетние. Если постоянно повторять ложь, ее начинают принимать за правду, особенно когда она напечатана в газете. А что, если люди поверят? Что тогда делать? Это прочтут мама и Дерф, и бабуля тоже. О господи, и тетя Уин! Она же работает в газетном киоске! Я сразу представил, как утром она получает свежий тираж «Сан», приходит в ужас, а потом сама же продает газету хихикающим покупателям – они ведь прекрасно знают, кто ее племянник.

Первым моим побуждением было окопаться в «Вудсайде» и нагрузиться «Водкой-мартини». Потом мне позвонил Мик Джаггер. Он прочитал статью и хотел дать мне совет – ни за что, ни при каких обстоятельствах не судиться с ними. В шестидесятых он подавал иск против «Новостей мира»[178] – они написали, что перед репортером, работающим под прикрытием, Мик хвастался, что жить не может без наркоты. Таблоид посоветовал полицейским приставить к «Роллингам» шпионов, и все закончилось печально известным скандалом в «Редлендсе» – Мика с Китом Ричардсом тогда посадили в тюрьму, и только после громких общественных протестов приговор отменили[179].

Этот разговор возымел противоположное действие. Я объяснил Мику: по большому счету, мне все равно, что пишут обо мне в прессе. Конечно, меня расстраивают плохие отзывы критиков или обидные замечания в мой адрес, но от этого никуда не денешься – человек публичный принимает такое как данность. Но почему я должен терпеть заведомую ложь? Нет, это им с рук не сойдет. Тем более я готов доказать, что они лгут. В тот день, когда я, одетый, по их словам, как статист из клипа группы Village People[180], носился по дому Билли Гаффа с фаллоимитатором в руках, я был в Нью-Йорке – сначала обедал с Тони Кингом, а затем обсуждал с Бобом Маки тонкости создания парика а-ля Тина Тернер. В качестве доказательств у меня есть счета из отеля и посадочные талоны на самолет. И у меня хватит средств разгромить их в суде. Пусть идут к черту.

И я подал иск. «Сан» разразилась целой серией статей, потчуя читателей отборной ложью, и после выхода каждого их материала я подавал повторный иск. Некоторые статьи были особенно отвратительны – «Сан» писала, например, что мальчикам-проституткам я доплачиваю еще и за то, чтобы мочиться на них. Газетчики несли бредовую пургу: например, что я держу дома ротвейлеров с вырезанными голосовыми связками. Заголовок кричал: «БЕЗМОЛВНЫЕ УБИЙЦЫ ИЗ СВИТЫ ЭЛТОНА». Но у меня не было ни одного ротвейлера, только две немецкие овчарки, причем далеко не безмолвные – однажды они так облаяли представителей RSPCA[181], что те едва не оглохли. «Сан»

продолжала лепить свои кляузы, даже когда стало ясно, что читатели не особо заинтересованы. На мою репутацию их статьи никак не повлияли, хоть и распространялись по всему миру. Живой альбом, который мы записали во время турне по Австралии, стал платиновым в Америке, а новая версия Candle In The Wind, выпущенная синглом, неожиданно вошла в первую десятку по обе стороны Атлантики. Чья репутация пострадала – так это самой газеты «Сан». Каждый раз, как на первой полосе появлялась очередная история обо мне, продажи издания падали. Возможно, читатели поняли, что все это – грязная ложь, или же расценили действия «Сан» как несправедливые нападки завистников на знаменитость. Или просто устали читать этот бред.

Почуяв неладное, газета начала предпринимать отчаянные попытки нарыть на меня хоть что-нибудь. Они преследовали меня везде. В «Сенчери Плаза» в Лос-Анджелесе мой пентхаус был напичкан «жучками». Адвокаты предупреждали нас, что такое возможно, – в этом номере всегда останавливался президент Рональд Рейган. Так что апартаменты перед моим въездом осматривало ФБР. Меня запугивали, звонили и требовали, чтобы я отозвал иски. «Сан» предлагала заплатить пятьсот фунтов мальчикам по вызову, если они скажут, что спали со мной. Желающих выстроилась очередь, но все они врали настолько безбожно, что «Сан» не решилась это печатать.

Самая, пожалуй, удачная выходка газеты – публикация полароидных снимков десятилетней давности, украденные из моего дома. Там запечатлено, как я занимаюсь оральным сексом с каким-то парнем. То, что «Сан» это обнародовала, было унизительно. Я пытался утешиться тем, что теперь я уж точно во всем первый – первый в истории музыкант, чьи два дебютных альбома попали в топ американских чартов, первый артист, занимавший верхнюю строчку американских хит-парадов семь лет подряд; и вот теперь – первая в истории знаменитость, чей оральный секс запечатлен на страницах издания национального уровня. Но со стороны «Сан» это выглядело уже как шаг отчаяния. Ну да, мужчины-геи занимаются оралом, за такие откровения Пулитцеровскую премию не получишь. Создавалось впечатление, что статья больше говорит о настрочившем ее журналисте, чем, собственно, обо мне: текст изобиловал выражениями типа «отвратительные извращения» и «маниакальная тяга к перверсиям». Насколько же унылой должна быть сексуальная жизнь человека, который считает оральный секс верхом извращенного разврата!

Все это тянулось месяцами, и я подал уже семнадцать исков.

Рад бы сказать, что ни разу не сомневался в своей победе, но, увы, это было не так. Иногда меня охватывал праведный гнев, и тогда я был готов разорвать их на куски. Иногда я лил слезы в полном отчаянии и мечтал провалиться сквозь землю от стыда. Допустим, я не совершал того, что они так лживо расписывали. Но я знал, что в принципе *мог бы* такое совершить. Я сидел на кокаине – секрет, раскрыть который можно было с легкостью. Конечно, я не занимался сексом с несовершеннолетними, но был абсолютно неразборчив в выборе партнеров – несколько лет назад кто-то из случайных бойфрендов, уходя, прихватил с собой мой перстень с сапфирами и бриллиантами, часы и наличные деньги.

Меня тревожила перспектива очутиться в суде и предавать публичности мою частную жизнь. И я все время с опаской ждал, что «Сан» придумает что-нибудь новое, чтобы окончательно втоптать меня в грязь. Все эти мысли вынуждали меня поступать так, как я всегда поступал, когда совсем не оставалось сил, – запираться в своей комнате, как в детстве во время родительских скандалов, и полностью отстраняться от происходящего. Единственная разница – теперь я запирался в комнате с батареями бутылок спиртного и горами белого порошка. Я мог ничего не есть по три дня подряд, но, выбираясь из спальни, набрасывался на еду и обжирался так, что едва мог ходить. А затем немедленно впадал в панику из-за того, что наберу лишний вес. Тогда я начинал усиленно прыгать вверх-вниз, чтобы вызвать у себя рвоту.

Таким образом я заработал булимию, хотя в то время еще не знал, что это такое. Зато опытным путем я выяснил, что некоторые продукты извергнуть из себя сложнее, чем другие. Все плотное и тяжелое наподобие хлеба выходит с трудом: в итоге приходится, скрючившись, долго мучиться над унитазом. Чтобы все происходило легко, пища должна быть мягкой, поэтому мой рацион стал совсем уже странным. В периоды обжорства мой обычный прием пищи состоял из двух банок моллюсков из «Сэйнсбери» и полукилограммовой упаковки мороженого с арахисовым маслом марки «Хааген-Дазс». Я закидывался этими продуктами, а потом избавлялся от них, засовывая два пальца в рот, и думал, что никто ничего не замечает. Конечно, я ошибался – такое трудно не заметить, если ты появляешься на людях, воняя рвотой и с заплаканными глазами, ведь слезы всегда текут, когда тебя выворачивает наизнанку. Но никто ничего не осмеливался мне сказать, все боялись последствий. Сегодня это все – и то, как я ел и как себя вел, – кажется мне бесконечно отвратительным. Но тогда это было частью моей жизни.

Тем не менее в самые черные минуты я брал себя в руки и

утешался двумя мыслями. Первая: в том, что касается борьбы с «Сан», мое дело правое. Если бы хоть одна их мерзкая история соответствовала действительности, я бы ни за что не решился подать на них в суд. И вторая: как бы плохо мне сейчас ни было, есть люди, которым гораздо хуже, и они находят в себе силы сражаться с проблемами, по сравнению с которыми мои беды – ерунда.

Пару лет назад в приемной врача я прочитал в журнале «Ньюсуик» статью об американском подростке Райане Уайте из штата Индиана. Его история одновременно привела меня в ужас и вдохновила. Мальчик родился с гемофилией, и во время переливания крови его заразили СПИДом. Эта болезнь постоянно ходила где-то рядом со мной. Персональный помощник Джона Рида Нил Картер – первый на моей памяти, кто умер от СПИДа: ему поставили диагноз, и через три недели он скончался. А потом словно разверзлась бездна. Из каждого разговора с Тони Кингом – в Америке тогда болезнь была более распространена, чем у нас, – я узнавал, что наш общий старый друг или друг друга тоже болен. Секретарша Джона Рида Джули Леггатт – первая женщина в Британии, у которой диагностировали ВИЧ. Мой бывший бойфренд Тим Лоу тоже оказался ВИЧ-позитивным, как и еще один бывший, белокурый красавчик Вэнс Бак из Вирджинии. Он обожал Игги Попа, и именно фото Вэнса стоит на обложке альбома *Jump Up!* прямо под песней, которую, думая о нем, написали мы с Гари Осборном. Ужасно. Поговорите с любым геем, пережившим семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века, – и он расскажет вам похожую историю. Каждый тогда потерял кого-то из близких, и никто не способен забыть нависшую над нами атмосферу страха.

Но дело было даже не в том, что Райана случайно заразили СПИДом. Ужасно то, что началось после постановки диагноза. В родном городе Кокомо его подвергли полной изоляции. Запретили посещать занятия – якобы он заразит других школьников. Он и его мать Джинни в буквальном смысле вступили в войну. Министерство образования штата Индиана приняло решение в пользу Райана, после чего группа родителей подала иск против его возвращения, и им разрешили провести в школьном спортивном зале аукцион, чтобы собрать средства на адвокатов. В иске было отказано, и тогда все те же родители основали новую альтернативную школу, лишь бы их дети не приближались к Райану. Его оскорбляли на улице, на его школьном шкафчике краской из баллончика писали «ПИДОР», портили его вещи. Прокололи шины у автомобиля его матери, а однажды выстрелили в окно их дома из ружья. Мальчика

поддержали журналисты местной газеты, и тут же на них посыпались звонки с угрозами. Даже районная методистская церковь повернулась к парню спиной: в день празднования Пасхи никто из прихожан не пожал Райану руку и не сказал: «Мир тебе».

Переживая весь этот кошмар, Райан и его мать Джинни вели себя невероятно храбро, достойно и с пониманием. Будучи христианами, которые не на словах, а на деле следуют учению Христа, они простили тех, кто превратил их жизнь в ад. Никого не осуждали, но пытались донести до людей правду о незнакомой страшной хвори. Райан начал вести просветительскую работу – умно, доходчиво и с состраданием рассказывал людям, больным СПИДом, об их болезни. И это в то время, когда общество все еще воспринимало СПИД как божью кару, насланную на гомосексуалистов и наркоманов!

Я выяснил, что Райану нравится моя музыка и что он был бы рад встретиться со мной. Связался с его матерью и пригласил их на концерт в Окленд, а на следующий день повез на экскурсию в Диснейленд. Джинни напоминала мне женщин моей семьи, особенно бабулю: тоже из рабочего класса, такая же прямая и откровенная, трудолюбивая, добрая, но с твердым характером. И Райан оказался просто замечательным парнем. Ему было уже совсем плохо, и я возил его в инвалидном кресле, но он не злился, не горевал и ни разу не сорвался. Этот мальчик не ждал жалости или сочувствия. Он знал, что ему осталось не так уж много, и не хотел тратить время на жалость к самому себе или на злобу на окружающий мир – ведь жизнь так коротка. Обычный милый паренек, который старается жить нормально, насколько возможно в его ситуации.

Замечательная это была семья.

Мы все время общались. Я звонил, посылал цветы, спрашивал, могу ли чем-то помочь. Если выдавалось свободное время, приезжал навестить Райана. Они не могли больше жить в Кокомо, и я одолжил Джинни деньги на переезд в Сисеро, маленький городок неподалеку от Индианаполиса. Я хотел просто отдать ей эти деньги, без возврата, но она настояла на том, что возьмет только в долг – даже составила договор и вынудила меня его подписать. Каждый раз, впадая в черную тоску из-за своих неприятностей, я думал о Джинни и Райане. Вот где настоящая храбрость перед лицом самых тяжелых испытаний, говорил я себе. Прекрати исходить жалостью к Элтону Джону. Живи и борись.

Пока шла война с «Сан», я старался меньше появляться на людях. Но тут вмешался Майкл Паркинсон[182]. В семидесятые я приходил на его телешоу; тогда я играл на фортепиано, а актер

Майкл Кейн пел Maybe It's Because I'm A Londoner. Позже мы с Майклом подружились. Он связался со мной, когда в «Сан» появилась первая статья, и сказал, что сейчас ведет на ITV новое ток-шоу под названием «Один на один», где каждый эпизод посвящен одному гостю. Почему бы мне не приехать в Лидз и не принять участие? Я засомневался, но он настаивал:

– Понимаешь, я делаю это не для себя, а для тебя. Я знаю тебя, и в курсе того, на что способна «Сан». Ты не делаешь публичных заявлений, и это неправильно. Ведь если ты молчишь, люди начинают думать, будто тебе есть что скрывать.

В итоге я пришел на шоу. Видео есть на YouTube – там сразу видно, как сильно подействовала на меня история с «Сан»: небритый, одет кое-как, бледный, кажусь измученным. Но все прошло хорошо, и аудитория явно была на моей стороне. Майкл спросил про «Сан», и я ответил, что недавно они пытались подкупить помощницу моего личного врача, чтобы заполучить мою медицинскую карту.

– Наверное, хотят изучить мою сперму, – предположил я. – Странно, ведь если верить их статьям, моей спермы у них уже должно было набраться несколько ведер.

Вскоре после этого мальчик по вызову, с которого начиналась эпопея, признался другому таблоиду, что все выдумал, а на самом деле никогда в жизни меня не встречал. «Мне даже музыка его не в кайф», – добавил парень.

Утром перед первым судебным заседанием по моему иску «Сан» признала свое полное поражение и предложила компенсацию в размере миллиона фунтов стерлингов – в британской истории это самая крупная сумма досудебных отступных. Но на самом деле они сэкономили: дойди дело до суда, заплатить им пришлось бы гораздо больше. Тем вечером мне не надо было готовиться к даче свидетельских показаний. Я отправился в театр «Друри Лейн» посмотреть на Барри Хамфриса[183] и смеялся как сумасшедший над его дамой Эдной Эверидж. После спектакля мы бродили по Вест-Энду и поджидали, когда в киоски завезут первые утренние газеты. «Сан» отличалась тем, что опровержения печатала самым мелким шрифтом где-то на двадцать восьмой странице. Но я заявил, что приму их извинение, только если его поставят на первую полосу и наберут огромными буквами – как заголовки статей: SORRY ELTON.

Позже люди говорили, что это была знаменательная победа, сильно повлиявшая на британскую прессу. Сомневаюсь, что «Сан» так уж изменилась. Спустя два года они напечатали самую чудовищную ложь за всю историю своего существования – статью о поведении болельщиков «Ливерпуля» во время трагедии на

«Хиллсборо»[184]. Проверка фактов по-прежнему не значилась среди их приоритетов. Но что действительно изменилось – так это отношение газетчиков лично ко мне: внезапно они осознали, что я могу их засудить. Кстати, несколько лет спустя я так и поступил – тогда «Дейли Миррор» заявила, что на одной голливудской вечеринке я рассказывал людям о придуманной мною чудодейственной диете: мол, пищу надо хорошо пережевывать, а потом выплевывать, не глотая. «УБИЙСТВЕННАЯ ДИЕТА ЭЛТОНА!» – кричал заголовок. Но я в то время даже не находился в Америке!

Моя позиция на этот счет очень проста. Вы можете писать обо мне что угодно. Называть бездарностью, старым лысым толстяком – пожалуйста, это ваше личное мнение. За такую писанину я могу послать вас на три буквы. Нет ничего противозаконного в том, чтобы высказывать свое – пусть даже нелицеприятное – мнение о людях, иначе бы меня самого давно посадили за решетку. Но у вас нет никакого права распространять ложь и клевету обо мне, иначе нас ждет встреча в суде.

Мы с Ренатой развелись в начале 1988-го. Брак продлился четыре года. Я знал, что развод неминуем, но чувствовал себя ужасно: я разбил сердце женщины, которая любила меня безусловной любовью. Если бы она начала трясти перед миром моим грязным бельем, я бы ее понял: вина за все плохое в наших отношениях лежит на мне и только на мне. Но Рената слишком порядочная женщина, чтобы совершать такие поступки. Несмотря на всю боль, которую я ей причинил, она никогда не испытывала ко мне ни ненависти, ни даже злости. Долгие годы после нашего развода, едва что-то значимое случалось в моей жизни, репортеры начинали обивать ее порог, надеясь, что она скажет обо мне что-нибудь манкое для читателя. Но она никогда ничего не говорила, только просила оставить ее в покое.

После развода я видел ее всего однажды. Из «Вудсайда» она переехала в очаровательный коттедж в небольшой живописной деревеньке. Несмотря на все случившееся, в ее доме теперь живет истинная любовь. Когда у меня появились дети, я пригласил ее в «Вудсайд» – хотел, чтобы она с ними познакомилась, да и просто повидаться; я мечтал, что она станет частью нашей жизни. Но она отказалась приехать, и я не стал настаивать – из уважения к ее чувствам.

одиннадцать

Состояние корта для сквоша навело меня на мысль, что, возможно, моя страсть к коллекционированию выходит из-под контроля. Этот корт очаровал меня сразу, как только я въехал в «Вудсайд», и всех своих гостей я всегда подбивал сразиться в сквош. Но в последнее время никто там не играл, потому что на площадке попросту невозможно было находиться. Вся она была завалена коробками, а в коробках лежали вещи, купленные мною во время гастролей или отдыха, на аукционах, да где угодно. Распаковать их я не мог, потому что в доме для них места не было. Свободного пространства просто не осталось. Ни одного сантиметра на стенах – везде картины, постеры, золотые и платиновые диски, грамоты в рамках. Для коллекции пластинок я отвел специальную комнату, которая теперь напоминала лабиринт – коридоры из полок от пола до потолка. Здесь хранилось все, что я собирал с самого детства, даже совсем старые пластинки на семьдесят восемь оборотов, купленные на сэкономленные карманные деньги в магазине «Сиверс» в Пиннере; на конвертах я писал чернильной ручкой «Редж Дуайт» – и прикреплял фотографии артистов, вырезанные из журналов. Комнату пришлось расширять, потому что я купил еще одну коллекцию – у продюсера радио Би-би-си Берни Эндрюса, который работал в программе «Субботний клуб» и с Джоном Пилом. В его коллекцию входили все синглы, выпущенные в Британии с 1958 по 1975 год, тысячи и тысячи пластинок. Конечно, большинство из них никуда не годились – даже в золотую эпоху поп-музыки хороших песен было значительно меньше, чем никаких. Но устоять перед таким изобилием душа коллекционера не могла. Стать владельцем всех синглов, выпущенных в Британии! Сбылась мечта идиота.

Но если б я собирал только диски! Нет, я коллекционировал все: предметы искусства, антиквариат, одежду, мебель, драгоценности, стекло. Великолепные вазы в стиле ар-деко, лампы от «Тиффани» и работы Эмиля Галле просто стояли на полу – на столах для них не хватало места, что изумляло, поскольку весь дом я буквально забил мебелью. Ходить по нему было все равно что преодолевать самый запутанный в мире маршрут, да еще и с препятствиями. Стоило поставить ногу не туда или повернуться слишком быстро – а это неминуемо, если ты пьян или под кайфом, – и какая-нибудь вещь стоимостью в тысячи фунтов оказывалась разбитой или испорченной. Мне не удалось свить уютное гнездышко, да и вообще обустроить

пространство, пригодное для нормальной жизни. Приходили гости, и я постоянно напоминал им, чтобы они двигались максимально осторожно. Однажды я приоткрыл дверь корта для сквоша и всунул туда голову – больше ничего не помещалось. И ощутил нечто близкое к отчаянию. С самого детства обладание вещами приносило мне радость, но теперь я испытывал только раздражение: куда же мне девать все это барахло?

Через несколько месяцев после развода с Ренатой я принял радикальное решение. Я все продам. Абсолютно все. Каждую картину, каждую памятную вещь, каждый предмет мебели, каждый арт-объект. Всю одежду, ювелирку, все стекло, все подарки поклонников. Вообще все в доме, кроме коллекции пластинок. Я связался с «Сотбис» – недавно они провели грандиозную посмертную распродажу вещей Энди Уорхолла – и сказал, что хотел бы предложить им несколько лотов. Они тут же прислали в «Вудсайд» экспертов. Оказавшись в доме, те немного занервничали. Не знаю, что именно их поразило: или качество моих лотов (один, понизив голос, сообщил мне, что я владею самой обширной в мире частной коллекцией мебели работы Карло Бугатти), или некоторые абсолютно безумные арт-объекты. Мне нравилось думать, что я развил в себе хороший вкус к предметам мебели и искусства, но часто я не мог устоять перед откровенным китчем. Дома хранились вещи, по сравнению с которыми мои сценические костюмы казались эталоном утонченного вкуса. Например, статуя гориллы бонобо, одетая в платье эдвардианского стиля – такой подарок мне прислал один поклонник, присовокупив к нему записку, в которой объяснял, что эта скульптура символизирует бессмысленность войны. Или радиоприемник в форме куклы: одета она была в прозрачное неглиже, а переключателем радиостанций и регулятором громкости служили ее соски. Или пара кранов для ванной, с прикрепленными к ним огромными яичками из плексигласа.

Я решил оставить себе несколько оригинальных сценариев радиопередачи *Goon Show*[185] с рукописными заметками Спайка Миллигана[186] на полях – их я купил на аукционе. И четыре картины: два полотна Магритта, портрет Фрэнсиса Бэкона работы его любовника Джорджа Дайера (за этот портрет в 1973 году я заплатил тридцать тысяч фунтов, из-за чего меня все называли сумасшедшим) и еще «Читателей «Гардиан» – работу художника Патрика Проктора, которую я поместил на обложку альбома *Blue Moves*. Всему остальному предстояло уйти с молотка.

Хочу, чтобы вы поняли меня правильно. У меня не было ни малейшего намерения вести простую осмысленную жизнь, отречься от мира потребления и материальных ценностей. Если

кому и пришла в голову такая мысль, то вот вам опровержение. Первый раз я пришел на встречу в «Сотбис» якобы затем, чтобы поговорить о будущем аукционе, и немедленно купил две картины русских авангардных художников Игоря и Светланы Копыстянских. Я не просто хотел начать новую жизнь. Я собирался полностью переоборудовать «Вудсайд». Мне надоело обитать в дикой берлоге поп-звезды – хотелось обустроить пространство так, чтобы возникло ощущение дома.

Три дня машины «Сотбис» вывозили мои вещи из «Вудсайда» на лондонский склад. Лотов было так много, что пришлось сделать четыре отдельных аукциона. Один – для сценических костюмов и разных памятных предметов, второй – для ювелирки, третий – для объектов ар-деко и ар-нуво, четвертый же назывался «разное»: сюда входило все, начиная от шелкографии Энди Уорхолла и заканчивая чемоданами и спорранами[187], – однажды я зачем-то купил их аж две штуки.

Фотографии некоторых лотов я разместил на обложке своего нового альбома, который назвал *Reg Strikes Back*: после всего случившегося в 1987 году такое название показалось мне подходящим[188]. Перед аукционом компания «Сотбис» устроила выставку – показали лишь четверть лотов, но они заняли собой практически весь Музей Виктории и Альберта[189]. Удивительно, но эту выставку посетил бывший премьер-министр Эдвард Хит – видимо, присматривал для своей ванной комнаты краны с плексигласовыми яйцами. Аукционы имели огромный успех. Администрации даже пришлось выставить у входа барьеры – столько пришло желающих. Картины продались вдвое дороже предполагаемой цены. Вещи, которые, как я думал, поклонники покупали за гроши, уходили за несколько тысяч фунтов стерлингов. Забрали все: гориллу бонобо, символизирующую бессмысленность войны, шотландские спорраны, непристойную куклу-радио. Даже рекламные баннеры с анонсом аукциона – и те были проданы.

Я на аукционы не ходил. В тот день, когда дом начали потрошить, я уехал и вернулся туда лишь спустя два года. Уезжая, я не знал, что к моменту возвращения в моей жизни произойдут перемены куда более серьезные, чем переоборудование дома.

Пока дом пустовал, я решил пожить в Лондоне. Сначала остановился в отеле «Инн он зе Парк». С ним связана знаменитая история о том, как я звонил в офис «Рокета» и требовал сделать что-нибудь, чтобы за окнами перестал дуть ветер – мол, он мешает мне спать. Сейчас самый подходящий случай сообщить

всем, что эта история – чистой воды легенда и что я никогда не был безумен настолько, чтобы требовать у своих сотрудников «выключить ветер»; наверное, я просто хотел поменять номер на тот, где порывы не так сильно слышны. Увы, должен честно признаться: это не легенда, а истинная правда. Я тогда действительно совсем потерял разум. Набрав номер менеджера по международным связям Роберта Ки, я умолял его убрать куда-нибудь ветер, который дует за окнами моего номера. О том, чтобы переселиться в другие апартаменты, и речи не шло. Было одиннадцать утра, я всю ночь не спал, повсюду валялись наркотики: естественно, я не хотел, чтобы персонал отеля помогал мне переезжать. Я сердитым голосом растолковал Роберту ситуацию. Надо отдать ему должное: вопрос он решил очень быстро. Я услышал, как, прикрывая трубку рукой, он говорит кому-то: «Господи ты боже… Оно наконец совсем сбрендило. – И затем снова мне: – Элтон, ты что, окончательно охренел? Сейчас же повесь трубку и ложись спать».

Я снял дом на западе Лондона, но основную часть времени проводил на гастролях или в Америке. Во-первых, я влюбился в парня из Атланты по имени Хью Уильямс. А потом судьба привела меня в Индианаполис. В Сисеро Райану Уайту морально жилось легче, но неумолимая болезнь брала свое. Весной 1990 года мне позвонила его мама Джин: она сказала, что Райана на «Скорой» доставили в детскую больницу Райли с тяжелой инфекцией дыхательных путей, и сейчас он подключен к аппаратам. Я немедленно вылетел к ним и всю следующую неделю старался хоть чем-то помогать в больнице. Райан то терял сознание, то снова приходил в себя. Я не знал, что еще можно сделать. Убирался в комнате. Расставлял цветы в вазах, приносил сэндвичи и мороженое, покупал мягкие игрушки для других детей отделения. Стал секретарем Дженни – отвечал на ее телефонные звонки, – то есть делал ту работу, за которую сам платил Бобу Хэлли. Райан так активно помогал людям, страдающим от СПИДа, что в итоге стал знаменитостью. Когда прошел слух, что он при смерти, Дженни начали осаждать люди, которые хотели чем-нибудь помочь, и с их наплывом она в одиночку не могла справиться. Звонил Майкл Джексон, и я держал трубку у уха Райана. Райан мог только слушать. Отвечать уже не было сил.

Возвращаясь к себе в отель, я начинал думать о Джинни и ее дочери Андреа. Они наблюдали, как медленно и мучительно умирает их сын и брат. Молились о чуде, но чуда не произошло. Они имели полное право злиться на весь мир, но не так были устроены – терпеливо и стойко все сносили, прощали, относились

к окружающим по-доброму. Даже в самые тяжелые минуты находиться рядом с ними было легко, но я стыдился самого себя так сильно, как никогда раньше. Полжизни я провел, злясь и раздражаясь из-за какой-то малозначащей ерунды. Орал в трубку на человека из-за того, что мне не нравилась погода за окном отеля на Парк Лейн! Каким бы ни было мое детство, такому меня точно не учили. Какого черта я стал таким конченым говнюком? Я всегда умел оправдываться перед собой или сводить все к шутке, но сейчас ничего не получалось: мыльный пузырь моей звездности столкнулся с реальной жизнью и с грохотом лопнул.

Все знали, что я в Индианаполисе, и меня попросили выступить на концерте в «Хузиер Дом»[190] для Farm Aid, благотворительной организации, основанной Нилом Янгом, Уилли Нельсоном и Джоном Мелленкампом. Это было масштабное мероприятие, где собралось множество музыкантов – от Лу Рида до Карла Перкинса и Guns`N`Roses. Я с радостью согласился, но не знал, могу ли оставить Джинни одну у постели Райана – ему оставалось совсем недолго. И все же я поспешил на концерт и буквально взбежал на сцену прямо в той же одежде, в какой был в больнице.

Я играл без бэк-группы, спел песню Daniel, затем I'm Still Standing, затем Candle In The Wind – ее я посвятил Райану. И убежал обратно. Через час я уже был в больнице. Успел. На следующее утро, восьмого апреля, в семь часов одиннадцать минут Райана не стало. Ему было восемнадцать, и до окончания школы оставался всего один месяц.

Джинни попросила меня в числе других нести гроб и еще выступить на похоронах. Я поставил на крышку рояля фото Райана и решил спеть Skyline Pigeon: эта песня из альбома *Empty Sky* – одна из первых действительно достойных, написанных нами с Берни. Мне показалось, она подойдет: «Он мечтал об открытом пространстве, о том, как расправит крылья – и улетит прямо в небо». Похороны Райана стали значимым мероприятием, прямой репортаж вел канал CNN, приехали Майкл Джексон и первая леди Барбара Буш. Было очень много репортеров, сотни обычных людей стояли у церкви под дождем. Пришли многие из тех, кто травил семью Уайтов в Кокомо; они просили Джинни простить их, и она простила.

Райан лежал в открытом гробу. После службы родные и друзья подошли проститься с ним. На нем была джинсовая потертая куртка и зеркальные очки, все это он сам выбрал для своих похорон. Я коснулся ладонью его лица и тихо сказал, что люблю его.

В отель я вернулся в смятенных чувствах. Нет, это была не

только скорбь об утрате. В глубине души кипела злость на самого себя. Я думал о том, сколько всего успел сделать Райан за такой короткий срок, сколько сил он отдал тем, кто болен СПИДом. Парень, у которого ничего не было, сумел изменить отношение общества к этой болезни. Рональд Рейган, будучи президентом, полностью игнорировал проблемы ВИЧ и СПИДа – и вот сегодня утром «Вашингтон пост» публикует его заметку, превозносящую Райана и его борьбу со «страхом и невежеством». Я, гей и рок-звезда, все восьмидесятые наблюдал, как в мучениях умирают мои коллеги, друзья и бывшие возлюбленные; спустя годы я выложил стены часовни в «Вудсайде» табличками с их именами. Но что конкретно я сделал для борьбы с болезнью сейчас? Да ничего. Ежегодно я проходил проверку на ВИЧ-инфекцию, и каждый раз, словно по волшебству, оказывался «чистым». Я отыграл пару благотворительных концертов, принимал участие в записи сингла – версии песни Берта Бакарака That's What Friends Are For – вместе с Дион Уорвик, Стиви Уандером и Глэдис Найт. Сингл стал бестселлером в Америке, на его продажах удалось собрать три миллиона долларов. Участвовал в некоторых фандрайзинговых мероприятиях, организованных Элизабет Тейлор, которую знал очень давно. У Лиз всегда был имидж этакой гранд-дамы, но в жизни она была совсем другая – добрая, гостеприимная, с типично английским грубоватым чувством юмора. Правда, проводя с ней время, надо было внимательно следить за своими украшениями – она с ума сходила от ювелирки. Если замечала на вас что-то, что ей нравилось, включала все свое обаяние и магическим образом уговаривала подарить ей это. Вы заходили в ее костюмерную в часах от «Картье», а выходили уже без них, так и не осознав, каким образом ей удалось их выцыганить. Думаю, такими же приемами она пользовалась, когда собирала деньги на благотворительность. Ей хватало духу говорить о самых больных проблемах, она основала Американский Фонд исследований СПИДа, заставила Голливуд обратить внимание на эту общую беду, хотя все вокруг постоянно твердили, что этим она погубит свою карьеру.

Я должен был вести себя так же. Должен был выйти на первую линию фронта, положить голову на плаху, как Лиз Тейлор. Должен был принять участие в марше, организованном Ларри Крамером[191] и ACT UP[192]. Мои же действия – участие в записи благотворительных синглов, вечеринках, на которых знаменитости призывают «сдавать деньги», – все это какая-то пустая показуха. Надо было воспользоваться своей славой, как трибуной, для того чтобы кричать о важном и менять мир к лучшему.

Мне стало тошно от самого себя.

Я включил телевизор – в новостях показывали репортаж с похорон, и я окончательно впал в отчаяние. Служба была очень красивая, и я выступил неплохо. Но всякий раз, как камера показывала меня крупным планом, я застывал от ужаса. Выглядел я чудовищно, и это не было связано с трагедией Райана – только с моим собственным образом жизни. Одутловатый, серая кожа, белые волосы. Изношенный, выдохшийся, больной. Сорок три года – а на вид все семьдесят. Боже, и это я? Надо срочно что-то менять.

Но ничего не изменилось. Уехав из Индианаполиса, я вернулся к тому существованию, которое считал для себя нормой. Еще до того, как Райан попал в больницу, я записал новый альбом, и теперь надо было заняться его продвижением – пока Райан умирал, я забросил все дела. *Sleeping with the Past* мы записывали в Дании, в глуши, в городке под названием Пак – отчасти потому, что я прятался от прессы, которая после развода с Ренатой не давала мне проходу, отчасти чтобы не вести себя как во время работы над Leather Jackets. Это помогло. Даже мне не удалось отыскать наркодилеров в датском захолустье. Была зима, холод пробирал до костей, нас окружала пустыня: не лучший вариант для подлунных встреч с торговцами кокаином. Зато каждый вечер мы ездили в Рандерс, городок, расположенный неподалеку, и осаждали местные бары, каждый раз изумляясь датской манере выпивать. Датчане – чудесный народ, очень дружелюбный. Видя, что я человек азартный, они сразу предлагали сразиться в дартс. Но когда они начинали пить, давало о себе знать наследие древних викингов. Я пытался угнаться за ними, но одного соревновательного духа не хватало. Датский шнапс оказался убийственным напитком – местные называли его «нефтью северного моря». После его употребления я обычно просыпался в чужом номере с языком, прилипшим к небу, в полной уверенности, что на этот раз смертельный исход неизбежен. Остальные члены нашей команды испытывали не меньшие страдания. Помню, в день рождения нашего продюсера Криса Томаса я нанял духовой оркестр, чтобы утром они постучались в дверь его номера и сыграли «С днем рожденья тебя». Представляете, какие чувства может вызвать эта невинная песенка у человека, мучимого похмельем?

Шнапс, похмелье, бары – все это происходило в будни. По выходным я позволял себе расслабиться и летел в Париж потусоваться. На Рю де Комартэн был гей-клуб «Бой», который мне очень нравился. Говоря по правде, я чувствовал, что уже стар для походов в ночные клубы, но музыка каждый раз

заставляла меня возвращаться туда. Диджеи Лоран Гарнье и Дэвид Гетта включали хаус и техно, стили, которые лишь недавно начинали захватывать клубный Париж. Эта музыка казалась мне такой же свежей, волнующей и дерзкой, как диско в семидесятые. И где бы сейчас я ни услышал композицию Good Life группы Inner City[193], я вспоминаю, как мы сходили с ума на танцполе в клубе «Бой».

Несмотря на вылазки в Париж и несметное количество «северной нефти», альбом *Sleeping with the Past* получился хороший. Мы составили его из композиций, навеянных старой музыкой в стиле соул, той, что я играл по ночным клубам в шестидесятые годы. Особенно четко пролеживается ее влияние в песнях Amazes Me и I Never Knew Her Name. Единственное, что вызывало у меня сомнения, – баллада «Sacrifice». Демонстрируя безошибочный коммерческий инстинкт – точно так же, как с Don't Let The Sun Go Down On Me, из-за которой я грозился придушить Гаса Даджина, – я заявил, что не желаю ставить балладу в альбом. Меня долго и тщетно уговаривали, потом звукозаписывающая компания предложила выпустить ее синглом. Мне это показалось верхом глупости: баллада длится целых пять минут, какой идиот станет ее слушать? Тем не менее сингл вышел. Балладу сначала поставили на оборотную сторону пластинки с песней Healing Hands – ее я счел более коммерческой. Сингл продавался не очень удачно примерно год, но в июне 1990-го диджей Стив Райт, проигнорировав сторону «А», начал постоянно крутить Sacrifice в своей программе на «Радио Уан». И свершилось чудо: через три недели я впервые за всю карьеру занял первую строчку британского хит-парада с сольным синглом.

Вспоминая все, что думал и чувствовал после похорон Райана, я решил направить заработанные мною на этом сингле средства четырем британским фондам по борьбе со СПИДом. И объявил, что отныне буду поступать так же после выхода каждого нового сингла. Я перевел деньги и новой благотворительной организации «Стоунуолл», которая лоббировала права ЛГБТ после недавнего принятия законодателям Пункта 28, запрещающего местным правительственным органам и школам Британии «пропагандировать гомосексуализм».

Потом я отправился на телевизионную церемонию вручения призов International Rock Awards и с ходу набросился на ведущего, комика-гомофоба Сэма Кинисона. Этот тип особенно любил отпускать шутки про СПИД. Через неделю после похорон Райана на радиошоу Говарда Стерна[194] он трепался об этом и весело хихикал. Стоя на сцене, я сообщил, что пришел заявить протест. Я назвал Кинисона скотиной и посоветовал

организаторам шоу никогда больше не предлагать ему роль ведущего. Его ответ потряс меня. Он начал говорить, что я должен принести ему извинения и что мои нападки на него – это «вообще за гранью». Человек, который насмехался над тем, как умирают «пидоры» и которого следовало бы осудить за оскорбления и антигуманность, обиделся на то, что я, видите ли, очернил его «доброе имя». То есть ему можно – а другим нельзя? Естественно, ни о каких извинениях не могло идти и речи.

Я отыграл несколько благотворительных концертов для фонда памяти Райана на открытии нового казино Дональда Трампа в Атлантик-Сити. Пригласил Джинни Уайт, но шоу прошли не слишком удачно. Я накачался спиртным, наркотиками и на сцене делал нелепые ошибки. Ничего криминального – где-то забыл слова, где-то промахнулся с клавишей. Сомневаюсь, что кто-то из зрителей это заметил, и никто из группы ничего мне не сказал. Я никогда не тратил много времени на «разбор полетов» после концертов, мы не просиживали часами, не выискивали ошибки, не обсуждали, кто и где налажал. Я просто говорил, что все молодцы и все прошло отлично, и отправлялся восвояси. Но в Атлантик Сити в глубине души я осознавал, что сейчас нарушил еще одно свое негласное правило. Пара дорожек кокаина после концерта – это пожалуйста. Но перед выступлением? Нет, раньше я такого себе не позволял, считая это проявлением неуважения к зрителю.

Я прилетел в Атланту к Хью, где меня ждала ошеломляющая новость: он собирается завязать с алкоголем и наркотиками, но без помощи не справится. Поэтому он уезжает в реабилитационный центр. Он уже записался на программу в «Сьерра Таксон», в том же самом центре, где Ринго Старр пару лет назад лечился от алкоголизма. Так что сегодня вечером он уезжает.

После того что случилось в Индианаполисе – после стыда, который я испытывал, глядя на маму и сестру Райана, после ужасного ощущения от собственного вида на экране во время репортажа с похорон, – можно было подумать, что слова Хью я встретил с пониманием. Более того, я должен был отправиться туда с ним. Но ничего подобного – я впал в безумную ярость. Хью был последним из соучастников моих «преступлений», и раз он признает, что у него есть проблемы, – значит, те же проблемы имеются у меня. Он только что обвинил меня в том, что я наркоман.

Не он первый давал мне понять, что мне требуется помощь. Мой личный помощник Майк Хьюитсон, уже уволившись, написал

мне очень толковое письмо: «Вы должны остановиться. Прекратите заниматься этими глупостями, не запихивайте больше в нос этот чертов порошок». Моя реакция? Я не общался с ним полтора года. Со мной пытался говорить и Тони Кинг. Как-то они зашли ко мне с Фредди Меркьюри, и Фредди потом сказал ему, что, похоже, я в беде и Тони обязан вмешаться: «Ты должен помочь, ведь это твой друг». В устах Фредди, который сам любил выпить и не понаслышке знал, что такое кокаин, это заявление звучало более чем серьезно. Но я не прислушался к словам Тони, отмахнулся – да ну, типичная ханжеская проповедь бывшего алкоголика. За пару лет до этого на ту же тему со мной заговорил и Джордж Харрисон. Дело было на грандиозной вечеринке в арендованном мною доме в Лос-Анджелесе. Мы украсили сад иллюминацией, я пригласил всех, кого знал в городе, Боб Хэлли разжег барбекю. Где-то в середине празднества, когда я находился уже в невменяемом состоянии, в сад вошел человек, одетый небрежно и по-простому. Кто это, черт дери? Наверное, кто-то из прислуги? Может быть, садовник? И я заорал:

– А что, садовник тоже решил с нами выпить? Как интересно!

Наступила гробовая тишина. Потом Боб Хэлли тихо сказал:

– Элтон, что с тобой? Это не садовник. Это *Боб Дилан*.

Собрав остатки разума, измученного кокаином, я попытался исправить положение – бросился к Бобу, обнял его и повел в дом.

– Боб! Боб! Разве можно приходить на такую вечеринку в затрапезном виде? Давай поднимемся наверх, дорогой, и я подберу тебе что-то из своих нарядов. Ну, идем же!

Боб смотрел на меня с ужасом: его явно не вдохновила перспектива одеться, как Элтон Джон. Дело было в конце восьмидесятых, я тогда носил бог знает что – например, розовый костюм с соломенной шляпой, из чьей тульи торчала вверх увесистая модель Эйфелевой башни. Так что Боба вряд ли стоило винить в нежелании следовать моим модным пристрастиям. Влекомый кокаиновым угаром, я продолжал тащить Боба в дом, и тут до меня донесся знакомый голос с ливерпульским акцентом.

– Элтон, – спокойно произнес Джордж, – я считаю, тебе надо притормозить с порошком.

Бобу каким-то образом удалось увильнуть от переодевания. Хотя факт остается фактом: один из «битлов» прилюдно посоветовал мне пересмотреть отношение к кокаину. Но тогда я над этим только посмеялся.

Теперь же мне было точно не до шуток. Семейный темперамент Дуайтов вырвался на волю с бешеной силой. Никогда я так не бушевал. Возможно, потому, что в глубине души знал: Хью прав. Последовала ужасная ссора. Я орал как

сумасшедший. Выкрикивал самые обидные, оскорбительные, больно ранящие слова. Господи, что я говорил! Такое невозможно забыть – даже спустя долгие годы сказанное вдруг всплывает на поверхность памяти и заставляет жмуриться от стыда. Но мои вопли не возымели действия: вечером Хью улетел в Аризону.

Странно, но позже он попросил меня навестить его в реабилитационном центре. Это была ошибка. Я приехал всего на двадцать минут, но их хватило для того, чтобы устроить еще один чудовищный скандал. Я буквально взорвался: это место – чертова дыра, психологи и психотерапевты – кучка тупых уродов, ему здесь промывают мозги, он должен сейчас же уехать! Хью отказался. Я пулей выскочил вон и первым рейсом вернулся в Лондон.

В Лондоне я окопался в арендованном доме, закрыл все двери на замок. Две недели я сидел в спальне совершенно один, нюхал кокс и глушил виски. Иногда я что-то съедал, потом немедленно засовывал два пальца в рот. Я почти не спал, смотрел порнуху и принимал наркотики. Не отвечал на звонки. Никому не открывал дверь. Если кто-то стучал, я потом часами сидел в абсолютной тишине, объятый страхом и подозрением, что они стоят у двери и караулят меня.

Иногда я слушал музыку. Снова и снова включал дуэт Питера Гэбриела и Кейт Буш Don't Give Up, плакал и подпевал: «Не за что бороться больше, все мои мечты погибли». Иногда целыми днями я писал всякую бессмыслицу: составлял списки дисков из моей коллекции, перечислял людей, с которыми хотел бы поработать, футбольные команды, на чьих матчах побывал, – лишь бы заполнить чем-то время, найти причину, чтобы запихнуть в себя еще кокаина, и не спать, не спать, не спать. Меня ждали на совете директоров клуба «Уотфорд», но я позвонил и сказался больным. Я не мылся, не переодевался. Сидел в халате, вымазанном собственной блевотиной. Отвратительно. Я был мерзок сам себе.

Иногда мне казалось, что я больше не хочу видеться с Хью. Иногда мне страшно хотелось поговорить с ним, но дозвониться не получалось. Его перевели в другой филиал, для тех, кто идет на поправку, но после устроенной в центре сцены никто не говорил мне, где он и как можно с ним связаться. В конце концов я нанюхался и допился до такого состояния, что внезапно осознал: все, больше я не могу. Пара дней в таком духе – и я умру или от передозировки, или от сердечного приступа. Этого ли я хотел? Нет. Несмотря на постоянное саморазрушение, я не стремился разрушить себя окончательно. Я не представлял, как жить дальше, но умирать точно не хотел.

Мне удалось связаться с бывшим бойфрендом Хью Бэрроном

Сигаром, и он сказал, что Хью сейчас в Прескотте, городе в четырех часах езды от Таксона. Я позвонил туда Хью. Он явно нервничал. Сказал, что мы можем встретиться, но при определенных условиях. Сначала я должен поговорить с его психологом. Он и сам хочет увидеться, потому что должен сказать мне что-то важное. Но говорить будет только в присутствии психолога. Он ничего не объяснял, но я почувствовал, что нас слушают. Мгновение я колебался. На этот раз я не стал убеждать себя в том, что у меня все классно, что я умен, успешен, богат и все решаю сам. Мне было чертовски плохо, я стыдился самого себя. И я согласился встретиться на любых условиях.

Со мной в Лос-Анджелес полетел Роберт Ки, а в аэропорту нас ждала Конни Паппас. Я позвонил психологу Хью. Он объяснил, что наша встреча – часть лечения. Мы оба должны составить списки того, что нам не нравится друг в друге, а потом прочитать их вслух. Я занервничал, но составил такой список.

На следующий день в номере небольшого отеля в Прескотте мы увиделись с Хью. Сидели друг напротив друга так близко, что колени соприкасались, и сжимали в руках листки бумаги. Я начал первым. Сказал, что меня раздражает его неряшливость. Что он всюду разбрасывает одежду. Не убирает CD-диски обратно в коробки. Забывает выключать свет, когда вечером выходит из комнаты. Глупые придирки, мелочи, которые действуют на нервы любому, кто живет с партнершей или партнером.

Затем наступил черед Хью. Я заметил, что он дрожит, – он был испуган еще больше, чем я.

– Ты наркоман, – прочел он с листа. – Ты алкоголик. У тебя пищевая зависимость и булимия. И зависимость от секса. У тебя созависимости.

И все. Наступила долгая пауза. Хью по-прежнему дрожал. Он не мог смотреть на меня – наверное, ждал, что сейчас я снова начну кричать.

– Да, – сказал я тихо. – Все верно. Все это про меня.

Хью и его психолог вскинули на меня глаза.

– Вам нужна помощь? – спросил психолог. – Вы хотите выздороветь?

Я разрыдался.

– Да, – проговорил я наконец. – Мне нужна помощь. Я хочу выздороветь.

двенадцать

Лютеранский госпиталь,
Парк Ридж, Иллинойс
10 августа 1990 года

Ты и я – мы прожили вместе шестнадцать лет, и нам так часто было хорошо вместе. Но теперь пришло время рассказать тебе о моих истинных чувствах. Как же я любил тебя! Вначале мы были почти неразлучны – мы часто встречались или у меня дома, или в гостях. Мы привязались друг к другу, я уже не мог без тебя. Я верил, что мы – прекрасная пара: к черту все, что говорят другие.

В нашу первую встречу ты словно выпустил на волю все, что я в себе подавлял. Впервые в жизни я открыто говорил на любые темы. В тебе было нечто особенное, какая-то магия, рушившая все мои барьеры, все границы. Ты подарил мне свободу. Я не ревновал, когда в тебя влюблялись другие. Наоборот, мне нравилось, что они тоже очарованы тобой. Теперь я понимаю, как глупо себя вел, ведь ты совсем не заботился обо мне. Это была игра в одни ворота. Тебя волновало лишь одно: как бы завлечь в свои сети больше людей.

От любви к тебе страдала моя душа, болело тело – оставленные тобой физические и душевные раны никогда не затянутся. Помнишь романтическую фразу – «я умру за тебя»? Что ж, да, я едва не умер. Много раз мы расставались, но я всегда возвращался к тебе. Знал, что это ошибка, и все равно возвращался. Когда рядом не оказывалось никого, кто мог бы меня утешить, хватало одного телефонного звонка, и ты тут же оказывался рядом в любое время дня и ночи. Ты не переставал удивлять меня; я посылал за тобой автомобили, а иногда и самолеты – все, что угодно, лишь бы провести с тобой еще несколько часов или дней. Наконец ты появлялся, и я снова сливался с тобой в экстазе.

Мы общались с большими компаниями, оживленно и шумно спорили о том, как изменить мир к лучшему. И, конечно, ничего не изменили, но почему не поболтать об этом? Мы занимались сексом с людьми, которых едва знали, и на них нам было в общем-то наплевать. Не важно, кто это, главное, что он сейчас со мной. Наутро

они уходили, и я опять оставался один. И ты тоже исчезал. Я желал тебя так сильно и страстно, но тебя не было рядом. С тобой я становился уверенным в себе победителем. Без тебя превращался в маленького запуганного мальчика.

Моей семье ты никогда не нравился. Говоря по правде, они ненавидели тебя за безграничную власть, которую ты имел надо мной. Ради тебя я отдалился от семьи, потерял многих друзей. Я хотел, чтобы они поняли всю глубину моих чувств к тебе. Но они не слушали меня, и тогда я злился и расстраивался до слез. Мне было стыдно, что ты для меня важнее родных, ближе, чем моя кровь и плоть. Я думал только о нас с тобой. И в конце концов решил, что ты будешь только моим. Я больше не желал ни с кем тебя делить.

Я просто хотел, чтобы мы были вдвоем – только ты и я. Но я не был счастлив, ведь ты полностью подчинил себе мою жизнь. Ты стал моим Свенгали.

А теперь я подхожу к главному. Шестнадцать лет прошло, прежде чем я понял, что ты привел меня в никуда. Я пытался вступать в отношения с другими – но рано или поздно втягивал в них и тебя. Я использовал людей в наших с тобой целях и не находил ни участия, ни любви. А чувства, которые я к ним испытывал, всегда были поверхностны.

Я так устал от себя. Я себя возненавидел. Но недавно встретил человека, которому доверился, и полюбил его. Он сказал мне, что в отношениях должны быть двое, а не трое. Благодаря ему я увидел, каким эгоцентриком стал. Он заставил меня задуматься о моей жизни, пересмотреть ценности. Время сейчас остановилось, и у меня есть возможность изменить свою жизнь. Я принимаю перемены со смирением и прощаюсь с тобой навсегда.

Ты был моей шлюхой. Ты лишил меня разума и духовности, не давал разобраться в том, кто же я есть на самом деле. Я не хочу лежать с тобой в одной могиле. Я собираюсь умереть естественной смертью, в мире и гармонии с собой. Остаток жизни я проживу честно, отвечая за последствия нашей связи, не прячась за звездный статус. Но сейчас, после шестнадцати лет, проведенных с тобой, я чувствую себя почти мертвым.

Еще раз говорю тебе «прощай», белая леди. Если нам доведется встретиться – ты же, не будем скрывать,

любишь пошататься по городу, – я даже не взгляну на тебя и немедленно уйду. Мы виделись слишком часто в последние годы, меня тошнит от тебя. Так что победа за тобой. Я сдаюсь.

За внимание спасибо, за остальное – нет.

Элтон

Как только я произнес: «Мне нужна помощь», я почувствовал себя другим. Словно что-то снова вспыхнуло во мне – свет, указывавший путь, но погасший давным-давно. Я знал: мне станет лучше.

Но не все оказалось так просто. Прежде всего в Америке для меня никак не могли подобрать подходящую клинику. Большинство из них специализировались на одной зависимости, у меня же их было три: кокаин, алкоголь, еда. Я не хотел, чтобы каждую лечили по отдельности, это заняло бы очень много времени.

Но наконец клиника нашлась. Увидев ее, я с ходу развернулся. Реабилитационный центр, в котором лечился Хью, – если помните, я назвал его грязной дырой – на самом деле был роскошный, расположенный в живописных окрестностях Таксона, с захватывающими дух видами на горы Санта-Каталина. Там был большой плавательный бассейн, рядом с ним классы для занятий йогой. Мне же досталась обычная общая больница – Лютеранский госпиталь в Парк Ридже, пригороде Чикаго. Непохоже, чтобы там проводились йога-классы. Окна большого серого монолитного здания выходили на парковку торгового центра. Но со мной по-прежнему был Роберт Ки, и мне не хотелось выставить себя трусом. Он проводил меня в приемное отделение, обнял на прощание и улетел в Англию. Я зарегистрировался под именем Джордж Кинг. Было двадцать девятое июля 1990 года. Мне сказали, что в палате у меня есть сосед, и я впал в тоску, пока его не увидел, – его звали Грег, он был гей, очень симпатичный. По крайней мере, в этом мрачном месте нашлось хоть что-то приятное глазу.

Через шесть дней я выписался из больницы. Не то чтобы там было так тяжело – хотя на самом деле да, было. Я не мог спать, лежал, не смыкая глаз всю ночь в ожидании, когда в полседьмого зазвонит сигнал к подъему. У меня начались панические атаки, перепады настроения – не от хорошего к плохому, а от плохого к ужасному. Туман депрессии то редел, то становился гуще, но не рассеивался. Я чувствовал себя слабым, больным и совсем одиноким. Звонить по телефону на волю или принимать посетителей запрещалось. Однажды, правда, мне позволили

нарушить запрет – в теленовостях сообщили, что гитарист Стиви Рэй Воган погиб при крушении вертолета. В то время он гастролировал с Эриком Клэптоном, и этот вертолет входил в колонну, перевозившую артистов и концертную бригаду. Рэй Купер тоже играл в группе Эрика Клэптона. В новостях все перепутали, сказали, что Эрик тоже погиб, и я не знал, находился ли Рэй в том вертолете. После долгих рыданий и бесконечной мольбы мне наконец разрешили позвонить и узнать, что случилось на самом деле. Оказалось, с Рэем все в порядке.

Мне постоянно было стыдно. Не из-за моих зависимостей, а потому, что нам полагалось делать все самим: убираться в палате, стелить постели. А я от этого совсем отвык. Самостоятельно я только брился и подтирал зад, все остальное за меня делали люди, которым я платил. Я не умел включать стиральную машину и попросил другую пациентку, Пегги, показать мне. Увидев, что я не шучу, она с готовностью взялась помогать, но это не отменяло того, что я в сорок три года не знал, как постирать белье. В неделю нам разрешалось тратить десять долларов на канцелярию или на жевательную резинку – так вот, я представления не имел, что сколько стоит. Годы прошли с тех пор, как я покупал что-нибудь в обычном магазине – не в аукционном доме и не в дизайнерском бутике. Позорище! Когда ты богат и знаменит, тебя словно окружает стена, состоящая из прислуги и прихлебал. Очень легко попасть в такую ловушку, особенно если не хватило ума не допустить такого. Сегодня я вижу это постоянно, особенно в рэперской среде: они ходят повсюду с бесконечной свитой, куда более многочисленной, чем та, что вилась около Элвиса. Рэперы часто даже не ведают, что творят, они действуют из благих побуждений: дают работу друзьям детства, особенно если их детство прошло не в самом приятном районе. Но благотворительность такого рода опасна. Ты думаешь, что окружаешь себя людьми, которые облегчат твою жизнь, но на самом деле изолируешь себя от внешнего мира. И чем больше изолируешь, тем глубже погружаешься в иллюзию – по крайней мере, так было со мной. Ты превращаешься в другого человека, не того, каким тебе предназначено быть от рождения, – и твоя жизнь становится тяжелее, а ты сам постоянно чувствуешь себя несчастным. И в конце концов оказываешься в подобии средневекового королевского двора, где ты – монарх, а приближенные вокруг плетут интриги, стремясь стать к тебе еще ближе, получить больше влияния на тебя. Боясь потерять свое место под солнцем, они подсиживают друг друга. Гротескный иллюзорный мир, который разрушает душу. Но этот мир ты создаешь сам.

Схема лечения в клинике была основана на двенадцати шагах, как у «анонимных алкоголиков». И, как только мой психолог начал говорить о Боге, я взбесился. Я ничего не хотел знать о религии: она была для меня воплощением догм, фанатизма, морализаторства. Люди вроде Джерри Фалуэлла[195] кричали, что СПИД – божья кара, обрушившаяся на гомосексуалистов. Для многих такое восприятие Бога становится непреодолимым препятствием, отвращающим от лечения. Годы спустя я пытался убедить Джорджа Майкла лечь в реабилитационный центр, но он категорически отказался по той же причине: «Я не хочу слушать ничего о Боге, я не хочу быть последователем культа». Я старался объяснить ему, что когда-то думал точно так же, но вышло только хуже: он решил, что я веду себя покровительственно и самодовольно, навязываю ему свои идеи. Но тогда в Чикаго я действительно думал так же, как он. Я сбежал с собрания, собрал вещи и покинул клинику.

И дошел до ограды. Там я сел на скамейку, поставил рядом чемодан и расплакался. Я мог запросто позвонить кому-то и мигом свалить отсюда. Но куда я поеду? Назад в Лондон? И что буду делать? Сидеть один в своей спальне в заблеванном халате, нюхать кокаин и целыми днями смотреть порно? Не слишком привлекательная перспектива. Я взял чемодан и покорно поплелся обратно. А через пару дней снова хотел сбежать.

Мой психолог считал, что я недостаточно серьезно отношусь к программе: «Ты работаешь спустя рукава, для тебя это просто еще одно развлечение». Вот тут я действительно взбесился. Сказал, что, если бы не относился к лечению серьезно, меня бы здесь давно не было. И что он придирается ко мне только потому, что я – знаменитость. Мои аргументы он не принял – похоже, он меня вообще не слушал. И тогда я послал его на три буквы. Он очнулся, а я предстал перед дисциплинарным комитетом и получил строгое предупреждение за сквернословие и дурное поведение.

Но тем не менее все согласились с тем, что мне нужен другой психолог. Им стала женщина по имени Дебби, которая не воспринимала меня как типичный пример зарвавшейся звезды. И я начал делать успехи. Мне понравилась программа. Понравилось самому себя обслуживать. Я начал задумываться если не о Боге, то о некоей высшей силе, и видел в этом смысл. Вспоминал свою жизнь, все те моменты, когда я действовал, повинуясь шестому чувству или судьбе. Тот день, когда Рэй Уильямс протянул мне конверт со стихами Берни *как бы случайно*; журнал «Ньюсуик» со статьей о Райане, которую я тоже *как бы случайно* прочитал в ожидании приема у доктора, решение вывезти все вещи из

«Вудсайда» – теперь оно казалось уже не чисто импульсивным, а вполне обоснованным: я на самом деле хотел изменить свою жизнь. Я с удовольствием посещал собрания анонимных алкоголиков. Через какое-то время ко мне начали пускать посетителей: пришли Билли Джин Кинг и ее партнерша Илана Клосс, потом Берни, потом мои друзья Джонни и Эдди Барбисы. И я постоянно писал, это было необходимо: начиная от прощального письма кокаину (Берни, прочитав его, расплакался) и заканчивая списком последствий моего злоупотребления алкоголем и кокаином. Поначалу писать было сложно, но потом я уже не мог остановиться. В первый же день в клинике врач спросил меня, как я себя чувствую. Я сказал правду: не знаю. Не уверен, что долгие годы вообще испытывал какие-либо чувства – скорее всего, это были первобытные эмоции, пробужденные приемом наркотиков и алкоголем. Теперь же я начал чувствовать, и список последствий растянулся на три страницы. Там значились, в числе прочего, тяжелые депрессии и выступления на сцене под действием наркотиков.

Это было как катарсис. Групповые встречи вытащили наружу все мои тайны, но мне стало значительно легче. Я смотрел на людей, переживших настоящий кошмар. Нам сразу объяснили, что говорить придется о своих самых страшных и грязных секретах. Я рассказал о моих прошлых отношениях, о том, как ломал жизни людей ради собственного удовольствия. Потом мы слушали девушку с юга Америки – она лечилась от пищевой зависимости. Свою историю она рассказывала сорок пять минут, во-первых, потому что рыдала и никак не могла успокоиться, а во-вторых, потому что ей приходилось перекрикивать других – все вокруг рыдали тоже. В детстве ее насиловал собственный отец. В подростковом возрасте она забеременела. Боясь признаться в этом, она начала есть все больше и больше, чтобы скрыть растущий живот. Родила она сама, не в больнице, в страхе и одиночестве.

В общем, такие встречи не для слабонервных, но я их полюбил. Они вынудили меня быть честным после долгих лет жизни во лжи, чужой и собственной. Этой девушке хватило смелости признаться людям в том, что ее насиловал отец. Ее храбрость побуждала сделать шаг вперед и рассказать правду о себе. А как иначе? Твое молчание – или умалчивание – оскорбление для остальных. Наркомания и алкоголизм – это всегда ложь, заметание следов, вранье самому себе, когда ты убеждаешь себя, что с тобой все в порядке, вранье другим – «не могу прийти, заболел», хотя на самом деле у тебя ломка или похмелье. Быть честным тяжело, но это дает свободу. Ты

сбрасываешь багаж, который взвалила на тебя ложь, избавляешься от стыда и смущения.

Мне и раньше пытались помочь, но всякий раз я отказывался: мол, да кто ты такой, что ты понимаешь в моей жизни, ты не Элтон Джон и не можешь знать, каково быть мною. Но во время групповых встреч мне сразу стало ясно: другие зависимые отлично меня понимают. Понимают *слишком хорошо*. На одной из встреч всех попросили написать, что им нравится и что не нравится во мне. Получилось два списка. Я начал говорить о них, подробно обсуждал каждый пункт, спокойно принимал критику. Я думал – вот какой я молодец. Но через некоторое время кто-то прервал меня: почему я говорю только о негативных замечаниях, почему игнорирую позитивные? Значит, у меня занижена самооценка. И я внезапно понял: так и есть. Они правы. Наверное, именно поэтому я всю жизнь обожал выступать на сцене. Тебе сложно принять личный комплимент, поверить в его искренность, и ты начинаешь искать обезличенную альтернативу: строчки чартов, аплодисменты зрителей, с которыми ты не знаком. Неудивительно, что на сцене все проблемы испарялись. И что жизнь вне сцены была сплошным хаосом. После собрания я пошел к себе в палату, взял листок и написал на нем крупными буквами: «Я ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК. Я ДОСТОИН ЛУЧШЕГО». Листок я положил в голубую папку со всеми моими записями.

Так началась моя новая жизнь.

Через полтора месяца меня выписали из клиники. Вернувшись в Лондон, я позвонил в офис «Рокета» и объявил, что беру отпуск. Никаких концертов и новых песен, никакой студийной работы – как минимум год, а может, полтора. Это было неслыханно: с 1965 года я никогда не отдыхал больше недели. Но сотрудники поняли меня. Единственное, я не стал нарушать давнюю договоренность и выступил вместе с Рэем Купером на коротком благотворительном концерте в отеле «Гросвенор Хаус». Было страшновато, но мы справились. Там же я посмотрел обложку моего «полного собрания сочинений» – его выход я планировал еще до отъезда в клинику. Название мне понравилось – *To Be Continued…* – оно звучало жизнеутверждающе и настраивало на позитивный лад. Но внезапно я понял, что обложку придется заменить – вместо коллажа из снимков семидесятых-восьмидесятых годов нужно поставить мою нынешнюю фотографию. Обложка должна отражать мою сегодняшнюю жизнь, а не рассказывать о прошлом.

Собственно, вот и вся работа, которую я проделал в следующий год, – не считая, конечно, внезапного появления на

сцене на одном из концертов Рода Стюарта. Я тогда уселся к нему на колени и мешал спеть песню You're In My Heart. Но подшутить над Родом – не работа, я всегда относился к этому как к увлекательному хобби.

Некоторое время я провел с Хью в Атланте, но отношения постепенно разладились. Оба наших наставника не рекомендовали возобновлять нашу связь: раз за разом они повторяли, что ничего не получится, теперь, когда мы «чисты», динамика взаимоотношений изменится бесповоротно. Мы не послушались, сочли их слова глупыми: половина всех текстов, написанных мною в клинике, была о любви к Хью и о том, как я по нему скучаю. Мы сняли квартиру, съехались и, к нашему общему удивлению, очень скоро осознали, что отношения и правда изменились. Ничего не получалось. Расставались мы тяжело, без ссор и криков, но с огромной горечью. Мы многое прошли вместе, но теперь пришла пора каждому двигаться дальше.

Следующие полтора года я провел в Лондоне, где вел тихую размеренную жизнь. Купил дом, который раньше снимал – тот самый, в котором последний раз пил виски и нюхал кокаин. Я жил совсем один. Не стал нанимать прислугу, мне нравилось делать все самостоятельно. Купил автомобиль «Мини Купер», в приюте для животных в Баттерси взял собаку, маленького шалопая по кличке Томас. Каждое утро в полседьмого я вел Томаса на прогулку. Я обожал наши прогулки. Мне доводилось слышать сотни банальных историй о том, как наркоман или алкоголик постепенно возвращается к жизни – начинает видеть то, что раньше не замечал: красоту и прелесть цветов, волшебные краски природы, и так далее, и тому подобное… Да, банальность, да, клише – но лишь потому, что это истинная правда. Уверен, именно поэтому я начал коллекционировать фотографии. Меня всегда окружали замечательные фотографы – Терри О'Нил, Энни Лейбовиц, Ричард Аведон, Норман Паркинсон. Но к фото я относился лишь как к одной из форм пиара, не как к искусству. Теперь все изменилось. Я поехал отдохнуть на юг Франции и навестил приятеля Алена Перрина, который жил тогда неподалеку от Каора. Он как раз просматривал черно-белые фотографии, собираясь приобрести что-то для своей коллекции. Глянув мельком через его плечо, я застыл. Там были работы Ирвина Пенна, Хорста и Херба Ритца. Херба я знал – он снимал меня на обложку альбома *Sleeping with the Past.* Но сейчас я смотрел на его фотографии другими глазами. Мне нравилось все, что разглядывал Ален: освещение, формы, которые оно создает или искажает, – все это казалось мне чудом. В итоге я купил

двенадцать работ. Это положило начало новой «зависимости», от которой я не избавлюсь никогда: фотография – моя вечная любовь, и высшее, на мой взгляд, достижение визуального искусства.

Первые перемены в своем мироощущении я начал замечать во время прогулок по Лондону. На смену жаркому лету пришла теплая осень. Так приятно было ранним утром, под еще прохладными лучами солнца, прохаживаться с Томасом по Холланд-парку или во дворе собора Сент-Джеймс; смотреть, как листья постепенно меняют цвет. В прошлой жизни в такое время я бодрствовал только в том случае, если ночью вообще не ложился спать.

После прогулки с собакой я садился в «Мини Купер» и ехал на прием к психиатру. Прежде я никогда не посещал врачей такого профиля, и привыкать было непросто. С некоторыми специалистами я встречался на протяжении долгих лет, и они действительно помогли мне разобраться в себе. Общение с другими специалистами иногда оборачивалось настоящим кошмаром: их больше интересовала моя «звездность» и выгода, которую они могут из нее извлечь. Одного из таких докторов даже лишили лицензии за приставание к пациентам – добавлю, к женщинам, чтобы никто не решил, что я был одной из его жертв.

Но больше всего времени я проводил на собраниях. Покидая Чикаго, получил жесткие инструкции от моего наставника: как только обустроюсь в Лондоне, я должен без промедления явиться на встречу «анонимных алкоголиков». Но вместо того, чтобы пойти туда, я отправился на матч «Уотфорда» – в Америке я страшно истосковался по футболу. Тем же вечером мне позвонил наставник. В ответ на мое признание в «прогуле» он начал орать. Орать оглушительно – человек, который работает водителем в департаменте водоснабжения и канализации города Чикаго и постоянно общается с коллегами, кого угодно способен перекричать. Но в тот вечер он орал так, словно хотел докричаться до меня через Атлантику без помощи телефона. Я несколько изумился – обычно это я орал на людей, а не они на меня, – но вместе с тем мне стало стыдно. Он очень хороший человек (сейчас я крестный его сына) – но он действительно злился, и причиной гнева была забота обо мне.

Я последовал его совету, и с тех пор не пропускал ни одной встречи «анонимных алкоголиков», «анонимных кокаинистов», «анонимных анорексиков и страдающих булимией». Ездил на собрания в Пимлико, на Шафтсбери-авеню, на Мэрилбоун-стрит, на Портобелло-роуд. Иногда в один день посещал три или четыре встречи, за месяц – не меньше сотни. Некоторые из моих

приятелей посмеивались: ну вот, теперь у него зависимость от собраний на тему зависимостей. Наверное, они правы, но это был существенный прогресс по сравнению с моими прежними пристрастиями. Хотя, возможно, где-то проводились группы и на тему зависимости от собраний. Может, стоило и туда сходить?

После самого первого собрания словно из-под земли выскочил папарацци и успел снять, как я выхожу на улицу. Наверное, кто-то из присутствующих узнал меня и сообщил репортерам, что было категорически против правил. На следующее утро я снова красовался на первой полосе «Сан»: «ЭЛТОН ПОСЕЩАЕТ “АНОНИМНЫХ АЛКОГОЛИКОВ”». На этот раз я закрыл глаза на выходку газеты – ни кожаные шорты, ни дилдо там не упоминались. Мне было все равно. Пусть все знают, что я встал на верный путь. На собрания я ходил, потому что мне там нравилось. Нравились эти люди. Я всегда с удовольствием вызывался готовить чай для группы, со многими подружился и общаюсь до сих пор: это обычные люди, прежде всего они видели во мне человека, преодолевающего зависимости, и только потом – Элтона Джона. Странно, но эти встречи напоминали мне собрания в клубе «Уотфорд» – никто со мной не нянчился, и, опять-таки, всех объединяла общая цель. Я выслушал множество невероятных историй. Женщины из «Анорексии и булимии» рассказывали о своем питании – как они разрезали горошину на четыре части, четверть съедали на обед, и еще четверть – на ужин. «Вот же безумие», – думал я, но тут же вспоминал, каким сам был несколько месяцев назад: грязный, опухший, к десяти вечера доходящий до полной бессознанки, потому как каждые пять минут закидывался дорожкой кокса. Эти женщины имели полное право считать безумцем меня.

Впрочем, не все после выхода из клиники шло гладко и хорошо. В конце 1991 года умер отец – он так и не восстановил здоровье после шунтирования, проведенного восемь лет назад. На похороны я не поехал. Для начала, это выглядело бы лицемерием; к тому же на кладбище непременно примчались бы толпы репортеров, и похороны превратились бы в цирк. Отец не гордился моей славой, так почему теперь он и его семья должны испытывать на себе ее побочные эффекты? Кроме того, в глубине души я уже оплакал наши отношения и в некотором смысле смирился. Да, мне бы хотелось, чтоб все сложилось иначе, но получилось так, как есть. Иногда нужно взглянуть на карты, которые ты получаешь при раздаче, сказать «пас» и положить их рубашкой вверх на стол.

А потом… Фредди Меркьюри. Он не говорил мне, что болен, – я узнал это от общих друзей. Когда он уже совсем

умирал, я часто навещал его, но никогда не оставался дольше чем на час. Думаю, он не хотел, чтобы я видел его таким. Фредди, живой, яркий, *необходимый всем* – человек, который с годами непременно добился бы невероятных успехов, – умирал страшной и бессмысленной смертью. Еще год – и антиретровирусные препараты смогли бы поддерживать в нем жизнь. Но тогда никто и ничем не мог ему помочь. Он так ослабел, что не поднимался с постели; он терял зрение, его тело покрывали пятна саркомы Капоши. Но это был все тот же Фредди, обожающий сплетни, подшучивающий над всеми: «Ты слушал новое творение миссис Боуи, дорогуша? О чем она только думает?» Он лежал в постели в окружении каталогов японской мебели и арт-объектов и время от времени, прерывая наш разговор, звонил в аукционные дома и заказывал вещи, которые ему понравились: «Дорогуша, я только что это купил. Прелесть, правда?» Я не мог понять: или он не осознает, насколько близок к смерти, или все прекрасно знает, но изо всех сил заставляет себя оставаться собой. В любом случае держался он потрясающе.

Он отказался от всех лекарств, кроме болеутоляющих, и умер в конце ноября 1991 года. В то Рождество ко мне зашел Тони Кинг – принес что-то в наволочке. Я развернул ее и увидел акварель Генри Скотта Тьюка, импрессиониста, писавшего обнаженных мужчин. Картины этого художника я раньше коллекционировал. Записка прилагалась: «Дорогая Шэрон, надеюсь, тебе понравится. С любовью, Мелина». То есть он лежал в своей постели, обнаружил эту акварель в одном из каталогов и купил мне в подарок. Господи! Он заботился о подарках на Рождество, до которого, как он сам понимал, уже не доживет; хотел порадовать других, хотя был уже на той стадии болезни, когда обычно думают – если думают – только о себе.

Как я и сказал раньше: Фредди был фантастическим человеком.

Некоторым людям переход к трезвости дается тяжело, с борьбой. Со мной все было иначе. Я наслаждался жизнью и не хотел возвращаться к наркотикам; я искренне радовался, что, просыпаясь утром, чувствую себя бодрым и полным сил. Правда, кокаин снился мне по ночам. Снится и до сих пор примерно раз в неделю, а ведь прошло уже двадцать восемь лет с тех пор, как я прикоснулся к нему в последний раз. Сон всегда один и тот же: я нюхаю кокс, и кто-то заходит в комнату, чаще всего моя мать. Я пытаюсь спрятать порошок, но он рассыпается по всему полу, по мне самому. Но эти сны никогда не рождали во мне тяги к наркотику. Наоборот. Просыпаясь, я почти ощущал знакомое

онемение в гортани – это ненавистное ощущение – и думал: «Слава богу, все это позади». Иногда за ужином мне хочется выпить бокал вина или пропустить с друзьями по кружке пива, но я знаю: нельзя. Спокойно отношусь к тому, что окружающие пьют – проблема ведь у меня, а не у них. Но никогда, подчеркиваю, никогда меня не тянуло нюхнуть кокаина. И я не могу находиться рядом с теми, кто его употребляет. Этих людей я вижу сразу, куда бы ни зашел. Чувствую, кто именно сидит на коксе. Они и ведут себя особенно, и разговаривают немного громче, чем нужно, почти не слушая собеседника. Я сразу поворачиваюсь и ухожу. С кокаином давно покончено, и мне неприятно находиться среди людей, которые его употребляют, потому что, если честно, этот наркотик превращает человека в животное.

Жаль, я не понимал этого сорок пять лет назад.

На зарубежных гастролях я всегда выяснял, где проходят встречи «анонимных алкоголиков» или «анонимных наркоманов», и шел туда сразу после прилета. Я был на таких группах в Аргентине, во Франции и в Испании, в Лос-Анджелесе и в Нью-Йорке. И, конечно, в Атланте. Мы с Хью расстались, но я не перестал любить этот город. Благодаря Хью я нашел там множество друзей, людей не из шоу-бизнеса, и мне очень нравилось проводить время в их компании. С точки зрения музыки это тоже замечательный город с давними традициями соула и мощным хип-хоп-движением. Но, как ни странно, атмосфера там очень расслабленная; я могу спокойно пойти в кино или в торговый центр на Пичтри-роуд – и никто меня не потревожит.

В Атланте я проводил так много времени, что в конце концов купил там квартиру, просторный дуплекс на тридцать шестом этаже. Меня сразу привлекли потрясающие виды, а еще мой агент по недвижимости Джон Скотт. Я пригласил его на свидание, и мы стали парой.

В конце концов я перестал ходить на собрания. Сколько можно? Каждый день в течение трех лет – получается около тысячи четырехсот встреч. Больше они ничего не могли мне дать. Говорить каждый день об алкоголе, кокаине и булимии стало бессмысленно.

Наверное, потому, что прежде я был тяжелым наркоманом и не скрывал своего прошлого, друзья и знакомые начали обращаться ко мне за советом. В мире шоу-бизнеса даже появилась такая шутка: «Если поп-звезда в беде, Элтон Джон спешит на помощь». Я и не возражал. Если у артиста начинались проблемы с наркотиками или спиртным, я звонил его менеджеру,

оставлял свой номер телефона и говорил: «Слушайте, я был там, я знаю, что это такое». И со мной связывались. Я лично отвозил Руфуса Уэйнрайта[196] в реабилитационный центр – он принимал так много амфетаминов, что на время потерял зрение. И еще я стал наставником Эминема в «анонимных алкоголиках». Я звоню ему, чтобы узнать, как идут дела, и он всегда приветствует меня в своем стиле: «Здорово, старая шлюшка». Некоторые же держат свое лечение в тайне, и я не собираюсь о них говорить: человек имеет право не выносить на публичное обозрение свои проблемы. В любом случае все они молодцы. И помогать людям избавиться от зависимости – действительно здорово.

Но есть и те, кому помочь невозможно. Ужасно сознавать, что ты бессилен. Ты можешь только наблюдать за человеком со стороны, прекрасно зная, чем все это кончится: к сожалению, путь здесь один. Так было с Уитни Хьюстон. Ее тетя Дион Уорвик просила меня связаться с Уитни, но либо та не получала моих сообщений, либо не хотела их читать. И Джордж Майкл – он *точно* ничего не хотел знать. Я постоянно пытался говорить с ним, сильно тревожился, и общие друзья все время просили меня сделать хоть что-нибудь. В итоге Джордж написал открытое письмо в журнал «Хит»: просил меня оставить его в покое и заниматься своими делами. Сожалею, что наша дружба закончилась вот так. Но еще больше сожалею, что закончилась его жизнь. Я любил Джорджа. Он был невероятно одаренным музыкантом, ему пришлось многое пережить, но он остался милейшим, добрым, широкой души человеком. Я очень сильно по нему скучаю. Джордж – первый из артистов, с кем я выступил после лечения и восстановления. Как ни наслаждался я своим отпуском, он не мог длиться вечно – хотелось вернуться к работе, несмотря на то что давалось это нелегко. Я начал подумывать о возобновлении живых выступлений, Джордж предложил поучаствовать в одном из его шоу, и я согласился. Он давал серию концертов на стадионе «Уэмбли». На этот раз я не стал наряжаться в костюм Рональда Макдональда и садиться за руль «Релайант Робин». Я надел бейсбольную кепку, и мы вместе спели Don’t Let The Sun Go Down On Me – как на Live Aid в 1985 году. Получилось замечательно. Когда объявили мое имя, зрители разразились криками и аплодисментами, а выпущенный позже сингл с нашим дуэтом занял первую строчку чартов по обе стороны Атлантики.

Следующим шагом я арендовал в Париже студию звукозаписи и предложил группе записать новый альбом, который в итоге получил название *The One*. В первый день работы я минут двадцать предавался панике. Не помню точно, чего именно я

боялся, – наверное, думал, что не смогу создать альбом без выпивки и кокаина. Бессмысленный страх: достаточно включить *Leather Jackets*, и сразу станет ясно, что все наоборот, – это с коксом и алкоголем я не мог написать нормальный альбом. На следующий день я вернулся в студию и постепенно втянулся в работу. Единственная проблема возникла с песней The Last Song. Берни написал текст об умирающем от СПИДа человеке, от которого отрекся отец, узнав, что он гей; но потом они мирятся друг с другом. Прекрасные стихи, только спеть их я долго не мог. Фредди умер совсем недавно. И я знал, что Вэнс Бак сейчас тоже умирает. Каждый раз, пытаясь исполнить эту песню, я начинал плакать. Но в итоге взял себя в руки – и спел. Позже The Last Song прозвучала в документальном фильме And the Band Played On, рассказывающем о появлении СПИДа и о борьбе с ВИЧ-инфекцией. Видеорядом к ней стали фотографии жертв этой болезни, и половину из них я знал лично, в том числе – Райана, Фредди и Стива Рубелла, владельца клуба «Студио 54».

К тому времени я уже основал Фонд борьбы со СПИДом Элтона Джона. Я и раньше участвовал в благотворительных мероприятиях, но чем дальше, тем яснее понимал, что должен замахнуться на большее. Огромное впечатление на меня произвела работа волонтером для организации Operation Open Hand, которая доставляла еду больным СПИДом в Атланте. Мы занимались этим вместе с Джоном, моим новым бойфрендом. Некоторые из тех, к кому мы приезжали, открывали двери только наполовину. Не хотели, чтобы кто-то увидел их струпья и болячки, ведь предубеждение общества против СПИДа все еще было сильным. А иногда нам вообще не открывали. Мы оставляли еду на крыльце, высовывалась рука, забирала пакет, исчезала, и дверь захлопывалась. Эти люди мучились, но страшнее всего, что умирали они с чувством стыда, в одиночестве, отрезанные от внешнего мира. Как в эпоху Средневековья, когда больных отлучали от общества. Но это происходило здесь и сейчас, в 1990 году, в Америке.

Я никак не мог выкинуть эти мысли из головы. И наконец спросил Джона, готов ли он помочь мне с нашим собственным Фондом, чьей основной задачей будет, во-первых, защита от вируса, а во-вторых, обеспечение достойной жизни тем, кто уже заражен, – помощь в таких простых вещах, как организация питания, уход за домом, транспортировка, связь с врачами и юристами. Два года Джон руководил делами Фонда, сидя за своим кухонным столом в Атланте; обязанности секретаря на себя взяла Вирджиния Бэнкс, сотрудница моего лос-анджелесского офиса. В Фонде работали всего четверо, включая меня самого. У

нас не было никакого опыта, мы ничего не знали о местной инфраструктуре, но я хотел обеспечивать реальную помощь людям. Я видел много благотворительных организаций, особенно созданных знаменитостями, которые впустую тратили собранные деньги: вы становитесь фандрайзером и начинаете летать и ездить по стране за счет средств фонда. Даже сейчас, спустя почти тридцать лет, наши расходы остаются минимальными. Мы иногда проводим большие мероприятия с участием звезд, но Фонд не платит за это ни цента.

Я посвящал очень много времени развитию Фонда. В клинике меня спрашивали, чем я собираюсь заполнить те часы и дни, которые у меня отнимали наркотики: психологи называют такое время «дыркой от бублика». Я много разглагольствовал о своих наполеоновских планах: что собираюсь выучить итальянский язык, хочу даже научиться готовить. Конечно, ничего такого не произошло. Но, на мой взгляд, Фонд, который мы создали, – лучший вариант заполнения «дырки от бублика». Это поставило передо мной новые цели, никак не связанные с музыкой. Мне было чрезвычайно важно, чтобы все получилось, – настолько важно, что я выставил на аукцион свою коллекцию пластинок, чтобы собрать начальный капитал. Сорок две тысячи синглов, двадцать тысяч альбомов, даже старенькие пластинки на семьдесят восемь оборотов, на конвертах которых я с гордостью выводил «Редж Дуайт», – все это ушло одним лотом за двести семьдесят тысяч долларов, и покупатель пожелал остаться неизвестным.

Я просил всех, кто, на мой взгляд, мог как-то помочь, подключиться к работе Фонда, – бизнесменов, которые могли поделиться ценным советом, сотрудников моего американского звукозаписывающего лейбла, Роберта Ки из нашей компании «Рокет», Говарда Роуза, агента, сделавшего так много для моей карьеры в самом начале гастрольной деятельности в Америке.

К друзьям я тоже обращался за идеями. Билли Джин Кинг и Илана Клосс предложили основать Smash Hits, ежегодный теннисный благотворительный турнир – он начал проводиться с 1993 года. Звезды тенниса активно выступили за: они только что простились со своим коллегой Артуром Эшем[197]. Охваченный азартом, я и сам рвался играть, хотя самым заметным моим достижением на корте был тот случай, когда, садясь в директорское кресло во дворе Альберт-холла, я промахнулся и плюхнулся задницей прямо на жесткое покрытие.

Еще одним очень важным мероприятием я считаю Academy Awards Viewing Party. Его нам буквально подарил Патрик Липперт, политический активист и основатель некоммерческой

организации Rock the Vote. Он часто устраивал благотворительные вечеринки после вручения «Оскара», чтобы собрать средства на те или иные цели, но, после того как у него обнаружили ВИЧ, он решил посвятить свое мероприятие сбору средств для разных фондов по борьбе со СПИДом и предложил нам принять участие. Первая наша общая вечеринка состоялась в 1993 году в ресторане «Мапл Драйв», владельцем которого был Дадли Мур. Пришло сто сорок человек – столько вмещал зал ресторана, – и мы собрали триста пятьдесят тысяч долларов, что в те времена казалось колоссальной суммой. На следующий год мы провели мероприятие снова, в нем участвовало еще больше голливудских звезд – я сидел за столиком с Томом Хэнксом, Брюсом Спрингстином и его женой Пэтти, Эммой Томпсон и Принцем. Но Патрика с нами уже не было: он умер через три месяца после первой нашей вечеринки. Ему было всего тридцать пять. Как и Фредди Меркьюри, он немного не дотянул до появления антиретровирусных препаратов, которые могли бы спасти его жизнь.

За все время существования Фонд борьбы против СПИДа Элтона Джона собрал больше четырехсот пятидесяти миллионов долларов и провел множество замечательных мероприятий. На торжественном приеме, посвященном нашему двадцатипятилетнему юбилею, Арета Франклин спела вживую в соборе Иоанна Богослова в Нью-Йорке. Предполагалось, что Арета выступит годом раньше, но из-за болезни она не смогла, и концерт пришлось отменить. Она умирала от рака и уже объявила о своем уходе со сцены, но для нас сделала исключение. Ее вид потряс меня – я не был готов к тому, что она так сильно ослабла и исхудала. Я спросил, готова ли она петь, подразумевая, хватит ли ей сил на это. Она улыбнулась, кивнула и ответила: «Я больше никогда вас не подведу».

Думаю, она знала, что это ее последнее выступление перед публикой. Ей было приятно, что мероприятие благотворительное и проходит в соборе, где начиналась ее певческая карьера. Она спела I Say A Little Prayer и Bridge Over Troubled Water – и раздался гром аплодисментов. Тяжелая болезнь не затронула ее великолепный голос, она пела божественно. Я стоял возле сцены, в первый раз вживую смотрел на величайшую в мире певицу, и никак не мог унять слезы.

Фонд открыл для меня массу новых возможностей, я побывал в местах, куда иначе никогда бы не попал. Несколько раз я выступал перед Конгрессом – просил правительство США увеличить финансирование фондов по борьбе со СПИДом, – и это оказалось вовсе не так сложно, особенно если сравнивать с тем,

как я вымаливал у Окружного Совета Уотфорда разрешение на строительство нового стадиона. Я ожидал получить жесткий отпор правого крыла, ревностных религиозных республиканцев – но, опять же, в сравнении с некоторыми членами Уотфордского Совета они показались мне абсолютно адекватными, гибкими, готовыми идти навстречу людьми.

И, совсем неожиданно, работа в Фонде косвенно подвела меня к самой важной, кардинальной перемене в моей жизни. Но об этом чуть позже.

тринадцать

Не хочу показаться мистиком, и уж тем более впадать в пафос, но сама судьба словно вознаграждала меня за то, что я оставил наркотики и алкоголь. *The One* стал моим самым успешным альбомом с 1975 года. Переоборудование «Вудсайда» закончилось, и мне очень там нравилось. Наконец-то дом выглядел как нормальное человеческое жилье, а не берлога вечно пьяной рок-звезды.

Мне позвонил Тим Райс. Десять лет назад мы работали вместе, и он снова предлагал сотрудничество. Компания «Дисней» собиралась выпустить анимационный фильм, основанный не на старых сказках, как обычно, а на оригинальном сценарии. Я искренне заинтересовался. Мне приходилось и раньше писать саундтреки – например, к фильму «Друзья» 1971 года. Картина получила впечатляющие отзывы: помнится, Роджер Эберт назвал ее «тошнотворным вонючим мусором» (впрочем, не все критики откликнулись настолько эмоционально). С тех пор я довольно часто сотрудничал с киногруппами, но то, что предлагал Тим, радикально отличалось: песни должны были рассказывать целостную историю. Студия хотела снять типично диснеевский анимационный мюзикл и оживить его современно звучащими поп-композициями, которые понравятся детям.

Рабочий процесс был необычным. Тим, как и Берни, сначала писал тексты, а потом передавал мне, так что здесь ничего нового. Разница была в том, что мы сочиняли мюзикл. Это напоминало работу над альбомом *Captain Fantastic:* и там, и там есть сюжет, последовательность событий, которую ты должен держать в голове; ты изначально знаешь, в каком порядке будут звучать песни. Не стану врать, иногда меня терзали смутные сомнения по поводу этого проекта – точнее, моего участия в нем. Знаю, у меня масса недостатков, но чересчур серьезное отношение к самому себе не из их числа. И все же случались дни, когда я садился за рояль и начинал раздумывать, куда меня приведет этот карьерный зигзаг. Я написал Someone Saved My Life Tonight. И Sorry Seems To Be The Hardest Word. И I Guess That's Why They Call It The Blues. А теперь сочиняю песню про кабана-бородавочника, который непрерывно пускает газы.

Не спорю, песня про пукающего кабанчика получилась прекрасная. Зовите меня хвастливым индюком, но посмею предположить, что среди всех величайших песен про пукающих бородавочников моя – одна из лучших. Но она точно не из того мира, в котором группа The Band приходит за сцену и просит

послушать мой новый альбом. И не из того, где Боб Дилан останавливает нас на лестнице и делает комплименты Берни за текст My Father's Gun. Тем не менее я решил, что такая невинная глупость, как пукающий кабанчик, репутации мне не испортит.

Решение оказалось верным. И фильм получился замечательный. Я не из тех, кто любит созывать народ на прослушивание нового альбома, но был в таком восторге от мультфильма «Король Лев», что даже организовал для друзей несколько частных просмотров. Я гордился своей работой, знал, что мы создали нечто особенное, хотя в тот момент еще не мог предположить, что диснеевский мультик станет самым кассовым фильмом всех времен и народов. Мою музыку приняла новая для меня аудитория, Can You Feel The Love Tonight? получила «Оскар» как лучшая оригинальная песня к фильму; три из пяти песен, представленных в этой номинации, были из «Короля Льва» (одна из них, Hakuna Matata, – как раз про пукающего бородавочника). Альбом с саундтреком к мультфильму продался тиражом 18 000 000 экземпляров – больше, чем любой другой мой альбом, не считая первой коллекции *Greatest Hits*. И как приятный бонус, летом 1994 года наш саундтрек спихнул с первого места в американских чартах альбом «Роллингов» *Voodoo Lounge*. Я изо всех сил старался не завизжать от радости, когда услышал, как Кит Ричардс в ярости бормочет, что их «побил какой-то гребаный мультфильм».

На основе фильма решили поставить мюзикл, и нас с Тимом попросили написать еще несколько композиций. В очередной раз демонстрируя удивительную способность предсказывать будущее с точностью до наоборот, я твердил, что сделать из мультика мюзикл невозможно и что идея обречена на провал. Но режиссер Джули Тейлор совершила настоящее чудо. Посыпались восторженные отзывы, спектакль получил одиннадцать номинаций на премию «Тони», из них выиграл шесть и стал самой успешной постановкой в истории Бродвея. Это было невероятное зрелище, от изобретательности постановщиков захватывало дух. И тем не менее, сидя в зале, я чувствовал себя немного странно – не из-за мюзикла, а из-за себя самого. Я привык сочинять альбомы, и последнее слово всегда оставалось за мной; на живых выступлениях главная ответственность тоже лежала на мне. Теперь же я смотрел шоу, в создании которого принимал участие, но действие разворачивалось на сцене вообще без моего контроля – другие аранжировки, другая техника исполнения. Ведь в музыкальном театре каждое слово должно звучать абсолютно четко: это иная техника вокала, рок- или поп-артисты поют совсем по-другому. Новый опыт для меня был удивительным и

волнующим. Я вышел из зоны комфорта, и оказалось, это отличное место – особенно для артиста, внезапно оказавшегося там после сорока лет работы в музыкальной индустрии.

Компанию «Дисней» вдохновил оглушительный успех «Короля Льва», причем настолько, что мне предложили контракт на космическую сумму. Студия предполагала, что я продолжу работу над фильмами, но вдобавок буду вести телешоу и даже сочинять книги; упоминалась идея создания парка развлечений, которая меня несколько напрягла.

Но была одна проблема: я уже дал согласие написать саундтрек к новому фильму Джеффри Катценберга, который был президентом «Диснея» в тот момент, когда снимался «Король Лев». Спустя несколько месяцев после выхода фильма Джеффри уволился и основал студию DreamWorks вместе со Стивеном Спилбергом и Дэвидом Геффеном[198]. И не просто уволился: его уход спровоцировал одну из величайших войн между голливудскими магнатами, о которой написано несколько книг.

Сделка, предложенная «Диснеем», была исключительной, но она исключала и все, что касается Джеффри: он только что подал на компанию иск о нарушении контрактных обязательств и требовал двести пятьдесят миллионов ущерба, которые, кстати, в итоге отсудил. Не могу сказать, что я горел желанием работать с Джеффри, но уже дал ему слово, и к тому же он был одним из тех, кто дал добро на мое участие в создании «Короля Льва». Так что, увы, я отказался от щедрого предложения студии. Но, по крайней мере, миру теперь не грозило появление развлекательного парка Элтона Джона.

В общем, эпоха трезвости открывала передо мной новые горизонты. Единственное, что никак не складывалось, – личная жизнь. Отношения с Джоном Скоттом закончились, и с тех пор у меня не было никого. *Вообще никого.* Я даже не подсчитывал, сколько времени уже не занимался сексом, иначе мой крик ужаса свел бы с ума всех обитателей «Вудсайда».

Потом я понял, что в моем окружении просто нет ни одного доступного гея. Отказавшись от спиртного и наркотиков, я перестал ходить в заведения, где принято было знакомиться. Вряд ли, окунувшись в знакомую атмосферу, я ощутил бы непреодолимое желание наброситься на «Водку-мартини», но проверять себя на прочность не хотелось. К тому же еще до клиники я понял, что «вырос» из клубной жизни. Уверен, музыка в парижском «Бое» звучала все так же шикарно, но рано или поздно наступает момент, когда в таких заведениях ты начинаешь чувствовать себя вдовствующей герцогиней, разглядывающей в пенсне дебютанток, прибывающих на бал.

Как-то субботним вечером я слонялся по дому и отчаянно жалел самого себя. Одним глазом смотрел футбол – «Уотфорд» прикладывал все усилия, чтобы окончательно испортить мне настроение, проигрывая со счетом четыре-один команде «Уэст Брум». Я уже смирился с перспективой провести еще один тоскливый вечер перед телевизором, как вдруг в голову пришла идея. Я позвонил в Лондон одному приятелю и изложил суть дела. Сможет ли он, спросил я, собрать небольшую компанию парней и привести ко мне на ужин? Ехать недалеко, и я, конечно, пришлю машину. Понимаю, это звучало странновато, но я отчаянно желал познакомиться с мужчиной, который не посещает встречи «анонимных алкоголиков». Даже секс мне был не так уж и нужен. Я просто хотел избавиться от одиночества.

Они приехали около семи: мой приятель и четверо парней. Объяснили, что задержатся ненадолго, потому как собирались праздновать Хеллоуин в Лондоне, но меня это не смутило. Все гости оказались симпатичными, разговорчивыми и с чувством юмора. Мы ели спагетти болоньезе и много смеялись; я уже забыл, что разговоры не всегда сводятся к моей музыкальной карьере или к прощанию с наркотиками. Единственный, кто вел себя слишком уж сдержанно, – Дэвид, парень из Канады, одетый в клетчатый жилет от «Армани». Он явно смущался и говорил мало, а жаль: мне он показался очень красивым. Позже я узнал, что Дэвид нахватался сплетен о гей-сообществе Лондона, и ему настоятельно не рекомендовали связываться с Элтоном Джоном. Разве что если он горит желанием поставить свою жизнь на паузу, получить кучу дорогих подарков и рвануть в мировое турне, чтобы затем, обычно в сопровождении личного помощника, отправиться в аэропорт и улететь обратно, поскольку Элтон встретил другого, бесится от ломки или внезапно решил жениться на женщине.

Я, конечно, мог бы обидеться, но, принимая во внимание мои прежние привычки, сплетни лондонского гей-сообщества в целом были недалеки от истины.

Наконец Дэвид решился заговорить. Оказалось, он интересуется кино и фотографией, что подарило нам тему для беседы. Я предложил пройтись по дому и посмотреть мою коллекцию фотографий. Чем дольше мы разговаривали, тем сильнее он мне нравился. Сдержанный, уверенный в себе и, судя по всему, очень толковый парень. Родом из Торонто, несколько лет назад переехал в Лондон; живет в Клэпхэме, работает в рекламном агентстве «Огилви и Матер» в районе Канэри-Уорф, и в тридцать один год уже вошел в совет директоров компании. Я почувствовал, что между нами пробежала искра, но постарался

выкинуть это из головы. Новый Элтон Джон, усовершенствованный и трезвый, не собирался влюбляться в человека, с которым познакомился всего полчаса назад.

Тем не менее, провожая гостей, я попросил у Дэвида номер телефона. Стараясь держаться небрежно, предложил как-нибудь встретиться и поговорить о нашем общем интересе к фотографии. Он написал на листке бумаги телефон и полное имя – Дэвид Фёрниш.

На следующее утро я метался по дому, как тигр, пытаясь решить, во сколько можно звонить человеку, который накануне праздновал Хеллоуин. А вдруг он пошлет меня куда подальше, причем навсегда? Наконец я пришел к выводу, что полдвенадцатого – приемлемое время. Дэвид ответил. Голос у него был усталый, но, похоже, он не удивился звонку. Очевидно, моя вчерашняя просьба дать номер телефона прозвучала не так уж небрежно. Всю дорогу до Лондона его друзья хихикали и хором распевали мою песню Daniel; судя по их реакции, с тем же успехом я мог упасть перед ним на колени, вцепиться ему в лодыжки и, рыдая, не выпускать из дома, пока он наконец не сдастся. Я спросил, не хочет ли он повидаться сегодня вечером, мол, я как раз еду по делам в Лондон. Конечно, это был чистой воды блеф. Если бы Дэвид находился в Ботсване, я бы наверняка радостно воскликнул: «Неужели! В пустыне Калахари? Какая удача! У меня как раз завтра утром там важная деловая встреча!»

Я пригласил его в гости в мой дом возле Холланд-парка и пообещал заказать китайской еды. Закончив разговор, сообщил моему водителю, что планы на день изменились, и мы немедленно выезжаем в Лондон. Потом позвонил в самый лучший, на мой взгляд, китайский ресторан «Мистер Чау» в Найтсбридже. Я не знал, какие именно блюда предпочитает Дэвид, поэтому заказал все, что есть в меню.

Дэвид немного удивился масштабности доставки: блюда все прибывали, прибывали и прибывали. Когда наконец принесли последние коробочки, комната выглядела примерно так, как мой корт для сквоша в «Вудсайде» до аукциона. В остальном наше первое свидание прошло замечательно. Я не ошибся, вчера между нами действительно пробежала искра. И это было не просто физическое притяжение, а близость душ: мы начали разговаривать и уже не могли остановиться.

Но у Дэвида были веские причины не торопить события. Во-первых, ему не хотелось, чтоб его воспринимали как «нового бойфренда Элтона Джона» со всеми вытекающими последствиями – вниманием прессы, шумихой. У него своя жизнь, интересная работа, и он не хотел лишаться независимости из-за личных

отношений. Во-вторых, не все знали о его сексуальной ориентации. Лондонские друзья были в курсе, но семье и коллегам он ничего не сказал и не хотел, чтобы они узнали об этом из таблоидов.

Так что первые месяцы наших отношений проходили тихо и скрытно. Мы, как говорили раньше, «встречались». Время проводили в основном в доме у Холланд-парка, по утрам в будни Дэвид ехал на работу в Канэри-Уорф, а я отправлялся на студию, или занимался продвижением только что вышедшего альбома дуэтов, или снимался в клипе Don't Go Breaking My Heart – эту версию мы записали с РуПолом[199].

Впервые в клипе я выглядел счастливым. Да и чувствовал себя так же. В наших отношениях с Дэвидом было нечто особенное, и поначалу я не мог понять, что это. Но потом меня осенило: первый раз в жизни я вступил в нормальные партнерские отношения, никак не связанные с моей музыкальной карьерой и с тем, что я – Элтон Джон. По субботам мы обменивались поздравительными открытками, ведь наша первая встреча состоялась как раз в субботу. И – если вы сейчас едите, лучше не читайте следующую фразу – слушали песню группы Tony! Toni! Toné![200] It's Our Anniversary[201]. Устраивали уютные ужины вдвоем, тайком уезжали отдыхать на выходные. На работу Дэвиду я звонил, представляясь вымышленным именем Джордж Кинг, под которым лежал в клинике. Такая секретность казалась мне романтичной. Тайная любовь! В прежние времена я держал чувства в тайне, только если их объект не отвечал мне взаимностью.

Но сколько бы приятных эмоций ни дарил мне тайный роман, на практике не слишком хорошо получалось соблюдать строгую секретность. Двадцать пять лет кряду я вел себя настолько экстравагантно, насколько это вообще возможно, и все всегда выставлял напоказ, так что мои представления о секретности, мягко говоря, не совпадали с общепринятыми. Если не хочешь привлекать внимания, вряд ли стоит регулярно посылать партнеру на работу две дюжины бледно-желтых роз на высоченных стеблях, особенно если в его офисе нет перегородок. И, с оглядкой на прошлое, не следовало дарить Дэвиду часы «Картье» – такие дорогие, что ему пришлось носить их постоянно. Оставлять часы дома он опасался – вдруг залезут грабители? – а страховки у него тогда не было.

Естественно, коллеги начали спрашивать, откуда такое изобилие и как это связано с тем, что его рабочий стол напоминает стенд цветочной выставки в Челси. Дэвиду пришлось придумать любимую канадскую бабушку, которая недавно

скончалась и оставила ему наследство. После этой лжи он вынужден был целый день выслушивать соболезнования сослуживцев, терпеть их печальные понимающие улыбки и ободряющие объятия.

Помню, мы решили провести выходные в Париже, я вылетел раньше и встречал Дэвида в аэропорту «Шарль де Голль». Честно, я старался сделать все, чтобы не привлекать внимания, но в зале прилета обнаружил, что на меня показывают пальцами и начинается общий переполох.

К появлению Дэвида я уже почти впал в истерику.

– Скорее в машину, – прошипел я. – Кажется, меня узнали.

Дэвид улыбнулся:

– Неужели? Как думаешь почему?

Но ведь я оделся совсем скромно! Легинсы с ромбами, как на трико Арлекина, сверху – свободная рубаха с яркими узорами в стиле рококо. Ну и на шее огромный крест, усыпанный драгоценными камнями… Н-да. Пожалуй, привлечь еще больше внимания удалось бы, только если б я сел за рояль и начал играть Crocodile Rock.

Легинсы и рубашка были от Джанни Версаче, моего любимого модельера. Его наряды я носил постоянно. В конце восьмидесятых в Милане я набрел на небольшой бутик и остолбенел: да это же гений, величайший дизайнер мужской одежды со времен Ива Сен-Лорана! Джанни работал только с лучшими и самыми дорогими материалами, но в его моделях не было ничего напыщенного: он создавал одежду, которая радовала. Мое и без того высокое мнение о маэстро взлетело до небес, когда мы познакомились лично. Ощущение было такое, будто на севере Италии я наконец нашел давно утраченного брата-близнеца. Совпадение во всем: то же чувство юмора, та же страсть к сплетням, тот же интерес к коллекционированию, тот же вечно мятущийся разум. Мысль Джанни постоянно работала, он прикидывал, что нового привнести в творчество; его талант был многогранен: он создавал одежду для детей, предметы из стекла, посуду и столовые приборы, даже обложки CD-альбомов. Именно ему, кстати, я заказал дизайн обложки *The One*, и получилось потрясающе. Он обладал изысканным вкусом; всегда знал, где увидеть прекрасные произведения искусства или другие удивительные вещи: «Вот на той улице маленькая церковь, неф там украшен великолепнейшей мозаикой, Элтон… а здесь, за углом, крошечная мастерская, в ней делают фарфор непревзойденного качества». И к шопингу он – пожалуй, единственный из всех, кого я знаю, – относился точно так же, как я: отправлялся купить одни часы и в итоге приносил двадцать.

На самом деле, в этом он меня даже превосходил. Джанни был настолько экстравагантен, что по сравнению с ним я казался воплощением скромности и аскетизма. Миуччиу Праду он считал коммунисткой – ведь она сделала коллекцию сумок из нейлона! Не из крокодиловой или змеиной кожи, или еще какого-нибудь столь же роскошного материала, с которым он сам работал в этом сезоне, – из нейлона! И еще он постоянно подбивал меня покупать невозможно дорогие вещи.

– Я нашел для тебя фантастическую скатерть, ты просто обязан ее купить для рождественского ужина, Элтон! Ее создали монахини – представь, они работали над ней тридцать лет! Она прекрасна, Элтон, только взгляни… И стоит всего миллион долларов.

Здесь даже я поперхнулся. Сказал, что миллион – пожалуй, дороговато для вещи, которая погибнет сразу, как только на нее прольют каплю соуса. Джанни посмотрел на меня с ужасом – наверное, решил, что и я коммунист.

– Но Элтон… – еле слышно проговорил он. – Она так прекрасна… Это верх мастерства.

Скатерть я не купил, но это не испортило наши отношения. Мы с Джанни стали очень близкими друзьями. Я обожал звонить ему по телефону, слушать знакомое приветствие: «Аллоу, сучка!» Познакомил его с Дэвидом, и они сразу поладили. А иначе и быть не могло: Джанни с теплотой и любовью относился ко всем – ну, разве что кроме тех, кто делает сумки из нейлона. У него было огромное сердце и очень необычное чувство юмора.

– Когда я умру, – драматически восклицал он, – то в следующей реинкарнации стану больше чем геем! Я стану супергеем!

Мы с Дэвидом обменивались удивленными взглядами, силясь представить себе, как вообще такое возможно. Даже в барах Огненного острова[202] вы бы не встретили такого экстрасупергея, как Джанни Версаче.

Построив наконец нормальные отношения, по контрасту я начал осознавать, сколько ненормальностей порой случается в моей жизни. Вот, например, такой случай. Я организовал парадный обед специально, чтобы познакомить маму и Дерфа с Дэвидом. К этому времени наша связь уже перестала быть тайной: кто-то из коллег Дэвида заметил, как мы выходим из автомобиля у ресторана «Планета Голливуд» на Пикадилли. Его вызвали к начальству, он честно все рассказал, а на Рождество полетел в Торонто, чтобы признаться родителям. Я сильно нервничал; Дэвид упоминал, что его отец очень консервативен, а я прекрасно

знаю, как тяжело делать признание, если семья тебя не поддерживает. В Атланте у меня когда-то был роман с парнем по имени Роб, чьи набожные родители очень жестко относились к гомосексуализму. Роб был милым парнем, но его буквально раздирал внутренний конфликт между собственной сексуальностью, религиозными взглядами и родительскими убеждениями. Мы с ним остались друзьями после разрыва; он даже приходил поздравить меня с днем рождения и принес цветы. А на следующий день вышел на скоростное шоссе и бросился под колеса грузовика.

Но семья Дэвида приняла новость спокойно и доброжелательно – думаю, их даже обрадовало, что у сына больше нет от них секретов. Знакомство же с моей матерью я откладывал, сколько мог. Со времени расставания с Джоном Ридом с моими партнерами она вела себя не то что грубо, но очень холодно, и здорово отравляла этим жизнь: она полностью игнорировала людей, которые отнимали у нее мое внимание.

Но на том эпическом обеде проблему создала не мама, а другой гость, психотерапевт. Буквально за пару часов до прихода гостей он позвонил и сказал, что его пациент Майкл Джексон сейчас в Англии. Нельзя ли привести его с собой?

Такая перспектива меня не слишком обрадовала, но отказать я не мог. Майкла я знал еще с тех пор, как ему было лет тринадцать-четырнадцать: после концерта в Филадельфии Элизабет Тейлор приводила его к нам на «Старшип». Милейший был мальчик. Но с какого-то момента он начал изолировать себя от реального мира – точно как Элвис Пресли. Бог знает, что творилось у него в мозгах и какими препаратами он себя пичкал, но в последние годы создавалось впечатление, что с головой у него совсем плохо. Я не шучу: он явно страдал психическим заболеванием, и находиться рядом с ним было очень некомфортно. Печальная история, но, увы, Майкл был как раз из тех, кому невозможно помочь: он как будто уже ушел от нас, закрылся в собственном мире, как в раковине, и жил среди людей, которые говорили ему только то, что он хотел слышать.

И вот теперь он придет на обед, который я устроил специально для того, чтоб представить маме моего бойфренда. Невероятно! Я решил, что позвоню Дэвиду и как бы мимоходом упомяну о визите Майкла. Наверное, если б я сразу перешел к делу и пообещал, что проблем не будет, Дэвид принял бы новость более спокойно. Хотя не знаю. Как только я – как и хотел, мимоходом – упомянул о Майкле, Дэвид взорвался: «Ты что, издеваешься?!» Скрепя сердце, я начал врать, что все не так уж страшно и слухи об эксцентричности Майкла Джексона сильно

преувеличены. Вряд ли Дэвид поверил, ведь эти слухи я сам ему и сообщал. Но я продолжал настаивать, что все в порядке и все будет совсем не так страшно, как мы можем предположить.

Я оказался прав. Обед получился не таким безумным, как я предполагал, а еще безумнее. Стоял солнечный день, но нам пришлось накрыть стол в доме и задернуть шторы из-за витилиго Майкла. Бедный парень выглядел ужасно, совсем исхудал и казался тяжело больным. Макияж, похоже, ему накладывал сумасшедший визажист: краска текла ручьями; то, что осталось от носа, покрывал толстый слой липкого белого грима – видимо, с помощью этой клейкой субстанции остатки носа и держались на лице. Майкл не произнес ни слова, просто сидел и распространял вокруг себя волны дискомфорта, как некоторые распространяют уверенность или позитив. Почему-то мне показалось, что он давным-давно не обедал в компании, и, естественно, он ел не то, что подавали нам, а привез с собой личного повара.

Через некоторое время, по-прежнему молча, он вышел из-за стола и исчез. Его нашли через два часа в небольшом коттедже на территории «Вудсайда» – там жила моя домработница. Она сидела и смотрела, как Майкл Джексон тихо и спокойно играет в видеоигры с ее одиннадцатилетним сыном. Неизвестно почему, но с взрослыми он совсем не мог общаться.

Пока все это происходило, я, вглядываясь в полумрак, смотрел на другой конец стола, где Дэвид изо всех сил старался вести оживленный разговор с моей матерью. Она же прилагала все усилия, чтобы еще больше накалить обстановку: растолковывала ему, что психотерапия – пустая трата времени и денег. Причем говорила она очень громко, специально, чтобы психотерапевт Майкла услышал. В редкие минуты ее молчания Дэвид ошеломленно оглядывался по сторонам, будто искал ответа на вопрос: какого лешего здесь происходит и во что он себя втянул?

Но не только нежданный визит Майкла Джексона показал Дэвиду, что мир, в который он решился войти, полон странностей и безумств. Я и сам приложил к этому руку. Клиника в общем и целом обуздала мой бешеный нрав, но семейный темперамент Дуайтов не поддавался полному излечению, и я все еще был способен устроить настоящую истерику. Кажется, впервые Дэвиду довелось это увидеть в январе 1994 года в Нью-Йорке, в тот вечер, когда меня должны были ввести в Зал славы рок-н-ролла. Я не хотел участвовать в этой церемонии, потому что в принципе не вижу никакого смысла в существовании Зала славы. Изначальная идея мне нравилась: чествовать первопроходцев рок-н-ролла, тех, кто в пятидесятые проложил дорогу нам всем, и особенно – тех,

кто позже оказался в тяжелом финансовом положении. Но очень скоро это выродилось в пышное мероприятие с участием телевидения, билеты на которое стоили десятки тысяч долларов, и все для того, чтобы как можно больше знаменитостей плюхнулись задами в мягкие кресла.

Разумнее всего было бы сразу вежливо отказаться, но я чувствовал, что обязан пойти. В Зал славы меня вводил Аксель Роуз, отличный парень. Мы довольно тесно общались в один из сложных периодов его жизни – тогда на него набросилась пресса. Мне хорошо известно, каким одиноким и несчастным чувствует себя человек в такой ситуации, и я хотел как-то его поддержать. Мы подружились, даже исполнили вместе «Богемскую рапсодию» на концерте, посвященном памяти Фредди Меркьюри. Из-за этого, кстати, мне пришлось позже отбиваться от ЛГБТ-активистов: в одной из песен Guns'N'Roses есть строки против гомосексуалистов. Конечно, если бы эти слова выражали мнение самого Акселя, я бы на сто метров к нему бы не приблизился. Но их произносил отрицательный персонаж, о котором говорится в песне. Кстати, похожая история у меня случилась и с Эминемом: мы с ним выступили дуэтом на премии «Грэмми», после чего «Союз геев и лесбиянок против диффамации» устроил мне веселую жизнь. И, опять-таки, все понимали, что в песне звучат слова не исполнителя, а персонажа – причем подчеркнуто отвратного персонажа. Ни Аксель, ни Эминем – не гомофобы, и считать их таковыми все равно что приписывать Стингу адюльтер с проституткой по имени Роксана или заявлять, что Джонни Кэш[203] застрелил в Рино человека, только чтобы посмотреть на агонию жертвы.

В общем, я все-таки собрался в Зал славы рок-н-ролла. Но, как только мы приехали, решил, что совершаю ошибку; развернулся и выбежал вон, громко бурча, что этот хренов Зал – чертов гребаный мавзолей. Я потащил Дэвида в отель, и там на меня немедленно накатило чувство вины. Мы вернулись обратно. The Grateful Dead как раз пели на сцене, только вместо Джерри Гарсии[204] там стояло его изображение, вырезанное из картона. Сам Джерри не пришел, заявив, что Зал славы рок-н-ролла – дерьмо собачье. Я полностью разделял его мнение, поэтому снова встал, развернулся и ушел, разумеется, вместе с Дэвидом. В номере отеля я снял костюм, надел махровый халат… и тут же опять нахлынуло чувство вины. Я снял халат, надел костюм и вернулся на церемонию. Уже находясь там, я страшно разозлился на самого себя из-за того, что испытываю чувство вины без всякой на то причины – и пулей вылетел на улицу. Всю обратную дорогу до отеля я на повышенных тонах разглагольствовал о том, что

этот чертов вечер – пустая трата времени.

Когда я совершал свои первые эскапады, Дэвид сочувственно кивал и говорил что-то успокаивающее, но теперь в его голосе звучало напряжение, а лицо как-то окаменело. Я был абсолютно уверен, что таким способом он выражает свое презрение к церемонии, а вовсе не к моей истерике. Наверное, именно поэтому спустя десять минут я с легкостью поменял концепцию и, еще раз все обмозговав, повернул обратно. Гости смотрели на нас изумленно. Их можно понять: мы возвращались к столику чаще, чем обслуживающие его официанты. Рад бы сказать, что на этом все и кончилось, но увы: я совершил еще один истерический отъезд в отель и еще одно возвращение, прежде чем выйти на сцену. Аксель Роуз произнес прекрасную речь, я попросил Берни подняться к нам, сунул ему в руки награду, и мы покинули здание. В отель ехали в полном молчании, которое наконец прервал Дэвид.

– Да, – выдохнул он, – драматический выдался вечер.

И после небольшой паузы с сочувствием спросил:

– Элтон, ты *всегда* так живешь?

Думаю, именно такие вечера привели к тому, что Дэвид решил снять документалку «Истерики и тиары». Первоначально идея принадлежала мне. Одна кинокомпания изъявила желание сделать обо мне документальный фильм, и я тогда подумал, что заняться таким проектом лучше кому-то, кто хорошо меня знает и видит то, что скрыто от других. Меня не интересовал вычищенный и выхолощенный рассказ о моей жизни. Люди должны почувствовать, каково это – быть мной, увидеть все, как есть, и смех, и боль, все это безумие. И еще я подумал, что Дэвид будет рад показать миру, с чем ему приходится мириться; для него это своеобразный способ осмыслить ту странную жизнь, которая теперь стала и его жизнью. Он устроил себе кабинет в том самом трамвае, что я купил в Австралии – знал же я, что когда-то он пригодится! – и занялся будущим фильмом.

То, что публика увидит мои темные стороны, меня не пугало. Я прекрасно знал, что моя жизнь – сплошной хаос, что иногда в припадке гнева я веду себя, как последняя свинья: вспыхиваю как спичка из-за ерунды, потом так же быстро остываю. Да, мой темперамент унаследован от родителей, но в глубине души я абсолютно убежден, что каждый человек искусства, будь то художник, театральный режиссер, актер или музыкант, временами ведет себя неадекватно. Такова обратная сторона творчества. У всех артистов, с которыми я дружил, она есть. У Джона Леннона, у Марка Болана, у Дасти Спрингфилд. Они чудесные люди, и я любил их безмерно, но у каждого случались

приступы ярости или тяжелые истерики. Если честно, у Дасти они случались так часто, что она выработала к ним конструктивный подход: если чувствуешь, что сейчас начнешь швыряться предметами, убедись, что не разобьешь что-то ценное или замени его чем-то дешевым.

Думаю, что к неконтролируемым вспышкам гнева у артистов я отношусь гораздо честнее, чем многие в наши дни. Сегодня звукозаписывающие лейблы даже проводят для поп-звезд специальные медиатренинги, учат скрывать недостатки характера и не позволять себе «взрываться» на людях. Не надо быть экспертом по Элтону Джону, чтобы понимать: я – дитя другой эпохи, в мое время знаменитостям не указывали, что можно, а что нельзя говорить прессе. И я рад чувствовать себя пережитком прошлого, несмотря на то что долгие годы говорил массу вещей, вызывающих противоречивую реакцию и приводящих к появлению в прессе статей под названием «СУЧКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ». Ну да, невежливо с моей стороны было назвать Кита Ричардса «обезьяной, больной артритом»… но, если честно, меня он еще и не так обзывал, так что мы в расчете. Единственный раз мои слова действительно привели к серьезным последствиям – когда американской воскресной газете «Парад» я сообщил, что Иисус мог быть очень умным и сопереживающим гомосексуалистом. Никто ведь ничего не знает о личной жизни Иисуса Христа, так что его слова о всепрощении можно трактовать по-разному, верно? Но религиозные фанатики меня не поняли: похоже, основная идея, которую они вынесли из учения Христа, – что надо уничтожать всех, кто говорит не то, что им нравится. В итоге полицейские Атланты целую неделю куковали у меня в гостевой комнате, а тем временем здание осаждали митингующие с плакатами, на одном из которых было написано: «СМЕРТЬ ЭЛТОНУ ДЖОНУ!» Да уж, не такое приветствие хочется видеть вечером у дверей своего дома. Человек, который держал этот плакат, выложил на YouTube видео, где угрожал меня убить, его арестовали, и митинги у здания прекратились.

Я считаю, что мир, где артистов учат говорить только то, что не может никого разозлить, и каждый из них предстает с идеальной стороны, ужасно скучен. И, вдобавок, лжив. Артисты несовершенны. *Никто не совершенен*. Вот почему я ненавижу выхолощенные документальные фильмы о рок-звездах, где зрителям с придыханием рассказывают о том, каким святым ангелом был тот или иной певец. Большинство рок-звезд временами вели себя чудовищно; они были великолепны, обаятельны – но вместе с тем иногда становились грубыми и глупыми. Именно это я хотел сказать фильмом «Истерики и

тиары».

Не все одобрили идею. Джордж Майкл посмотрел некоторые кадры и пришел в ужас – не от того, что увидел (он и так прекрасно знал, каким я бываю), а от того, что я собираюсь это обнародовать. Он считал, я совершаю огромную ошибку. Джон Рид, наоборот, сначала поддержал нас, но потом тихо слился и саботировал проект. Мама согласилась дать интервью, но Джон связался с ней без моего ведома и посоветовал не участвовать в съемках фильма про секс и наркотики. Я страшно на него разозлился тогда; но, по большому счету, мне было все равно, кто что подумает. Обычно я с трудом выношу себя на экране, но «Истерики и тиары» мне очень нравятся, потому что показанное там – правда и только правда. Дэвид и продюсер Полли Стил во время мирового турне 1995 года ходили за мной с маленькими камерами Hi-8, и я порой вообще забывал, что меня снимают. Смотреть смешно: я выкрикиваю какие-то нелепые угрозы, обещаю никогда не приезжать во Францию, потому что поклонник махнул мне рукой, пока я пытался играть в теннис, и клянусь больше не сниматься в клипах, потому что кто-то случайно забыл мой костюм на заднем сиденье автомобиля. Это было как откровение, и, думаю, просмотр таких сцен помог мне скорректировать свое поведение (не только просмотр, конечно, но еще много-много сеансов психотерапии). Бешеный темперамент никуда не делся, гены не изменишь, но теперь я понимаю, сколько энергии тратил на безудержные вспышки гнева и каким дураком ощущал себя, когда истерика заканчивалась. Поэтому сейчас я держу себя в руках – правда, не всегда получается. Но, по крайней мере, я стараюсь.

На самом деле единственное, о чем я жалею, – что «Истерики и тиары» так сильно повлияли на развитие некоторых телевизионных жанров. Например, на реалити-шоу, где показывают каждодневную жизнь знаменитостей, или, что еще хуже, как кто-то благодаря реалити-шоу становится знаменитостью. Честно говоря, просмотр «Быть Бобби Браун» или «Шоу Анны Николь» – не самое полезное занятие. И в популярности «Семейства Кардашьян» отчасти тоже виноват я, за что опускаюсь перед человечеством на колени и искренне прошу прощения.

Фильм «Истерики и тиары» вышел в 1997 году. Перед началом американского проката Дэвид проводил пресс-конференцию в Пасадене. Когда он уже возвращался домой, пришла страшная весть: Джанни Версаче убит. К тому времени я обзавелся домом в Ницце; мы ждали, что Джанни прилетит во

Францию отдыхать и проведет с нами неделю, даже билеты уже были куплены. Но пуля серийного убийцы перечеркнула все планы. Джанни застрелили в Майами, возле здания, где он жил. Маньяк, поднявший на него руку, уже совершал убийства в Миннесоте, Чикаго и Нью-Джерси. Ходили слухи, что после случайной встречи в ночном клубе несколько лет назад у него развилась одержимость Джанни, но на самом деле никто не знает, встречались они раньше или нет.

Новость о гибели Джанни мне сообщил Джон Рид. Это был страшный удар. Я включил в спальне телевизор, и, обливаясь слезами, уставился на экран. Джанни совершал традиционную утреннюю прогулку: каждый день он обходил киоски, покупал свежие газеты и журналы со всего мира. Дома у него всегда лежали стопки журналов с наклеенными желтыми стикерами: так он отмечал интересные идеи, красивые вещи, заметки, которые его вдохновляли. И вот теперь он мертв. Как и с Джоном Ленноном – ни причины, ни объяснений, которые помогли бы понять, что же случилось на самом деле. Еще одно бессмысленное убийство.

Семья Джанни попросила меня выступить на поминальной службе в миланском Дуомо – исполнить дуэтом со Стингом тот самый двадцать третий псалом, который я пел в Сиднее в день поминовения Джона Леннона. На службе творилось столпотворение. Кругом папарацци, съемочные группы, фотографы – даже в самом соборе. Яблоку негде упасть, но, думаю, это бы понравилось Джанни. Он обожал публичность – наверное, только в этом мы не могли сойтись. Представьте: отдыхаем мы вместе на Сардинии, и, куда бы он ни собрался идти, его пиарщики предварительно обзванивают все медиа. Он любил, чтобы везде его поджидала пресса. Я твердил, что терпеть этого не могу, но он мягко возражал: «О, Элтон… но они же любят тебя… и просто хотят сфотографировать, разве не так? *Они тебя любят*».

В Дуомо два высокопоставленных священника – епископы или кардиналы, или, может, кто-то еще – подозвали к себе меня и Стинга и начали расспрашивать, что именно мы будем петь. Думаю, они вообще не хотели, чтобы мы выступали, ведь мы не католики. Было очень неприятно: будто директор школы вызывает тебя на ковер и распекает в присутствии всех учеников. Только происходило это во время поминальной службы, в соборе, в окружении телекамер и под вспышками фоторепортеров.

Наконец свершилось чудо: нам позволили спеть. Потом я плакал, не переставая. Никогда в жизни не видел, чтобы человек скорбел так глубоко и сильно, как Аллегра, маленькая

племянница Джанни. Ей было тогда всего одиннадцать; Джанни обожал ее и оставил в наследство половину своего состояния. Почему-то она решила, что виновата в смерти дяди, – обычно по утрам она ходила вместе с ним за газетами, но на этот раз уехала с матерью в Рим. Девочка вбила себе в голову, что, будь она рядом, несчастья бы не произошло. После смерти дяди у нее развилась тяжелая анорексия; она постоянно куда-то пряталась, а потом ее находили в его гардеробной – она прижимала к себе старую одежду, которая все еще хранила запах Джанни. Это было ужасно. Просто ужасно.

Да и для всей семьи Версаче наступили страшные времена. У Донателлы, его сестры, всегда были проблемы с кокаином. Об этом знали все, кроме самого Джанни. Он совершенно не разбирался в наркотиках, да и спиртного почти не употреблял – обычно добавлял спрайт и кубики льда в бокал красного вина, что, на мой взгляд, способно полностью отбить желание осваивать мир алкоголя. В дни показов Модного дома Версаче он очень рано ложился спать, и всем рулила Донателла. Джанни видел, что с ней происходит что-то странное. Помню, мы как-то гуляли в саду у меня в «Вудсайде», и он признался:

– Не понимаю мою сестру – сегодня она хорошая и добрая, а назавтра в нее будто черт вселился. И у нее бывают истерики. Не знаю, что с ней такое?

Тогда я сказал ему, что она употребляет кокаин: до моей реабилитации мы с ней много раз баловались порошком вместе. Джанни не мог поверить. Он вообще не представлял, чем она занимается, когда его нет рядом.

После его гибели кокаиновая зависимость Донателлы полностью вышла из-под контроля. В тот период мы встречались редко, она избегала меня, потому что знала, как я к этому отношусь. Но однажды вечером явилась ко мне за сцену во время концерта в «Реджио Калабрия» в невменяемом состоянии. Я пел, а она сидела сбоку от сцены и плакала. Проплакала весь концерт. Или же моя музыка так ей не понравилась, или же она просила о помощи.

И мы решили вмешаться. Дэвид и рекламный агент Донателлы Джейсон Уейзенфельд подготовили почву; все произошло на праздновании восемнадцатилетия Аллегры в старых апартаментах Джанни на виа Гесу. Мы собрались в небольшой гостиной: Дэвид, Джейсон, наши друзья Ингрид Сиши и ее партнерша Сэнди. Вошли Донателла и Аллегра – обе в роскошных экстравагантных платьях от Версаче – и сели на диван. По очереди каждый из нас высказал Донателле все, что думает о ее зависимости, а потом наступило молчание.

Никогда не знаешь, что получится из такого вмешательства: если наркоман не готов признать свою проблему, все может кончиться очень плохо. Но внезапно Донателла прервала паузу.

– Моя жизнь – как твоя свеча на ветру! – выкрикнула она с болью в голосе. – Я хочу умереть!

Мы соединили ее по телефону с реабилитационным центром «Луга» в Аризоне, в городе Скоттсдейл. Слушали, что она говорит, и изумлялись:

– Да, да… кокаин и еще таблетки… какие?.. ну, пригоршню этих или пригоршню тех… а если не помогает, принимаю все одновременно… Да. Хорошо. Я вылетаю, но при одном условии: НИКАКОЙ ЖИРНОЙ ПИЩИ.

Уверившись, что в меню реабилитационного центра нет жирной пищи, она отбыла – все в том же роскошном платье. На следующий день нам позвонил Джейсон Уейзенфельд: Донателла осталась в клинике. Правила, запрещающие макияж, ужесточились, и вдобавок она забыла дезодорант, так что пришлось немного поволноваться, но в остальном все было в порядке. Донателла записалась на полный курс и собирается завязать с наркотиками. Мы поздравили Джейсона с успешным завершением нашего общего проекта.

– Спасибо, – мрачно ответил он. – Теперь только надо найти чертов дезодорант «Шанель» в этом Скоттсдейле.

После похорон Джанни мы пригласили его партнера Антонио пожить у нас в Ницце. Он был в отчаянии, отношения с семьей Версаче у него не складывались. Лето выдалось странное, мрачное, сумрачное; мы сидели в доме, который только что купили и декорировали в стиле Джанни, и словно ждали его появления – как он оценит наш интерьер? Однажды вечером Дэвид завел прямой и жесткий разговор: он настаивал, что мне надо нанять профессионального телохранителя. Раньше я никогда не думал об этом всерьез, даже после убийства Джона Леннона. В семидесятые, правда, я нанимал телохранителя Джима Морриса, но по иным причинам – бодибилдер и победитель турнира «Мистер Америка» не скрывал, что он гей: смелый поступок для чернокожего парня в те годы. И занимался он не охраной, а в основном тем, что выносил меня на плечах на сцену. Но теперь, похоже, нам и в самом деле требовались секьюрити. Времена изменились.

Невеселое лето закончилось совсем печально. Как-то воскресным утром в конце августа нас разбудило жужжание факса. Дэвид пошел посмотреть, что там, и вернулся с листком бумаги – рукописным сообщением от одного из моих лондонских

друзей: «Сожалею, какая страшная новость». В первый момент мы не поняли, о чем речь, возможно, о Джанни, но ведь со дня его смерти прошло уже полтора месяца. С ощущением растущей тревоги я включил телевизор.

Погибла принцесса Диана.

четырнадцать

С Дианой мы познакомились в 1981 году, незадолго до ее свадьбы с принцем Чарльзом. Это было в Виндзорском дворце, на дне рождения принца Эндрю, которому тогда исполнялся двадцать один год, и нас с Рэем Купером пригласили развлекать публику. Вечер получился на редкость странный. Снаружи дворец украсили психоделической иллюминацией, и до нашего выступления гости веселились под музыку передвижной дискотеки. На празднике присутствовала королева. Никто не хотел задевать чувства царствующей особы, так что громкость уменьшили практически до нуля, и, танцуя, мы слышали шарканье собственных ног. Принцесса Анна пригласила меня потанцевать под Hound Dog Элвиса Пресли. Потанцевать – сильно сказано; я неловко переминался с ноги на ногу, стараясь производить как можно меньше шума, но вместе с тем попадать в такт. Только усиленно напрягая слух, можно было понять, что диджей уже выключил Элвиса и завел Rock Around The Clock Билла Хейли. Появилась королева с маленькой сумочкой в руках, подошла прямиком к нам и спросила, нельзя ли присоединиться. В итоге я танцевал настолько беззвучно, насколько это вообще возможно, – в компании принцессы Анны и королевы Елизаветы, которая так и держала сумочку, – на самой тихой в мире дискотеке. Не знаю почему, но все это напомнило мне явление группы The Band у меня в гримерке и Брайана Уилсона, беспрерывно поющего припев из Your Song во время одного из наших первых визитов в Америку. Это было одиннадцать лет назад, с тех пор моя жизнь изменилась неузнаваемо, но вот я здесь, и все так же отчаянно стараюсь изображать нормального человека в эпицентре безумия.

Примерно так обычно выглядели мои отношения с королевской семьей. Ее представители всегда казались мне в высшей степени очаровательными и забавными людьми. Я знал, что на публике королева держит себя очень строго, ее имидж исключал любые проявления фривольности. Но, на мой взгляд, лишь потому, что такова суть ее работы. Первый раз я задумался об этом, когда мне вручали Орден Британской Империи, а затем посвящали в рыцари. Два с половиной часа королеве пришлось выполнять свои нелегкие обязанности. Представьте себе двести человек, и с каждым она должна перемолвиться хотя бы парой слов. Вряд ли в такой ситуации кто-то будет блистать остроумием. Она спрашивала, сильно ли вы заняты сейчас, вы отвечали: «Да, мэм», она кивала: «Как мило!» – и шла дальше.

Но в более камерной обстановке королева позволяла себе пошутить, да еще как! Помню, как на другом приеме она подошла к виконту Линли и посоветовала ему обратить внимание на сестру, которая чувствует себя неважно и ушла к себе в комнату. Виконт активно пытался увильнуть. Тогда королева начала легонько шлепать его ладонью по лицу, приговаривая: «Не смей, – ШЛЕП, – мне, – ШЛЕП, – возражать, – ШЛЕП, – потому что, – ШЛЕП, – я, – ШЛЕП, – королева Англии!» Линли побежал к сестре, королева же, заметив, что я наблюдаю за разыгрывающейся сценой, подмигнула мне и вышла из зала.

Впрочем, не важно, насколько нормальными или, наоборот, странными казались мне члены королевской семьи – и когда жаловались на яркую раскраску «Астона Мартина», и когда спрашивали, сколько кокса я нюхаю перед выходом на сцену, и когда подмигивали после избиения племянника по щекам. Всякий раз в таких ситуациях меня посещала мысль: «Господи, что я здесь делаю? Я, простой музыкант из муниципального домика на Пиннер-роуд? Как я вообще здесь оказался?»

И только с Дианой все было иначе. Несмотря на статус и происхождение, она обладала способностью общаться легко и свободно, говорить со всеми на равных, казаться обычной девушкой, и в ее компании люди всегда чувствовали себя комфортно. Сыновья унаследовали это качество, особенно принц Гарри; он очень похож на мать, и его нисколько не привлекают официоз или протокольность.

Помните фото из лондонской больницы Миддлсекс, где Диана здоровается за руку с пациентом, больным СПИДом? В этом она вся. Не знаю, осознавала ли она тогда колоссальную важность своего поступка – наверное, все-таки да, – но этим фото она навсегда изменила отношение общества к СПИДу. А ведь Диана просто увидела больного, умирающего мучительной смертью, – и протянула ему руку. Обычный человеческий импульс: постараться успокоить несчастного, хоть как-то облегчить его страдания.

Но вернемся в 1981 год. Диана вошла в зал, и мы понравились друг другу с первого взгляда. А через некоторое время уже изображали, что танцуем чарльстон, и возмущенно свистели, негодуя на почти неслышимую музыку.

Диана всегда была душой компании и самой приятной гостьей на званых ужинах, вела себя без намека на чопорность, обожала посплетничать и откровенно отвечала на любые мои вопросы. Единственное, что удивляло, – то, как она говорит о принце Чарльзе. Никогда она не называла его по имени и уж тем более каким-то домашним прозвищем: только «мой супруг». Это

звучало отстраненно и официально, хотя в самой Диане не было ни намека на официоз. Наоборот, ей не нравилось, как надменно и холодно держатся некоторые из членов королевской семьи.

Особенно потрясало, какое впечатление Диана производит на мужчин-натуралов. В ее присутствии они буквально ошалевали, она их словно околдовывала. Помню, во время работы над «Королем Львом» тогдашний глава «Диснея» Джеффри Катценберг прилетел в Англию, и мы устраивали для него и его жены Мэрилин ужин в «Вудсайде».

Я спросил, с кем бы в Британии они хотели познакомиться, и они, не раздумывая ни секунды, ответили: «С принцессой Дианой». Мы пригласили Диану, Джорджа Майкла, режиссера Ричарда Кертиса и его жену Эмму Фрейд, Ричарда Гира и Сильвестра Сталлоне – оба актера тогда тоже находились в Англии.

Мы и представить не могли, к чему это все приведет. Диана и Ричард Гир сразу почувствовали расположение друг к другу. Она уже рассталась с принцем Чарльзом, он только что развелся с Синди Кроуфорд, и вот теперь они сидели у нас в гостиной на полу возле камина, увлеченные беседой. Все остальные оживленно болтали, но что-то менялось в атмосфере. Судя по взглядам, которые Сталлоне бросал на Диану и Гира, он был явно не в восторге от пробуждающихся между ними чувств. Думаю, он пришел с твердым намерением обольстить Диану, а теперь его планы рухнули.

Наконец подали ужин. Мы переместились в столовую, гости расселись по местам. По крайней мере, почти все гости – кроме Дианы, Гира и Сильвестра Сталлоне. Мы подождали немного. Они не появлялись. Я попросил Дэвида пойти и отыскать их. Через некоторое время он вернулся вместе с пропавшими, но выражение лица у него было странное.

– Элтон, – шепнул он мне, – кажется, у нас тут сложилась… *особая ситуация.*

Как выяснилось, Дэвид обнаружил Сталлоне и Гира в коридоре. Они ссорились и наскакивали друг на друга, как петухи, – очевидно, из-за Дианы. Дэвид, пытаясь разрядить обстановку, сделал вид, что ничего не понял: «Эй, ребята! Пора за стол!» – но Сильвестр активно выказывал неудовольствие. После ужина Диана с Ричардом продолжили беседу у камина, Сталлоне же в расстроенных чувствах отправился восвояси. Мы с Дэвидом проводили его до двери.

– Ни за что бы не пришел, – прошипел он напоследок, – если б знал, что здесь будет наш чертов прекрасный принц! – И через паузу добавил: – Иначе она бы точно стала моей!

Мы едва дождались, пока его машина скроется из виду, и разразились хохотом. Диана и Ричард все так же сидели в гостиной, глядя друг другу в глаза. Она казалась совершенно невозмутимой; возможно, даже не поняла, что случилось. Или же такие сцены происходили постоянно и она к ним давно привыкла. После ее смерти много говорили о так называемом «эффекте Дианы» – о том, как она изменила отношение общества к королевской семье, к СПИДу, к булимии и психическим заболеваниям. Но каждый раз, как я слышал о пресловутом «эффекте», я вспоминал тот вечер у нас дома. Нам тогда довелось увидеть в действии еще один «эффект Дианы»: как она сводит с ума голливудских суперзвезд и они едва не устраивают кулачные бои во время званого ужина, борясь за ее внимание, словно глупые влюбленные подростки.

Много лет мы были с ней очень близкими друзьями, а потом неожиданно разошлись. Причиной стала книга, которую составил Джанни Версаче, – «Рок и короли». В книге представлены портреты, выполненные великими фотографами, такими, как Ричард Аведон, Сесил Битон, Херб Ритц, Ирвинг Пенн, Роберт Мапплторп. Все доходы от продаж книги предполагалось передать Фонду по борьбе со СПИДом, и Диана согласилась написать предисловие. А потом внезапно ушла в полный отказ. Думаю, Букингемский дворец не желал, чтобы член королевской семьи имел какое-то отношение к книге, где опубликованы фотографии обнаженных мужчин, задрапированных в полотенца. В последний момент Диана отозвала предисловие – она якобы представления не имела о содержании книги. Это было неправдой: Джанни показывал ей всю верстку, от начала до конца, и ей тогда все очень понравилось. Я писал ей, звонил, объяснял, сколько средств получит Фонд благодаря этой книге, напоминал, что она видела ее и все знала. Но в ответ получил холодное официальное письмо: «Уважаемый мистер Джон…»

На том все и кончилось. Я злился на нее, но вместе с тем тревожился, подозревая, что она отделилась от истинных друзей, говоривших ей правду, и окружила себя людьми, которые говорили ей то, что она хочет слышать, и поддакивали выдуманным ею после развода теориям о королевской семье. Из собственного опыта я знал, что это очень опасная, нездоровая ситуация.

Мы не общались с Дианой вплоть до убийства Джанни Версаче. В тот день после звонка Джона Рида, сообщившего мне о трагедии, сразу же позвонила она. Представить не могу, откуда она взяла мой новый номер телефона – мы ведь совсем недавно поселились в Ницце. Она сказала, что сейчас совсем недалеко от

нас, в Сен-Тропе, на яхте Доди Файеда. Спросила, как я, говорил ли я с Донателлой. И потом добавила: «Пожалуйста, прости меня. Мне очень жаль. Я вела себя глупо. Давай снова дружить».

Она пошла вместе с нами на похороны Джанни и выглядела потрясающе – загорелая, с жемчужным ожерельем на шее. Все такая же нежная, заботливая, полная участия и тепла. Завидев ее, папарацци с ума посходили, будто перед ними явилась звезда мирового уровня… но ведь она и была такой! Репортеры не унимались всю службу, знай себе щелкали фотоаппаратами. Здесь я должен заметить: знаменитое фото, где Диана якобы утешает меня, заплаканного, – единственный момент службы, когда она ничего подобного не делала. Она просто наклонилась, чтобы взять предложенную Дэвидом мятную конфету. И слова утешения, которые она якобы сказала тогда, на самом деле звучали так: «Спасибо, я так люблю «Поло»[205].

Потом я написал ей письмо с благодарностью; она ответила, предложила патронировать мой Фонд по борьбе со СПИДом и спросила, не соглашусь ли я участвовать в ее благотворительных проектах. Мы договорились, что в следующий раз, когда будем в Лондоне, встретимся за обедом и все обсудим.

Но следующего раза не случилось.

Через несколько дней после гибели Дианы мне позвонил Ричард Брэнсон и сказал, что в книге соболезнований в Сент-Джеймском дворце люди постоянно цитировали слова из моей песни Candle In The Wind. Действительно, тогда эту песню все время крутили британские радиостанции – изменив обычный формат, они передавали медленную печальную музыку, чье настроение соответствует общенациональной скорби. Ричард спросил, готов ли я переписать слова и исполнить «Свечу на ветру» на похоронах Дианы.

Такого я, конечно, не ожидал. Думаю, с Ричардом связался кто-то из семьи Спенсеров; наверняка им хотелось, чтобы похороны Дианы были неформальными, более человечными. Строгий протокол, который приятно соблюдать на похоронах британских королевских особ, их не устраивал: он противоречил характеру Дианы, всей ее личности.

Я позвонил Берни, предполагая, что задача покажется ему очень и очень сложной. Во-первых, новый текст услышат в буквальном смысле миллиарды людей – понятно, что похороны Дианы станут событием глобального масштаба, их будут транслировать телеканалы всего мира. Во-вторых, текст должны утвердить члены королевской семьи и церковь. Но Берни в очередной раз поразил меня: повел себя так, будто его тексты

каждый день проверяют королева и архиепископ Кентерберийский. На следующее утро факсом он прислал мне новый текст. Я переправил его Брэнсону, и слова были утверждены.

Тем не менее, собираясь на репетицию в Вестминстерское аббатство за день до похорон, я не знал, чего ожидать. Вспоминалось прощание с Джанни и то, как церковные чины противились нашему со Стингом выступлению в соборе. Там мы пели псалом, и все происходило на семейной поминальной службе. А здесь мне предстоит исполнить рок-композицию на мероприятии государственного уровня. Что, если церковь и королевская семья все-таки воспротивятся?

Но меня ожидал очень теплый прием. Архиепископ Кентерберийский повел себя невероятно дружелюбно, поддерживая во всем. Все присутствующие испытывали чувство единения, понимая, что должны сейчас собраться и сделать все наилучшим образом. Я настоял, чтобы на рояль прикрепили телесуфлер с новым текстом. Хотя, вообще-то, я категорически против использования этих девайсов. Во-первых, это противоречит самому духу рок-н-ролла, его спонтанности – уверен, что Литтл Ричард не читал слова с экрана, когда записывал Long Tall Sally. Но главное, что артист на сцене просто должен хорошо выполнять свою работу. От тебя требуются всего три вещи: петь, не перевирая мелодию, играть, не фальшивя, и не забывать слова песни. Не можешь – ищи себе другую работу. Именно поэтому я против пения под фонограмму.

Но тогда я позволил себе немного отступить от собственных правил. Ведь мне предстояло отработать самый важный, пусть и короткий, концерт в моей жизни: на целых четыре минуты внимание всего мира будет приковано ко мне, и не из-за меня, Элтона Джона. *Вообще не из-за меня.* И это было очень странное ощущение.

Оно только усилилось в день похорон. В Вестминстерское аббатство мы ехали с Дэвидом и Джорджем Майклом; это происходило задолго до нашего конфликта из-за его проблем с наркотиками. Накануне он позвонил и спросил, может ли присоединиться к нам. В машине царило молчание, Джордж был так подавлен, что не мог говорить, и никто другой не сказал ни слова. В церкви я встретил множество знакомых: Донателлу Версаче, Дэвида Фроста[206], Тома Круза с Николь Кидман, Тома Хэнкса и его жену Риту Уилсон. Казалось, все это нам снится, не происходит в реальной жизни. Мы сидели во внутреннем святилище храма, как раз там, где находятся ворота, через которые вошла королевская семья. Уильям и Гарри, убитые горем:

мальчикам было пятнадцать и двенадцать лет, и я считаю пределом бесчеловечности то, что с ними творили в тот день. Их заставили идти по улицам Лондона за гробом матери с непроницаемыми лицами, молча, глядя только вперед. Ужасное отношение к детям, которые только что потеряли маму.

Впрочем, в тот момент я думал о другом. Нет, я не нервничал перед выступлением. Конечно, солгу, если скажу, что меня вообще не волновала перспектива петь перед аудиторией числом два миллиарда человек. Но мой рояль стоял в передней части собора, туда посадили представителей благотворительных организаций, которые патронировала Диана; там были и мои друзья из Фонда – Роберт Ки, Энн Аслетт, Джеймс Лок, – так что я был среди своих и не испытывал обычного для артиста страха перед сценой. Но меня терзал другой, более конкретный страх: а что, если на автопилоте я начну петь *старый* вариант песни? Candle In The Wind я исполнял сотни раз. Конечно, маловероятно, что я полностью потеряю контроль, забуду про телесуфлер и запою оригинальную версию. Ну а вдруг? И насколько это будет ужасно? Не просто ужасно – чудовищно! Да, люди вписывали цитаты из первой версии песни в книгу соболезнований, но, говоря по правде, большинство строк оригинального варианта абсолютно не подходит к событию. Трудно сохранить хорошую мину при *настолько* плохой игре: когда ты вдруг начинаешь петь о мертвой обнаженной Мэрилин Монро и о том, что твои чувства не только сексуального характера, на похоронах государственного уровня, перед аудиторией в два миллиарда – или сколько их там – человек.

А потом случилось странное. Я словно отрешился от происходящего и вернулся на много лет назад, в то время, когда мы впервые гастролировали по Америке. По плану я должен был выступать в шоу Энди Уильямса[207], в нем, кроме меня, участвовали Мама Касс Эллиот из The Mamas and The Papas и Рэй Чарльз. Я приехал, и продюсеры сообщили, что выступать нам предстоит не просто в одном шоу, а *вместе*, то есть одновременно. Они считали, что для меня это станет чудесным сюрпризом, и я начну прыгать до потолка от радости. Куда уж там! Мама Касс, ну ладно, Энди Уильямс, окей, но *Рэй Чарльз*? Вы что, шутите, ребята? Рэй Чарльз! Братец Рэй! Чертов гений! Прячась в детстве в спальне наедине с коллекцией пластинок, я мечтал стать таким, как он; открывал рот под песни с его живого альбома «Рэй Чарльз в Ньюпорте». А теперь, видите ли, какой-то идиот решил, что это восхитительная идея – *Рэю* петь в программе национального телевидения вместе со *мной*. Как будто никому не известный автор-исполнитель – отличная компания

для человека, который практически в одиночку создал музыку в стиле соул. Да это худшая идея на свете, иначе не скажешь. А главное, я ничего не мог поделать. Моя карьера только начиналась, это было мое первое появление на американском телевидении. И я не имел права капризничать перед продюсерами. Так что пришлось петь. И я вышел на сцену и спел Heaven Help Us All с Рэем Чарльзом: он играл на белом рояле, я – на черном. Все прошло просто прекрасно. Рэй отнесся ко мне дружески, по-доброму, говорил подбадривающие слова: «Ну что, малыш, как дела?» Так ведет себя артист, которому уже не нужно никому ничего доказывать.

Эта история помогла мне осознать одну очень важную вещь. Иногда ты должен просто встать и выйти на сцену, даже если она находится за многие километры от твоей зоны комфорта. Сконцентрироваться, отбросить ненужные эмоции и сказать себе: ты артист, парень. Это твоя работа. Вот и делай ее наилучшим образом.

Так я и поступил на похоронах Дианы. То, как играл и пел, стерлось из памяти, а вот аплодисменты помню прекрасно. Они шумели сперва на улице, а потом мощной волной ворвались в собор – думаю, именно этого хотела семья Дианы, когда обратилась ко мне с просьбой выступить на похоронах. Все ощутили связь с простыми британцами, которые в этот день стояли возле Вестминстерского аббатства.

После службы я поехал на студию «Таунхаус» в Шепердс Буш, где меня уже ждал Джордж Мартин: он собирался быстро выпустить новую версию Candle In The Wind синглом, а вырученные от продаж деньги мы решили передать благотворительному мемориальному фонду принцессы Дианы. Я спел песню дважды, аккомпанируя себе на рояле, и отправился домой, оставив Джорджа записывать струнный оркестр и делать сведение. В «Вудсайде» меня ждал Дэвид, смотрел на кухне по телевизору прямой репортаж о похоронах. Кортеж уже добрался до трассы М1, люди бросали цветы с моста над автострадой. И наконец я сломался. Весь день я старался скрывать свои чувства, потому что должен был сделать мою работу наилучшим образом, а боль и скорбь могли этому помешать – люди пришли прощаться с Дианой, а не со мной, и я не имел права расклеиваться. И только дома выпустил горе на волю.

Сингл вышел, и началось безумие. Очереди выстраивались в музыкальные магазины, люди врывались внутрь, хватали диски охапками и мчались к кассам. Приходили невероятные статистические данные. Шесть дисков в секунду – исторический рекорд продаж; еще один рекорд песня поставила в *Финляндии*:

никогда ни один диск не продавался там в таких невероятных количествах. Я получал награды за сингл-бестселлер в самых неожиданных местах: в Индонезии, на Ближнем Востоке, и безумие никак не кончалось. В Америке песня продержалась на первой строчке хит-парадов три с половиной месяца, и три года в канадской первой двадцатке. Какая-то часть меня никак не могла уразуметь: почему все без конца крутят эту песню? Какие обстоятельства заставляют людей включать ее снова и снова? Лично я вообще ее не слушал. Спел трижды, на похоронах, и потом в тот же день два раза в студии. Нет, вру, все-таки однажды послушал: перед выходом сингла, только чтобы дать отмашку на выпуск. Больше – никогда.

Возможно, диск раскупался так активно, потому что люди знали, что вырученные деньги пойдут на благотворительность. Это все замечательно, но солидная доля полученных от продаж тридцати восьми миллионов фунтов, к сожалению, была потрачена на совсем другие цели. Мемориальный фонд выступил в защиту прав Дианы против тех, кто наживался на ее имени, – выпускал сувенирные тарелки, кукол, футболки, и на гонорары адвокатов уходили огромные деньги. Фонд проиграл дело против американской компании «Франклин Минт» и вынужден был выплатить ей миллионы по досудебному урегулированию. Не хочу никого называть правым или виноватым, но считаю, что Фонд Дианы слишком увлекся борьбой с торговыми марками, вместо того чтобы потратить средства на действительно важные дела: разминирование послевоенных земель, помощь обездоленным женщинам и решение других проблем, волновавших Диану при жизни.

В конце концов меня стало раздражать, что сингл так долго держится на первых строчках чартов. Кадры с похорон Дианы постоянно показывали по телевидению в передаче *Top of the Pops,* получался какой-то вечный траур, люди погрязли в ее смерти, жизнь для них словно остановилась. Нездоровая ситуация. Я уверен, это не то, чего хотела Диана.

И медиа, вместо того чтобы рассказывать о новостях, продолжали муссировать тему ее гибели, потому что газеты и журналы продавались лучше. Все это превратилось в какой-то цирк, и я не хотел в нем участвовать. Опра Уинфри пригласила меня на свое ток-шоу поговорить о похоронах, и я ответил отказом. И не позволил включать новую версию Candle In The Wind в благотворительный альбом памяти Дианы. И ни на одном из моих альбомов серии *Greatest Hits* вы этой песни не найдете. Я даже отказался от исполнения оригинального варианта на сцене и не пел его несколько лет, потому что считал, что людям пора

отдохнуть от этой музыки.

Осенью я уехал на гастроли, подальше от всей этой мрачной свистопляски, замешанной на смерти. В память о Джанни и Диане я постоянно напевал песню Sand And Water американской певицы Бет Нилсен Чэпмен из альбома, вышедшего в день гибели Джанни. Постоянно включал ее запись в нашем доме в Ницце: «*Я увижу тебя в свете тысячи солнц, я услышу тебя в тихой музыке волн, мы встретимся снова, когда я уйду, как уходим мы все навсегда*». Я упорно избегал разговоров о Диане и о моей песне с журналистами: тот ботаник во мне, который дотошно следил за всеми чартами, конечно, радовался, что записал самый продаваемый в истории сингл, но обстоятельства сложились так, что теперь я вообще не хотел касаться этого вопроса. На двадцатую годовщину смерти Дианы я дал одно интервью, где рассказал о ее работе в области борьбы со СПИДом – и то лишь потому, что меня попросил об этом принц Гарри.

Наверное, в моем отношении к этому синглу было что-то глубоко личное. То лето выдалось странное и страшное. С момента гибели Джанни я постоянно чувствовал, что планета словно сошла с оси и мир обезумел: убийство Версаче, поминальная служба в Милане, примирение с Дианой, две недели в Ницце, когда мы старались окружить душевным теплом партнера Джанни Антонио, потом смерть Дианы, похороны, нездоровый ажиотаж вокруг Candle In The Wind. Нет, я не хотел стереть все это из памяти. Но я просто надеялся, что жизнь рано или поздно вернется к некоему подобию нормальности. Снова начал работать. Поехал в гастрольный тур. Устроил распродажу сценических костюмов в пользу Фонда по борьбе со СПИДом – это мероприятие я назвал «Привет из гардеробной». Записал песню для мультипликационного сериала «Южный парк»: что и говорить, работа, диаметрально противоположная исполнению Candle In The Wind на похоронах государственного масштаба. И начал переговоры насчет совместного турне с Тиной Тернер – отличная идея, которая быстро обернулась сплошным кошмаром.

Пока все находилось на стадии планирования, она позвонила мне домой с явным намерением растолковать, насколько я ужасен и как мне следует перекроить себя для работы с ней. Тине не нравились моя прическа, цвет моего рояля – почему-то она считала, что он должен быть белым. И моя одежда ей тоже не нравилась.

– Ты все время носишь Версаче и потому выглядишь жирным, – заявила она. – Переходи на Армани.

Бедняга Джанни, наверное, перевернулся в гробу: Дома Версаче и Армани искренне ненавидели друг друга. Армани

говорил, что одежда от Версаче – верх вульгарности, Джанни считал, что у Армани все невыносимо бежевое и страшно скучное. Я бросил трубку и расплакался.

– Она разговаривает со мной, точно как моя мама, – жаловался я Дэвиду.

За долгие годы в шоу-бизнесе я, конечно, оброс броней и научился не реагировать болезненно на критику. Но выслушивать, как одна из величайших в мире певиц, с которой я к тому же собираюсь работать, подробно объясняет, почему ей все во мне столь ненавистно? Это выше моих сил. Неудачное начало сотрудничества, ничего не скажешь.

Но потом стало еще хуже. Я принял ее предложение выступить вместе на масштабном мероприятии под названием VH1 Divas Live: мы решили спеть Proud Mary и The Bitch Is Back. Моя группа улетела на репетиции на пару дней раньше, чтобы освоиться и прочувствовать, каково выступать с другим вокалистом. Я приехал, и что вы думаете? Нет, меня встретили не воодушевленные коллеги, говорящие на языке музыки. Мне с ходу сообщили новость о том, что, если я и впрямь собираюсь в турне с Тиной Тернер, никто из группы со мной не поедет, потому что «эта баба – сущая ведьма».

Я спросил, в чем проблема.

– Увидишь, – мрачно ответил Дейви Джонстон.

Он оказался прав. Для начала, Тина никогда не обращалась к музыкантам по имени. Просто тыкала пальцем и выкрикивала: «Эй, ты!» Мы начали играть Proud Mary, и, на мой взгляд, все шло отлично. Но Тина замахала руками: стоп!

– Ты! – и она указала пальцем на моего басиста Боба Берча. – Ты все делаешь не так!

Он заверил ее, что играет точно по партитуре, и мы начали заново. И снова Тина закричала: стоп! На этот раз виноватым оказался ударник Керт. Мы продолжили в том же духе, останавливаясь каждые тридцать секунд. Тина по очереди обвиняла музыкантов в плохой игре, пока наконец не обнаружила главный источник проблем и тыкнула пальцем в меня:

– Это ты! Ты играешь неправильно!

– Прошу прощения? – изумился я.

– Ты играешь неправильно, – припечатала она. – Вообще не знаешь, как играть эту песню.

Дальнейшие дебаты на тему, умею я играть Proud Mary или нет, очень быстро переросли в безобразный скандал. Я поставил точку: предложил Тине засунуть в задницу ее долбаную песню и в ярости выбежал вон. Сидя в костюмерной, я задыхался от злости, но потом включил разум и начал размышлять, почему она так

себя ведет. В свое время и я любил закатить истерику, но всему же есть предел. Существует негласное правило: музыкант не имеет права обходиться с другим музыкантом как с последним дерьмом. Может, это защитная реакция? В начале карьеры с ней обращались ужасно, долгие годы буквально обворовывали, эксплуатировали, даже избивали. Возможно, поэтому она так грубо ведет себя с людьми? Я пошел в ее гримерную и принес извинения.

Оказалось, проблема в том, что я слишком много импровизирую – добавляю проигрыши, короткие пассажи. Но я играл так всегда, с момента основания первой группы Элтона Джона! Выступая на сцене, мы каждый раз привносили в музыку что-то новое в зависимости от настроения. Это один из важнейших для меня моментов, я люблю живые концерты еще и потому, что мы импровизируем: музыка изменчива, как вода, она не высечена из камня. У музыканта всегда должно быть пространство для маневра: импровизация поднимает дух, звучание становится новым, свежим. Нет ничего лучше, чем услышать, как кто-то из группы играет то, чего ты не ожидал, и играет здорово. Ты ловишь его взгляд, киваешь, смеешься… Господи, да уже *ради этого* стоит выходить на сцену!

Но Тина придерживалась другого мнения. Она считала, что все и всегда должно быть одинаково, вызубрено и отрепетировано до мельчайших деталей, до еле заметного движения. Нам обоим стало ясно, что никакого совместного турне не получится. Но мы не разругались; позже она приезжала к нам в Ниццу на ужин и даже оставила в гостевой книге большой алый поцелуй в духе Тины Тернер.

Поскольку эти гастроли отменились, я организовал несколько совместных концертов с Билли Джоэлом. Мы гастролировали вместе с начала девяностых, выходили на сцену вдвоем, играли и пели песни друг друга. Мне нравилось с ним выступать. Мы оба пианисты, и у нас схожее отношение к музыке, хотя Билли – стопроцентно американский музыкант, типичный представитель восточного побережья, наподобие Лу Рида или Пола Саймона. Конечно, все они очень разные, но, даже ничего о них не зная, вы сразу поймете, что они из Нью-Йорка. В общем, мы долгие годы выступали вместе, хотя в итоге все кончилось плохо. У Билли было множество личных проблем, главная из которых – алкоголь. В костюмерной он принимал лекарство от инфекции дыхательных путей, запивал изрядной порцией спиртного, а потом вырубался на сцене прямо во время исполнения Piano Man. Через некоторое время он вставал, отвешивал поклон, немедленно отправлялся в бар отеля и просиживал там до пяти утра. В конце концов я

посоветовал ему обратиться в клинику, объяснил, что прошел все это сам, но он явно не обрадовался совету. Заявил, что я не имею права судить других людей. Но на самом деле я никого не осуждал, просто мне больно было видеть, во что отличный парень превращает свою жизнь. Но все это произошло значительно позже, а наши первые турне с Билли были замечательные: мы играли всегда по-разному и всегда с удовольствием, зрители обожали наши концерты, они пользовались большой популярностью.

Так что у меня было чем заняться; по крайней мере, достаточно дел, чтобы перевернуть страницу и оставить в прошлом страшное сумрачное лето. Но мир по-прежнему сходил с ума. Мы поехали в Милан, и я заметил, что люди шарахаются от меня на улице, женщины крестятся, а мужчины прикрывают рукой причинное место. Они ассоциировали меня с гибелью Джанни и Дианы, думали, что я проклят, что у меня дурной глаз или что-то вроде того. Наверное, будь я в длинном плаще и с косой в руках, меня бы ждал более теплый прием.

В общем, итальянцы считали меня ангелом смерти, что само по себе безумно. Но, очевидно, этого было недостаточно, и судьба подкинула совсем уж сумасшедшую историю. В марте 1998 года мы с Билли начали мировое турне, и мне в Австралию позвонил Дэвид. С ним связалась одна из девушек-флористок, каждую неделю оформлявших наш дом, и сообщила, что больше они на нас не работают, потому что не получали зарплату полтора года. Дэвид сразу позвонил в офис Джона Рида, выяснить, что происходит. Тот ответил, что не платил флористам, потому что не было денег, и, по всей видимости, я скоро стану банкротом.

Я не мог поверить. Официальная позиция Джона Рида и его компании была такова: Элтон Джон истратил все, что у него было, и даже более того. Поймите правильно, я знаю, что никто – кроме разве что Джанни – не назовет меня скрягой или даже рачительным хозяином. Я трачу много денег: у меня четыре дома, большой штат сотрудников, несколько автомобилей; я покупаю произведения искусства, фарфор и дизайнерскую одежду. Иногда ко мне приходят письма от моего бухгалтера со строгим требованием урезать расходы, и я, конечно, этот совет игнорирую. Но я не мог понять, как умудрился потратить больше, чем заработал, ведь работал я постоянно: выступал вживую, ездил в долгие турне, отыграл сто или сто пятьдесят концертов в огромнейших залах, и билеты всегда были распроданы. Мои недавние альбомы стали платиновыми во множестве стран, постоянно выходили сборники старых песен, которые

продавались настолько хорошо, что я лишь дивился – кто их покупает? Если человеку когда-то понравились Your Song и Bennie And The Jets, значит, они уже есть в его коллекции. Саундтрэк к «Королю Льву» распродался тиражом восемнадцать миллионов экземпляров, фильм собрал в прокате около миллиарда долларов, а мюзикл постоянно бил рекорды на Бродвее.

Я чувствовал: что-то здесь не так. Но что именно, не знал. Скажу честно: сами по себе деньги меня никогда особо не привлекали. Мне повезло, я зарабатывал очень много, но деньги никогда не были для меня ни мотивацией, ни самоцелью. Не буду врать, я с удовольствием вкушал плоды успеха, но механизм зарабатывания и накопления меня вообще не интересовал – иначе я бы пошел учиться на бухгалтера, а не играть в «Блюзологии». Я всего лишь хотел писать музыку, выступать и записывать диски. Да, я азартен, и потому всегда выяснял, сколько альбомов или билетов продалось, какие места я занимаю в чартах. Но я никогда ни у кого не спрашивал, сколько денег у меня на счетах, не вчитывался в контракты и не проверял чеки на роялти. И ни разу не был налоговым изгнанником – я британец и хочу жить в родной стране. Не осуждаю никого, кто выбрал другой путь, но лично для себя не вижу в этом смысла. Возможно, вы сэкономите на налогах, но не думаю, что так уж приятно, оглядываясь назад, понимать, что ты полжизни просидел в Швейцарии в окружении таких же унылых налоговых изгнанников. И потом, я хочу находиться там, где пульсирует музыкальная жизнь, а это, доложу я вам, точно не Монако. Уверен, княжество способно предложить множество вариантов решения налоговых проблем. Но вы когда-нибудь слышали о потрясающей новой группе из Монте-Карло?

В общем, я никогда не озадачивался состоянием своих финансовых дел. Привык думать, что этим занимается Джон Рид; мы с ним обсуждали этот вопрос в восьмидесятые в Сен-Тропе и пришли к определенным договоренностям. Я отдавал ему двадцать процентов моего заработка до выплаты налогов, огромные деньги по стандартам шоу-бизнеса, за то, что он обещал следить абсолютно за всем. Помнится, эту договоренность мы назвали «Роллс-Ройс-сервис»: я живу в блаженном неведении и занимаюсь чистым искусством, не заморачиваясь такими досадными мелочами, как проверка налоговых деклараций, просмотр банковских выписок или чтение текста, набранного в контрактах мелким шрифтом. И я был доволен, потому что безоговорочно доверял Джону. Наши отношения основывались не только на бизнесе: многие артисты близко дружат со своими менеджерами, но не думаю, что кто-то из них потерял с этим менеджером невинность.

Я верил Джону, хотя случались моменты, когда мне хотелось спросить: а не требуется ли «Роллс-Ройс-сервису» модернизация? Помню, одна желтая газетенка опубликовала некоторые из моих финансовых документов, в том числе пресловутые письма бухгалтера. Я был убежден, что произошла утечка информации, но выяснилось, что человек по имени Бенджамин Пелл попросту нашел эти бумаги в мусорном контейнере возле офиса Джона. То есть его сотрудники выбросили на улицу бумаги с конфиденциальной информацией, не позаботившись уничтожить документы. О чем это говорит? О том, что служба безопасности Джона Рида не слишком печется о моих интересах, а значит, их метод ведения дел явно нуждается в пересмотре.

И еще идея Джона о продаже моих мастер-записей… Предполагалось, что я единовременно получу колоссальную сумму, а тот, кто купит записи, будет забирать гонорар всякий раз, как продастся один из моих альбомов или когда мою песню включит в программу какая-нибудь радиостанция. Очень серьезная сделка, поскольку речь шла не только обо всем, что я записал в прошлом, но и о будущих работах. Джон привел кучу адвокатов и шишек из шоу-бизнеса, они начали убеждать меня в том, что это потрясающая идея. И я согласился. В итоге колоссальная сумма оказалась куда скромнее, чем я ожидал выручить за мои мастер-записи – возможно, потому, что вначале все говорили о сумме до вычета налогов. Джон взял свою комиссию, адвокаты получили гонорары, были выплачены налоги – и оставшаяся сумма вряд ли окупала такой серьезный шаг, как отказ получать гонорары за все свои прошлые и будущие песни. Но я выкинул все это из головы. Все равно этих денег хватило, чтобы приобрести дом в Ницце, населить его мебелью и предметами искусства и раздать что-то моим близким. Как я уже сказал, Джон взял комиссионные, а я выплатил некоторые суммы людям, которые работали на меня: личному ассистенту Бобу Хэлли, Роберту Ки, моему водителю Дереку, моему гастрольному помощнику Бобу Стейси – не зря же он десятилетиями следил за моим гардеробом.

Кроме того, я не хотел вступать в конфронтацию с Джоном.

Но теперь я осознал: здесь пахнет жареным, это очевидно. Мы с Дэвидом решили обратиться за советом к профессионалу и связались с юристом Фрэнком Пресландом, с которым я сотрудничал и раньше. Он согласился, что здесь что-то не так, и посоветовал провести независимый аудит компании «Джон Рид Энтерпрайзез». Надо отдать Джону должное: он сказал, что это отличная идея, и выразил готовность во всем помочь.

Аудиторы начали работать. В это время я был в Австралии, и,

если честно, с опаской ждал очередного звонка Дэвида с ежедневным отчетом о встречах с Фрэнком Пресландом и бухгалтерами. Однажды вечером он позвонил, и в его голосе звучала тревога: Бенджамин Пелл, тот самый парень, что рылся в мусорном ящике у офиса Джона Рида, связался с ним и сказал, что за Дэвидом следят, что наши телефоны прослушивают и надо все время фильтровать базар.

В свое время так себя вела британская пресса. Куда уж хуже?

В конце концов аудиторы докопались до истины и подняли вопрос о корректности ведения моих финансовых дел. Я не отвечал на звонки Джона, все переговоры с ним вел Фрэнк Пресланд. Чтобы не вдаваться в подробности этой долгой и болезненной истории, скажу только, что, не желая судебного разбирательства и принимая во внимание нынешнее состояние своих финансовых дел, Джон согласился выплатить мне пять миллионов долларов.

Что я тогда чувствовал? Не могу сказать точно: ощущения менялись каждую минуту. Чувствовал, что мое сердце разбито. Что меня предали – невзирая на юридические права и обязанности, я всегда верил, что во главу угла Джон ставит мои интересы и обязательно предупредит, если что-то пойдет не так. Я злился, и не только на Джона, но и на себя самого. Называл себя полным идиотом из-за того, что знать ничего не хотел про свои финансовые дела. Мне было стыдно. Но больше всего я корил себя за то, что оказался трусом. Я по-прежнему избегал прямой конфронтации с Джоном, не хотел раскачивать лодку. Мы так долго шли по жизни рядом, и я не мог себе представить, что в моем мире его больше не будет. С той самой минуты, как он вошел в лобби отеля «Мияко», наши жизни переплелись. Мы были любовниками, друзьями, деловыми партнерами; мы были командой, которая пережила все: славу, наркотики, драки, все безумства, на которые способен Элтон Джон. Говорите что угодно, но так оно было, и мы держались друг друга: Шэрон и Берил. И когда мне говорят, что Джон вел себя агрессивно, или жалуются на его бешеный темперамент, я вспоминаю слова Дона Хенли[208] о менеджере группы The Eagles Ирвине Азоффе: «Возможно, он дьявол – но *наш* дьявол».

И теперь все это закончилось.

Джон расторгнул наш с ним контракт и отказался от претензий на проценты от моих будущих заработков. Потом закрыл компанию «Джон Рид Энтерпрайзез» и на следующий год вообще оставил работу менеджера.

А я отправился на гастроли. Надо было расплачиваться с долгами.

пятнадцать

Обожаю Берни еще и за то, что он способен без всяких церемоний заявить: последний альбом, написанный нами, – да-да, тот самый, что продался миллионами экземпляров, вошел в топ-десятку во всем мире, и чьи песни стали хитами – просто дерьмо, и нам необходимо срочно обсудить кризисные меры для того, чтобы такое вновь не повторилось.

В коммерческом плане мы с Берни были на подъеме. Выпустили два новых альбома – *Made in England* в 1995 году и *The Big Picture* осенью 1997-го. Оба прошли на ура и стали платиновыми везде, от Австралии до Швейцарии. Но Берни считал, что *The Big Picture* никуда не годится. Ему не нравилось все: музыка, слова, аранжировки, то, что альбом записывался в Англии и ему приходилось прилетать на сессии из Штатов. «А главное, это не музыка, а просто куча идиотического, скучного, массово-попсового дерьма». Так сказал Берни, сидя на террасе нашего дома в Ницце три года спустя после выхода альбома. И добавил: «Это худший из всех наших альбомов».

Я и сам не большой поклонник *The Big Picture,* но, на мой взгляд, Берни преувеличивал. Альбом уж точно не хуже, чем *Leather Jackets*, хотя, говоря по правде, сравнение не совсем уместно. Как вы помните, *Leather Jackets* – скорее не альбом, а упражнения в написании музыки под ударными дозами кокаина, можно сказать, клинический случай. Мои вялые отговорки не подействовали: нет, настаивал Берни, *The Big Picture* еще хуже.

Я не соглашался. Берни явно был встревожен, причем настолько, что не поленился прилететь из Америки на юг Франции, чтобы высказать свое мнение лично. И в его словах была доля истины. В то время я часто слушал альбом *Heartbreaker* Райана Адамса. Типичный автор и исполнитель классического кантри-рока, его легко представить на сцене «Трубадура» в семидесятые годы, но в его музыке чувствовалась такая сила и новизна, что по сравнению с ней *The Big Picture* казался консервативным и даже устаревшим.

Возможно, я вкладывал мало души в свои сольные альбомы. После громкого успеха «Короля Льва» меня все больше интересовали кино и театральные постановки. Я написал саундтрек к комедии «Муза»[209], инструментальную композицию для «Женских сплетен» – британской комедии, которую продюсировал Дэвид. Я писал не песни, а музыкальные отрывки определенной продолжительности: внимательно смотрел фильм, а потом сочинял к нужным сценам тридцати- или

сорокасекундное сопровождение. Я думал, это будет скучно, но потом искренне полюбил это занятие. При правильном отношении оно по-настоящему вдохновляет: ты сразу видишь, какое огромное значение имеет музыка – коротенький проигрыш способен полностью изменить настроение эпизода, насытить его эмоциями.

Мы с Тимом Райсом написали песни для мультипликационного фильма студии DreamWorks «Дорога на Эльдорадо» – того самого, о котором договаривались с Джеффри Катценбергом. Потом занялись мюзиклом «Аида». Работать над ним было куда сложнее, чем над «Королем Львом», все время возникали проблемы с декорациями, менялись режиссеры и художники-постановщики, а на одном из предпремьерных просмотров я вообще в ярости вылетел из зала: обнаружил, что в аранжировку нескольких песен не внесли предложенные мною изменения. Ну что ж, если они не прислушиваются к вежливой просьбе, так пусть теперь глохнут от злобного топота по проходу!

Но сложности в работе – как и мой топот – окупились сторицей. Мюзикл шел на Бродвее четыре года, мы получили премию «Грэмми» и «Тони» за лучшую партитуру.

А передо мной тем временем уже начала маячить новая идея. Мы поехали на Каннский кинофестиваль посмотреть фильм «Билли Эллиот», и, боюсь, там я опять привлек к себе внимание. Я представления не имел, о чем фильм, думал, это всего лишь веселая британская комедия с Джули Уолтерс. Не был готов к глубокому эмоциональному потрясению. Господи! Сцена, где отец видит, как его сын танцует в зале, и осознает, что у мальчика дар, не понимая, какой именно… Финал, когда отец приходит на выступление сына и его переполняют гордость и любовь – все это трогало самые больные струны моей души. Как будто кто-то взял историю моих отношений с отцом и закончил ее хэппи-эндом. В общем, я так расклеился, что Дэвиду пришлось буквально выводить меня из зала. Если б не он, я бы и сейчас сидел там, содрогаясь от рыданий.

Тем не менее я собрал волю в кулак и решил встретиться с создателями фильма. Мы разговаривали с режиссером Стивеном Далдри и сценаристом Ли Холлом, и в беседе Дэвид заметил, что, на его взгляд, на основе фильма можно сделать отличный мюзикл. Мне идея сразу понравилась, как и Ли Холлу. Единственное, Ли хотел знать, кто напишет тексты. Да он сам и напишет, заявил я. Это его история, он родом из Изингтона, где происходит действие фильма. Ли сказал, что никогда в жизни не писал стихов, но, пожалуй, попробует.

Увидев готовые тексты, я не поверил своим глазам: как же

так, ведь Ли – натурал, откуда он все знает? Я не изменил ни единого слова, более того, он написал такие тексты, с какими никогда прежде мне не приходилось работать. Жесткие, с политическим подтекстом: «Считаешь, кокни, ты крутой? А ну, разинь пошире глотку: пока ты там митинговал, я отодрал твою красотку». Там были тексты с пожеланием смерти Маргарет Тэтчер. И песня под названием «Все танцоры – педики», которая, впрочем, не вошла в финальный вариант спектакля.

В общем, передо мной стояли совершенно новые интересные задачи. И в сравнении с ними запись двадцать седьмого альбома Элтона Джона казалась навязшей в зубах рутиной.

А что, если сломать ситуацию, то есть разрушить рутину? В Ницце Берни с воодушевлением вспоминал, как мы работали над альбомами в семидесятые – записывали песни на катушки, не делали огромного количества наложений, и основным элементом в общем звучании всегда был мой рояль. Забавно, но я с недавних пор задумывался о том же. Возможно, потому, что как раз посмотрел фильм Кэмерона Кроува «Почти знаменит» – своеобразное признание в любви к рок-музыке начала семидесятых, которую в фильме поет вымышленная группа Stillwater. В одной из сцен там звучит моя песня Tiny Dancer, группа исполняет ее во время автобусного турне. Благодаря фильму старая песня стала хитом – все давно забыли, что сингл в 1971-м с треском провалился: в Америке она тогда не вошла даже в первые сорок, а в Британии ее вообще решили не выпускать отдельной пластинкой. Наверное, зрители фильма не догадывались, что это такое и кто эту песню написал. На меня же «Почти знаменит» подействовал на подсознательном уровне; я начал вспоминать, каким сам был в те годы, как писал музыку, и как ее воспринимали люди.

Нет, я не хотел повернуть время вспять, меня никогда не привлекало создание композиции в стиле ретро. Ностальгия для музыканта – ловушка; вспоминая «старые добрые дни», ты всегда видишь их сквозь розовые очки (особенно это касается меня самого, что простительно, потому что я и в самом деле носил очки со стеклами розового цвета с прилепленными к ним перьями и встроенной иллюминацией). Но как только ты убеждаешь себя в том, что в прошлом все было лучше, чем в настоящем, можешь прекращать писать музыку и спокойно уходить на пенсию.

Я же хотел попробовать вернуть дух того времени, его непосредственность, свежесть – то, что я слышал в композициях Райана Адамса. И работать иначе: сосредоточиться только на музыке, отпустить себя на волю, не думать, станет ли та или иная песня хитом. Другими словами, «назад в будущее».

Именно так мы и создавали наш следующий альбом – *Songs From the West Coast*. Он вышел в октябре 2001 года и получил такие восторженные отзывы, каких я не видел долгие годы. Берни написал мощные, прямолинейные и откровенные тексты: I Want Love, Look Ma, No Hands. И American Triangle – жесткую, даже агрессивную песню о том, как в 1998 году гомофобы убили в Вайоминге Мэттью Шепарда. Мы работали в той самой лос-анджелесской студии, где записывались годами; как оказалось, новый продюсер Пат Леонард, больше всего известный своим сотрудничеством с Мадонной, обожает музыку семидесятых. Забавно: он, соавтор Like A Prayer и La Isla Bonita, с ума сходил по группе Jethro Tull[210]. Наверное, если бы Мадонна играла на флейте, стоя на одной ноге, он бы чувствовал себя абсолютно счастливым человеком.

В итоге альбом получился очень калифорнийским. В Калифорнии пишется совсем по-другому, иначе, чем в Лондоне, где каждый день брызжет дождь. Тепло как будто проникает в каждую твою клетку, ты расслабляешься, и в музыке потом словно сияет солнце. Мне понравился альбом, и с тех пор в работе я всегда использовал такой подход: вспоминал о том, что было сделано в прошлом, пропускал это через себя и писал по-новому. Так было и со следующим альбомом *Peachtree Road* – создавая его, я думал о музыке стилей кантри и соул, чье влияние ощущается в альбоме *Tumbleweed Connection,* особенно в песне Take Me To The Pilot. *The Captain and the Kid* стал сиквелом нашего старого альбома *Captain Fantastic and the Brown Dirt Cowboy* – Берни написал стихи о том, что происходило с нами во время американских гастролей 1970 года и после этого: от дурацкого красного автобуса в аэропорту и до временного прекращения нашего сотрудничества. *The Diving Board* мы записывали только с басистом и ударником, как в самом начале с первой группой Элтона Джона, но применяли новые приемы и между песнями поставили инструментальные проигрыши. Работая над *Wonderful Crazy Night*, я держал в голове поп-композиции из *Don't Shoot Me I'm Only the Piano Player* и *Goodbye Yellow Brick Road*. А *Wonderful Crazy Night* я записывал уже в 2015 году, надо сказать, мучительно, потому что хотел, чтобы музыка создавала ощущение легкости, веселья и свободы и чтобы обязательно звучала двенадцатиструнная гитара.

Альбомы не провалились, но и большого коммерческого успеха не принесли. Всегда расстраиваешься, если блестящий, на твой взгляд, альбом продается не слишком активно; но такие вещи надо принимать как данность. Это не коммерческие

альбомы, там нет грандиозных хитов; к тому же *The Diving Board* получился довольно мрачным, даже депрессивным. Но именно такую музыку я хотел писать – чтобы слушать через двадцать лет и испытывать чувство гордости.

Конечно, было бы приятно, если б они взлетели на первые строки чартов, но, по большому счету, меня это уже не волновало. Были периоды, когда мои диски продавались колоссальным количеством экземпляров, однако с самой первой минуты взлета я знал, что такое не длится вечно. Считая, что всегда будешь первым, ты сам себе роешь яму. Я убежден, что это одна из причин трагедии Майкла Джексона: он верил, что следующий альбом обязательно станет более популярным, чем *Thriller*, но этого не происходило, и каждый раз он переживал тяжелейший кризис.

Незадолго до начала работы над *The Captain and the Kid* меня попросили выступить в «Цезарь Палас» в Лас-Вегасе – там открыли новый большой концертный зал «Колизей». В нем уже пела Селин Дион, и мне тоже предложили подготовить шоу. Я хотел немедленно отказаться, Лас-Вегас по-прежнему ассоциировался у меня с 1967 годом, когда я – спасибо судьбе – избежал кабалы выступлений в кабаре. The Rat Pack[211], Донни и Мари Осмонд[212] увязли там надолго. Как и Элвис – семь лет Вегаса ему точно не пошли на пользу. И потом все эти конферансье во фраках, пафосно глаголющие: «Знаете, одна из самых прекрасных вещей в шоу-бизнесе – это…»

Но потом я начал размышлять: а что, если придумать программу, которая радикально бы отличалась от обычных шоу Лас-Вегаса? Фотограф и режиссер Дэвид Лашапель недавно снял потрясающий клип на песню из альбома *Songs from the West Coast* – This Train Don't Stop There Anymore. Джастин Тимберлейк, одетый как я в семидесятые, открывал рот синхронно словам, а на заднем плане актер в образе Джона Рида колошматил репортера и сбивал фуражку шапку с головы полицейского. Мне безумно понравился клип, и я попросил Лашапеля стать арт-директором всего вегасского шоу. Сказал, чтобы он делал все, что хочет, воплощал любые свои фантазии, даже самые сумасшедшие.

Если вы знаете работы Лашапеля, то поймете: именно так с ним и надо разговаривать, ведь он все ловит на лету. Он невероятен, а на том этапе своей карьеры даже поздравительную открытку не сделал бы в простоте – обязательно кто-то в одеянии Иисуса стоял бы на голове у гигантского фаршированного фламинго в окружении неоновых вывесок и мускулистых парней в плавках из змеиной кожи. Это он сфотографировал Наоми Кэмпбелл топлес в образе борца, вонзающего каблук-шпильку

прямо в лицо мужчины в окружении карликов в масках. И это в его модной съемке роскошно одетая модель стоит рядом с трупом женщины, на которую упал кондиционер, и вот она лежит на асфальте с кровавым месивом вместо головы. Это ему удалось уговорить Кортни Лав позировать в образе Марии Магдалины, при этом на коленях у нее лежало что-то, напоминающее труп Курта Кобейна.

Для моего шоу в Вегасе Лашапель придумал декорации, состоящие из неоновых вывесок, надувных бананов, хот-догов и тюбиков помады: даже грязного воображения не требовалось, чтобы в каждом из предметов увидеть эрегированный пенис. К каждой песне он снял видеоклипы – артистичные и фантастически смешные. Там даже был эпизод из шестидесятых, изображающий мою попытку покончить с собой, причем он привнес в дурацкую историю столько накала, что мое самоубийство выглядело по-настоящему драматично и без идиотской патетики. В клипах плюшевые медведи голубого цвета катались на коньках и кормили медом андрогинных ангелов; в некоторых сценах герои нюхали кокаин прямо с голых ягодиц какого-то парня, а в одном из эпизодов возникала модель-транссексуалка Аманда Лепоре: совершенно голая, она сидела на электрическом стуле, и из ее влагалища летели разноцветные искры. Шоу называлось «Красный рояль» – достаточно безобидно для такого провокационного содержания.

На мой взгляд, все это подтверждало, что Лашапель – гений. Я понял, что мы все сделали правильно, когда заметил, как некоторые зрители, кривясь от отвращения, выбегают из зала. И особенно когда моя мать заявила, что шоу – ужасная мерзость. Она явилась на премьеру и выразила свое отношение к происходящему на сцене тем, что через пять минут после начала программы демонстративно надела темные очки. После шоу пришла ко мне за сцену с перекошенным лицом и громко сообщила всем, как все это ужасно и что с моей карьерой, считай, покончено. При этом присутствовала Сэм Тейлор-Вуд – мы с Дэвидом часто встречались с ней на арт-мероприятиях, мне очень нравились ее фотографии, я купил ее версию «Тайной вечери Леонардо», и она, по моей просьбе, сняла клип на еще одну песню из альбома *Songs from the West Coast* – I Want Love. Увидев мамину реакцию, она не поверила своим глазам. «Мне хотелось снять туфлю и ударить ее по голове», – призналась Сэм. Но она плохо знала мою мать. Морось критики, начавшаяся в середине семидесятых, постепенно переросла в затяжной дождь: этой женщине ничего во мне не нравилось. Я к этому давно привык: либо отвлекал ее, либо сводил все к шутке, но у окружающих

общение с ней всегда вызывало нечто вроде шока.

Некоторым «Красный рояль» категорически не понравился потому, что они ожидали совсем другого (такой и была моя задумка). А ожидали они другого, потому что имели слабое представление о моей музыкальной карьере. Все, что они увидели в Вегасе, происходило на моих живых концертах – всегда из ряда вон, всегда за гранью разумного. Мне самому шоу очень понравилось, оно точно отражало мой характер и то, как я позиционировал себя в прошлом. Это был не просто шокирующий видеоряд, а один из способов шагнуть в будущее через прошлое; в некотором смысле – модернизированная версия концертов семидесятых годов, когда я выводил на сцену порнозвезд и Дивайна при полном параде. Если не принимать во внимание редкие гневные письма в администрацию казино и мамины мрачные предсказания, шоу проходили на редкость успешно. Я бы даже назвал их новаторскими. Возможно, они хотя бы чуть-чуть изменили имидж Лас-Вегаса, сделали его не таким лощеным, добавили остроты ощущений. После этого там спокойно могли выступать Леди Гага, Бритни Спирс и Бруно Марс, и никто бы бровью не повел.

Тем временем в Британии начали меняться законы относительно однополых браков. К концу 2005 года геям и лесбиянкам разрешили вступать в «гражданское партнерство» – по сути, в брак, если не принимать во внимание некоторые незначительные детали. Мы с Дэвидом решили, что будем первыми в очереди. К тому времени мы жили вместе уже десять лет и считали, что вступление в законное партнерство чрезвычайно важно для геев. Из-за СПИДа многие теряли своих партнеров и вскоре обнаруживали, что не имеют никаких прав. Часто вмешивалась семья умершего, выгоняла оставшегося в одиночестве партнера из обжитого дома и лишала всего – из жадности или потому, что так и не смогла принять гомосексуальность сына или брата. Мы с Дэвидом обсуждали все это раньше, спокойно и конструктивно, но все-таки я готовил для него сюрприз. В «Вудсайде» за ужином, на который мы пригласили группу Scissor Sisters, я сделал ему предложение: как и полагается, встал на одно колено. Я знал, что он ответит согласием, но все равно это был волнительный момент. Кольца у нас уже были, мы купили их в Париже в ту поездку, когда я встречал его в аэропорту и старался сохранить инкогнито, напялив на себя всю мужскую весенне-летнюю коллекцию Версаче.

Новый закон приняли в начале декабря, оставалось

пятнадцать дней до его вступления в силу. Заключить законное партнерство мы собирались двадцать первого декабря. Предстояло много всего организовать. Церемонию мы планировали провести в Гилдхолле[213] в Виндзоре, там же, где заключали брак принц Чарльз и Камилла Паркер Боулз. Мы решили, что это будет камерное мероприятие только для близких: мы сами, мама и Дерф, родители Дэвида, наш пес Артур, Ингрид и Сэнди и наши друзья Джей Джоплин и Сэм Тейлор-Вуд.

Первоначально мы собирались провести торжественный прием на студии «Пайнвуд»[214], но компания, занимающаяся организацией свадеб, выкатила такой бюджет, что даже у меня глаза на лоб полезли. Помню, я смотрел на цифру и думал: «Да я бы, наверное, озверел, если бы в отделе старых мастеров в «Сотбис» мне назвали такую сумму». Другой площадки мы не нашли – близилось Рождество, и все давно было забронировано. И тогда мы решили праздновать дома в «Вудсайде». На территории имения установили три огромных шатра, связанные переходами: первый шатер – зал приема гостей, второй – столовая, третий – просторный танцевальный зал. Запланировали развлекательную программу: петь должны были Джеймс Блант и Джосс Стоун[215]. Ожидалось шестьсот гостей, и Дэвид настоял, что сам составит план рассадки. К этой задаче он отнесся чрезвычайно серьезно. Он ненавидит, когда людей рассаживают как попало, и ты оказываешься за столиком с незнакомцами. К тому же здесь требовалась деликатность – компания ожидалась предельно разношерстная, мы пригласили людей, с которыми знакомились в разные периоды жизни, в разных странах и при самых разных обстоятельствах. Я гордился тем, что на праздник приглашены не только члены королевской семьи, но и знаменитые танцовщики из гей-порностудии «Бель Ами» – вот только вряд ли им было бы комфортно сидеть за одним столом. Дэвид дотошно распределил всех по, как он это назвал, «кланам»: этот стол для звезд спорта, этот – для представителей мира моды, этот – для экс-битлов и их знакомых.

А потом я добавил вишенку на торте: взял и разрушил его кропотливую работу.

В психологии есть теория о том, что человек, склонный к зависимости, способен «зависнуть» на чем угодно. Эту теорию я подтвердил на практике в начале нулевых, когда мы в «Вудсайде» обзавелись шредером для уничтожения бумаг. Не могу сказать точно, когда началась моя одержимость. Отчасти я исходил из соображений безопасности: я так и не забыл, что моя банковская выписка красовалась на первых полосах желтой прессы из-за того, что какой-то идиот из компании Джона Рида не уничтожил мои

финансовые бумаги. Но, если честно, мне просто безумно нравился аппарат. Он успокаивал нервы, улучшал настроение. Радовало все: какой звук он издает, как медленно исчезают в его пасти листы и как с другой стороны вылезают чуть-чуть жатые изящные полоски бумаги. Я обожал его. Сидел в комнате среди бесценных произведений искусства, но ни одно из них не волновало меня так, как машина, пожирающая бумагу.

Не знаю, когда началась моя зависимость. Зато могу сказать точно, когда она кончилась: примерно через две минуты после того, как я увидел комнату, в которой Дэвид составлял план рассадки. Повсюду валялись листы бумаги, и я решил совместить полезное с приятным: помочь Дэвиду навести порядок и удовлетворить свою страсть к превращению старых документов к конфетти. Не помню, сколько страниц Дэвидова плана я успел скормить шредеру, прежде чем он вернулся в комнату и начал кричать. Никогда в жизни не слышал, чтобы он так страшно кричал. Дэвиду вообще не свойственны вспышки ярости, но, похоже, долгие годы жизни с виртуозным мастером истерик он только и ждал подходящего момента, чтобы продемонстрировать все, чему научился. С дикими воплями он изображал сцены надвигающейся катастрофы: как порнозвезды из «Бель Ами» обсуждают свое шоу под названием «Мальчики любят что побольше» с моей матерью или тетей Уин. Он орал так громко, что вопли разносились по всему дому, каждое слово было четко слышно даже в спальне на втором этаже – это я знаю точно, потому что именно там я спрятался, заперев на всякий случай за собой дверь. Нет, я не верил, что Дэвид швырнет мне в голову столь любимый мною шредер, и все же, судя по его крикам, такую вероятность исключать не следовало.

Но в остальном подготовка к церемонии прошла гладко. Наш друг Патрик Кокс устроил невероятный мальчишник в Сохо, в гей-клубе «Too 2 Much». Было очень забавно – представление в духе кабаре. Программу вел Пол О'Грэди[216], он же исполнил дуэт с Джанет Стрит-Портер. Сэр Йэн Маккелен нарядился вдовой Твонки[217]. Выступал Брайан Адамс, и Сэм Тейлор-Вудс спела версию песни Love To Love You Baby. Между выступлениями знаменитого нью-йоркского транс-дуэта «Кики и Герб» и школьного друга Дэвида Эрика Маккормака, который играл Уилла в сериале «Уилл и Грейс»[218], мы посмотрели видеопоздравления Элизабет Тейлор и Билла Клинтона. Джей Ширс из Scissor Sisters так разошелся, что сбросил с себя всю одежду и продемонстрировал танец на шесте, которому научился, работая в нью-йоркских стрип-клубах еще до того, как группа стала знаменитой. Вечеринка получилась чудесная.

Наступил день свадьбы. Мы проснулись прекрасным зимним утром, погода стояла ясная, солнечная, воздух кристально чистый. Несмотря на предпраздничную суету, в доме царила волшебная рождественская атмосфера. Уже приехали гости: семья Дэвида прилетела из Канады, мой школьный друг Кит Фрэнсис с женой прибыли аж из Австралии. На улице персонал добавлял последние штрихи к интерьеру шатров, проверял гирлянды на деревьях. Накануне вечером мы смотрели репортаж о заключении первых гражданских партнерств в Северной Ирландии – там на вступление закона в силу отводилось меньше времени. Пары столкнулись с протестами, евангелические христиане выкрикивали, что это пропаганда содомии, бросали мучные бомбы и яйца. Я сильно забеспокоился – если такое случается с обычными людьми, что ждет нас, знаменитую чету? Но Дэвид убедил меня, что все будет хорошо: полиция в полной готовности, для протестующих отведена специальная зона, так что они при всем желании не смогут вмешаться. Утром начали показывать новости из Виндзора: толпы людей вышли на улицу и атмосфера везде была праздничная. Никто не собирался на нас набрасываться: наоборот, люди несли плакаты с поздравлениями, домашнюю выпечку и подарки для нас. Приехали автобусы телеканалов Си-эн-эн и Би-би-си, репортеры снимали уличные сценки, чтобы потом смонтировать сюжет.

Я выключил телевизор и попросил Дэвида больше ничего сегодня не смотреть. Сказал, что в этот день хочу думать только о нем и чтобы ничто нас не отвлекало. В моей жизни уже была свадьба, но теперь все по-другому. Теперь я чувствую себя собой, могу свободно выразить любовь к другому мужчине способом, о котором и помыслить не мог в те давние дни, когда осознал себя геем, и позже, когда признался в этом журналисту «Роллинг Стоун». В 1976 году никто и заикнуться не мог об однополом браке или гражданском партнерстве, но главное, я сам считал, что раньше полечу на Марс, чем приду к долгосрочным отношениям. Но вот мы здесь. Удивительное событие: не только личное, но историческое; и мы – часть мира, меняющегося к лучшему. Я был так счастлив, как никогда в жизни.

И в этот самый момент появилась моя мать – на этот раз в образе буйного социопата.

Первым признаком надвигающейся бури стало то, что она не захотела выходить из машины. Они с Дерфом приехали в «Вудсайд», как и планировалось, но мама упорно отказывалась идти в дом. Мы уговаривали ее, как могли, она же сидела с каменным лицом и не двигалась с места. Семье Дэвида пришлось выйти на улицу и поздороваться с ней через окно машины. Какого

черта с ней случилось? Возможности выяснить у меня не было. По указанию службы безопасности, машины должны были ехать в Гилдхолл друг за другом. Но мама отказывалась ехать. И приходить на приватный обед, запланированный в «Вудсайде» после заключения гражданского партнерства, по ее словам, тоже не собиралась.

Машина тронулась, и моя мать уехала.

Отлично. Самый важный день в моей жизни – и очередная мамочкина истерика из тех, что я до смерти боялся в детстве. Я унаследовал ее способность нагонять на окружающих мрак, но разница в том, что я быстро приходил в себя. Осознавал, что происходит, и говорил себе: черт, я веду себя не просто как дурак, а как моя мать – и тут же бежал просить у всех прощения. Но мама никогда не чувствовала себя виноватой, не думала, что поступает неправильно. Лучшее, чего можно было от нее ожидать, – ужасной ссоры, в которой, конечно же, последнее слово оставалось за ней; затем все неловко улаживалось и наступало короткое перемирие до следующей истерики. С годами способность устраивать жуткие молчаливые сцены она довела до поистине эпического уровня – Сесил Демилль[219] дурного настроения, Толстой ненависти к миру. Поверьте, я лишь немного преувеличиваю. Эта женщина десять лет общалась со своей родной сестрой только посредством скандалов по ничтожным поводам – например, из-за того, добавила ли тетя Уин ей молоко в чай или нет. Непоколебимая верность отвратительному характеру в восьмидесятые даже заставила ее покинуть страну; разругавшись со мной и одним из сыновей Дерфа от первого брака, мама решила эмигрировать на Менорку. То есть ей легче было уехать за границу, чем пойти и попросить прощения. Нет никакого смысла урезонивать такого человека.

Я смотрел, как машина с ней удаляется, и мечтал, чтобы сейчас она опять оказалась на Менорке. А лучше на Луне. Где угодно, только не на торжественном заключении нашего с Дэвидом партнерства, которое, как я чувствовал, она собирается отравить своими выходками. Если честно, я не собирался приглашать ее, подозревая, что она выкинет нечто подобное. Точно такие подозрения я испытывал перед свадьбой с Ренатой, и это одна из причин, почему мы поженились так быстро и в Австралии: уж туда-то мама точно не добралась бы. Но за несколько недель до заключения партнерства с Дэвидом я передумал, решив, что мама все-таки не настолько безумна.

Оказалось, настолько.

И все же она не смогла испортить наш день, настолько он был волшебным. Люди, собравшиеся у Гилдхолла, поздравляли нас,

аплодировали; а потом машины все подъезжали и подъезжали к «Вудсайду» – казалось, все, кого я знаю и люблю, прибыли на наш праздник. Словно вспышки, передо мной возникали лучшие мгновения прошлого: вот Грэм Тейлор, вот Мафф Уинвуд с женой Зеной, вот Ринго Старр и Джордж Мартин, Тони Кинг и Билли Джин Кинг.

Но мама, безусловно, превзошла себя в старании все испортить. Она все же приехала в Гилдхолл. Мы с Дэвидом обменивались клятвами, и она начала очень громко, буквально перекрикивая нас, жаловаться на то, что ей не нравится здание и какой дурак станет проводить здесь свадьбу. Когда пришло время ставить подписи на свидетельстве о гражданском партнерстве, она быстро черкнула свое имя, бросила: «Ну наконец-то все позади», – отшвырнула ручку и выбежала вон. Творилось какое-то безумие; я то впадал в состояние эйфории, то начинал паниковать, представляя себе, что еще мамочка может выкинуть. Самое ужасное, что с этим ничего нельзя было поделать. По опыту я знал: пытаться сейчас уговаривать ее – все равно что поджечь фитиль, пропитанный бензином, и тогда начнется грандиозный скандал, способный разрушить торжество на глазах шестисот гостей и представителей прессы со всего мира. Мне совсем не хотелось, чтобы в репортажах о заключении партнерства самой знаменитой в Британии гей-пары журналисты, пряча улыбки, рассказывали о том, как Элтон Джон и его мамаша развлекали публику, вопя друг на друга на ступенях виндзорского Гилдхолла.

Вечером на домашнем торжестве во время произнесения речей мама стонала и закатывала глаза. Потом жаловалась, что ее посадили слишком далеко от нас с Дэвидом: «С тем же успехом ты мог отправить меня в Сибирь!» Честно, не знаю, как можно было посадить ее еще ближе, разве что ко мне на колени. Я старался весь вечер ее избегать, это было несложно, ведь приехало столько друзей, и со всеми хотелось поговорить. Но краем глаза я следил за ней: люди подходили к маме с искренними поздравлениями, но потом их лица вытягивались, и они быстро ретировались. Она накидывалась на всех, даже если с ней пытались завести безобидную беседу. Джей Джоплин совершила большую ошибку, обратившись к маме со словами: «Какой чудесный день, правда?» Это было расценено как провокация, и мама в ответ выпалила: «Рада, хрен тебя раздери, что ты так считаешь». Тони Кинг просто подошел поздороваться, он давно знал маму и Дерфа. Ему она сообщила, что сегодня он выглядит особенно старым. Помню, в какой-то момент ко мне подошла Шэрон Осборн[220].

– Знаю, она твоя мать, – прошептала она, – но я хочу ее убить.

Чем было вызвано такое поведение мамы, я узнал значительно позже. Прессе она объяснила, что очень расстроена: якобы ей не позволили фотографироваться вместе со всеми, потому что на ней нет шляпы. Это полнейшая чушь. Мама Дэвида собиралась купить себе шляпу на церемонию и позвала мою мать с собой за покупками, но та сказала, что никакая шляпа ей не нужна. Так что дело было не в этом, тем более что *на всех семейных фотографиях мама присутствовала*. Как выяснилось, истинную причину знали родители Дэвида, но не хотели расстраивать нас и потому ничего не сказали.

Прилетев в Англию, они сразу ей позвонили – у них всегда были прекрасные отношения с мамой и Дерфом, они даже ездили вместе отдыхать. И по телефону моя мать с придыханием начала говорить, что надо объединиться и общими усилиями предотвратить нашу с Дэвидом свадьбу. «Нельзя, чтобы двое мужчин женилось», – вот ее точные слова. Она считала, что однополые союзы недопустимо приравнивать к браку между мужчиной и женщиной; якобы она уже поговорила об этом со многими людьми, и все пришли в ужас. Это страшно навредит моей карьере. Мама Дэвида возразила ей: вы не правы, наши дети собираются совершить замечательный поступок, и мы должны поддержать их.

И тогда моя мать бросила трубку.

Спустя пару лет примерно то же самое мать повторила мне во время одного из ужасных скандалов. Ее слова казались лишенными всякого смысла. Да, мама человек сложный, но она никогда не была гомофобом. Она приняла мое признание много лет назад и выход статьи в «Роллинг Стоун» встретила совершенно невозмутимо. Всполошившимся журналистам сказала, что считает мой поступок смелым, а ей лично все равно, гей я или натурал. Почему же теперь, тридцать лет спустя, она решила ополчиться на мою сексуальную ориентацию? Возможно, она всегда была против, только скрывала это, подавляла в себе негативные чувства? На мой взгляд, проблема оставалась прежней: она не могла вынести, что кто-то стал мне ближе, чем она. Со всеми прежними бойфрендами, как и с Ренатой, она обращалась очень холодно; теперь же ситуация изменилась. Она знала, что короткие связи с бойфрендами не перерастут в длительный союз (кокаин не позволял мне такого). И она понимала, что наш брак с Ренатой обречен, потому что я гей. На этот раз все было иначе: я не пил, не употреблял наркотики и жил с человеком, которого глубоко и искренне полюбил. Я наконец-то встретил любовь всей жизни, и мы узаконили наши отношения.

Мать не могла смириться с тем, что пуповина перерезана окончательно; одержимая этой идеей, она не думала ни о чем другом и даже была готова поставить под удар счастье своего сына.

Это ей не удалось. Я наконец-то был по-настоящему счастлив, и не важно, сколько скандалов и истерик она собиралась закатить. Единственное, что она могла сделать, – рано или поздно осознать это и смириться.

У меня было много причин чувствовать себя счастливым. И не только благодаря личным отношениям. В промежутках между шоу в Лас-Вегасе, работой над мюзиклом «Билли Эллиот» и записью новых альбомов я сочинял музыку – с огромным наслаждением и так вдохновенно, что Дэвид заразился моим энтузиазмом. Ему стало интересно, что повлияло на меня в самом начале карьеры – какие артисты, какие альбомы; в те времена он сам еще был мальчишкой. Я посоветовал ему разные композиции и альбомы, он составил плейлисты и закачал их на айпод. Мы собирались отдохнуть в Южной Африке с нашими друзьями Ингрид и Сэнди, и в номере отеля фоном звучала бы эта музыка.

Представьте себе долгую, искреннюю дружбу, которая началась с ругани по телефону. Это про нас с Ингрид. Мы познакомились, когда она была главным редактором журнала «Интервью» и планировала статью обо мне. Я сделал все возможное, чтобы избежать с ней встречи; даже отменил уже назначенное интервью. Но она позвонила и заявила, что приедет в любом случае. Я велел ей отвалить. Она положила трубку и материализовалась у двери моего гостиничного номера буквально через несколько минут. А еще через несколько минут я обожал ее всей душой. Ингрид – женщина с твердым характером и собственным мнением. И к ее мнению стоит прислушиваться: она фантастически умна. В двадцать семь лет она стала главным редактором журнала «Артфорум», знала всех и вся в мире моды и искусства и не терпела дурацких выходок ни от кого, в том числе, как выяснилось, и от меня. Разговаривать с ней было очень интересно. К концу беседы она получила не только интервью, но и еще мое обещание вести колонку в ее журнале. У меня возникло примерно такое чувство, как при первой встрече с Джанни Версаче: если он – мой потерянный брат, то она – потерянная сестра. Мы постоянно перезванивались, я обожал болтать с ней, и не только потому, что она всегда была в курсе слухов и сплетен. Во время наших разговоров я всегда чему-то учился; и она говорила мне только правду, даже ту, которую не хочешь слышать.

Ингрид родом из Южной Африки, но ребенком вынуждена была покинуть страну. Ее матери грозил арест за участие в движении против апартеида, так что семья переехала сперва в Эдинбург, а затем в Нью-Йорк. Но любовь к Южной Африке никуда не исчезла, именно поэтому они с Сэнди и поехали вместе с нами отдыхать.

Как-то вечером мы собирались на ужин, и в номере, как обычно, играл плейлист, составленный Дэвидом. Он принимал душ, и тут зазвучала композиция Back To The Island Леона Расселла. И я расклеился. Прекрасная песня, но невыносимо грустная – о потерях, сожалениях, о том, что время уходит без возврата. Я сел на кровать и расплакался. Вспомнил, как Леон пришел в мою гримерку в «Трубадуре», потом был Эрик Клэптон, потом группа «Росо»: господи, как же это было давно.

Эту песню Леона Расселла я слушал постоянно, когда жил в Лос-Анджелесе на Тауэр Гроув Роуд. Тот дом до сих пор стоит у меня перед глазами. Мебель темного дерева, стены спальни обтянуты замшей, блики утреннего солнца играют на глади бассейна. Шумные веселые компании заваливаются ко мне после ночных тусовок в «Виски», «Рэйнбоу» или «Ле Ресторан», откуда их наконец-то выставили; повсюду густые клубы дыма крепкой калифорнийской травки, стаканы с бурбоном; помню голубые глаза парня, которого я обхаживал в бильярдной, – он уверял, что он натурал, но его улыбка говорила, что возможны исключения. Вот Дасти Спрингфилд приезжает после отвязной ночной прогулки по гей-клубам – и буквально выпадает из машины. День, когда мы с Тони Кингом решили попробовать мескалин, а потом орали от ужаса: кто-то из гостей наведался на кухню и в измененном состоянии сознания изобрел новый вариант «Кровавой Мэри» с куском сырой печени, свисающим с края бокала. От одного только вида можно упасть в обморок.

Но воспоминания о Лос-Анджелесе семидесятых населены призраками. Все легенды Голливуда, с которыми я тогда встречался, уже умерли от старости. Как и Рэй Чарльз. Именно со мной он в последний раз записал песню для моего альбома дуэтов спустя тридцать четыре года после нашего совместного выступления на американском телевидении. Для альбома мы спели дуэтом Sorry Seems To Be The Hardest Word, и пели сидя, потому что от слабости он уже не мог стоять. Я попросил инженеров сделать для меня копию этой записи, чтобы слушать не столько пение, сколько наши разговоры. Наверное, хотел иметь при себе доказательство того, что в конце концов подружился с кумиром моего детства. И другие призраки: умершие от СПИДа совсем молодыми, и те, кто сгубил себя

наркотиками и алкоголем, и те, кого убили, и те, кто погиб в катастрофах. Люди, погибшие от того, что могло убить тебя в пятидесятые и шестидесятые, если только не выручало везение. Ди Мюррей, мой первый басист. Дуг Уэстон, владелец «Трубадура». Билл Грэм. Газ Даджин. Джон Леннон, Джордж Харрисон, Гарри Нилссон. Кит Мун и Дасти Спрингфилд. Бесконечная вереница парней, в которых я влюблялся или думал, что влюблялся, на танцполе в клубе «Афтер Дарк».

Дэвид вышел из душа, увидел меня в слезах и вздохнул:

– Господи, что еще случилось?

Хорошо знакомый с резкими перепадами моего настроения, он подумал, что меня взбесила какая-то малозначащая деталь нашего отдыха и я вот-вот разражусь криками и требованиями немедленного отъезда. Но я объяснил, что просто вспоминаю прошлое. Айпод все еще играл, Леон пел: «Солнце ушло навсегда, и дождь заливает мне душу, и в самой ее глубине тоска о тебе будет вечной». Господи, как же он пел. Что с ним сейчас? Я не слышал о нем долгие годы.

Немедленно я направился к телефону, позвонил своему другу Джонни Барбису в Лос-Анджелес и попросил найти контакты Леона. Джонни перезвонил и продиктовал мне номер – судя по коду, Нэшвиллский. Я тут же набрал и услышал голос. Он звучал чуть более хрипло, чем раньше, но все-таки это был голос Леона с его неизменным южным оклахомским акцентом.

Я спросил, как он. Он ответил, что лежит на диване, смотрит по телевизору «Дни моей жизни»: «Я в порядке. Свожу концы с концами». Слабо сказано. Леон принял несколько неверных деловых решений, на нем висит множество бывших жен, и времена в целом изменились. Сейчас он готов выступать где угодно, лишь бы пригласили. Господи! Один из лучших авторов и исполнителей мира поет в спортбарах и питейных заведениях, на пивных фестивалях и слетах байкеров, в маленьких городишках, о которых я вообще не слыхал!

Я сказал, что нахожусь сейчас бог знает где в Африке, слушаю его музыку и вспоминаю прошлое. Потом поблагодарил за все, что он для меня сделал, и признался, какую важную роль сыграла в моей жизни его музыка. Казалось, он тронут до глубины души.

– Спасибо, мне очень приятно это слышать, – сказал он. – Большое тебе спасибо.

Мы попрощались, я положил трубку и посмотрел на телефон. Что-то было не так. Я чувствовал, что звонил Леону не ради этой бессодержательной беседы. Тогда я снова взял трубку и снова набрал его номер. Он засмеялся:

– Господи, сорок пять лет ни слова от тебя, и вот теперь ты

звонишь второй раз за десять минут!

Я спросил, не согласится ли он записать альбом вместе со мной. Только он и я.

Наступила долгая пауза.

– Ты серьезно? – проговорил он наконец. – Думаешь, я справлюсь? – И вздохнул: – Знаешь, ведь я уже совсем старый.

Я заверил его, что и сам далеко не молод, и, если я справлюсь, то и он, конечно же, справится.

Он снова засмеялся.

– Ну что тут скажешь? Естественно, я согласен.

Поверьте, это была не благотворительность. Наоборот, бесценный подарок мне самому. Если бы в 1970 году мне сказали, что однажды я буду записываться с самим Леоном Расселлом, я бы долго хохотал. Но нам пришлось нелегко. Леон в телефонном разговоре упоминал, что у него проблемы со здоровьем, но насколько они серьезные, я понял, лишь встретившись с ним на студии в Лос-Анджелесе. Он выглядел как больной патриарх из пьесы Теннесси Уильямса: длинная белая борода, темные очки, трость. Передвигался с большим трудом. Приходил в студию часа на два максимум, садился в ортопедическое кресло с откидывающейся спинкой, играл и пел. Но за эти два часа он делал невероятное.

Иногда мне казалось, что выхода альбома он уже не увидит. Однажды из носа у него потекла спинномозговая жидкость. Его сразу отвезли в больницу, где, помимо прочего, обнаружили сердечную недостаточность и воспаление легких. Но мы закончили запись альбома и назвали его *The Union*. В США он вошел в первую пятерку. Осенью 2010 года мы вместе поехали на гастроли, выступали в залах вместимостью не меньше пятнадцати тысяч человек – Леон тогда признался, что несколько десятилетий даже не заходил в такие залы. Иногда ему приходилось выезжать на сцену в инвалидном кресле, но это не мешало играть и петь прекрасно. И каждый раз зрители оглушали его овациями.

Наконец-то он получил то, чего достоин. Подписал новый контракт со звукозаписывающим лейблом, его ввели в Зал славы рок-н-ролла – я был так рад, что даже забыл о клятвах больше никогда не участвовать в этом шоу и выступил на церемонии с речью. Он заработал денег, купил новый автобус, ездил на гастроли по всему миру, пел в больших прекрасно оборудованных залах. Работал до последнего дня, до самой своей смерти в 2016 году.

Если вам не довелось видеть его на сцене, я вам сочувствую. Вы многое потеряли. Потому что Леон – лучший.

шестнадцать

Впервые это случилось 2009 году в Южной Африке, в Соуэто, в Центре помощи детям с ВИЧ-инфекцией. Сироты, вынужденные встать во главе семьи из-за потери родителей, или просто брошенные дети получали здесь все, что им требуется, – от горячей еды до полезных советов и помощи со школьными заданиями. Центр финансировался Фондом по борьбе со СПИДом Элтона Джона, и мы приехали, как говорится, принимать работу: разговаривали с женщинами, управляющими центра, встречались с детьми, слушали, как все устроено.

Маленький мальчик в яркой узорчатой рубашке – такие ввел в моду Нельсон Мандела – подарил мне ложечку, символ сахарной индустрии Южной Африки. Но после этого он не ушел в сторонку и не сел с другими детьми. Не знаю почему. Конечно же, он и представления не имел, кто я, наверное, просто почувствовал симпатию. Его звали Нуса, и все время нашего визита в Центр он так и не отходил от меня. А я держал его за руку и корчил рожицы, чтобы рассмешить. Чудесный мальчуган. Я с ужасом думал о том, как он живет во внешнем мире, за стенами Центра: нам рассказывали, что СПИД в Южной Африке разрушил жизнь множества семей, и детям, конечно, пришлось тяжелее всего. Куда он пойдет отсюда? Кто или что его ждет?

Внезапно я осознал, что мои чувства к мальчику – не просто жалость или умиление. Это проблеск чего-то более важного и значимого, чему я пока не нахожу определения. Своими мыслями я поделился с Дэвидом:

– Чудесный мальчик, правда? Он сирота, и ему нужна семья. Что думаешь?

Дэвид смотрел на меня изумленно. Он поднимал тему создания полноценной семьи и раньше: идея усыновления детей однополой парой уже не считалась чем-то невероятным. Но каждый раз, как он заговаривал об этом, я приводил столько доводов против, что ему оставалось только смириться.

Не подумайте, я обожаю детей. У меня множество крестников и крестниц, некоторые из них знаменитые, как Шон Леннон или Бруклин и Ромео Бекхэмы, некоторые из обычных семей, как, например, сын моего наставника в «анонимных алкоголиках». И всех я очень люблю. Но собственные дети – совсем другое дело. Мне слишком много лет. У меня куча устоявшихся привычек. Я много гастролирую и редко бываю дома. Я страстный коллекционер фарфора, фотографий и современного искусства – а всем этим предметам противопоказаны игры в швырялки,

размалевывание цветными карандашами, обмазывание пастой мармайт[221] и прочие милые забавы, любимые маленькими детьми. У меня слишком много дел, и для отцовства нет места.

Нет, я не капризничал, не изображал сердитого дядю. Просто говорил Дэвиду правду. Но в глубине души понимал: все мои возражения уходят корнями в собственное детство. Воспитание детей – огромная ответственность, и я на своем опыте убедился, как тяжело живется ребенку, если родители не в состоянии взять эту ответственность на себя. Каждый из нас хочет верить, что не повторит ошибок своих родителей. А что, если не получится? Невозможно вынести мысль о том, что мои дети будут страдать так же, как страдал я.

В общем, я упорствовал в своем нежелании стать отцом, и вот теперь, в Соуэто, предложил задуматься об усыновлении. Неудивительно, что Дэвид растерялся. Как, впрочем, и я сам. Что, вообще, происходит? На этот вопрос ответа не было, но я точно знал: только что случилось *нечто* и без всякой моей воли. Словно на шестом десятке во мне внезапно пробудился отцовский инстинкт, примерно так, как в двадцать один год проснулось либидо.

Впрочем, все это тогда прошло мимо. Мы расспросили людей и быстро выяснили, что мальчик живет в относительно приличных условиях, с бабушкой, сестрой и еще одной родственницей; за ним хорошо ухаживают, у него крепкая любящая семья.

Увидев, как сильно Нуса привязался ко мне, его сестра даже расплакалась – испугалась, что у нее заберут брата. Вопрос решился сам собой. Оторвать мальчика от корней и перевезти в Англию – сомнительная помощь; лучше уж позаботиться о будущем ребенка в его родной стране. Позже мы с Нусой несколько раз встречались – я приезжал в ЮАР на гастроли или по работе, связанной с Фондом. Он выглядел чудесно и, без сомнения, чувствовал себя счастливым.

Странный случай, но я быстро выкинул его из головы, зная, что мы поступили правильно. И вернулся к своим прежним убеждениям. Мы с Дэвидом больше не поднимали эту тему – пока в том же самом году не прилетели в Украину.

В Донецке, крупном индустриальном городе в центре страны, находился детский дом для детей с подозрением на ВИЧ-инфекцию. Не каждый ребенок заражается от ВИЧ-позитивной матери; если анализ у него оказывался положительным, он начинал получать антиретровирусную терапию и особый уход. Мы привезли с собой еду, памперсы, учебники – не бессмысленные безделушки, а то, что на самом деле нужно детям

и тем, кто о них заботится. Я сыграл Circle Of Life на пианино, которое сам и подарил этому детскому дому.

Сразу после выступления ко мне подбежал маленький мальчик, я взял его на руки и обнял. Его звали Лев, в год и два месяца он выглядел гораздо младше, совсем крошечный малыш. Его история была страшная. Отца осудили за то, что он задушил девочку-подростка. ВИЧ-положительная мать, хроническая алкоголичка, болела еще и туберкулезом и не могла воспитывать своих детей. Заражен ли Лев, пока не выяснили, но его старший единоутробный брат Артем оказался ВИЧ-позитивным. У Льва были светлые волосы, карие глаза и ясная, радостная улыбка, совсем не сочетающаяся с окружающим миром и горестями, выпавшими на его долю. Он улыбался, и мое сердце таяло.

Я не спускал его с рук. То, что произошло в Соуэто – чем бы оно ни было, – случилось со мною снова: внезапно я ощутил глубокую сильнейшую взаимосвязь с этим ребенком. Эмоциональное восприятие в те дни у меня и без того было обострено: несколько дней назад внезапно ушел из жизни Гай Бабилон, клавишник, который одиннадцать лет проработал у меня в группе. Всего пятьдесят два года! Казался абсолютно здоровым, занимался спортом… и вдруг сердечный приступ во время заплыва. Это еще раз напомнило мне, что человек не вечен и мы не знаем, что ждет нас за поворотом. Возможно, скоропостижная смерть Гая заставила меня осознать, в чем заключаются истинные жизненные ценности и что важнее всего именно для меня. Зачем же подавлять в себе истинные чувства, тем более такие фундаментальные, как желание стать отцом?

Все ушли, я остался в комнате поиграть со Львом. Никак не мог от него оторваться. Наконец меня нашел Дэвид. Едва он ступил на порог, как я выложил все без обиняков:

– Дэвид, этого милого малыша зовут Лев, и он сирота. Он сам нашел меня, не я его. Это судьба. Вселенная подает нам знак, и мы должны усыновить его.

Дэвид изумился еще больше, чем тогда в Соуэто. Он явно не ожидал, что в ответ на дежурный вопрос: «Чем занимаешься?» – услышит пламенную речь о вселенной и знаках судьбы. Но он сразу понял: я говорю серьезно. Он попросил меня не торопиться и ничего никому не рассказывать, а он постарается быстро выяснить все о Льве, о ситуации в его семье и сможет ли мальчик покинуть детский дом до того, как станет ясен его ВИЧ-статус.

Весь день я так и носил Льва на руках. Даже на пресс-конференцию, устроенную на улице в переносном шатре, пришел вместе с ним и посадил его на колени к Дэвиду, пока отвечал на

вопросы журналистов. Последний вопрос был немного провокационный: «Вы никогда не хотели обзаводиться детьми, Элтон. Возможно, познакомившись с сиротами в этом детском доме, вы изменили мнение?»

У меня была отличная возможность продемонстрировать, что я накрепко усвоил совет Дэвида никуда не спешить. Но я, конечно, не сдержался и излил репортерам душу: да, мое мнение изменилось, да, мы с первого взгляда полюбили мальчика, вот этого, что сейчас сидит в первом ряду на коленях у Дэвида, и мы будем счастливы усыновить и его, и его брата, если это возможно.

Помните, в одной из предыдущих глав я говорил, что рад быть «пережитком прошлого»? И благодарю судьбу, что стал знаменитым в эпоху, когда звукозаписывающие лейблы и менеджеры не заставляли артистов ходить на тренинги и следить за каждым своим словом? И как я горжусь тем, что всегда говорю то, что думаю?

Так вот: наверное, это заявление следовало бы немного скорректировать, да и тренинг в ту минуту показался мне не такой уж плохой идеей. Господи, ну хоть бы раз в жизни не резал правду-матку, а завел бы невыносимо скучную, нейтральную и вежливую беседу ни о чем! Уже произнося речь про Льва и его брата, я понимал, что совершаю страшную глупость. Тем более что краем глаза я заметил, как Дэвид опустил голову, прикрыл глаза и пробормотал что-то вроде «вот же дерьмо».

Мы ехали в аэропорт, и он упрекнул меня:

– Ты понимаешь, что это твое заявление в считаные минуты появится *везде?*

Он не ошибся. Едва мы приземлились в Лондоне, на его «Блэкберри» начали приходить смс и голосовые сообщения от друзей. Нас поздравляли – «какая чудесная новость!» Это значило, что медиа уже были в курсе.

Определенная часть британской прессы отреагировала на мое выступление так негативно, будто я заявил о патологической ненависти к детям и собирался лично в ту же ночь спалить детский дом в Донецке. «Дейли Мейл» и «Сан» немедленно отправили в Украину журналистов. Один из них связался с кем-то из министерства, и ему сказали, что усыновление Льва невозможно, потому что мы – однополая пара и вдобавок я слишком стар. Другой репортер навестил маму Льва, принес ей водки и, пьяную, отвез к мальчикам в детский дом. Визит мамаши автоматически отложил начало любого процесса усыновления минимум на год: чтобы ребенок полностью перешел на государственное попечение, он должен находиться в детском

доме двенадцать месяцев без посещения родителей. Журналист или не знал об этом, или же ему было все равно – они ведь о таких вещах не задумываются. Отвратительно, что пресса набросилась на нас, не принимая во внимание интересы детей, о которых шла речь. Но, увы, это было неизбежно. Промолчи я тогда на пресс-конференции, ничего подобного бы не случилось. Хотя, может, и случилось бы. Откуда нам знать.

Мы не оставляли попыток. Проверяли, не изменилась ли ситуация с возможностью усыновления мальчиков, но все оставалось по-прежнему. Мы собрались было обратиться в Европейский суд по правам человека, но потом поняли, что в этом нет смысла: Украина не входила в состав ЕС. Наконец, мы встретились с психологом, чтобы узнать, как проходит процесс адаптации детей-сирот к новой семье. То, что он сказал, нас мгновенно отрезвило. По его словам, ребенок, пробывший в детском доме или приюте дольше полутора лет, неминуемо получает тяжкую психологическую травму. Он растет, лишенный материнской заботы и тепла, ему не хватает любви, и это почти всегда приводит к необратимым последствиям.

После этого разговора мы прекратили бороться за усыновление Льва и Артема. И, находясь в постоянном контакте с украинскими благотворительными фондами в Украине, постарались сделать все, чтобы мальчики покинули детдом прежде, чем пройдет полтора года. Их мать умерла, отец отбывал срок, но оказалось, что бабушка у них еще совсем не старая. Детей передали на ее попечение.

Действуя через фонды, мы обеспечили семье полную финансовую поддержку. Нам посоветовали помогать анонимно, так, чтобы даже бабушка ничего не знала. Мы уже успели столкнуться с безобразным поведением прессы. А если бы журналисты пронюхали, что детям помогаю я, они никогда не оставили бы их в покое. Не думайте, я не осыпал семью подарками «в стиле Элтона Джона». Мы обеспечивали мальчиков тем, что, по словам местных фондов, им было жизненно необходимо: хорошей мебелью, едой, книгами и учебниками, юридической поддержкой. Когда начался конфликт между Украиной и Россией, мы в сотрудничестве с фондом, финансирующим донецкий детдом, переправили семью в Киев. И потом присматривали за ними, оставаясь в тени.

В прошлом году я ездил в Украину по делам Фонда по борьбе со СПИДом и повидался со Львом и Артемом. Они вошли в комнату в одинаковых толстовках с капюшонами; мы обнялись, расплакались, долго разговаривали. Лев сильно вырос; передо мной стоял забавный и очаровательный щекастый десятилетка.

Но для меня ничего не изменилось: та глубинная связь, которую я ощутил в первый день нашей встречи, никуда не исчезла. Я сожалел, что нам не удалось усыновить его, хотя и видел, что бабушка мальчиков за эти годы совершила настоящее чудо.

Мы так хотели принять Льва и Артема в свою семью – жаль, что не вышло. Но на этот раз неудача не заморозила меня. Наоборот, как будто кто-то нажал на кнопку, и все вмиг изменилось: теперь я хотел детей так же сильно, как Дэвид. Вот только не так уж легко было это осуществить. Однополые пары по-прежнему сталкивались с большими сложностями при усыновлении; другой вариант – суррогатное материнство – тоже оказался не простым.

Как сделка, суррогатное материнство в Британии запрещалось законодательством. Но существовала возможность провести сделку в стране, где это законно, а затем привезти ребенка в Англию. Мы поговорили с нашим семейным доктором в Калифорнии, и он предложил обратиться в компанию «Калифорния фертилити партнерс». Процесс казался невероятно запутанным: одни агентства занимаются донорскими яйцеклетками, другие – суррогатным материнством, и нужно решить кучу юридических вопросов, особенно если ты не гражданин США. Чем дальше, тем сложнее; в голове у меня все перепуталось: гормональная терапия, бластоцисты, перенос эмбрионов, доноры яйцеклеток, лицензии на право стать родителями…

Нам посоветовали найти незамужнюю суррогатную мать – бывали случаи, когда муж заявлял о своем праве на отцовство, даже не будучи биологическим отцом ребенка. Мы оба сдали образцы спермы, чтобы потом, когда ребенок родится, не знать, кто из нас стал биологическим отцом. Все происходило под покровом строгой секретности, даже от суррогатной матери мы скрывали свои истинные имена. Назвались Эдвардом и Джеймсом, парой из Англии, «работающей в отрасли развлечений». Все, кто участвовал в сделке, подписывали обязательство о неразглашении. В Донецке я получил очередной суровый урок: держи рот на замке, так что такие предосторожности теперь сам считал необходимыми. Достаточно вспомнить историю с ребенком Мэтью Бродерика и Сары Джессики Паркер. Докопавшись, кто суррогатная мать, репортеры буквально начали преследовать бедную женщину, да так, что ей приходилось прятаться – не самая комфортная ситуация для беременной. Мы сделали все, чтобы этого избежать.

Суррогатное материнство в огромной степени основывается

на доверии. Ты выбираешь донорскую яйцеклетку, оставляешь свой биологический материал в клинике, и после этого от тебя ничего не зависит – все полностью в чужих руках. Но нам невероятно повезло. Мы нашли прекрасного врача Гая Ринглера: он сам гей и специализировался на работе с однополыми парами. И суррогатная мать, которая жила к северу от Сан-Франциско, оказалась замечательной женщиной. Она делала это не впервые, но не ради денег или знакомства со знаменитостями. Просто ей хотелось, чтобы любящие пары обрели долгожданное потомство, и она старалась помочь. Где-то на третьем месяце беременности она поняла, кто такие Эдвард и Джеймс, но ее это нисколько не взволновало. Первую встречу с ней Дэвид назначил за пределами ее родного города, опасаясь, что его могут узнать. Вернулся счастливый, без умолку говорил, какая она прекрасная женщина.

В тот момент мы оба внезапно осознали: все будет. Все получится. У нас не возникало никаких сомнений и уж тем более паники: «Боже, что мы наделали?» Только приятное волнение и радость будущей встречи.

Как проходила беременность, помню смутно. Появления ребенка по срокам ожидали двадцать первого декабря 2010 года. Мы подружились с суррогатной матерью, с ее бойфрендом и семьей. Чем ближе я их узнавал, тем больше меня раздражала фраза «сделка по суррогатному материнству». Звучит жестко и холодно – мол, чистая коммерция; но, поверьте, в этих людях не было ни капли холодности, и они не стремились нажиться на нас. Добрые, любящие, понимающие, они действительно испытывали радость из-за того, что помогают нам осуществить мечту.

Мы заранее выбрали няню, она прежде ухаживала за сыном нашей подруги Элизабет Херли. После родов Лиз некоторое время жила у нас в «Вудсайде», пряталась от вездесущей прессы, так что ее няню мы очень хорошо знали. Начали оформлять детскую – опять же под покровом тайны: все, что мы покупали, сразу отправляли в наш офис в Лос-Анджелесе. Там все это вынималось из «родных» упаковок и с помощью коробок и оберточной бумаги маскировалось под рождественские подарки мне или Дэвиду.

Ближе к родам суррогатная мама и ее семья переехали в отель в Лос-Анджелесе. Мы попросили Ингрид и Сэнди стать крестными матерями, и они прилетели в город к рождению ребенка. Мы с Дэвидом собирались сделать нашим лос-анджелесским друзьям сюрприз – объявить о прибавлении семейства во время рождественского обеда. Но обед пришлось отложить: суррогатная мама перехаживала. Бедняжка так устала от бессонных ночей, боли в спине и опухания лодыжек, что в

конце концов приняла решительные меры – отправилась в ресторан на Колд-Уотер Каньон, где готовили знаменитый суп из кресс-салата, который, по слухам, вызывает схватки. Суп себя полностью оправдал: днем в сочельник нам позвонили и велели мчаться в больницу «Седар-Синай». Стараясь соблюдать секретность, я оделся совсем неприметно и натянул на голову кепку. Хотя с тем же успехом мог приехать в ботинках «Док Мартенс» на высоченных платформах, в которых снимался в фильме «Томми», и в старых очках с сияющими буками «ЭЛТОН». Никто бы меня не заметил, потому что в больнице вообще не было пациентов. Как в пустыне. Родильное отделение напоминало отель из фильма «Сияние». Никто не хотел рожать в Рождество: женщины договаривались или об искусственных родах или о кесаревом сечении, чтобы к празднику выписаться уже с ребенком. Мы же сознательно старались рассчитать время рождения малыша так, чтобы я был абсолютно свободен – не играл концерт, не колесил по гастролям. В итоге получилось, что во всем отделении были только мы и женщина-австралийка в соседнем боксе, которая разрешилась двойней.

Ну и, конечно, наш сын: он появился на свет в два тридцать, в ночь Рождества.

Я перерезал пуповину – вообще-то, я всегда был брезглив, но сейчас радостные эмоции взяли верх. Мы сняли рубашки, чтобы ребенок первый раз в жизни ощутил контакт «кожа к коже». Мальчика мы навали Закари Джексон Левон. Все решили, это Левон – имя из песни, которую мы с Берни написали для альбома *Madman Across the Water*. Но нет: Левон – это в честь Льва. Так было нужно. Лев как ангел, посланник, открывший для меня то, что я сам тогда не мог понять. Именно благодаря Льву мы стояли в родильном отделении и держали на руках нашего сына, зная, что наша жизнь изменилась навсегда.

Третьей крестной матерью мы попросили стать Леди Гагу. Я в то время много сотрудничал с молодыми артистами – от группы Scissor Sisters до Канье Уэста. Приятно, когда люди, которые в момент взлета моей карьеры еще даже не родились, предлагают работать вместе. Но из всего молодняка к Гаге я относился по-особенному. С первого взгляда мне понравилось все: ее музыка, экстравагантный стиль в одежде, любовь к театральным эффектам. Мы очень разные люди, она родом из Нью-Йорка, и в момент нашего знакомства ей было едва за двадцать, но с самой первой встречи стало ясно, что мы одного поля ягоды. Я даже называл ее «незаконнорожденная дочь Элтона Джона». Да и относился к ней как к дочери, из-за чего опять попал в передрягу

с прессой, на этот раз из-за Мадонны. С Мадонной мы всегда ладили, хотя я не упускал случая подшутить над ее любовью к фонограммам. Но однажды на одном американском ток-шоу она очень резко и даже грубо отозвалась о Леди Гаге. Безусловно, песня Гаги Born This Way похожа на Express Yourself Мадонны. Но разве можно называть это «неблагодарностью» или «неуважением»? Наоборот, артистка старшего поколения, особенно если она позиционирует себя как ролевую модель, должна радоваться, что молодое поколение берет с нее пример. А публично «опускать» начинающего артиста – это и вовсе недостойно суперзвезды. В общем, я страшно разозлился и высказал кучу малоприятных вещей про Мадонну австралийскому тележурналисту Молли Мелдраму, которого, к слову, знал еще с семидесятых. Поэтому говорил я чисто по-приятельски, вроде как жаловался старому другу, и не на камеру, а между включениями; если кто видел сюжет, то наверняка заметил, как операторы под нашу болтовню перемещают аппаратуру, готовясь взять следующий ракурс. Но все это, конечно, вышло в эфир – все, без купюр, на чем и закончилась наша с Молли старая дружба. Хотя в любом случае я не должен был дурно отзываться о Мадонне. Позже мы случайно столкнулись в ресторане во Франции, я искренне попросил прощения, и она любезно приняла извинения.

Ну а Гага стала прекрасной крестной матерью: приходила ко мне в гримерную при полном параде и настаивала на том, чтобы искупать Закари – представьте себе, в ее-то сценических костюмах! Потрясающе. Да и вообще, все, что связано с отцовством, – потрясающе. Конечно, все, что я могу сказать по этому поводу, вы уже слышали множество раз. «Отцовство дарит смысл существования, меняет взгляд на мир, а главное – наполняет жизнь любовью, какой ты никогда в жизни не испытывал; каждый день ты видишь, как маленькое существо меняется, становясь личностью», – да, избитые фразы, но они полностью отражают истину. И все эти чувства я испытывал особенно остро – ведь раньше я вообразить не мог, что стану отцом, да еще и в таком почтенном возрасте. Если бы в семидесятые или восьмидесятые вы хотя бы предположили, что смена памперса будет волновать Элтона Джона куда больше, чем сочинение музыки или выступление на концерте, вам бы пришлось бежать бегом куда подальше, заткнув уши.

Невозможное случилось. Ребенок – огромная ответственность, но я обожаю все, что связано с отцовством. Абсолютно все! Даже детские истерики кажутся мне очаровательными. *Думаешь, ты такой уникальный, да, мой маленький пончик? А я не рассказывал тебе, как однажды, опрокинув подряд восемь коктейлей «Водка-*

мартини», разделся догола на глазах у съемочной группы, а потом сломал нос своему менеджеру?

Мы с Дэвидом почти сразу поняли, что должны завести еще одного ребенка. Во-первых, нам очень понравилось быть родителями, но была еще одна очень важная причина. Как бы мы ни старались сделать жизнь сына нормальной, она не могла стать такой – как минимум из-за профессии одного из родителей. До школы Закари всегда ездил со мной на гастроли; к четырем годам он уже дважды объехал вокруг света. Его купала Леди Гага, Эминем качал его на коленке. Он стоял за кулисами моих лас-вегасских шоу, его постоянно снимали папарацци, к чему он, к моему удовольствию, относился без малейшего восторга, но терпеливо и с достоинством. И все же для маленького ребенка такая жизнь – ненормальна. Конечно, сын Элтона Джона не лишен определенных привилегий, но не стоит обманываться: это еще и тяжкое бремя. Нужно, чтобы рядом был кто-то, с кем ты можешь это бремя разделить: я прекрасно помню, как тяжело быть единственным ребенком в семье. В общем, мы обратились в то же агентство, взяли яйцеклетки у того же донора, и второго ребенка вынашивала та же суррогатная мать. Все прошло отлично, как и в первый раз: наш сын Элайджа родился одиннадцатого января 2013 года.

Единственный человек, который не радовался за нас, – моя мать. У нас всегда были сложные отношения, но после ее ужасного поведения на заключении нашего с Дэвидом партнерства в 2005-м все совсем разладилось. Как обычно, я старался сгладить ситуацию, но что-то в маме необратимо изменилось, ее раздражение усилилось, и моросящая критика в мой адрес превратилась в сплошной дождевой шквал. Ее будто подмывало постоянно заявлять мне о ненависти ко всему, что я делаю. Выпустил новый альбом? Дрянь от начала до конца! Почему не взять пример с Робби Уильямса? Я что, вообще разучился сочинять песни? Купил новую картину? Тошнотворная гадость, да она сама бы намалевала лучше! Участвовал в благотворительном концерте? Никогда в жизни ей не было так скучно, слава богу, там выступали и другие, они и спасли шоу, а я им всем и в подметки не гожусь. Фонд борьбы против СПИДа организовал фандрайзинговый ужин с участием звезд? Ну конечно, меня ведь волнует только слава – лишь бы полизать зады знаменитостям.

Временами у нее случались чудовищные приступы ярости. Невозможно было понять, когда это произойдет и чем оно спровоцировано. Проводить с ней время было все равно что носить с собой на обед или брать в отпуск неразорвавшуюся

бомбу: я постоянно ждал взрыва. Однажды она закатила дикую истерику, узнав, что я устроил собачий питомник на территории имения в Ницце. В другой раз, как ни удивительно, причиной стал мюзикл «Билли Эллиот» – единственное, что ей нравилось из сделанного мною за десять лет. Мюзикл шел с огромным успехом, какого не ожидал никто из его создателей, причем не только в Британии, но и в странах, где зрители слыхом не слыхивали о забастовке шахтеров 1984 года[222] или влиянии политики Маргарет Тэтчер на британскую промышленность: история Билли Эллиота трогала душу каждого, независимо от национальности. Мама постоянно ходила смотреть мюзикл в Лондоне, но однажды в кассе случилась путаница с ее билетами: их долго – минут пять – не могли найти. Она решила, что это я подстроил специально, чтобы ее унизить. К счастью для мамы, следующий мой мюзикл, «Вампир Лестат», написанный в соавторстве с Берни, с треском провалился. Все было не так – постановка, время действий, диалоги. И на некоторое время в душе мамы воцарилась гармония, ведь теперь она с полным правом могла постоянно повторять: «Я с самого начала знала, что это будет ужасный провал».

Я по-прежнему старался свести все к шутке, но не так-то это было просто. Готовясь устроить скандал, мама точно знала, на какие кнопки в моей душе нажимать, – потому что она сама их когда-то и создала. Из-за нее я все еще чувствовал себя перепуганным десятилетним мальчишкой из Пиннера, виноватым всегда и во всем: говоря метафорически, я постоянно боялся получить затрещину. В итоге произошло неминуемое – я стал ее избегать. Свое шестидесятилетие я отмечал большим торжеством в Нью-Йорке, в соборе Святого Иоанна Богослова – том самом, где позже в последний раз пела Арета Франклин. На моем пятидесятилетнем юбилее, знаменитом костюмированном балу, мама была в числе почетных гостей: они с Дерфом оделись королевой Елизаветой и герцогом Эдинбургским, а я сам нарядился королем Людовиком XVI. Мой плащ несли двое мужчин, одетые купидонами, а парик у меня был такой высокий, что ехать на торжество мне пришлось в кузове мебельного грузовика. (Грузовик, кстати, полтора часа простоял в пробке, так что у меня было достаточно времени на раздумья о правильности выбора костюма.) Но на шестидесятилетие я решил ее не приглашать. Знал, что она придет исключительно ради того, чтобы испортить праздник, и в итоге мы оба не получим ни малейшего удовольствия. Я нашел отговорку – мол, слишком уж далеко ей лететь, а она неважно себя чувствует. Но на самом деле я просто не хотел ее видеть.

Ко времени появления на свет Закари мы с мамой вообще перестали разговаривать. С какого-то момента она уже не просто критиковала меня, но старалась побольнее ранить. Ей доставляло удовольствие рассказывать о том, что она до сих пор дружит с Джоном Ридом. Я говорил, что с ее стороны это как-то некорректно, на что она, хмыкнув, отвечала: «Да, дружу и не могу понять, почему это так тебя расстраивает. Это ведь всего лишь деньги!» Ну что ж, всего лишь деньги, можно и так сказать… Но самая страшная ссора между нами произошла, когда уволился мой личный ассистент Боб Хэлли. Он работал у меня с семидесятых, но в последнее время отношения стали натянутыми. Как самый близкий мне из сотрудников человек, Боб привык жить на широкую ногу, и ему не нравилось, что менеджеры компании «Рокет», управляющие моими финансами, пытаются сократить его расходы и оптимизировать траты в гастрольных поездках. Удивительно, но слава порой кружит голову тем, кто вокруг тебя, а не тебе самому. На этот раз конфликт возник из-за выбора транспортной компании. Менеджеры «Рокет» предложили более экономный вариант, Боб только отмахнулся и нанял более дорогую компанию. Офис аннулировал его решение и вернулся к экономному варианту. Боб пришел в ярость. Мы сильно поссорились в нью-йоркском отеле «Сент-Реджис». Он кричал, что его унижают, что ставят его авторитет под сомнение. Я объяснил, что мы всего лишь хотим сэкономить. Тогда он заявил, что увольняется. Я разозлился и ответил: возражать не буду. Позже, успокоившись, я решил еще раз поговорить с ним. Он честно признался, что ненавидит всех сотрудников «Рокет» – особенно тех, кто управляет финансами. Значит, сказал я, он ставит меня перед выбором: вся команда или личный ассистент, и, на мой взгляд, это не самый сложный выбор в жизни. Тогда Боб снова объявил, что увольняется, и в ярости вылетел вон, успев крикнуть с порога, что без него через полгода моя карьера пойдет прахом.

Какими бы талантами Боб ни обладал, ясновидения среди них не оказалось. Единственное изменение, которое произошло после его ухода, – траты значительно уменьшились.

Узнав об увольнении Боба, мама взвилась, ведь они всегда были близки. Мы разговаривали по телефону. Мои объяснения она не желала слушать, только выкрикнула, что всегда считала Боба сыном – не то что меня.

– А ты куда больше заботишься о *существе*, на котором женился, чем о собственной матери! – выпалила она, как плюнула.

После этого мы не говорили семь лет.

Наступает момент, когда ты понимаешь, что просто-напросто пытаешься пробить лбом стену: стена все равно останется на месте, а ты будешь жить с вечной головной болью. Единственное, я следил, чтобы у нее не возникало финансовых затруднений. Она сказала кому-то, что хочет переехать в Вортинг, и я купил там для нее дом. Я платил за все; обеспечил наилучшую медицинскую помощь и уход, когда ей потребовалась операция бедренного сустава. Все подарки, которые я ей дарил, – абсолютно все, от ювелирных украшений до платиновых дисков с моей подписью, – она выставляла на продажу, хотя ей вовсе не нужны были деньги. Журналистам она говорила, что ей не хватает средств, но, по сути, это был еще один способ послать меня куда подальше, вроде того как на свой девяностый день рождения она устроила «вечеринку памяти Элтона Джона». В итоге я сам выкупал драгоценности и вещи, которые ей дарил, потому что они были дороги мне как память. Мне – но не ей.

Печально, но я больше вообще не хотел ее видеть. Не пригласил на свадьбу – закон об однополом партнерстве снова изменился, и в декабре 2014 года мы с Дэвидом поженились. Празднование было совсем скромное, не то что в день заключения гражданского партнерства. Мы вдвоем подали заявление в ЗАГСе в Мейденхеде, потом регистратор гражданских состояний приехал к нам в «Вудсайд» и провел церемонию там. Кольца были те же, купленные в Париже много-много лет назад. Мы привязали их ленточками к игрушечным зайцам, вручили Закари и Элайдже, и сыновья подали их нам во время церемонии.

Я мог бы сказать маме, что она пропускает лучшие годы, не видит, как растут ее внуки. Тетя Уин и ее дети постоянно навещали нас, как и бывает в нормальных семьях: рождаются младенцы, потом они начинают ползать, потом ходить; родные нянькают их, ласкают, играют с ними. Но маме было все равно. После рождения Закари журналист одного таблоида явился к ней на порог и спросил, что она чувствует, ведь ее лишили возможности встречаться со своим первым внуком. Очевидно, журналист ждал тирады на тему «всеми покинутой несчастной бабушки». Но мама его даже не поняла. Сказала, ей нет дела до внука, и вообще дети ей никогда не нравились. Я смеялся, читая эту статью: ноль симпатии к тебе, мамочка, зато десять очков из десяти за правду.

С мамой я связался, только когда узнал, что она тяжело больна. Отправил ей фотографии внуков. Она едва их узнала, и в ответном письме написала о детях всего одну фразу: «Да уж, у тебя там полон дом ртов». Я пригласил ее на обед и сразу понял: ничего не изменилось. С порога она сказала: «А я и забыла, как

здесь тесно». Но я заранее решил, что не буду отвечать, не стану реагировать на ее провокации. Дома были дети, они играли на втором этаже, и я спросил, хочет ли она повидать внуков. Она отказалась. Я попросил ее не говорить о Джоне Риде или Бобе Хэлли и добавил: единственное, что я хотел сказать, – что люблю ее.

– Я тоже тебя люблю, – ответила она. – Но ты мне совсем не нравишься.

Ну вот – наконец-то мы окончательно со всем разобрались. С тех пор мы иногда разговаривали по телефону. Я никогда не спрашивал, что она думает о моих новых работах, а если упоминал детей, она сразу меняла тему. Мне удалось помирить их с тетей Уин. Они поссорились в 2010 году, когда умер Дерф, и мама не позволила сыну тети Полу прийти на похороны. «Дерф никогда его не любил», – объяснила она. Но навести мосты между ней и дядей Реджем так и не удалось. Не помню, из-за чего они поссорились, но не общались до самой ее смерти в декабре 2017 года.

Мамина кончина стала для меня тяжким ударом. Всего неделю назад я навещал ее в Вортинге. Знал, что она неизлечимо больна, и все же она не выглядела умирающей. Встреча была странная. Я постучал в дверь, открыл Боб Хэлли. Мы поздоровались, пожали друг другу руки. Наверное, по мнению матери, это стало кульминацией дня.

Она никогда не была нежной, заботливой и любящей мамой, которая окружает ребенка теплом, участием и заботой. Внутри нее, словно червь, жило черное зло, куда более страшное, чем все истерики, перепады настроения или семейный темперамент Дуайтов. Мысли об этом зле пугают меня, и я гоню их прочь. Она обожала скандалить, и не только со мной – за годы жизни умудрилась перессориться со всеми родственниками. И все же из памяти не стереть времена, когда она меня поддерживала; любила пошутить и много смеялась. Люди, которые встречались с ней в начале семидесятых, вспоминали ее так: «Да уж, твоя мама умела развеселить человека!»

Мы устроили тихое семейное прощание в часовне в «Вудсайде». Несмотря ни на что, я хотел помнить только хорошее. Перед службой я говорил о ней и плакал. Я страшно скучал по маме. Но, если честно, я начал скучать о ней задолго до ее смерти – она будто заглянула в мою жизнь ненадолго и сразу ушла.

Гроб погрузили в катафалк. Мы стояли плечом к плечу – все, кто остался из Дуайтов и Харрисов, – и молча смотрели, как машина уезжает все дальше и дальше от дома. Тишину нарушил мой дядя Редж:

– Ну что, теперь ты никому ничего не ответишь, верно, Шейла?

семнадцать

Всю сознательную жизнь я был профессиональным музыкантом, и никогда мне не надоедало выступать вживую. Иногда накатывала усталость – например, во время скитаний по кабаре с Долговязым Джоном Болдри или в середине семидесятых из-за сильного переутомления. Но на самом деле я всегда обожал живые концерты. Торжественно объявив об уходе со сцены, я возвращался через несколько недель. И всю жизнь меня не оставляло удивительное ощущение, которое испытываешь перед выходом на сцену: волнение, немного страха, потом прилив адреналина.

Я благодарен Богу за это потрясающее ощущение. Оно как наркотик: ты можешь устать от бесконечных переездов, от рекламных акций, от всего, что творится вокруг выступлений, – но не от самой сцены; уникальное ощущение «накануне выхода» все равно заставит тебя вернуться. Ты точно знаешь, что даже на самом неудачном шоу – при плохом звуке и «тяжелом» зрителе, в старом и плохо оборудованном зале – на сцене все равно произойдет чудо: вспыхнет искра вдохновения. И песня, которую ты пел и играл тысячи раз, неожиданно оживит давно забытые воспоминания. Музыка всегда преподносит сюрпризы. Правда, спустя лет эдак тридцать появляется чувство, что ничего нового уже не может случиться. И проще всего тогда сказать себе, что ты сделал все возможное и невозможное на сцене – разве что не умер прямо на ней.

Я выступал трезвым, выступал пьяным, и, к моему огромному стыду, выступал под непомерными дозами наркотиков. Я давал концерты, которые возносили меня высоко в небеса или, наоборот, бросали в пропасть отчаяния. Я играл на рояле, прыгал на рояль, падал с рояля, сталкивал рояль со сцены, иногда задевая кого-то из зрителей, и потом всю ночь просил у них прощения. Я выступал с кумирами моего детства и величайшими артистами мира, а еще – с безнадежными бездарями, которым следовало вообще запретить выходить на сцену, или даже с группой парней-стриптизеров, наряженных в костюмчики мальчиков-скаутов. Я выходил на сцену, одетый как женщина, как кот, как Минни-Маус, как Дональд Дак, как генерал Руритании[223], как мушкетер, как женщина-мим и (правда, очень редко) как нормальный человек. Мои концерты прерывались бомбежками и студенческими митингами против войны во Вьетнаме. А также моими собственными истериками – в приступе ярости я убегал со сцены, но быстро возвращался обратно, ругая

себя за то, что снова не справился с эмоциями. В Париже из зрительного зала в меня бросались хот-догами; в Северной Каролине, в костюме цыпленка, я потерял сознание, выкурив трубку гашиша, и рухнул на землю – группа тогда решила, что меня застрелили. А однажды, желая сделать сюрприз Игги Попу, я выскочил на сцену одетый гориллой. Не самая блестящая из моих идей. Дело было в 1973 году, накануне вечером я побывал на концерте его группы The Stooges и пришел в восторг – полная противоположность тому, что делаю я, но какая же замечательная музыка! Невероятная энергетика, фантастическое звучание, и вдобавок Игги прыгает по сцене как человек-паук. На следующий день я снова отправился на их концерт: они выступали неделю подряд в клубе «Ричардс» в Атланте. Арендовал костюм гориллы – решил, будет забавно выскочить в таком виде на сцену, чтобы, так сказать, поддержать общую атмосферу анархии и разгула. Для меня это стало серьезным уроком: если ты надел костюм гориллы, чтобы сделать кому-то сюрприз, заранее убедись, что этот кто-то перед концертом не принял неимоверное количество кислоты и способен отличить настоящую гориллу от человека, одетого гориллой. Меня встретили не раскаты хохота, а крики ужаса – Игги Поп, визжа, бросился наутек. В следующую минуту я осознал, что уже не стою на сцене, а лечу по воздуху на очень большой скорости. Один из участников группы, решив, что фронтмену нужна помощь, взял меня в охапку и швырнул вниз со сцены.

Так что теперь вы понимаете, почему я считал, что на живых концертах ничего нового со мной уже не может произойти. Но именно в тот момент, когда ты начинаешь так думать, жизнь берет тебя за шкирку и показывает, что ты в корне не прав. И вот я заканчиваю выступление в Лас-Вегасе, встаю из-за рояля, последние аккорды Rocket Man затихают в углах зала. 2017 год. Я иду по сцене «Колизея», кланяясь зрителям, подбадривая тех поклонников, которые кричат и хлопают громче всех. Вроде все как обычно, кроме одного: в этот самый момент под грохот аплодисментов и перед лицом ничего не подозревающей публики я обильно мочусь в надетый под костюм памперс для взрослых. Пописать прямо на сцене в огромный подгузник – это нечто действительно новое, открытие неизведанной ранее территории. У рака простаты не слишком много положительных сторон, но, по крайней мере, есть одна – я пережил совершенно новый для себя сценический опыт.

Моя жизнь никогда не была спокойной, но последние несколько лет оказались уж слишком насыщенными. Некоторые

моменты можно назвать стопроцентно позитивными. Я освоил отцовские обязанности гораздо быстрее и легче, чем ожидал. Искренне полюбил наши с детьми традиционные занятия – походы в кино по субботам, поездки в «Леголэнд», встречи с Санта-Клаусом в Большом Виндзорском парке. Мне нравилось водить мальчиков на матчи, они безумно полюбили футбол. Мы могли часами говорить на футбольные темы, я отвечал на их вопросы: «А кто такой Джордж Бест, папа?» или «А почему Пеле считают великим футболистом?» На стадионе «Уотфорд» на Викерейдж-роуд они присутствовали на открытии трибуны, названной в мою честь, чем я очень горжусь; там есть трибуна имени Грэма Тейлора. С тех пор команда начала считать мальчиков своими талисманами, и они ходили на матчи постоянно.

Благодаря детям я узнал, что, оказывается, в городке рядом с «Вудсайдом» жизнь бьет ключом. Жить здесь с середины семидесятых, но так и не удосужиться познакомиться с соседями – на такое только я способен. Но дети начали ходить в садик, а потом и в школу; у них появились друзья, и родители друзей стали нашими друзьями. Этим людям было все равно, кто я такой. Мамочка, разрывающаяся между сотней разных дел, вряд ли станет у ворот школы выпытывать, как я написал Bennie And The Jets или какой была при жизни принцесса Диана. Нет, они говорят о школьной форме, о том, что дали ребенку с собой на обед; жалуются, что не успевают сшить за два дня костюм к рождественскому спектаклю. Мне все это очень нравилось. У нас появился новый круг общения, где нас с Дэвидом не воспринимали исключительно как звездную гей-пару.

В 2011 году в Лас-Вегасе стартовало мое новое шоу – «Рояль на миллион долларов». Не такое провокационное, как предыдущее, но тоже очень зрелищное и успешное. Тони Кинга я попросил стать креативным директором – он долгие годы сотрудничал с «Роллинг Стоунз», ездил с ними во все мировые турне и свою работу знал прекрасно. С тех пор он стал частью моей команды, его официальный титул в ней – «серый кардинал»: идеальная должность для Тони.

На следующий год я выпустил *Good Morning to the Night* – альбом, непохожий на все, что я делал раньше, и занявший первые строки в чартах. Уточню: альбом делал не я. Просто передал мастер-записи семидесятых годов австралийскому электродуэту Pnau. Они создали ремиксы – взяли разные элементы старых песен и превратили их в абсолютно новые композиции, по звучанию немного похожие на «Пинк Флойд» или Daft Punk. Результат, по-моему, получился фантастический, хотя я

представления не имею, как они все это сотворили. Смешно: на альбоме-бестселлере стоит мое имя, а я знать не знаю, как его записывали. С Pnau мы выступали вместе на Ибице, и это было по-настоящему здорово. Перед выходом на сцену я всегда сильно волнуюсь: перестаешь волноваться – можешь спокойно выходить на пенсию. Но в тот раз я не просто нервничал, я боялся. Зрители – все сплошь молодые, во внуки мне годятся, а первая часть программы – только я и рояль. Но им понравилось. И мне тоже. Очень приятно, когда аудитория, которая коренным образом отличается от твоих обычных поклонников, получает истинное удовольствие от твоей работы.

Я сотрудничал не только с Pnau, но и с другими музыкантами: Queens of the Stone Age[224], A Tribe Called Quest[225], Джеком Уайтом, Red Hot Chili Peppers. Забавно записываться с артистами, сотрудничества с которыми публика от тебя вообще не ожидает. Это напомнило мне работу сессионным музыкантом в шестидесятые: ты должен быть гибким, должен «поймать» чужой стиль, показать, что ты настоящий профессионал. Принять вызов и справиться со своей миссией: о, это очень волнующее переживание.

Помню, я записывался в студии с группой Clean Bandit[226], и меня позвали к телефону. Оказалось, со мной хочет поговорить Владимир Путин. Некоторое время назад я давал два концерта в России и много говорил со сцены о правах сексуальных меньшинств. Московский концерт посвятил памяти Владислава Торнового, молодого человека из Волгограда, которого истязали и убили из-за сексуальной ориентации. А в Санкт-Петербурге заявил, что большая нелепость – демонтировать памятник основателю компании Apple Стиву Джобсу после того, как его место занял Тим Кук. Потом по поводу этих моих заявлений вышло много публикаций в российской прессе.

Но оказалось, что звонили пранкеры, двое парней. Похожие шутки они проделывали и с другими публичными персонами, в том числе с Михаилом Горбачевым. Наш разговор они записали и затем выпустили в эфир российского телевидения. Но, честное слово, меня это нисколько не смутило – я не сказал ничего такого, за что стоило бы стыдиться. Просто выразил благодарность за звонок и признался, что рад был бы встретиться с президентом лично, обсудить права секс-меньшинств и поговорить о поставках препаратов против СПИДа. Через несколько недель мне домой позвонил настоящий Владимир Путин, извинился и сказал, что хотел бы назначить встречу. Встреча пока не состоялась – с тех пор я еще раз ездил в Россию, но мое приглашение в Кремль, видимо, затерялось где-то у них на

почте. Но, люди, поверьте, я не теряю надежды!

Невозможно достичь цели, никого при этом не разозлив. Пример – случай, когда в 2010 году меня пригласили выступить на свадьбе телеведущего Раша Лимбо, известного своими консервативными ультраправыми взглядами. Честно, я сам удивился такому приглашению и первое, что сказал со сцены: «Думаю, вы сейчас задаетесь вопросом: какого черта здесь делает Элтон Джон?» После этого события на меня обрушился град критики: как, мол, можно выступать перед «фашистом», который делает идиотские заявления о СПИДе? Но я предпочитаю возводить мосты, а не стены. К тому же свой гонорар я передал Фонду по борьбе со СПИДом, и могу вас уверить: как свадебный певец я стою очень и очень дорого! Так выступление на свадьбе отъявленного гомофоба стало своего рода фандрайзинговым мероприятием.

Но в последние годы случилось и много печальных событий. Покончил с собой Боб Берч, бас-гитарист, с которым мы работали более двадцати лет. В середине девяностых в Монреале прямо перед концертом его сбил грузовик, он получил тяжелейшие травмы и с тех пор так и не восстановился. Видимо, я не осознавал, какую страшную физическую боль он испытывал и сколь тяжела была психологическая нагрузка. Я видел лишь невероятную силу духа: врачи сказали, что он никогда не сможет ходить, но уже через полгода он отправился с нами в гастрольное турне. Он играл все так же прекрасно и ни разу никому не пожаловался, даже если был вынужден играть сидя. Но летом 2012 года во время перерыва в гастрольном графике его боли усилились и, судя по всему, стали невыносимыми. Я был у себя в Ницце, в шесть утра мне позвонил Дейви и сообщил, что Боб застрелился во дворе своего дома в Лос-Анджелесе. Как же я сожалел, что он ничего не говорил нам, не подавал виду, держал все в себе. Не знаю, чем бы я мог помочь, но после его гибели меня не оставляли мысли о том, что этот человек, наш друг и коллега, страдал молча, и никто не знал, что он на самом деле испытывает.

А потом умерла Ингрид Сиши. В конце девяностых у нее обнаружили рак груди, она позвонила мне в Ниццу в слезах, спрашивала, не могу ли я устроить ее к Ларри Нортону, одному из лучших онкологов мира, у которого лечилась Линда Маккартни. Через некоторое время у Ингрид началась ремиссия, но ее не оставлял страх, что болезнь вернется. Она постоянно искала подтверждения этому, причем столь неожиданные, что мы с ней даже придумали шутку на этот счет.

– Элтон, смотри, у меня руки дрожат. Думаешь, рак руки?

– О да, Ингрид, конечно, теперь у тебя рак руки. А еще рак зубов и ногтей.

Тогда это казалось смешным; я представить не мог, что она и в самом деле умирает. Не встречал никого, в ком было столько энергии; она никогда не сидела без дела и одновременно занималась множеством проектов. В моей жизни она занимала особое, очень важное место: мы перезванивались каждый день с понедельника по пятницу, болтали, сплетничали; я советовался с ней по всем вопросам, ведь у нее всегда было собственное мнение. Когда в человеке столько жизненной силы, невозможно вообразить, что и жизнь, и сила исчезнут.

Но так уж случилось. В 2015 году болезнь вернулась. Ингрид сгорела мгновенно – я едва успел прилететь из Англии в Америку, чтобы повидаться с ней. Сделал все, чтобы успеть; я должен был с ней попрощаться, как и со многими моими ушедшими друзьями. В некотором смысле я даже вздохнул с облегчением, что она ушла так быстро: Ингрид боялась долгого болезненного умирания, а так, по крайней мере, ей не пришлось мучиться месяцами в ожидании смерти.

Хотя это не утешало. Я уже потерял Джанни и теперь утратил еще одного ближайшего друга, почти родного человека. Об Ингрид я думаю каждую минуту: дома у меня везде стоят ее фотографии, она всегда словно рядом со мной. Но как же не хватает ее советов и блестящего ума, ее страсти и ее смеха. Не хватает *всего*.

А потом проблемы начались у Дэвида. Я и раньше замечал, что он много пьет, возможно, *слишком* много. Он приходил в спальню с бокалом и отпивал по чуть-чуть, лежа в постели, читая или болтая со мной. Иногда засиживался до рассвета, а утром я находил в раковине пустую бутылку. Или две. Пару раз на отдыхе в Ницце он вообще не ложился в спальне. Утром я обнаруживал, что он отключился возле компьютера или на диване в гостиной. Но, если честно, я не думал, что у него зависимость. В любом случае он всегда просыпался в семь и начинал работать. Бывало, что он явно перебирал с алкоголем – например, после совместного празднования дня рождения с Сэм Тейлор-Вуд. Помню, тогда я крепко взял его под руку и повел к машине, чтобы папарацци не заметили, что он пошатывается. Но Дэвид никогда не напивался до невменяемого состояния. Сам я в былые времена после нескольких коктейлей начинал вести себя по-свински – ругался, раздевался догола, лез в драку, Дэвид же вел себя не агрессивно, и я не заметил, что у него серьезные проблемы.

Выпивка стала для него чем-то вроде успокоительного. Мне

всегда казалось, что в мир Элтона Джона он вошел легко и уверенно, но на самом деле многие вещи, к которым я привык и считал обыденными, вызывали у него тревогу или стресс. Он не любил, когда постоянно фотографируют, чувствовал себя неловко в окружении репортеров, стеснялся выступать на публике; боялся летать, а у нас редкая неделя проходила без перелетов. Несколько бокалов вина помогали ему справляться с этим. К тому же мы часто разлучались – я постоянно разъезжал по концертам и гастролям, а он оставался дома. Нет, я не хочу выставить его этакой рок-н-ролльной соломенной вдовушкой – у Дэвида всегда хватало собственных важных дел. Но все равно выдавались дни, когда ему было тоскливо и одиноко. А один из известных способов избавиться от тоски и одиночества – откупорить бутылку хорошего вина или опрокинуть несколько стопок водки.

Плюс ко всему, у нас появились дети. Любой родитель признается вам, что как бы он ни любил своего ребенка, наступает момент, когда груз ответственности буквально прижимает тебя к земле. Дэвид – не первый и не последний отец в истории, который едва дотягивал до ночи, чтобы скорее открыть холодильник и глотнуть холодного расслабляющего спиртного. Конечно, у нас всегда были помощницы, но даже самая лучшая няня в мире неспособна избавить родителей от мыслей о будущем детей, о том, чтобы их жизни сложились удачно.

«Алкогольное лечение» помогает, но, увы, имеет кратковременное и очень специфическое действие: проснувшись утром, ты начинаешь еще сильнее тревожиться. Так и произошло с Дэвидом. В 2014 году в Лос-Анджелесе, за два дня до старта моих американских гастролей, я собирался на вечерний рейс в Атланту – хотел перехватить там Тони Кинга до начала турне. Дэвид был в плохом настроении, просил меня остаться с ним еще на одну ночь. Я отказался. Мы поссорились, но я все равно улетел. Утром Дэвид позвонил, и мы поссорились снова, да так сильно, что вчерашний скандал казался вялой перебранкой из-за разногласий по поводу обеденного меню. Нынешняя же телефонная ссора сопровождалась слезами, рыданиями и такими обидными словами, после которых начинаешь думать, что в следующий раз общаться вы будете через адвокатов.

Но в действительности в следующий раз мы общались с Дэвидом, уже когда он был в клинике в Малибу. После нашей телефонной ссоры он свалился в постель. Слышал, как внизу, в холле, играют Элайджа и Закари, но он был так расстроен и подавлен, что не нашел в себе сил встать и пойти к детям. Тогда он связался с нашим доктором и сказал, что ему нужна помощь.

Новость о том, что Дэвид решил лечиться, обрадовала меня.

Я корил себя за то, что не заметил надвигающейся беды; теперь же хотел только одного – чтобы Дэвиду стало легче. Вместе с тем почему-то я нервничал. Вряд ли в мире вы найдете такого рьяного приверженца трезвости, как я. Но лечение от алкоголизма – серьезный шаг, способный полностью изменить человека. А что, если мужчина, которого я люблю, вернется домой другим? Что, если наши отношения изменятся, как это было с Хью? Или вовсе прекратятся?

Из-за этих мыслей я перестал спать. Потом Дэвид вернулся, и я не заметил в нем кардинальной перемены. Он стал более энергичным, целеустремленным; собирался активно работать над собой – так же как я когда-то. В последний раз я был на собрании «анонимных алкоголиков» в начале девяностых, а теперь начал ходить туда снова за компанию с Дэвидом. Едва оказавшись там, я почувствовал себя как рыба в воде. На таких встречах всегда слышишь вдохновляющие слова и выходишь в приподнятом настроении. Мы начали проводить собрания у себя дома, приглашали людей, которые тоже когда-то проходили лечение, например все того же Тони Кинга. На мой взгляд, это как посещение церкви – благодарность судьбе за трезвость.

После каждой встречи я ощущал прилив энергии – как, впрочем, и Дэвид. Незадолго до его отъезда в клинику я предложил Фрэнку Пресланду стать моим партнером по бизнесу – когда-то он помогал нам в качестве адвоката, а позже дорос до моего менеджера. Со времен Джона Рида у меня сменилось несколько менеджеров, но никто не работал так, как бы мне хотелось. Перебирая варианты, я задумался: а почему бы не поручить эту должность Дэвиду? До нашей встречи он работал управленцем и показывал блестящие результаты. Вел крупные рекламные кампании с огромными бюджетами, то есть обладал навыками, которые практически не отличаются от тех, что необходимы и в шоу-бизнесе. Конечно, ведение дел вместе с мужем – особая статья, но меня, наоборот, привлекала перспектива работать сообща: у нас дети, получится что-то вроде семейного бизнеса. Дэвид немного понервничал, но в конце концов согласился.

И сразу взял быка за рога: нельзя недооценивать тех, кто только что пришел к трезвости. Оптимизировал бизнес-процессы и сделал финансовые накопления, начал модернизировать компанию в духе нового времени: вводить прямые трансляции, работать с интернет-медиа и социальными сетями. Я в таких делах абсолютный профан; если честно, у меня никогда не было даже мобильника. Как вы сами понимаете, меня как коллекционера не интересовали прямые трансляции: мне

нравилось собирать альбомы, чем больше, тем лучше, и желательно – виниловые. К тому же, учитывая мою способность чересчур откровенно высказывать свои мнения, лезть в какой-нибудь Твиттер мне явно противопоказано: в лучшем случае это закончится полным хаосом.

А вот у Дэвида все получалось, и он собрал отличную команду. Его искренне интересовали те области музыкальной индустрии, которые у меня лично вызывали смертельную скуку. Он начал активно развивать идею создания художественного фильма на основе истории моей жизни. Эта идея, на самом деле, родилась несколько лет назад, после тех видео, которые Дэвид Лашапель сделал для шоу «Красный рояль» в Лас-Вегасе. Я хотел, чтобы художественный фильм обо мне снимался именно в такой стилистике. Да, клипы Лашапеля чересчур откровенные и жесткие, но вместе с тем фантастические и с элементами сюрреализма – а ведь именно такой и была моя жизнь. Мы попросили Ли Холла, который писал «Билли Эллиота», поработать над сценарием; мне нравилось, что получается, вот только писал он очень и очень медленно. Режиссеры и ведущие актеры появлялись и исчезали. По первоначальной задумке, режиссером должен был стать Лашапель, но его в тот момент больше интересовали занятия изящными искусствами. Предполагалось, что меня сыграет Том Харди, но он не умеет петь, а я хотел, чтобы актер именно пел, а не шевелил губами под фонограмму. Мы вели бесконечные тягомотные переговоры с киностудиями по поводу бюджета и содержания фильма. Нас постоянно просили сократить темы, связанные с наркотиками и сексом между геями, чтобы фильм получил рейтинг PG-13[227]. Но, знаете ли, я гей и бывший наркоман и не вижу смысла в продезинфицированном кино про меня без кокаина и секса.

Одно время нам казалось, что проект обречен, но Дэвид продолжал упорно работать и в конце концов победил.

И еще у него появилась новая грандиозная идея. Насколько она грандиозна, я узнал однажды утром в Лос-Анджелесе. Дэвид вручил мне большой лист бумаги, на котором обозначил все даты, связанные с обучением Закари и Элайджи: когда начинается каждый семестр, сколько времени продолжаются каникулы, в каком году они пойдут в начальную школу, в каком в среднюю, и так далее; когда и какие экзамены будут сдавать.

– Видишь? – спросил он. – Скажи, какие именно события из жизни мальчиков ты не хочешь пропускать? Я считаю, что твой гастрольный график надо строить с учетом их расписания.

Я внимательно посмотрел на лист бумаги и понял: а ведь это – карта жизни наших сыновей! К последним обозначенным датам

они будут уже подростками, молодыми людьми. А мне перевалит за семьдесят.

Я долго думал, потом сказал:

– Не хочу пропускать ничего. Ни одного события.

Дэвид поднял брови:

– В таком случае тебе придется изменить свою жизнь. Подумай о том, чтобы вообще отказаться от гастролей.

Это было очень сложное решение. Я всегда считал себя гастролирующим музыкантом, точно таким же, как во времена «Блюзологии», когда мы раскатывали по дорогам страны в фургоне, купленном на деньги Арнольда Тендлера. И я говорю это не из ложной скромности. Конечно, сегодня я уже не тот, каким был в шестидесятые, – если честно, не могу даже вспомнить, когда в последний раз приезжал на концерт в фургоне. Но мое внутреннее состояние – если хотите, самоощущение – осталось прежним. Ведь как это было тогда? У тебя запланирован концерт, ты едешь и отыгрываешь его, этим ты зарабатываешь на жизнь, потому что ты – профессиональный музыкант. И я гордился тем, что мой график не изменился, что он такой же, как в начале семидесятых. Конечно, залы, где я выступаю, больше и лучше; я останавливаюсь в отличных отелях, езжу комфортабельным транспортом и уже не прячусь в туалете от девушек-группис. Даже самые упорные из них давным-давно усвоили: на Элтона Джона их чары не действуют. Но количество концертов все то же – сто двадцать или сто тридцать в год. И сколько бы я ни сыграл, на следующий год хочу отыграть еще больше. Я даже составил список стран, в которых еще не выступал. Например, в Египте – правда, туда меня не пустили, потому что я гей.

И потом, я всегда считал, что истинное счастье – это умереть на сцене.

Но расписание Дэвида все перевернуло. Мои дети будут расти и взрослеть только один раз. И я не хочу пропустить важные моменты их роста из-за того, что выступаю в Мэдисон-сквер-гарден, или в лос-анджелесском «Стейплс-центре», или на «Тако Белл Арена» в Айдахо, да простят меня мои поклонники. Я хочу быть рядом со своими детьми, с Закари и с Элайджей, – наконец в моей жизни появилось то, что так же важно, как сцена. Или даже важнее.

И мы начали планировать прощальное турне, понимая, что оно должно стать куда более ярким и зрелищным, чем все мои прежние выступления, – прощальный светлый праздник, дань благодарности людям, которые долгие годы покупали мои альбомы и билеты на концерты.

Подготовка к турне шла полным ходом, как вдруг, во время обычного планового обследования, выяснилось, что у меня рак. Доктор обратил внимание, что в крови у меня слегка повышен уровень специфических антигенов предстательной железы, и отправил к онкологу на биопсию. Анализ пришел плохой. Я был потрясен. Странно: в далекие восьмидесятые, когда меня пугали раком горла, я не испытал такого шока – наверное, из-за того, что сейчас у меня нашли именно рак простаты. Дело нешуточное, но очень распространенное; болезнь диагностировали на самой ранней стадии, и к тому же мне повезло: мой организм быстро справляется с самыми разными хворями. У меня и раньше случались серьезные проблемы со здоровьем – но не тут-то было.

Правда, однажды мне пришлось пропустить свадьбу Дэвида и Виктории Бэкхем. Утром, играя в теннис, я почувствовал головокружение и уже в машине по дороге в аэропорт потерял сознание. Меня отвезли в больницу, проверили сердце и все остальное, а потом поставили диагноз: инфекция внутреннего уха. На следующий день утром я опять играл в теннис. Дэвид, выглянув из окна, крикнул, чтобы я остановился. Всем известно: нельзя отрывать меня от игры в теннис – вспомните инцидент из «Истерик и тиар», где я обещаю немедленно покинуть Францию и больше никогда не возвращаться только потому, что поклонник помахал мне рукой и крикнул «Йухуу!» как раз во время подачи. Только я собрался выругать Дэвида, как он объяснил, что звонили из больницы. Они ошиблись – у меня не инфекция уха, а сердечная недостаточность, и я должен немедленно лететь в Лондон, чтобы поставить кардиостимулятор. В больнице я пробыл всего одну ночь и чувствовал себя прекрасно. Жить с кардиостимулятором мне по душе: энергии только прибавилось.

Помню, как отыграл девять концертов, совершил перелет продолжительностью сутки и выступил с группой Coldplay на фандрайзинговом балу Фонда по борьбе со СПИДом – и все это с лопнувшим аппендиксом. Врачи предупреждали, что инфекция распространяется по кишечнику, и чувствовал я себя на редкость дерьмово, но все равно продолжал работать. А ведь запросто мог помереть: обычно при разрыве аппендикса начинается перитонит, и через несколько дней ты труп. В итоге мне вырезали аппендицит, пару дней я провел в больнице под морфием, наслаждаясь галлюцинациями – не вру, действительно наслаждался, – и пару недель восстанавливал здоровье в Ницце. А затем вернулся к работе. Да, я такой. Если бы не здоровые гены и крепкая конституция, я бы отбросил коньки много лет назад в эпоху увлечения наркотой.

Онколог сказал, что у меня есть два варианта. Первый –

операция по удалению простаты. Второй – курсы облучения и химиотерапии, то есть в клинику надо будет приехать раз десять-двенадцать. Естественно, я выбрал операцию. Многие мужчины отказываются от такого варианта: это серьезное оперативное вмешательство, после которого примерно год нельзя заниматься сексом, к тому же некоторое время приходится контролировать работу мочевого пузыря. Но мои дети помогли мне принять решение. Никому не хотелось, чтобы рак висел надо мной – над нами, – как дамоклов меч долгие годы: лучше уж сразу избавиться от этой дряни.

Операцию мне сделали в Лос-Анджелесе, быстро и тайно. Мы сделали все, чтобы слухи о болезни не просочились в прессу: не хватало только, чтобы газеты разразились истерическими статьями с фотографиями нашего дома. Операция прошла успешно. Как выяснилось, опухоль затронула обе доли предстательной железы, и целенаправленное облучение не помогло бы. Значит, мы приняли правильное решение.

Спустя десять дней я вернулся на сцену в «Цезарь Палас». Но почти сразу по приезде в Лас-Вегасе мне стало ясно: что-то не так. Утром я проснулся с ощущением легкого дискомфорта. В течение дня боль усиливалась и ко времени выхода на сцену стала невыносимой. Я едва сдерживал слезы. Группа предложила отменить шоу, но я отказался. Прежде чем вы начнете превозносить мою храбрость и верность профессии, должен объяснить: дело вовсе не в том, что я такой стойкий оловянный солдатик и что «шоу должно продолжаться». Просто я решил, что лучше уж выйти на сцену, чем корчиться от боли дома. Отчасти это помогло. По крайней мере, я отвлекся от мрачных мыслей о болезни, особенно когда осознал, что последствия операции начинают сказываться на мочевом пузыре.

Забавно. *Если бы только публика знала!* Процесс писанья перед залом, где сидят четыре тысячи человек, конечно, может сделать твой день, но это нехороший признак. Как выяснилось, у меня возникло очень редкое и неожиданное послеоперационное осложнение: из лимфатических узлов сочилась жидкость. В больнице ее осушили, и боль прошла. Потом жидкость снова скопилась в лимфоузлах, и боль вернулась. Замечательно: меня ждал еще один мучительный вечер на сцене «Цезарь Паласа». Цикл страданий повторялся месяца два с половиной, а потом неожиданно все прошло после плановой колоноскопии за несколько дней до моего семидесятилетия.

Мы праздновали его в «Ред Студиос» в Голливуде. Дэвид сделал мне сюрприз: привез из Лондона Закари и Элайджу. На торжестве выступали Райан Адамс[228], Розанна Кэш[229] и Леди

Гага. Принц Гарри прислал забавное видео: в очках «Элтон Джон» он поздравил меня с днем рождения и пожелал всего самого лучшего. Выступил специальный гость Стиви Уандер – видимо, он забыл, как я отказывался выйти из спальни, когда он собирался спеть мне «С днем рожденья тебя» на борту «Старшипа» сорок четыре года назад. Или же просто простил мне это. Приехал Берни с женой и двумя младшими дочерьми – для нас с ним это был праздник вдвойне, ведь мы впервые встретились ровно пятьдесят лет назад, в 1967 году. Мы вместе позировали фотографам: я в коричневом костюме с атласной отделкой, в рубашке с рюшами и бархатных слиперах, он в джинсах, с короткой стрижкой и татуированными руками. Полная противоположность друг другу. Ну точно как в тот день, когда Берни впервые приехал в Лондон из Оумби-бай-Спитал. Теперь он снова жил в сельской местности – купил ранчо в Санта-Барбаре; отчасти вернулся к своим корням, а отчасти превратился в героя Дикого Запада, о которых он так любил писать; в общем – типичный персонаж из альбома *Tumbleweed Connection*. Кстати, он выиграл конкурс по разведению домашнего скота – правда-правда, я не шучу! Недавно музей «Тейт Модерн» устраивал выставку фотографий двадцать первого века из моей обширной коллекции. И одним из главных экспонатов стал постер работы Ман Рэя – тот самый, что мы с Берни купили, стараясь как-то украсить спальню в Фроум Корт, только уже не копия, а оригинал. Мы с Берни – два полюса. Просто удивительно, как нам удалось так долго проработать вместе! Впрочем, я никогда не мог понять, как работает механизм нашего совместного сочинения песен. Он просто работал. И продолжает работать.

Вечер получился волшебный. Честно, я прекрасно могу прожить без мероприятий, где меня чествуют, – я вообще не любитель комплиментов. Но настроение тогда было чудесное. Больше нет рака, больше нет боли. Операция прошла успешно. Осложнения устранены. Я собираюсь на гастроли по Южной Америке в компании Джеймса Тейлора[230]. Все возвращается на круги своя.

А потом я едва не умер.

Я почувствовал себя плохо в самолете на обратном пути из Сантьяго. В Лиссабоне мы сделали пересадку, и уже на борту меня начало лихорадить. Потом стало невыносимо холодно. Я завернулся в несколько одеял и немного согрелся, но что-то явно было не так. Дома в «Вудсайде» я сразу вызвал доктора. Температура понизилась, и врач посоветовал мне немного отдохнуть. Но на следующее утро мне стало худо, как никогда в

жизни. Меня отвезли в Лондон, в больницу Короля Эдуарда Седьмого. Там объяснили, что положение очень серьезное, у больницы нет специального оборудования, так что придется переправить меня в Лондонский клинический центр.

Мы приехали туда в середине дня. Последнее, что я помню, – как подключали гипервентиляцию и пытались найти вену, чтобы сделать укол. Руки у меня очень мускулистые, так что с этим всегда возникали проблемы, тем более я ненавижу иглы. Наконец привели русскую медсестру, которая выглядела так, будто только что переоделась в больничную униформу после утренней тренировки по толканию ядра. К половине третьего я уже лежал на операционном столе: как выяснилось, опять началось накопление лимфы, но на этот раз в области диафрагмы, и жидкость надо откачивать. Два дня после этого я лежал в реанимации. Когда я пришел в себя, мне сказали, что я подхватил серьезную инфекцию в Южной Америке, и с ней теперь борются массированными внутривенными вливаниями антибиотиков. Казалось, все идет на лад, но внезапно снова подскочила температура. У меня взяли пробы и поместили в чашку Петри. Все оказалось еще серьезнее, чем подозревали изначально; пришлось поменять антибиотики и увеличить их дозировку. Мне делали МРТ, еще бог знает сколько разных исследований и процедур. Я лежал и чувствовал себя ужасно; меня возили на каталке в разные комнаты, втыкали в меня разные трубки, потом вынимали их, судя по всему, не понимая толком, что происходит. Дэвиду врачи сообщили, что жить мне осталось двое суток. И если бы гастроли в Южной Америке продлились еще один день, я был бы уже покойником.

Говорят, мне повезло: со мной работали потрясающие доктора и я получал лучшую медицинскую помощь. Хотя, должен сказать, в те дни я не чувствовал себя везунчиком. Спать не мог совсем. Помню, как лежал ночами без сна, размышляя, умру или нет. Не имею понятия, насколько я был близок к смерти – эту информацию мудрый Дэвид от меня утаил. Но ужасное самочувствие само по себе наводило на мысли о бренности всего земного. Нет, я не думал о том, что скончаюсь прямо сейчас и надо скорее делать распоряжения. Я думал, что хочу умереть дома, в окружении семьи, и, желательно, после того, как проживу еще много лет. Я хотел снова увидеть мальчиков. Мне нужно было еще время.

Спустя одиннадцать дней меня выписали. Ходить я не мог – сильно болели ноги. К тому же огромное количество антибиотиков убило во мне все бактерии, как вредные, так и полезные. Но, по крайней мере, я был дома. Семь недель ушло на

восстановление – я учился даже заново ходить. Из дома выезжал только для встречи с доктором. Нечто вроде вынужденного отпуска, и в другой ситуации я наверняка полез бы на стену – не помню ни одного случая, чтобы я так долго находился дома.

Но, несмотря на слабость, я радовался заточению. Стояла весна, и сады в «Вудсайде» благоухали. Есть места, где сидеть в заточении гораздо, гораздо страшнее. Я начал осторожно перемещаться по дому. Днем гулял по имению и наслаждался красотой садов, ждал, когда из школы вернутся мальчики и поделятся со мною новостями.

В клинике, ночью, в полном одиночестве, я молился. Пожалуйста, шептал я, не дай мне умереть, пожалуйста, позволь еще раз увидеть детей, пожалуйста, подари еще немного времени. Странно, но дни восстановления, проведенные в «Вудсайде» безвылазно, я считаю ответом на свои молитвы. Ты хочешь еще немного времени? Тогда научись жить вот так. Сбавь скорость. Мне словно показали иную жизнь, и я вдруг понял, что люблю ее гораздо больше, чем вечное скитание по дорогам мира. И если раньше во мне еще закрадывались сомнения по поводу прекращения гастролей, то сейчас они полностью испарились. Я чувствовал, что принял правильное решение. Да, музыка прекрасна. Но болтовня Закари о том, что творится у скаутов или на футбольной тренировке, ничем не хуже. Не могу больше притворяться, что мне двадцать два года. Я победил наркотики, алкоголь и рак, но это глупое притворство едва меня не убило.

А я, если честно, пока не готов умирать.

ЭПИЛОГ

Мое прощальное турне стартовало восьмого сентября 2018 года в Аллентауне, в штате Пенсильвания. Дэвид устроил именно такой роскошный праздник, о котором я мечтал. Площадка для первого выступления была выбрана идеально, песни сопровождал фантастический видеоряд: анимация, благодаря которой ожила обложка альбома *Captain Fantastic,* старые кадры, иллюстрирующие каждый этап моей карьеры, стильные клипы, снятые современными режиссерами. Тони Кинг следил за тем, чтобы все прошло безупречно: полвека назад он ворвался в мою жизнь, необычный, экстравагантный, и я полностью доверял его эстетическому вкусу. Отзывы вышли превосходные – кажется, в последний раз я читал такие, когда еще гордился пышной шевелюрой, и критики половину статьи посвящали объяснениям, кто я такой. Но самым трогательным казалось общее ощущение светлой грусти: сожаление о том, что я завязываю с гастролями, и сознание того, что закончилась целая эпоха.

Где-то между первыми концертами турне я впервые посмотрел черновую версию фильма «Рокетмен». Дэвид волновался, ожидая моей реакции. То, что Терон Эджертон – правильный выбор, я понял, когда услышал, как он поет Don't Let The Sun Go Down On Me, – он не останавливался и не кричал, что сейчас придушит продюсера и что песню надо отдать Энгельберту Хампердинку. Безусловно, шаг вперед по сравнению с тем, как впервые исполнял ее я. Я пригласил Терона в «Вудсайд», заказал карри, мы долго болтали, и я дал ему почитать свои старые дневники, которые сохранились еще с начала семидесятых. Мне хотелось, чтобы он почувствовал, какой была тогда моя жизнь. Эти дневники – невероятно забавные; я записывал все, что происходило, иногда это выглядело ужасно нелепо. «Проснулся. Убрался в доме. Смотрел по телевизору футбол. Написал музыку к Candle In The Wind. Поехал в Лондон. Купил «Роллс-Ройс». На ужин приходил Ринго Старр». Думаю, так я пытался создать видимость нормальности – несмотря на то что вокруг творилось безумие.

Во время съемок я старался держаться подальше от съемочной площадки и не отсматривал материал. Для актера нет ничего ужаснее, чем обнаружить, что за ним наблюдает его персонаж. Но когда я впервые увидел весь фильм… я чувствовал себя примерно так, как на первом просмотре «Билли Эллиота». Началась сцена в доме бабушки на Пиннер-Хилл-роуд, мама, папа и бабуля поют там I Want Love – и я сразу расплакался. Слова

этой песни Берни писал о себе, о мужчине средних лет, оставившем позади несколько неудачных браков и раздумывающем, придет ли к нему когда-то новая любовь. Но эта песня вполне могла быть написана и о людях, живших в том доме. Ощущение истинности – вот что важно для меня. Так и с этой книгой: я хочу, чтобы когда-нибудь, возможно, лет через сорок, мои дети прочли ее и поняли, какой была моя жизнь и как я ее ощущал.

После того как я объявил начало прощального турне, многие журналисты написали заметки о том, что это блеф – мол, я никогда не откажусь от гастролей. На чем они основывали свое мнение? Должно быть, на знании моей жизненной истории и психологии. «Он пытался и раньше уйти на покой, но он человек с зависимостью, одержимый музыкой и прирожденный лицедей». Они вспоминали, как на разных пресс-конференциях я заявлял, что никогда не оставлю музыку, не перестану выступать живьем. Все так и есть. Но я не собираюсь больше мотаться по миру. Только одно последнее турне – грандиозное: триста концертов за три года, Северная и Южная Америка, Европа, Ближний Восток, Азия, Австралия и Океания. Дети и их учитель едут с нами. И на этом все.

Все, да не все. Я не буду ездить на гастроли, и высвободится время для других занятий – самых разных. У меня большие планы. Я хочу написать новые мюзиклы, больше сотрудничать с кино. Активнее работать с Фондом по борьбе со СПИДом, особенно в Африке; бороться за права сексуальных меньшинств в том регионе, вести переговоры с политиками в Уганде, или Кении, или Нигерии, стараться изменить их отношение к этому вопросу. Я хочу сотрудничать с разными артистами. Хочу устроить большую выставку, посвященную всей моей карьере, возможно, даже основать музей, чтобы люди могли увидеть мои коллекции фотографий и предметов искусства. Хочу больше времени посвящать созданию новых альбомов и писать их так, как в самом начале нашего пути: чтобы Берни сочинил сразу много текстов и у меня было много материала для творчества. Давным-давно я не приходил на студию с целой охапкой песен на выбор, наверное, со времен *Madman Across the Water*, а это было сорок восемь лет назад. Хочу работать как художник, который берет чистый холст и пишет картину. Хочу сочинять музыку, как тогда на корабле, – у меня не было магнитофона, я просто запоминал придуманные мелодии, и получился альбом *Captain Fantastic*. И да, я хочу играть вживую, но на небольших шоу, и ту мою музыку, которую мало кто слышал. I'm Still Standing или Rocket Man или

Your Song – хиты, они живут своей жизнью, но, увы, не дают жить многим старым композициям. Я безумно люблю эти песни, но я писал и другие не хуже, которые потерялись в густой тени хитов, и теперь я хочу вывести их из сумрака.

Но больше всего я хочу жить… ну, скажем так: нормально – или, по крайней мере, настолько нормально, насколько это возможно для меня. Меньше времени на выступления – больше времени для домашних заданий, субботних походов в «Пицца Экспресс» или в «Даниэль», торговый центр в «Виндзоре» – то, что так любят мои мальчики, то, о чем раньше я и помыслить не мог. Всю жизнь я пытался убежать от Реджа Дуайта, считая его несчастным неудачником. Но это бесконечное бегство открыло мне важную истину: чем дальше я убегаю от этого нормального, в сущности, парня, тем хуже у меня на душе. Пытаясь забыть его, я становлюсь несчастным. Потому что мне – *как и каждому* – нужна связь с настоящим и непридуманным миром.

Я жил и живу удивительной жизнью и, честное слово, не стал бы менять в прошлом *ничего*, даже то, о чем сожалею, – потому что меня бесконечно радует то, к чему я пришел в итоге. Наверное, было бы лучше, если бы я прошел мимо, когда увидел Джона Рида с кокаином в дальней комнате студии. Наверное, не следовало совать туда свой нос – во всех смыслах этого выражения. Но, возможно, надо было пройти и это, чтобы стать таким, какой я сейчас. Разве я мог предположить, что буду жить в браке с мужчиной, что стану отцом двоих детей? Все это казалось мне невозможным не так уж много лет назад. Но это еще один важный урок, который преподала мне жизнь. С того самого момента, как я не прошел прослушивание и взял в руки конверт с текстами Берни, все происходило совсем не так, как я предполагал. В моей истории полно бесконечных «а что, если» – моментов, которые меняют все. А что, если бы провал на прослушивании страшно бы меня выбесил и я бы выбросил конверт Берни в урну на железнодорожной станции? Что, если бы я настоял на своем и не поехал в Америку? Что, если бы «Уотфорд» выиграл в тот субботний вечер в начале девяностых, я бы воспрянул духом и не стал бы звонить другу в Лондон, не попросил бы его приехать и привезти с собой приятелей-геев? Что, если бы я не заметил Льва в детском доме в Украине? Где бы я был тогда? И кем бы я был?

Остается только догадываться. Но все это произошло, и я – это я. И уже не нужно задаваться вопросом: а что, если?..

Теперь меня интересует другой вопрос: а что дальше?

благодарности

Благодарю всех, кому было интересно узнать историю моей удивительной жизни.

Спасибо всем, кто сделал ее удивительной.

список иллюстраций

Все фотографии предоставлены автором и его членами семьи, за исключением следующих:

Стр. 3, верхнее фото слева © Edna Dwight

Стр. 3, верхнее © Mercury Records Ltd

Стр. 5, верхнее © Mike Ross / Lickerish Syndication

Стр. 5, нижнее © Barrie Wentzell

Стр. 6 верхнее, стр. 10 по середине любезно предоставлены Rocket Entertainment

Стр. 6, среднее, photograph by David Larkham

Стр. 6, нижнее, photograph by Don Nix © OKPOP Collection / Steve Todoroff Archive

Стр. 7, верхнее © Bob Gruen / www.bobgruen.com

Стр. 7, нижнее © Anonymous / AP / Shutterstock

Стр. 8, верхнее © Michael Put land / Getty Images

Стр. 8, нижнее © Bryan Forbes

Стр. 9, верхнее © MARKA / Ala my Stock Photo

Стр. 9, нижнее справа; стр. 11 верхнее и нижнее; стр. 12, верхнее и нижнее © Sam Emerson (предоставлено Rocket Entertain ment)

Стр. 10, верхнее © May Pang

Стр. 10, нижнее © Mike Hewitson

Стр. 13, верхнее © Terry O'Neill / Iconic Images

Стр. 14, верхнее © Ron Galella / WireImage

Стр. 14, нижнее © Northcliffe Collection / ANL / Shutterstock

Стр. 15, верхнее © Chris Mor ris / Shutterstock

Стр. 15, нижнее © Alan Cozzi / courtesy of Watford FC

Стр. 16, верхнее © Richard Young

Стр. 16, нижнее © Pete Still / Redferns

Стр. 17, верхнее © Alan Berliner / Berliner Studio

Стр. 17, нижнее, photograph by Eugene Adebari

Стр. 18, верхнее, photograph by Herb Ritts © Herb Ritts Foundation

Стр. 18, нижнее слева © Rich ard Young / Shutterstock

Стр. 18, нижнее справа © AF archive / Alamy Stock Photo

Стр. 19, верхнее слева © Greg Gorman

Стр. 19, внизу © KMazur / WireImage

Стр. 20 © Mario Testino, David Furnish and Elton John, Paris, 1997

Стр. 21, наверху, photograph by Charles Green

Стр. 21 внизу, стр. 23 вверху справа, внизу слева и внизу справа; стр. 24, посередине © David Furnish

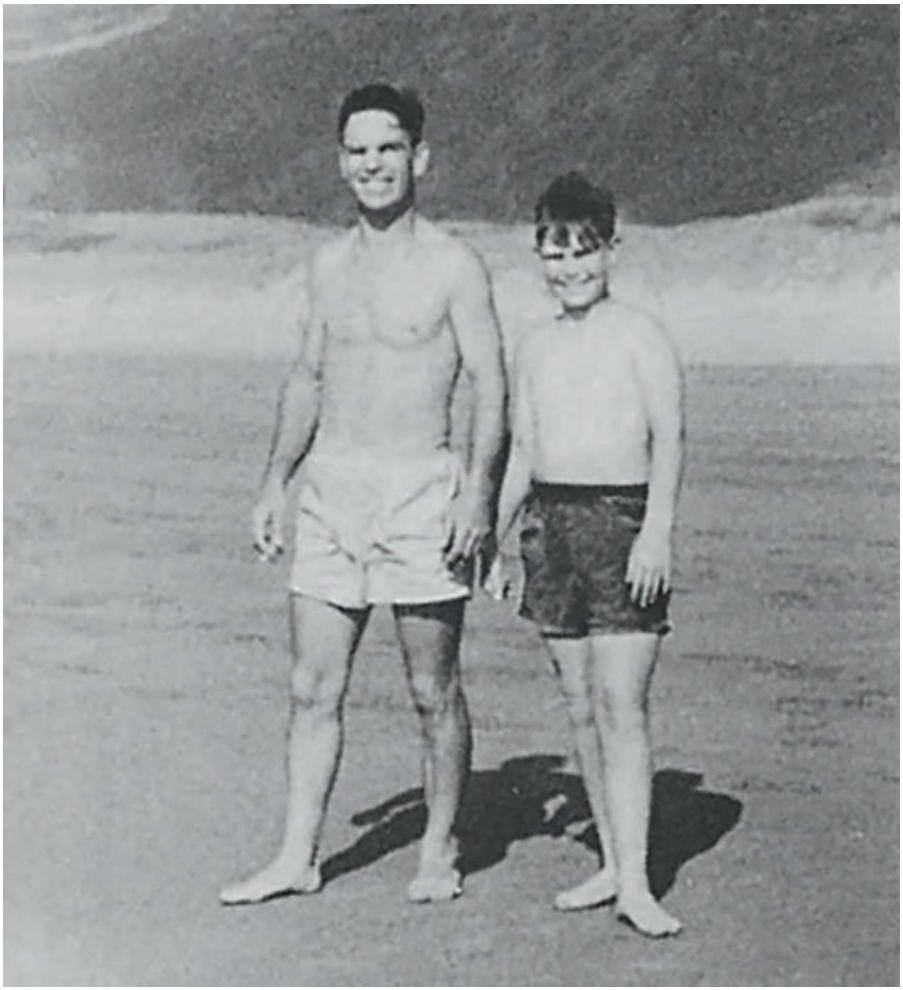
Стр. 22 верхнее слева и справа © Sam Taylor-Johnson
Стр. 22, внизу © Johnnie Shand Kydd
Стр. 23, верхнее слева © Matthew Baron
Стр. 24, верхнее © James Turano
Стр. 24 внизу, photograph by Greg Gorman © HST Global (предоставлено Rocket Entertainment)

1948-й, мне один год.

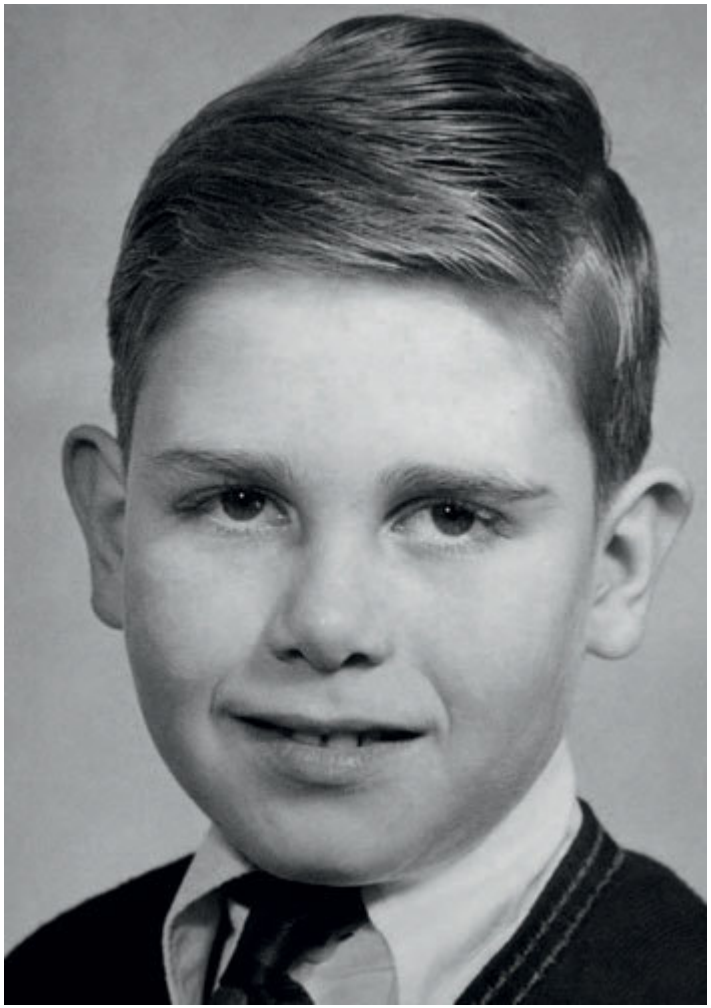
С матерью Шейлой Дуайт в саду возле бабушкиного дома номер 55 по Пиннер-Хилл-Роуд.

На фоне Букингемского дворца с мамой и дедом Фредом Харрисом. Июнь 1950 года.

Стоило мне один раз услышать мелодию, и я легко подбирал ее на слух.



С отцом. Тот редкий случай, когда он не читает мне лекции об аморальном влиянии Литтл Ричарда.



Самый обычный ученик. В средней школе в Пиннере.

1965 год, «Блюзология», фото с вкладыша из вышедшей синглом пластинки с песней «Come Back Baby». Вкладыш с текстом и нотами напечатали в отчаянной надежде на то, что кто-то, кроме нас, решит петь эту песню.

Брат, которого у меня никогда не было. Берни, мой кузен Пол и я (к счастью, увлечение усами длилось недолго). В заднем ряду – мама, тетя Уин и тетя Мэвис.

Фроум Корт – дом, на втором этаже которого мы с Берни жили у мамы и Дерфа.

Апрель 1969 года. Я возле моего нового имения «Хиллман Хаски».

Гениальный аранжировщик Пол Бакмастер демонстрирует свой неповторимый стиль во время записи альбома *Elton John*. 1970 год.

Мы с Берни на рекламном фото 1970 года, когда начала

расти популярность нашего нового альбома.

1970 год, «Трубадур». Если бы я в истерике улетел домой и не выступил здесь, моя жизнь сложилась бы иначе.

Вечер, изменивший все. На сцену «Трубадура» я вышел в желтом комбинезоне и футболке, усыпанной звездами.

Мой кумир. Мы с Леоном Расселом в Нью-Йорке в 1970 году. Представьте себе, как вы играете самый важный в своей жизни концерт и видите в зрительном зале это лицо.

Шэрон и Берил. Мы с Джоном Ридом, юные, влюбленные. 1972 год.

От Брайана Форбса я узнал очень много об искусстве. На этом фото я с явным восторгом открываю для себя что-то новое в его книжном магазине в «Вирджиния Уотерс».

В костюмерной театра Шоу с принцессой Маргарет и ее мужем лордом Сноуденом. Принцесса пригласила меня и мою группу на незабываемый ужин.

Ди, я, Дейви и Найджел в шато Д'Эрувиль в 1972 году. Обратите внимание на то, как я одевался во время студийных записей.

Невероятно: вчера еще никому не известная британская поп-звезда получает свои первые золотые диски. Стивен Джеймс, Берни, я и Дик Джеймс в офисе лейбла DJM.

С любимой бабушкой Айви Сьюэлл.

Любимое занятие – подшучивать над Родом Стюартом.

Ее Величество Тони Кинг со своим верноподданным Джоном Ленноном, выглядывающим из-под юбки.

Багажные бирки корабля SS France, во время путешествия на котором я написал альбом *Captain Fantastic and the Brown Dirt Cowboy* и шокировал игроков в бинго.

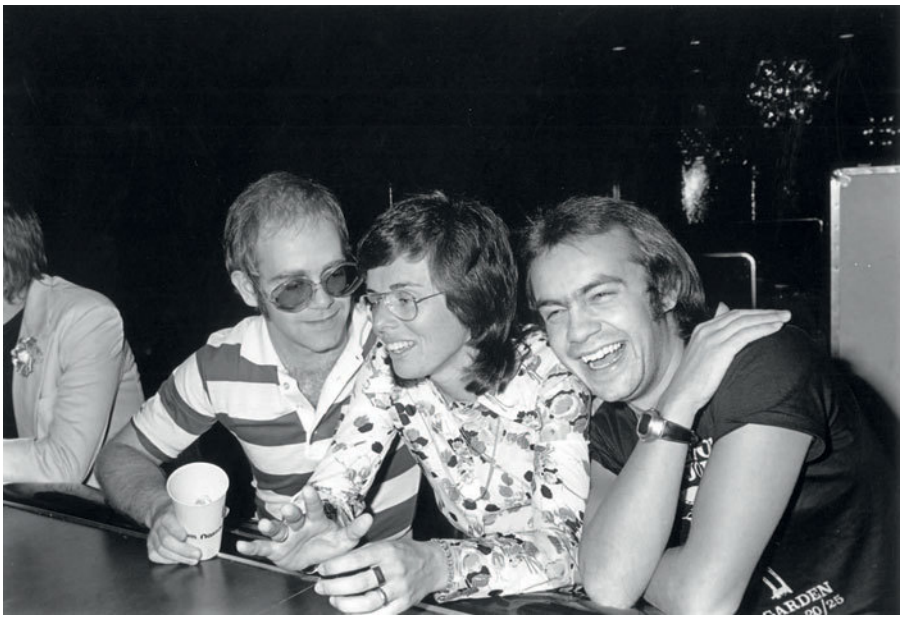
Репетиция с Джоном Ленноном на студии «Рекорд Плант» в Нью-Йоркенакануне концерта в День благодарения на Мэдисон

Сквер Гарден.

Как на подиуме: на фоне самолета «Старшип», перекрашенного в соответствии с моими пожеланиями.

«Говорите, в этом я не смогу петь? Ну, это уже не ваши проблемы»: любитель «скромных» сценических нарядов. Середина 1970-х.

За рулем выкрашенного золотой краской гольф-карта с прикрепленными спереди галстуком-бабочкой и очками с иллюминацией. По выражению лица видно, в каком я «восторге».



С великолепной Билли Джин Кинг, вдохновительницей песни «Philadelphia Freedom», и с Берни, автором текста этой же песни.

Семидесятые годы. С Берни в Лос-Анджелесе, в доме на Тауэр Гроув Драйв. Результат неудачного окрашивания – налицо, точнее, на моем черепе.

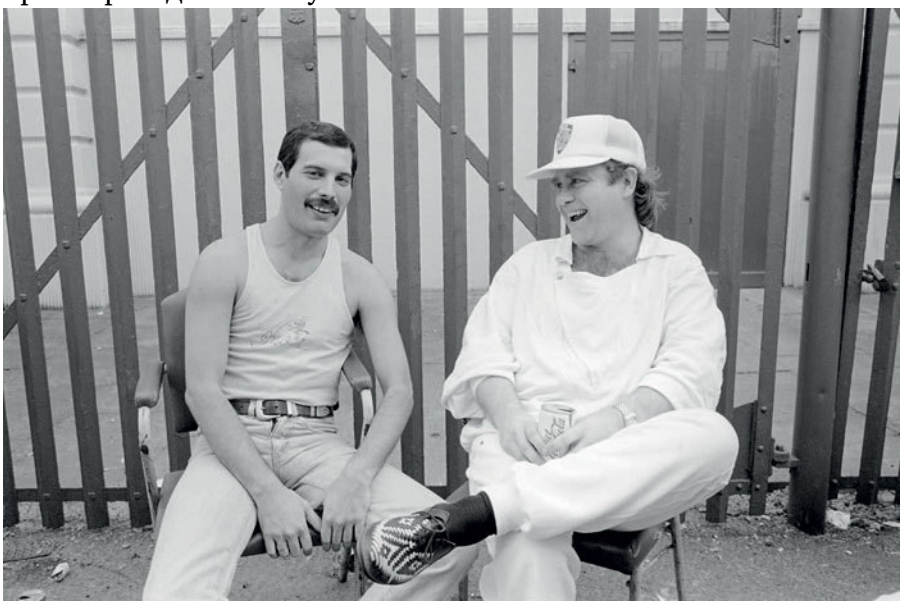
Выступление со Стиви Уандером на стадионе «Уэмбли» в 1977 году. Еще немного – и я в очередной раз сделаю заявление о своем уходе со сцены.

В клубе «Студио 54» на вечеринке Роберты Флак. Я, Энди Уорхол, Джерри Холл и Ахмет Эртенгун. Очевидно, это начало вечеринки: глаза у меня пока смотрят не в разные стороны.

В Ленинграде с Рэем Купером в 1979 году.

В костюме Дональда Дака я не мог ни ходить, ни сидеть. Концерт в Центральном парке в Нью-Йорке, 1983 год.

Еще одно великое партнерство в моей карьере: менеджер футбольного клуба «Уотфорд» Грэм Тейлор обсуждает тактику игры с президентом клуба.



За сценой шоу «Live Aid» с великим Фредди Меркьюри. Queen на этом концерте затмила всех, Фредди шутит, что на сцене я был похож на королеву-мать.

Джордж Майкл решил оставить легкомысленную поп-музыку. Ради такого случая на прощальный концерт группы Wham! я явился в костюме Рональда Макдональда. 1986 год.

Мы с Берни и Райан Уайт, 1988 год. Тогда я еще не знал, что знакомство с Райаном спасет мне жизнь.

Отныне всегда трезвый, но никогда не упускающий случая разыграть Рода Стюарта. Собираюсь выйти на сцену без объявления и сесть Роду на колени.

Фото, сделанное Хербом Риттцем в 1992 году. Лиз Тейлор я знал давно – она была очаровательна, и ей хватило духу заставить Голливуд обратить внимание на проблему СПИДа гораздо раньше, чем на это решился я.

За сценой «Эрлз Корт» с принцессой Дианой, май 1993 года.

За работой над саундтреком «Короля Льва». На мой взгляд, фильм получился замечательный.

С Дэвидом Фёрнишем, влюбленные по уши и с ног до головы в «Версаче».

Дэвид, Джанни Версаче, я и партнер Джанни Антонио Д'Амико в доме Джанни на озере Комо.

«Оскаровские» фандрайзинговые приемы, основанные моим Фондом по борьбе со СПИДом, проходят ежегодно с 1993 года. Фото с 10-го юбилейного мероприятия, с Дензелом Вашингтоном и Холли Берри, получившими «Оскар» за лучшую мужскую и лучшую женскую роли.

Мы с Дэвидом в отеле «Ритц» в Париже. 1996 год, фото Марио Тестино.

Мы с Дэвидом, мама и Дерф в день, когда я удостоился рыцарского титула.

Ингрид Сиши, к которой я относился как к давно потерянной сестре, демонстрирует мастерство перевоплощения в одном из моих париков.

21 декабря 2005 года: мы с Дэвидом вступили в официальное гражданское партнерство. Я счастлив, как никогда в жизни.

Я беспокоился, что заключение партнерства в Гилдхолле в Виндзоре вызовет протесты среди населения, но люди несли нам подарки и домашнюю выпечку.

С тетей Уин на праздновании заключения гражданского партнерства. Мамы, которая в тот день доставила мне много проблем, на этом фото нет.

Первые шаги нашего сына Закари. Лос-Анджелес, 2011 год.

Завтрак с Закари дома в Ницце. Отцовство – самое неожиданное событие в моей жизни. И самое прекрасное.

Передаю опыт шопинг-мастерства сыновьям.

Леди Гага (без регалий) выполняет приятные обязанности крестной матери.

Дети тоже работают. Закари и Элайджа вместе со мной на сцене «Цезарь Паласа» в Вегасе.

С Аретой Франклин накануне ее последнего выступления вживую на гала-концерте в честь 25-летия основания Фонда по борьбе со СПИДом. Нью-Йорк, ноябрь 2017 года.

С Берни Топином во время прощального турне, 2018 год. Спустя 50 лет – все еще полные противоположности. И все еще лучшие друзья.

notes

Примечания

1

Magical Mystery Tour – девятый студийный альбом группы The Beatles. Записан в студиях Abbey Road Studios и Olympic Sound в 1967 году.

2

The Mothers of Invention – американская рок-группа из Калифорнии под руководством Фрэнка Заппы.

3

Третий студийный альбом группы The Who, выпущенный в 1967 году.

4

Axis: Bold As Love – второй альбом группы The Jimi Hendrix Experience.

5

Доктор Джон (англ. *Dr. John)* – американский музыкант, известный своим эклектическим подходом к музыкальному творчеству.

6

Восьмой студийный альбом 1967 года американского автора-исполнителя Боба Дилана.

7

Джон Уильям Болдри (более известный как Долговязый Джон Болдри, англ. *Long John Baldry*) – британский исполнитель, сыгравший важную роль в развитии блюза и ритм-энд-блюза в своей стране.

8

Британская группа, выступавшая в стилях ритм-энд-блюз и соул.

9

Джеймс Джозеф Браун-мл. (англ. *James Joseph Brown Jr.)* – американский певец, признанный одной из самых влиятельных фигур в поп-музыке XX века. «Крестный отец соула».

10

Данталиан или Данталион – мифологический демон, Герцог Ада.

11

Джули Дрисколл (англ. *Julie Driscoll*) – британская певица и актриса.

12

Брайан Огер (англ. *Brian Auger*) – британский клавишник, пианист и органист.

13

Песня Джона Болдри.

14

Hoochie Coochie Man – блюзовый стандарт, написанный Вилли Диксоном и впервые исполненный Мадди Уотерсом в 1954 году.

15

Great American Songbook, GAS – переносное собирательное название ряда лучших американских песен, написанных в 1920—1960-х годах для бродвейских мюзиклов, голливудских кинофильмов и звукозаписывающих студий. По сей день песни остаются ключевым элементом репертуара джазовых музыкантов.

16

Моды (англ. *Mods* от *Modernism, Modism*) – британская молодежная субкультура, сформировавшаяся в конце 1950-х годов и достигшая пика в середине 1960-х годов.

17

«Выбор домохозяек» (англ. *Housewives' Choice)* – утренняя музыкальная программа «по заявкам слушательниц» радио Би-би-си, выходившая в эфир с 1946 по 1967 год.

18

Аннунцио Паоло Мантовани (итал. *Annunzio Paolo Mantovani*) – скрипач, пианист, дирижер и композитор, создатель популярного в Америке и Европе оркестра легкой музыки.

19

Литл Ричард (также пишут «Литтл Ричард»; англ. *Little Richard*) – американский певец, пианист и композитор, стоявший у истоков рок-н-ролла.

20

Джерри Ли Льюис (англ. *Jerry Lee Lewis*) – американский певец, пианист, композитор, один из основоположников и ведущих исполнителей рок-н-ролла.

21

Рэй Чарльз (англ. *Ray Charles)* – американский эстрадный певец (баритон) и пианист. Пел в различных стилях, особенно прославился как исполнитель в стилях соул и ритм-энд-блюз.

22

«Либерти Рекордз» (англ. *Liberty Records*) – международный лейбл звукозаписи, основанный в США в 1951 году.

23

«Прокол Харум» (англ. *Procol Harum*) – британская рок-группа. Самый известный хит группы – композиция A Whiter Shade of Pale, многими признаваемая гимном шестидесятых.

24

Текст песни сложно было разобрать (особенно англичанину) из-за своеобразного небрежного американского произношения Элвиса Пресли. *Dess clurk – desk clerk* (рус. *рецепционист, консьерж в отеле*), *Bidder Sir Lonely – been so long on lonely* [street] (рус. *Долго бродил один по одинокой улице*). *– Прим. пер.*

25

«Вальс конькобежцев» (фр. *Les Patineurs Valse*, нем. *Der Schlittschuhläufer-Walzer*, Op. 183), или просто «Конькобежцы» (*фр. Les Patineurs*) – вальс авторства французского композитора Эмиля Вальдтейфеля, написанный в 1882 году.

26

Мул Маффин (англ. *Muffin the Mule*) – кукольный персонаж детских телепередач Би-би-си.

27

Юмористическая радиопередача британской радиостанции BBC Home Service, выходившая с 1951 по 1960 год.

28

Игроки под номерами 1 и 3 на линии форвардов в регби.

29

Британский певец, автор песен, актер, ведущий радио- и телепрограмм, кавалер Ордена Британской Империи (OBE), имевший огромную популярность в послевоенной Англии.

30

Чарльз Хардин Холли, известный как Бадди Холли (англ. *Buddy Holly*) – американский певец и автор песен, один из первопроходцев рок-н-ролла.

31

Джайлс Перри Ричардсон младший (англ. *Jiles Perry Richardson, Jr.,* более известный как Биг Боппер (англ. *The Big Bopper*) – американский диджей, певец, автор песен, один из первопроходцев рок-н-ролла.

32

«Любить тебя» (англ. *Loving You*) – американский художественный фильм-драма режиссера Хэла Кантера, премьера которого состоялась 9 июля 1957 года. Картина полубиографична и частично рассказывает о начале творческого пути Элвиса Пресли.

33

«Эта девушка не может иначе» (в российском прокате, оригинальное название – *The Girl Can't Help It*) – музыкальная комедия с Джейн Мэнсфилд в главной роли. В фильме звучит песня Литл Ричарда.

34

Love Me Do – первый британский сингл группы «Битлз» – был выпущен 5 октября 1962 года и достиг № 17 в чарте страны.

35

Эдвард Рэймонд Кокран, известный как Эдди Кокран (англ. *Eddie Cochran*) – американский певец, композитор, гитарист раннего рок-н-ролла.

36

Американская рок-группа из Огайо. Специализировалась на аранжировке традиционных мелодий в рок-н-ролльном стиле.

37

Джимми Хилл (англ. *Jimmy Hill*) – британский футболист, позже – известный телеведущий.

38

Бедфорд Альфред Джордж Джеззард (англ. *Bedford Alfred George Jezzard*) – английский футболист, нападающий. Наиболее известен по выступлениям за «Фулхэм» в конце 1940-х и 1950-е годы, а также как главный тренер этого же клуба в 1958–1964 годах.

39

Серия книг в мягкой обложке с рассказами в духе хоррора, выпускалась издательством Pan Book.

40

Джим Ривз (англ. *Jim Travis Reeves*) – американский исполнитель в жанрах кантри, поп, автор песен, музыкант. Лидировал в чартах в 1950—1960-е годы.

41

Джонни Рей (англ. *Johnnie Ray*) – популярный в 1950-е годы американский певец.

42

Whole Lotta Shakin’ Goin’ On – американская песня, ставшая популярной в исполнении рок-н-ролльного певца Джерри Ли Льюиса в 1957 году. Свои версии песни записало множество других исполни- телей.

43

Эл Джолсон (англ. *Al Jolson*) – американский артист, стоявший у истоков популярной музыки США.

44

Песня, написанная в 1926 году американским композитором Рэем Хендерсоном. Ее исполняло множество певцов.

45

Уровень «А» (англ. *A-Level*) – в британских школах двухгодичная программа подготовки старшеклассников к поступлению в университет.

46

Денмарк-стрит (англ. *Denmark Street*) расположена в центральной части британской столицы в районе Сохо. Здесь в 60-е годы прошлого века открылись звукозаписывающие студии, оказавшие немалое влияние на развитие мировой музыки.

47

Tin Pan Alley (рус. *«улица дребезжащих жестянок»*) – собирательное название американской коммерческой музыкальной индустрии. Первоначально название относилось к 28-й улице на Манхэттене в Нью-Йорке.

48

Juke Box Jury (рус. *«Жюри музыкального автомата»*) – программа телевидения Би-би-си, выходила в эфир с 1951 по 1967 год. Тема – приглашенные знаменитости выносили свои суждения о новых песнях и композициях.

49

Американский мужской вокальный коллектив, удостоившийся премии «Грэмми». Одна из самых успешных групп, работавших под лейблом «Мотаун». На сцене выступают уже почти 50 лет в таких музыкальных направлениях, как ритм-н-блюз, ду-воп, фанк, диско, соул и музыка для взрослых.

50

Чернокожий вокальный коллектив, созданный в начале 1953 года.

51

Мэйджор Лэнс (англ. *Major Lanc*e) – американский рок-энд-блюз-певец.

52

Патти Лабелль (англ. *Patti LaBelle*) – американская певица. Начала музыкальную карьеру в 1958 году в группе The Ordettes, после изменений в составе и переименований ставшей в 1961 году The Bluebelles.

53

Фонтелла Басс (англ. *Fontella Bass*) – американская соул-певица.

54

Ли Дорси (англ. *Lee Dorsey*) – американский поп- и рок-энд-блюз-певец, знаменитый в 60-е годы.

55

Уилберт Огастэс Кэмбелл, известный как Каунт Сакл (англ. *Count Suckle*) – британский диджей и владелец клубов, уроженец Ямайки, пропагандист музыки в стилях ска и регги.

56

Уэйн Фонтана (англ. *Wayne Fontana*) – британский поп- и рок-певец.

57

Джорджи Фэйм (англ. *Georgie Fame*) – британский пианист, клавишник, певец в стилях ритм-энд-блюз и джаз.

58

Тони Шеридан (англ. *Tony Sheridan*) – британский певец и гитарист, исполнитель раннего рок-н-ролла, вошедший в историю благодаря синглу My Bonnie (1961), в записи которого приняли участие тогда ещё практически никому не известные «Битлз».

59

The Alan Bown Set – британская группа, работавшая в стилях джаз, блюз, соул, ритм-энд-блюз.

60

Mike Cotton Sound – британская группа, работавшая в стилях джаз и поп.

61

Стив Уинвуд (англ. *Steve Winwood*) – британский рок-музыкант, мультиинструменталист, автор песен.

62

The Bonzo Dog Doo-Dah Band (также: *The Bonzo Dog Band, The Bonzo Dog Dada Band, The Bonzos*) – британский музыкальный коллектив, образовавшийся в 1962 году в Лондоне, Англия, и в течение 1960-х годов специализировавшийся на экспериментальной, эксцентричной поп/рок-музыке, соединяя в своем творчестве традиции английского мюзик-холла, ретро-джаза, поэзии абсурда, рок-авангарда и поп-психоделии.

63

The Groundhogs – британская рок-группа, образовавшаяся в конце 1963 года и исполнявшая – с конца 1960-х годов – тяжелый блюз-рок с элементами прогрессивного рока, хеви-метала (позже – соула и ритм-энд-блюза).

64

Electric Light Orchestra – британская рок-группа из Бирмингема, созданная Джеффом Линном и Роем Вудом в 1970 году.

65

Силла Блэк (англ. *Cilla Black*) – британская певица, актриса и телеведущая.

66

Бабблгам-поп (англ. *bubblegum pop*) – разновидность поп-музыки, для которой характерны запоминающаяся (нередко «сладкая») мелодия, простая ясная аранжировка, построенная на повторяющихся элементах, и простой текст, как правило, по-юношески романтического, шутливого характера.

67

The Moody Blues – британская рок-группа, образованная в Бирмингеме в 1964 году, ставшая одним из основателей прогрессивного рока, одна из старейших действующих рок-групп в мире.

68

Кэт Стивенс (англ. *Cat Stevens*) – британский певец, автор песен и мультиинструменталист.

69

Yes – британская прогрессив-рок-группа, созданная в Лондоне в 1968 году.

70

The Troggs (буквально: «*троглодиты*», «*пещерные люди*») – британский рок-квартет, который играл так называемый «пещерный рок» (*caveman rock*), оказавший – по свидетельству Игги Попа и The Ramones – значительное влияние на становление гаражного рока и панк-рока.

71

Сделанная без разрешения артистов запись студийной работы группы The Troggs, выпущенная в 1970 году. Содержит разговоры участников группы «без купюр».

72

Сэр Джордж Генри Мартин (англ. *Sir George Henry Martin*) – английский музыкальный продюсер, аранжировщик и композитор, известность которому принесла его работа с группой «Битлз» в 1960-е годы (его иногда называют «пятым битлом»: он продюсировал почти все пластинки группы).

73

Нодди (англ. *Noddy*) – герой британо-американского детского мультсериала.

74

Район Лондона.

Bluebelle (*англ.*) – «колокольчик».

76

Пи Джей Проби (англ. *P. J. Proby*) – американский певец, музыкант, автор песен и актер. Не имел успеха у себя на родине, но в Англии в середине 1960-х годов стал настоящей поп-звездой, не в последнюю очередь благодаря экспрессивности сценических выступлений.

77

Ман Рэй (англ. *Man Ray*, имя при рождении – Эммануэль Радницкий) – французский и американский художник, фотограф и кинорежиссер, представитель сюрреалистической фотографии и фотографии Нового ви́дения.

78

Комедийное музыкальное трио из Ливерпуля.

79

Британская рок-группа из Манчестера, исполняющая бит-музыку, создана в 1962 году.

80

Британская юмористическая и музыкальная поп-рок-группа.

81

Английский комик, певец и телеведущий.

82

«Домой» (*рус.*) – эту песню как своеобразный гимн исполняла английская сборная.

83

Top of the Pops («Вершина популярности») – музыкальная программа британского телевидения, выходившая на BBC и транслировавшаяся во многих странах мира.

84

The Supremes – американская девичья группа, трио (1959–1977). Считаются самым успешным американским музыкальным коллективом 1960-х годов и самой успешной женской группой.

85

Смоки Робинсон (англ. *Smokey Robinson*) – американский продюсер и автор-исполнитель, чья группа The Miracles в 1960-х годах служила оплотом коммерческого успеха лейбла «Мотаун Рекодз».

86

Лулу (англ. *Lulu*) – британская певица и актриса, победительница конкурса песни «Евровидение-1969».

87

Британская группа, пионеры кентербери, джаз-фьюжна, психоделического и прогрессивного рока.

88

Кит Джон Мун (англ. *Keith John Moon*) – британский барабанщик, наибольшую известность получивший как участник рок-группы The Who – благодаря необычному стилю игры на ударных, а также дикому, необузданному образу жизни.

89

Джинджер Бейкер (англ. *Ginger Baker*) – британский музыкант и автор песен. Наиболее известен как барабанщик группы Cream.

90

Give Peace a Chance – песня Джона Леннона (по некоторым источникам – в соавторстве с Йоко Оно), написанная им во время знаменитой постельной акции протеста.

91

Песня, написанная канадским рок-музыкантом Робби Робертсоном, гитаристом и основным автором группы The Band. Записанная в 1969 году, она не стала хитом в авторском исполнении, но считается центральной вещью второго альбома группы наряду с The Weight – наиболее характерной песней для музыкального стиля The Band.

92

Джон Пил (англ. *John Peel*) – британский радиоведущий (радио Би-би-си) и диск-жокей, кавалер Ордена Британской Империи (OBE), один из самых авторитетных экспертов в области современной музыки, оказавший огромное влияние на сам ход ее развития.

93

Серджио Мендес – бразильский пианист, в творчестве которого босанова тесно переплетается с джазом и фанком.

94

Atomic Rooster – британская рок-группа, образовавшаяся в 1969 году в Лондоне, Англия, и исполнявшая прогрессивный рок.

95

Британская рок-группа, основанная в Лондоне в 1963 году.

96

Джефф Бек (англ. *Jeff Beck*) – британский гитарист-виртуоз, композитор. Семикратный обладатель «Грэмми».

97

Мэри Изобел Кэтрин Бернадетт О’Брайен, более известная как Дасти Спрингфилд (англ. *Dusty Springfield*) – британская певица, чья карьера охватила четыре десятилетия, достигнув наибольшей популярности в 1960-е и в конце 1980-х годов.

98

Нил Даймонд (англ. *Neil Lesley Diamond*) – американский певец, автор песен и актер. По данным 2002 года, занимал третье место (после Элтона Джона и Барбры Стрейзанд) в списке самых успешных исполнителей категории Adult contemporary (AC) в истории журнала «Биллборд».

99

Дэвид Эклз (англ. *David Ackles*) – американский певец, автор песен, пианист.

100

Тим Бакли (англ. *Tim Buckley*) – американский исполнитель и автор песен.

101

Love – американская рок-группа конца 60-х и начала 70-х годов.

102

Куинси Дилайт Джонс-младший (англ. *Quincy Delight Jones, Jr.*) – американский композитор, аранжировщик, музыкальный продюсер и трубач. Лауреат 27 премий «Грэмми» (79 номинаций), включая награду Grammy Legend Award, продюсер самого продаваемого альбома в истории.

103

Гру́пи (англ. *Groupie*), или группиз – поклонница поп- или рок-группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей. Термин имеет и более широкий (как правило, иронический) смысл, однако начиная с середины 1960-х годов употребляется почти исключительно в отношении молодых женщин, активно стремящихся оказывать своим кумирам сексуальные услуги.

104

Синтия Албриттон (англ. *Cynthia Albritton*), более известная как Гипсолитейщица (англ. *Plaster Caster*) – американский скульптор, получившая известность созданием гипсовых слепков пенисов и грудей знаменитостей. В 1960-е годы она была типичной групи.

105

Владжу Валентино Либераче (англ. *Liberace*) – американский пианист, певец и шоумен. В 1950—1970-е годы – самый высокооплачиваемый артист в мире. Карьера артиста, охватывающая четыре десятилетия, включает концертные выступления, выпуск альбомов, участие в телевизионных проектах и кинофильмах.

106

Нил Персиваль Янг (англ. *Neil Percival Young*) – канадский певец и автор песен, гитарист.

107

«Золотое сердце» (*рус*.).

108

Tumbleweed Connection (рус. *Связь скитальцев*) – третий студийный альбом Элтона Джона, вышедший в 1970 году.

109

Полное наименование *Лондонский королевский зал искусств и наук имени Альберта* (англ. *Royal Albert Hall of Arts and Sciences*) – концертный зал в Лондоне. Считается одной из самых престижных концертных площадок в Великобритании и во всем мире. Построен в память принца-консорта Альберта при его вдове королеве Виктории.

110

Марк Болан (англ. *Marc Bolan*) – британский певец, автор песен и гитарист, лидер группы T. Rex. До продолжительной творческой деятельности с T. Rex записывал сольные синглы и сотрудничал с группой John's Children. Погиб в автокатастрофе в 1977 году.

111

Зигги Стардаст (англ. *Ziggy Stardust*) – вымышленный персонаж, созданный Дэвидом Боуи и являющийся центральной фигурой его концептуального глэм-рок-альбома *The Rise and Fall of Ziggy Stardust and the Spiders From Mars*.

112

Песня менестреля Стивена Фостера (1826–1864).

113

Выставочный центр «Эрлс Корт» (англ. *Earls Court Exhibition Centre)* – британский выставочный и спортивный центр, расположенный в районе Кенсингтон и Челси.

114

Американская рок-группа, сформированная в Лос-Анджелесе в 1964 году.

115

Американская кантри-рок-группа, образованная в 1968 году в Лос-Анджелесе.

116

Stax Records – американский лейбл звукозаписи, изначально базировавшийся в Мемфисе в штате Теннесси.

117

Касс Эллиот (англ. *Cass Elliot)* – американская певица, композитор и актриса, вокалистка группы The Mamas & The Papas.

118

Дэвид Кросби, Стивен Стиллз и Грэм Нэш – участники группы Crosby, Stills&Nash, временами к ним присоединялся Нил Янг, и тогда группа выступала и записывалась как Crosby, Stills, Nash & Young.

119

Джони Митчелл (англ. *Joni Mitchell)* – канадская певица и автор песен, «одна из самых важных исполнительниц рок-эры» (так она была названа в 2002 году в решении о присуждении премии «Грэмми» за жизненные достижения).

120

Martha and the Vandellas (с 1967 по 1972 год были известны как Martha Reeves and the Vandellas) – одна из самых успешных групп, работавших на студии звукозаписи «Мотаун» в период с 1963 по 1967 год.

121

Шато д'Эрувиль (фр. *Château d'Hérouville*) – французский замок XVIII века, расположенный в деревне Эрувиль, Валь-д'Уаз, близ Парижа. Замок был построен в 1740 году архитектором римской школы Годо (фр. *Gaudot*). В XIX веке он использовался в качестве станции и служил конюшней на сто лошадей. Французский композитор Мишель Мань купил его в 1962 году, реконструировал часть замка и открыл в нем просторную звукозаписывающую студию. Все остальные помещения были переоборудованы в жилые комнаты, кухни и даже спортивные залы и бассейны. Вокруг замка находился прекрасный парк.

122

The Grateful Dead – американская рок-группа с фронтменом Джерри Гарсией, основанная в 1965 году в Сан-Франциско.

123

Слайд-гитара (англ. *Slide guitar*) – особый метод или техника игры на гитаре, который заключается в том, что играют при помощи слайда (от англ. *slide* – «скользить, плавно двигаться»), надеваемого на палец. Слайд во время игры не отрывается от поверхности струн, а скользит по ним. Струны при этом не прижимают к ладам. Вместо лада используется сам слайд.

124

Джеймс Дэвид Грэм Нивен (англ. *James David Graham Niven*) – британский киноактер, шотландец по происхождению. В течение полувека работал в Голливуде, специализируясь на ролях британских джентльменов с неизменной бабочкой и розой в петлице.

125

Джулиус Генри «Граучо» Маркс (англ. *Julius Henry «Groucho» Marx*) – американский актер, комик, участник комик-труппы, известной как Братья Маркс.

126

Питер Селлерс (англ. *Peter Sellers*, псевдоним); настоящее имя – Ричард Генри Селлерс (англ. *Richard Henry Sellers*) – английский актер. Общемировую известность ему принес образ придурковатого инспектора Клузо в фильме Блейка Эдвардса «Розовая пантера» 1963 года и его продолжениях.

127

Дама Эдит Мэри Эванс (англ. *Dame Edith Mary Evans*) – британская актриса, трехкратная номинантка на премию «Оскар», а также обладательница премий BAFTA и «Золотой глобус».

128

The Osmonds – американская семейная поп-группа, образованная в Огдене, Юта, в начале 60-х годов братьями Аланом, Уэйном, Мерилом и Джеем Осмондами. Первый коммерческий успех к ней пришел в начале 70-х годов, когда в состав пришли Донни и Джимми Осмонды.

129

Дэвид Брюс Кэссиди (англ. *David Bruce Cassidy*) – американский актер и певец. Наиболее известен по роли Кита Партриджа в американском комедийном музыкальном сериале 1970-х годов «Семья Партриджей», которая принесла ему статус идола подростков. По окончании сериала продолжил успешную музыкальную карьеру.

130

Концерт The Royal Variety Performance ежегодно проводится в Великобритании с 1912 года. В организации концерта принимают участие члены британской королевской семьи и, как правило, правящий монарх. Мероприятие организовано в честь благотворительного фонда Entertainment Artistes Benevolent Fund, который находится под патронажем королевы Елизаветы II.

131

Голливуд-боул (англ. *Hollywood Bowl*) или «Голливудская чаша» – концертный зал в виде амфитеатра под открытым небом в районе Голливуд в Лос-Анджелесе. Используется в основном для музыкальных выступлений.

132

Сингл Элтона Джона 1973 года, посвященный Мэрилин Монро. В 1997 году Элтон выпустил ремейк песни, изменив слова – на смерть принцессы Дианы.

133

Эдди Кендрикс (англ. *Eddie Kendricks*) – американский певец. Известен и как участник вокальной группы The Temptations, и по большим сольным хитам в 1970-е годы.

134

Глэдис Мария Найт (англ. *Gladys Maria Knight*) – американская соул-певица, которая достигла широкой популярности, выступая в 1960-х и 1970-х в качестве вокалистки группы Gladys Knight & the Pips.

135

Milk Tray – шоколадные конфеты в коробке, которые с 1912 года выпускает английская фирма «Кэдберри».

136

Eurythmics – британский синти-поп-дуэт, основанный в 1980 году композитором и музыкантом Дэйвом Стюартом и певицей Энни Леннокс.

137

Мэй Пэнг наиболее известна как бывшая подружка музыканта Джона Леннона. До этого она работала как персональный ассистент и координатор на Леннона и его жену, Йоко Оно. В 1973 году Леннон и Оно проживали раздельно, и Леннон и Пэнг наладили отношения, которые продолжались более 18 месяцев; этот период Леннон позднее называл «потерянным уик-эндом».

138

Фил Спектор (англ. *Phil Spector*) – один из самых влиятельных продюсеров в истории поп-музыки, разработчик концепции «стена звука», первооткрыватель таких звуковых эффектов, как фланжер. С 1989 года имя Спектора фигурирует в Зале славы рок-н-ролла.

139

Гарри Нилсон, урожденный Гарри Эдвард Нилссон (англ. *Harry Edward Nilsson III*; 15 июня 1941, Нью-Йорк – 15 января 1994, Агура-Хиллз, Калифорния) – вокалист, клавишник, гитарист, композитор, автор текстов, продюсер, лауреат премий «Грэмми». В большинстве своих альбомов использовал имя Нилссон. Музыка Нилсона звучит в десятках фильмов: «Славные парни», «Бешеные псы», «Форрест Гамп» и др.

140

Попперс – сленговое название группы химических веществ – алкилнитритов в случае употребления их путем вдыхания. Чаще всего для этого используются амилнитрит, бутилнитрит, изобутилнитрит. Амилнитрит обладает долгой историей безопасного медицинского использования при лечении стенокардии, а также как противоядие при отравлении цианидом. В настоящее время попперсы чаще используются с целью усиления сексуального удовольствия.

141

Фирма по производству игровых автоматов, созданная в 1932 году, «прародитель» всех современных автоматов.

142

Роллер-дерби (англ. *Roller derby*) – контактный командный вид спорта на роликовых коньках. Является преимущественно женским видом спорта, но сейчас приобретает популярность в соревнованиях среди мужских, смешанных и юниорских команд.

143

The Capital Centre (позже – USAir Arena и US Airways Arena) – крытый стадион в городе Лэндовер, штат Мэриленд.

«Я такой, какой есть» (*англ.*).

145

Удивительно! Вот ведь черт! (*фр*.)

146

Фрэнки Ховерд (англ. *Frankie Howerd*) – британский комик.

«Пребудь со мной» (*англ.*).

148

Milk Cup (рус. *Молочный Кубок*), сейчас Суперкубок NI – международный юношеский футбольный турнир.

149

Роял Лодж (англ. *The Royal Lodge*) – особняк на территории Виндзорского парка, традиционно резиденция королевы-матери.

150

Вэл Дуникан (англ. *Val Doonican*) – ирландский поп- и фолк-певец.

151

Британские панк-группы второй половины семидесятых годов XX века.

152

Берт Бакарак (англ. *Burt Bacharach)* – американский пианист и композитор, который написал сотни шлягеров для англоязычной эстрады. Хэл Дэвид (англ. *Harold Lane «Hal» David*) – американский поэт-песенник, который написал сотни шлягеров для англоязычной эстрады, лауреат премий «Оскар» (1969) и «Грэмми» (1970).

153

Элис Купер (англ. *Alice Cooper*) – американский рок-певец и автор песен.

154

Том Робинсон (англ. *Tom Robinson*) – британский автор-исполнитель, начинавший в фолк-рок-группе Cafe Society, а ставший известным как фронтмен нововолновой группы Tom Robinson Band.

155

Велеречивое красноречие (*англ.*).

Жизнь – это еще не все (*англ.*).

157

Песня для парня (*англ.*).

158

Песня для гея (*англ.*).

159

Сэр Майкл Эдвард Линдсей-Хогг (англ. *Michael Lindsey-Hogg*), пятый баронет – британский кино-, теле- и театральный режиссер.

160

Экранизация романа Чарльза Диккенса 1984 года.

161

Метаквалон – снотворное средство класса хиназолинонов. Запрещен к применению в ряде стран, в том числе и в России.

162

Амилнитрит или, как его называют еще, попперс – ингаляционное соединение, расширяющее кровеносные сосуды. Дает эффект эйфории и эмоционального подъема.

163

Йэн Робинс Дьюри (англ. *Ian Robins Dury*) – британский музыкант, начинавший в начале 1970-х годов в паб-роке и ставший одной из самых ярких фигур британской нововолновой сцены, создав уникальный стиль, в котором соединились элементы мюзик-холла, панк-рока и диско.

164

Деклан Патрик Макманус (англ. *Declan Patrick MacManus*), более известный как Элвис Костелло (англ. *Elvis Costello)* – британский певец и композитор, оказавший большое влияние на развитие современной поп-музыки.

165

Опустевший сад (*англ.*).

166

В конце концов Йоко выпустила песни Джона неоконченными, собрав их в альбом под названием *Milk and Honey*.

167

Йосемити Сэм, Багз Банни – персонажи американских мультфильмов серий Looney Tunes и Merrie Melodies.

168

Монтсеррат (англ. *Montserrat*) – заморская территория Великобритании, находящаяся на одноименном острове, входящем в архипелаг Малые Антильские острова.

169

Клайд Джексон Браун (англ. *Clyde Jackson Browne*) – музыкант, композитор и автор текстов, выступающий в стилях рок, фолк и кантри.

170

Кертис Мейфилд (англ. *Curtis Mayfield*) – музыкант и идеолог афроамериканской музыки (ритм-энд-блюз, соул, фанк).

171

Один из бантустанов Южно-Африканской Республики времен апартеида. Государство было основано в 1977 году, ликвидировано в 1994 году.

172

Тэмми Уайнетт (англ. *Tammy Wynette*) – американская исполнительница кантри, получившая на родине звание «Первая леди кантри».

173

Адольф Артур Маркс (англ. *Adolph Arthur Marx*), более известный как Харпо Маркс (англ. *Harpo Marx*) – американский актер, комик, участник комедийной труппы «Братья Маркс».

174

Kraftwerk – германский музыкальный коллектив из Дюссельдорфа, внесший заметный вклад в развитие электронной музыки.

175

Альбомы группы «Крафтверк».

176

Дама Джули Элизабет Эндрюс (англ. *Julie Elizabeth Andrews*) – британская актриса, певица и писательница. Обладательница премий «Эмми», «Грэмми», «Золотой глобус», «Оскар» и «Золотой лев».

177

Музыкальный театр и концертный зал в Лондоне.

178

News of the World – британский таблоид, издавался с 1843 по 2011 год. Выходил еженедельно по субботам. Позиционировался как братское издание газеты The Sun.

179

29 июня 1967 года рок-музыканты Кит Ричардс и Мик Джаггер предстали перед судом города Чичестера, Западный Сассекс. В феврале на особняк Ричардса «Редлендс» была совершена полицейская облава, в ходе которой обнаружили наркотические вещества и обнаженную певицу Марианну Фейтфулл с шоколадным батончиком «Марс» между ног, что сторона обвинения трактовала как крайнюю форму разврата.

180

Village People – американская диско-группа, образованная в 1977 году французским композитором Жаком Морали. Название группы отсылает к району Манхэттена Greenwich Village, известного во время создания группы активностью арт- и гей-сообщества.

181

The Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals (*англ.*) – Королевское общество по предотвращению жестокого обращения с животными (*рус.*).

182

Сэр Майкл Паркинсон (англ. *Michael Parkinson*) – британский журналист, автор телепередач и телеведущий.

183

Барри Хамфрис (англ. *John Barry Humphries*) – австралийский актер, комик и писатель, известный своими персонажами – дамой Эдной Эвередж, домохозяйкой из пригорода Мельбурна, и сэром Лесом Паттерсоном, пьяным австралийским атташе по культуре.

184

Давка, произошедшая 15 апреля 1989 года на стадионе «Хиллсборо» в Шеффилде во время полуфинального матча Кубка Англии по футболу между клубами «Ноттингем Форест» и «Ливерпуль» и повлекшая смерть 96 болельщиков «Ливерпуля». Всего же в трагедии получили ранения разной степени тяжести 766 человек.

185

The Goon Show (рус. *«Шоу болванов»*) – юмористическая радиопередача британской радиостанции BBC Home Service, выходившая с 1951 по 1960 год.

186

Спайк Миллиган (англ. *Terence Alan Patrick Seán Milligan*) – ирландский писатель, поэт, сценарист, комик и музыкант. Был соавтором, ведущим сценаристом и ключевым актером озвучивания в юмористической радиопередаче BBC Home Service «Шоу болванов».

187

Поясные шотландские сумки на меху, обычно их носят с килтами.

Дословно с английского: «Редж наносит ответный удар».

189

Крупнейший в мире лондонский музей декоративно-прикладного искусства и дизайна. Основан в 1852 году. По данным The Art Newspaper, входит в двадцатку самых посещаемых художественных музеев мира.

190

Hoosier Dome, сейчас RCA Dome – крытый стадион в Индианаполисе.

191

Ларри Крамер (англ. *Larry Kramer*) – американский писатель, сценарист, продюсер, активист борьбы за права сексуальных меньшинств.

192

ACT UP, AIDS Coalition to Unleash Power (рус. *СПИД-коалиция для мобилизации силы*) – организация прямого действия, добивающаяся улучшения жизни людей, больных СПИДом, законодательных и политических изменений, медицинских исследований, которые в конечном счете привели бы к остановке эпидемии, улучшению качества жизни пациентов. Основана в 1987 году.

193

Американская группа, исполнявшая электронную музыку. Основана в 1987 году.

194

Говард Аллен Стерн (англ. *Howard Allan Stern*) – американский теле- и радиоведущий, юморист, автор книг.

195

Влиятельный американский пастор и телепроповедник.

196

Руфус Уэйнрайт (англ. *Rufus McGarrigle Wainwright*) – американо-канадский музыкант, автор и исполнитель песен.

197

Теннисиста Артура Эша заразили вирусом ВИЧ во время переливания крови. Он умер в феврале 1993 года.

198

Дэвид Геффен (англ. *David Geffen*) – американский продюсер, создатель Geffen Records.

199

РуПол Андре Чарльз (англ. *RuPaul Andre Charles*) – американский актер, телеведущий, автор-исполнитель. Начиная с 2009 года он является продюсером и ведущим шоу «Королевские гонки РуПола», за которое выиграл три премии «Эмми».

200

Американская соул- и рок-н-блюз-группа, популярная в конце восьмидесятых – середине девяностых годов.

201

Это наш юбилей (*англ.*).

202

Fire Island (рус. *Огненный остров*) расположен неподалеку от материковой части восточного побережья Америки в штате Нью-Йорк. Гей-Диснейлендом его окрестили еще в далекие семидесятые. Сегодня остров поделен на закрытые комьюнити-деревеньки, две самые большие из них – Cherry Grove и Pines – полностью оккупированы гей-сообществом.

203

Джонни Кэш (англ. *Johnny Cash*) – американский певец и композитор-песенник, ключевая фигура в музыке кантри, один из самых влиятельных музыкантов XX века. Благодаря своей музыке, стилю жизни на сцене и вне ее заслужил авторитет среди большого круга любителей музыки далеко за пределами жанра.

204

Джерри Гарсия (англ. *Jerry Garcia*) – американский музыкант, гитарист, вокалист группы Grateful Dead, основоположник психоделического рока на западном побережье США.

205

Мятные конфеты в форме бублика или спасательного круга.

206

Сэр Дэвид Пэрэдайн Фрост (англ. *David Paradine Frost*) – британский телевизионный журналист, прославившийся интервью с 37-м президентом США Ричардом Никсоном, взятым после отставки последнего.

207

Энди Уильямс (англ. *Andy Williams*) – американский эстрадный исполнитель и актер, который отличался мощным голосом и непринужденной, раскованной манерой исполнения.

208

Дональд (Дон) Хью Хенли (англ. *Donald Hugh Henley*) – американский кантри-рок-музыкант (автор песен, вокалист, ударник), среди многочисленных музыкальных и общественных проектов которого первое место занимает группа The Eagles.

209

Голливудский фильм 1999 года с Шэрон Стоун в главной роли.

210

Jethro Tull – британская рок-группа, созданная в Блэкпуле в 1967 году. Лидер коллектива Иэн Андерсон стал первым рок-музыкантом, регулярно использующим флейту. Группа начинала с исполнения блюз-рока, однако вскоре в их музыке появились влияния фолка, джаза и классической музыки.

211

Крысиная стая (англ. *Rat Pack*) – команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950-х и 1960-х годов, которая группировалась вокруг Хамфри Богарта и его супруги Лорен Бэколл. В начале 1960-х годов лидеры крысиной стаи – Фрэнк Синатра, Дин Мартин, Сэмми Дэвис – часто выступали в клубах Лас-Вегаса и на телевидении с импровизированными комическими и музыкальными номерами.

212

Мари Осмонд (англ. *Marie Osmond*) – американская певица, актриса. Как член семьи Осмондов была активна в различных областях шоу-бизнеса. Впервые появилась на телевидении в три года, когда ее старшие братья (The Osmonds) выступали на шоу Энди Уильямса.

213

Мэрия города Виндзор.

214

Pinewood Studios – культовая британская кино- и телестудия, расположенная приблизительно в 32 км к западу от центрального Лондона.

215

Джослин Ив Стокер (англ. *Joscelyn Eve Stoker*), более известная под сценическим псевдонимом Джосс Стоун (Joss Stone) – британская соул/R&B-певица, поэтесса и актриса.

216

Пол Джеймс Майкл О'Грэди (англ. *Paul James Michael O'Grady*) – английский комик, телеведущий, актер и радиодиджей.

217

Вдова Твонки – женская роль в пантомиме «Аладдин», которую всегда играет мужчина. Этот спектакль появился в Англии в XVIII веке на основе арабских сказок и впоследствии эволюционировал.

218

«Уилл и Грейс» (англ. *Will* & *Grace*) – популярный американский комедийный телевизионный ситком, неоднократный лауреат «Эмми» и номинант на «Золотой глобус»

219

Сесил Блаунт Демилль (англ. *Cecil Blount DeMille*) – американский кинорежиссер и продюсер, лауреат премии «Оскар» за картину «Величайшее шоу мира» в 1952 году. Долгие годы кинопредприниматели США считали его эталоном кинематографического успеха.

220

Шэрон Рейчел Осборн (англ. *Sharon Rachel Osbourne*) – британская телеведущая, писательница, музыкальный продюсер и предприниматель. Жена известного британского рок-музыканта Оззи Осборна.

221

Мармайт – продукт, очень распространенный в Великобритании. Он представляет собой пасту темно-коричневого цвета, ее принято намазывать на хлеб. Изготавливают мармайт из концентрированного дрожжевого осадка, который является побочным продуктом процесса пивоварения.

222

Забастовка британских шахтеров 1984–1985 годов – одно из главных событий в истории рабочего движения в британской угольной промышленности. Поражение забастовки значительно ослабило британские профсоюзы. Она также рассматривается в качестве главной политической и идеологической победы Маргарет Тэтчер и Консервативной партии.

223

Руритания – распространенное в англоязычном мире нарицательное обозначение типичной центральноевропейской страны с монархической формой правления. Происходит из романа Энтони Хоупа «Узник Зенды», опубликованного в 1894 году и неоднократно экранизированного.

224

Американская рок-группа из Калифорнии, основанная в 1996 году Джошем Хомми.

225

Американская хип-хоп-группа, сформированная в 1985 году рэперами Q-Tip и Phife Dawg и диджеем Ali Shaheed Muhammad.

226

Британская электро-группа, основанная в 2008 году.

227

«Просмотр нежелателен детям до 13 лет» – из системы рейтингов американской киноассоциации.

228

Дэвид Райан Адамс (англ. *David Ryan Adams*) – американский альт-кантри- и рок-певец, композитор.

229

Розанна Кэш (англ. *Rosanne Cash*) – американская фолк-рок-певица, обладательница четырех премий «Грэмми», дочь Джонни Кэша.

230

Джеймс Вернон Тейлор (англ. *James Vernon Taylor*) – американский фолк-музыкант и автор песен.